

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-05-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-05-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарава, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет , Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diabes Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovsky str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrublev str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Besspalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremetyeva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

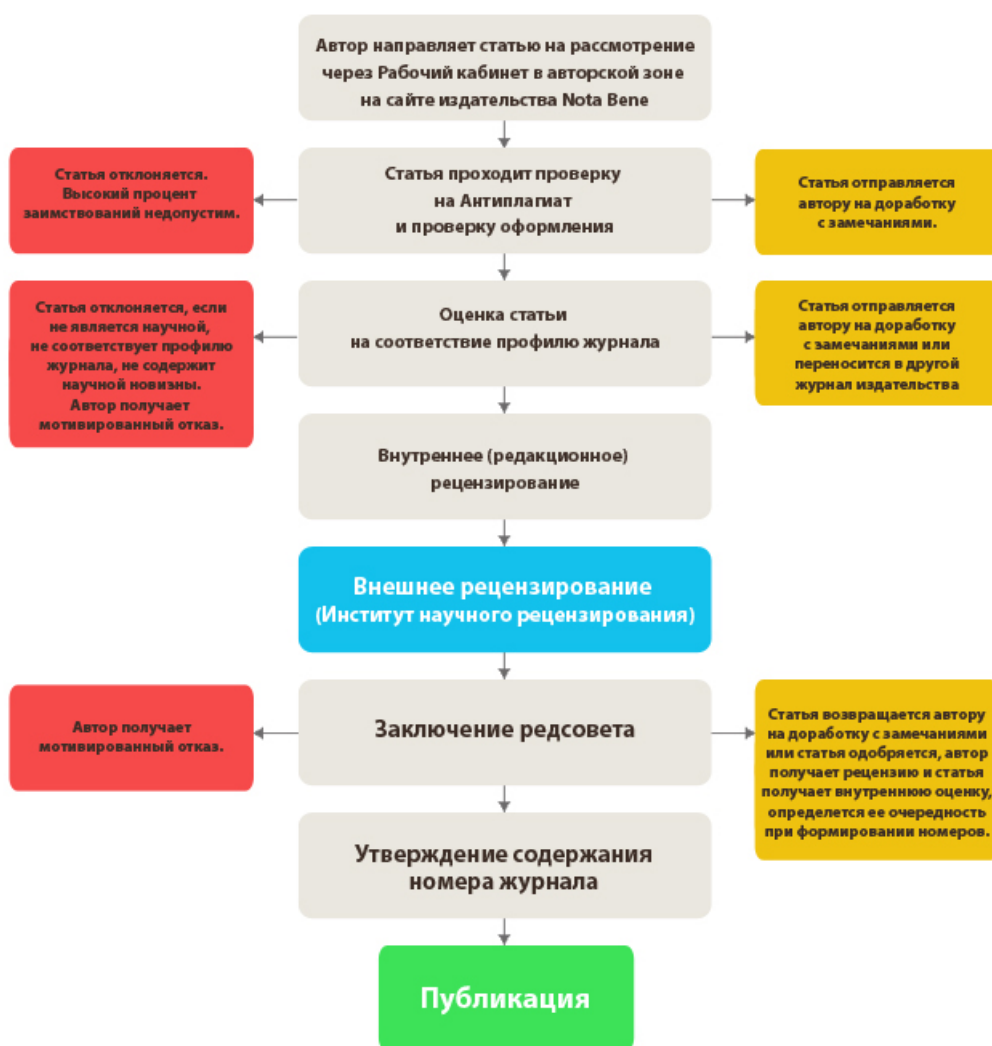
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Радандиш П., Моради М., Бейги М. Особенности женских образов в «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси и в Нартском эпосе	1
Саввинова Г.Е. Особенности художественного стиля в произведениях П. А. Ойунского	25
Дворак Е.Ю., Гринберг Т.Э. Специфика креолизованного текста в рекламных роликах от ВТБ по мотивам произведений русской литературы: «Бесприданница», «Муму»	34
Приходько В.К. Декодирование имплицитного слоя в китайской народной сказке "Как старик решил скрыть гору"	43
Цао Ш. Использование исходных падежных форм существительных в речи китайских студентов, осваивающих русский язык как иностранный (на фоне естественного порядка освоения языка)	57
Аникина Т.В. Трансформации фразеологических единиц в англо- и русскоязычных рекламных текстах	70
Щукина К.А., Ли Ш. Коннотативные значения эргонимов: анализ лингвокультурных коннотаций названий ресторанов Санкт-Петербурга	86
Муругова Е.В., Дмитриева К.Д., Карпенко М.Г., Махонина Е.А., Петрова А.Г. Культура использования англицизмов в студенческом медиапространстве	97
Ма Ю., Цай В. Анализ образа женщин на войне в русской литературе XIX века	108
Пешков Д.И. Систематизация представлений о латиноамериканском барокко в трудах Эмилио Карильи	121
Гун А. Японская эстетика смерти в творчестве В. Пелевина	130
Экономова А.Д. Параграфемные средства в романе М. Петросян «Дом, в котором...»	137
Шкляева П.Д., Чикина Е.Е. Семиотическое изучение предлога on в современном английском языке	149
Зенединова С.Н., Долгополова Л.А. Модальные и полумодальные глаголы в немецком новостном тексте	161
Долгополова Л.А., Аджигельдиева Л.Э. Онимы в фильмонимах США 1920 г.	170
Уфимцев А.Е. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как точка опоры	179
Чэнь Ш. Языковая личность российского актера в зеркале самопрезентации (на фоне языковой личности китайского актера)	196
Го И. Визуальный анализ перспектив развития имплицатуры в Китае и за рубежом на основе библиометрии CiteSpace	209
Ермолова К.А. Лексемы ТЕАТР и СЦЕНА в глагольных предложно-падежных формах русского языка	222
Шигуров В.В., Шигурова Т.А., Пулов Е.В. Функционирование словоформы «век» в зоне ядерных / периферийных существительных и гибридных структур	239
Зырянова И.П. Политкорректность в выступлениях политического и государственного деятеля Дональда Трампа	249

Contents

Radandish P., Moradi M., Beigi M. Features of female images in the "Shahnameh" by the Persian poet Firdowsi and in the Nart epic	1
Savvinova G.E. Features of the artistic style in the works of P. A. Oyunsky	25
Dvorak E.Y., Grinberg T.E. The specifics of creolized text in VTB Bank commercials based on works of Russian literature: "Dowerless girl", "Mumu"	34
Prihod'ko V.K. Decoding the implicit in the Chinese folk tale "How the Old Man Moved the Mountain"	43
Cao S. The use of original case forms of nouns in the speech of Chinese students learning Russian as a foreign language (against the background of the natural way of language learning)	57
Anikina T.V. Trasformation of phraseological units in English and Russian advertising texts	70
Shchukina K.A., Li S. Connotative meanings of ergonyms: analysis of linguistic and cultural connotations of restaurant names in St. Petersburg	86
Murugova E.V., Dmitrieva K.D., Karpenko M.G., Mahonina E.A., Petrova A.G. Culture of anglicisms application in the student media space	97
Ma Y., TSa V. Analyzing the image of women at war in Russian literature of the XIX century	108
Peshkov D.I. Systematization of ideas about Latin American Baroque in the works of Emilio Carilla.	121
Gong A. Japanese Aesthetics of Death in the Works of V. Pelevin	130
Ekonomova A.D. Paragraph-related means in M. Petrosyan's novel "The House Where..."	137
Shklyayeva P.D., Chikina E.E. Semiotic study of the preposition "on" in contemporary English.	149
Zenedinova S.N., Dolgopolova L.A. Modal and semi-modal verbs in German news text	161
Dolgopolova L.A., Adzhigel'dieva L.E. Onyms in the film titles of the USA in 1920	170
Ufimtsev A.E. Bioessential-deterministic paradigm as a point of support	179
Chen S. Russian actor's linguistic personality in the mirror of self-presentation (against the background of Chinese actor's linguistic personality)	196
Guo Y. A Visual Analysis of the Development Prospects of Implicature in China and Abroad Based on CiteSpace Bibliometrics	209
Ermolova K.A. Lexemes THEATER and STAGE in verbal forms of the Russian language	222
Shigurov V.V., Shigurova T.A., Pulov E.V. The functioning of the Russian word "century" (vek) in the area of nuclear / peripheral nouns and hybrid structures	239
Zyryanova I.P. Political correctness in public speeches of politician and statesman Donald Trump	249
Metadata in english	266

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Радандиш П., Моради М., Бейги М. Особенности женских образов в «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси и в Нартском эпосе // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.71896 EDN: VSFTPM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71896

Особенности женских образов в «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси и в Нартском эпосе

Радандиш Парване

ORCID: 0000-0002-8152-2059

кандидат филологических наук

старший преподаватель; факультет иностранных языков и литературы; Тегеранский университет
Старший преподаватель; Тегеранский университет

1439813164, Иран, г. Тегеран, ул. Каргар Шомали, Факультет иностранных языков и литературы
Тегеранского университета, каб. 229

✉ radandish@ut.ac.ir

Моради Марьям

ORCID: 0000-0002-6652-227X

кандидат филологических наук

преподаватель; кафедра Русского языка и литературы; Университет им. Агламе Табатаба'и
19979-67556, Иран, Тегеран, г. Столица, ул. Хаг-Талаб Гарби, Агламе Табатаба'и Джонуби, Пол-е
Модриат

✉ m.moradi@atu.ac.ir

Бейги Мохсен

ORCID: 0009-0002-0296-7170

кандидат филологических наук

независимый исследователь

1439813164, Иран, Тегеран, г. Пардис, бул. Халидж-Фарс, Сафир, кв. Б2

✉ mohsenbeigisat@yahoo.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.71896

EDN:

VSFTPM

Дата направления статьи в редакцию:

06-10-2024

Дата публикации:

05-04-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу образа женщины в эпосах «Шахнаме» Фирдоуси и «Нартском эпосе», которые, будучи насыщенными культурой, мышлением и верованиями иранского и Нартских народов, представляют собой не просто эпосы, в которых изображаются войны и смелость богатырей, но и отражение сознания иранского, осетинского и кавказского общества. Эти произведения изображают не только подвиги и храбрость героев, но и социальное сознание народа, и женские образы занимают здесь важное место. Исследование выявляет противоречивые характеристики женских персонажей: они представлены то как небесные существа, достойные почитания, то как символы греха и изгнания. Женщины в этих эпосах выступают не только возлюбленными и матерями, но и сильными личностями, чьи поступки влияют на развитие событий и формируют драматизм повествования. Целью исследования является изучение особенностей изображения женщин в обоих эпосах. В них женские персонажи демонстрируют примеры мудрости, благородства и добродетели. Подчеркиваются высокое социальное положение женщин, связанных с аристократией или героическим кругом. Такие персонажи, как жёны, сёстры и матери богатырей, играют важные воспитательные и поддерживающие роли. Несмотря на ограниченные гендерные права и зависимость от мужских решений, которая может быть осуждаема с современной точки зрения, автор объясняет это традиционными патриархальными установками эпохи. Образ женщины как пассивного участника или объект удовольствия — результат устоявшихся культурных норм. Тем не менее, героини этих эпосов часто превосходят традиционные роли, проявляя силу характера и моральное величие. Таким образом, характеры женских персонажей в «Шахнаме» и «Нартском эпосе» полны сложностей и противоречий, но неизменно подчёркивается их важность для развития сюжета, что делает эти произведения богатым источником для изучения социальной и культурной истории. Женщина в «Шахнаме» и «Нартском эпосе» — это не просто фигура в тени героев, но самостоятельный мир, полный противоречий. Она — музыка судьбы и голос истории, которые в равной мере пленяют разум и сердце и остаются неизменными хранительницами памяти о величии прошлого.

Ключевые слова:

Шахнаме, Осетинский Нартский эпос, женщина, положительность, отрицательность, социальные ценности, образы, сознание иранского общества, сознание осетинского общества, сопоставительный анализ

Вопрос о женских образах в эпосах различных народов остается актуальной темой в филологических и культурологических исследованиях. Образы женщин в эпосах не только отражают художественные традиции, но и служат важными индикаторами социальной структуры, этических норм и гендерных представлений конкретной эпохи. В данной работе рассматривается специфика женских персонажей в «Шахнаме» Фирдоуси и Нартском эпосе, что позволяет выявить общие закономерности и различия в культурных моделях двух народов.

Женские образы в эпических произведениях часто отражают не только художественные традиции, но и социальные, философские и этические нормы своего времени. В сравнительном изучении эпоса важно учитывать не только сюжетные особенности, но и роль героев в передаче культурных ценностей. Оба рассматриваемых произведения принадлежат народам, имеющим общие историко-культурные связи, но при этом демонстрируют различие в представлении женских образов.

Исследование женских персонажей в эпосах позволяет выявить, как в разных обществах воспринималась роль женщины — как в семье, так и в обществе. Важно понять, какие черты считались добродетельными, а какие осуждались, и как это отражается в сюжете. Анализ «Шахнаме» и Нартского эпоса раскрывает не только идеалы женственности в этих культурах, но и показывает, как традиции и исторические условия формировали представления о роли женщины.

Цель данной работы – выявить особенности женских образов в «Шахнаме» и Нартском эпосе, охарактеризовать их, определить их функции, символическое значение и влияние на развитие сюжета, проанализировать их функции в повествовательной структуре эпосов, сравнить социальный статус и роль женщин в обоих произведениях и выявить основные сходства и различия в изображении женских персонажей. Работа основана на сравнительно-историческом методе, структурно-семантическом анализе, а также интерпретации текстов с позиций культурологических и гендерных подходов. Впервые проводится комплексное сравнение женских образов в персидском и Нартском эпосах. Анализ показывает, как исторический и культурный контекст влиял на создание образов женщин, их функции и статус в обществе.

Обзор литературы

Исследованием женских образов в «Шахнаме» занимались литературоведы и востоковеды России, Ирана и Таджикистана, такие, как Е. Бертельс, И. Брагинский, Ю. Борщевский, Н. Кондырева, М. Махджуб, З. Сафа и др. Е. Бертельс рассматривал «Шахнаме» в контексте персидской культурной традиции, отмечая влияние зороастризма на дуализм женских образов. И. Брагинский подчеркивал политическую функцию женских персонажей, их зависимость от социальных норм и патриархальных структур. Дж. Халеги-Мотлаг в своей книге «Женщины в "Шахнаме"» (2012) рассматривает женские персонажи как отражение персидской традиции идеализированной женственности. Он подчеркивает, что в эпосе образ женщины строится по двум моделям: хранительницы семейных ценностей (Фарангис, Тахмине) и нарушительницы порядка (Судабе). Исследователи, такие, как Д. Лутай и В. Минина, акцентируют внимание на лирической стороне женских образов, в то время как Р. Шофакирова сосредотачивается на роли женщины-матери в эпосе. Однако до сих пор недостаточно изучена взаимосвязь между гендерными моделями в эпосе и социальными реалиями того времени, что делает данное исследование особенно актуальным.

Проблема женских образов в Нартском эпосе также привлекала внимание ученых. Е. М. Мелетинский и Б. А. Калоева изучали мифологические корни женских архетипов, отмечая их сакральную функцию в героическом эпосе. К. Бекулова и И. Джанаева рассматривали женских персонажей через призму матриархальных традиций, отмечая их активное участие в социально-политической жизни общества. Особый интерес представляют работы А. Цаллаговой и Б. Калоевой, где подчеркивается, что в Нартском эпосе женщина не только хранительница очага, но и обладательница магических знаний и мудрости, что отличает этот эпос от «Шахнаме».

Обобщая предыдущие исследования, можно сказать, что женские образы в обоих эпосах выполняют важную функцию, однако различие между ними заключается в степени их автономности и способности влиять на события.

Любовные линии в «Шахнаме» развиваются в зависимости от социального и исторического контекста. Например, история Ростам и Тахмине демонстрирует романтический мотив, в котором женщина проявляет инициативу, но ее дальнейшая судьба определяется волей мужчины. С другой стороны, Судабе, будучи супругой Кей-Кавусу, становится ключевой фигурой любовного конфликта, где её страсть приводит к трагическим последствиям. Таким образом, Фирдоуси показывает, что женские образы в эпосе могут быть как символами добродетели, так и источниками хаоса, а их влияние на события определяется их положением в социальной иерархии.

В старинной персидской литературе писатели обращали внимание не только на женственность и элегантность женщин, но и на такие их свойства, как храбрость, смелость. Для героинь таких произведений, как правило, характерны верность, добродетель, красота, могущество, самостоятельность, и в то же время беззаветная преданность мужу и Отчизне [\[7, 2017, с.12\]](#).

Женщины в Нартском эпосе традиционно считаются хранительницами очага. Они не только управляют домом, но и обладают глубокими знаниями, передаваемыми из поколения в поколение. Как отмечает К. Бекулова, Сатаней является не просто матерью, но и наставницей, обладающей мудростью и авторитетом среди нартов. Она принимает участие в разрешении конфликтов, а её советы играют решающую роль в судьбе героев: «Сатаней воплощает в своём образе черты идеальной героини. В сказаниях, Сатаней предстаёт мудрой советчицей нартов, способной разрешить мужские споры, дающей правильные советы в ведении дел, разрешении противоречий и сложных ситуаций в жизни общества. Благодаря своему уму Сатаней была окружена большим почётом и уважением» [\[3, 2016, с.1038\]](#).

В эпосе также встречаются архетипы, в которых женская природа предстает двойственной; с одной стороны, это образы заботливых матерей и верных жён, с другой, героини, способные оказывать влияние на ход событий через знания, магию или хитрость. Две разные стороны женщины — божественную и дьявольскую — рассмотрела в своей работе С. Санджари: «Можно наблюдать в образе героинь старинных мифов Джахи и Бушиясб, с одной стороны, любовь и привязанность к супружеской жизни, а с другой стороны — дьявольскую безнравственность» [\[12, 2011, с. 35\]](#).

1 . Образы женщины в «Шахнаме»: идеальные героини: красота, мудрость, преданность и любовь

1.1.Идеал женской красоты в «Шахнаме»

В «Шахнаме» женские персонажи наделены чертами, которые соответствуют традиционным представлениям о женской красоте в персидской культуре. Физическая привлекательность героинь описывается через такие детали, как длинные волосы, изящные черты лица, высокий рост, черные глаза и красные губы. Эти характеристики не только создают образы идеальных женщин, но и выполняют символическую функцию в повествовании. Например, Рудабе, одна из центральных женских фигур, дочь царя Кабула Мехраба, представлена как воплощение женственности и совершенства. Её длинные волосы символизируют связь с небесами, что подчеркивает её возвышенный статус. Её стройность ассоциируется с аристократической утонченностью.

Рудабе изображается как женщина необычайной красоты. Описание её внешности встречается в эпизоде, когда Зал впервые слышит о ней и когда они впервые встречаются:

«Dar-o šadaf-i čehrə-yi čun qamar

Be bālā čun sarv-o be rox čun šakar

Do čašm-aš be-bāq andarun narges ast

Məže tirəgi bordə az par-e zāq

Ze mošk ast gisu va az qir tar

Ze anbar 'abir-o ze zar por-gohar».

در و صدفی چهره‌ای چون قمر

به بالا چون سرو و به رخ چون شکر

دو چشمش بسان دو نرگس به باغ

مژه تیرگی برده از پر زاغ

ز مشک است گیسو و از قیر تر

ز عنبر عبیر و ز زر پرگهر

Дословный перевод:

«Лицо её — словно жемчужина и луна,

Стройна, как кипарис, а кожа её — словно сахар.

Её глаза — два нарцисса в саду,

А ресницы похитили у ворона его чёрный цвет.

Её волосы чёрны, как мускус и смола,

А аромат — словно амбра, а нити — словно золото.» [\[14, 2010, с.121\]](#).

1.2.Женщина как символ любви и преданности

Помимо того, что образы женщин в «Шахнаме» соответствуют эстетическим идеалам, сами героини играют важную роль в развитии любовных сюжетов. Они не ограничиваются пассивной ролью объекта восхищения, а нередко становятся инициаторами романтических отношений. Например, Тахмине, проявляя смелость, первой признается в любви к Ростаму, открыто выражая свои чувства и желания. Маниже, вопреки общественным запретам, спасает Биджана, демонстрируя верность и независимость. Аресо, будучи музыкантшей, привлекает внимание Бахрамджета своим искусством. Фирдоуси показывает, что в персидской традиции женщина может первой выразить любовь, но развитие отношений зависит от социальных норм и согласия мужчины.

Фирдоуси отзывается с похвалой о женщине, преданной мужу и уважающей, и любящей мужа и покоряющей его сердце [\[11, 1990, с. 170\]](#):

«Behin-e zanān-e jahān ān bovad/ kazu šuy hamvāreh xandān bovad».

بهین زنان جهان آن بود کزو شوی همواره خندان بود

Досл. перевод: *«Самая лучшая женщина в мире всём,*

Та, от которой муж всегда будет весёлым» [\[14, 2010, с. 433\]](#).

Некоторые женщины в «Шахнаме» являются прекрасными примерами верности, особенно в трудные времена. Они даже вступают в конфронтацию со своими отцами, защищая своих мужей. В связи с этим исследователями отмечается, что «в «Шахнаме» верность является одним из высших достоинств женщины. Женская лояльность была величайшим стимулом социальной жизни человека, а величайшим проявлением женской лояльности является её преданность своему партнёру» [\[16, 1990, с. 83\]](#). Прекрасным примером такой верности могут служить образы таких женщины, как Судабе, Фарангис, Сипиванд, Маниджа и Ширин. Судабе, несмотря на все её негативные поступки, является истинно преданной женщиной, поскольку она остаётся верной своему мужу, даже находясь в плену у короля Хамаварана.

В «Шахнаме» мы обнаруживаем, например, такие сюжеты, как история Горди. Горди — сестра Бахрама Чубина, бесстрашная и проворная героиня, которая бежала в Китай со своим братом и которой предложили выйти замуж за Хакана после смерти Бахрама. Отказавшись выйти за него замуж, она подготовила армию для противостояния корпусу Хакана. Она — женщина, занимающая пост генерала. Она храбрая женщина, которая действует как опытный командир, организуя армию, поощряя мужество и воодушевляя воинов. Она носит мужские доспехи, и ей приходится скрывать свою женственность за этими доспехами, потому что её женственность убедила бы противника в том, что бой будет лёгким, а также придала бы ему бодрости духа. Поэтому женщина должна носить мужскую одежду, чтобы врагов можно было напугать [\[10, 2009, с. 108\]](#).

Однако любовь в «Шахнаме» — это не только возвышенное чувство, но и испытание, которое формирует судьбы героев. К этой категории относятся Рудабе, Тахмине, Фарангис, Маниджа и Ширин. Они изображены как преданные жёны, заботливые матери и мудрые советчицы. Рудабе — одна из самых известных героинь «Шахнаме». Она влюбляется в Зала и, несмотря на запреты, помогает ему. Этот образ воплощает романтический идеал женщины, способной на решительные поступки ради любви. Тахмине — возлюбленная Ростамы, которая первая признаётся ему в чувствах. Её поведение демонстрирует необычайную смелость для женщины того времени. Она действует осознанно и стратегически, желая родить от великого воина сына. Фарангис — жена Сиявуша и мать Кей-Хосрова. Она показана как заботливая мать, следящая за судьбой своего сына. В момент опасности она проявляет решимость и отвагу, спасая Кей-Хосрова и ведя его к будущему царствованию. Маниджа — ещё одна женщина, бросающая вызов традиционному обществу. Она спасает Биджана, отвергая родительскую волю. Ширин — героиня романтической истории с Хосровом, символизирует чистую и возвышенную любовь. Таким образом, Фирдоуси создает разные образы женщин, показывая, что их роль в эпосе выходит за рамки стандартных представлений о подчиненном положении женщины.

1.3. Женщина и её социальная роль

Женские персонажи «Шахнаме» выполняют различные функции в обществе. Они могут быть:

- Правительницами, принимающими политические решения (Кидафе, Хомай).

Хомай — одна из самых влиятельных женщин в Шахнаме, которая добилась власти. Бахман женится на своей дочери Хомай. Но во время её беременности он заболевает, и вместо его сына Сасана его наследницей становится Хомай. Хомай начала ещё один ритуал в традициях королевства. Поведение Хомай на троне может подтвердить утверждение о том, что приход женщин в сферу политики заставляет мир политики подчиняться милосердию, которое обычно является женской чертой, а не насилию и соперничеству, которые, как правило, являются результатом доминирования мужских черт [\[10, 2009, с. 94\]](#). В самом начале своего правления она призывает людей всего мира к справедливости. За время своего тридцатилетнего правления ей удаётся восстановить справедливость в своём королевстве. Она посылает огромную армию в Рим, побеждает римлян и правит соседними племенами. Хомай правила долгое время, несомненно, благодаря своим особым способностям к управлению.

У женщин в «Шахнаме» независимый характер. Они способны самостоятельно выполнять свою работу. Среди этих женщин можно упомянуть, Кидафе, королева Андалусии, — счастливая в семье и образованная женщина, которая всегда правила независимо. Когда Александр потребовал у неё дань, она не только благоразумно отказалась от планов Александра, но и заручилась его поддержкой, заключив с ним соглашение [\[21, 1991, с. 46-67 и с. 668-1050\]](#).

- Хранительницами семейных ценностей, чья мудрость и верность оказывают влияние на судьбы мужчин (Фарангис, Синдохт). Фирдоуси восхищается умом женщин, описывая их так:

«Agar pārsā bāšad-o rāy-zan/ yeki ganj bāšad parākandeh zan».

اگر پارسا باشد و رایزن یکی گنج باشد پراکنده زن

Дословный перевод: «Если женщина благочестива и советница,

она как сокровище» [\[14, 2010, с.112\]](#).

- Роковыми женщинами, изменяющими ход событий своими поступками и интригами (Судабе, Гольнар).

В «Шахнаме» женские персонажи часто находятся в подчиненном положении, однако их роль в повествовании значительна. «Шахнаме» повествует об аристократическом светском обществе, где позиция женщины и мужчины превышает в социальном плане уровень простого народа [\[9, 2006, с. 116\]](#).

Интересно, что некоторые женские персонажи обладают артистическими талантами. Например: Аресо, будучи музыкантом, становится известной при дворе. В истории о Биджане и Маниже музицирование играет ключевую роль в построении сюжета. В отличие от того, что было традиционно в исторической культуре других народов, особенно в древнеримской, дочери Ахуры принадлежали не только к определённому социально-экономическому классу, такому, как королевские семьи; помимо этого они могли взаимодействовать с широкой публикой из всех социальных слоёв, и их скромность была одним из их главных качеств [\[16, 1990, с. 148\]](#).

Фирдоуси подчеркивает, что социальное поведение женщин также имеет важное значение:

- Гостеприимство — ценное качество, которое демонстрирует жена Пализбана, радушно принимающая царя.
- Верность считается высшей добродетелью, что особенно ярко отражается в образах Ширин и Фарангис.

Однако отрицательные женские персонажи противопоставляются этим идеалам. Они эгоцентричны, непокорны, хитры. Например, Судабе использует любовь как инструмент манипуляции и власти. Фирдоуси показывает, что женщина в «Шахнаме» не превосходит мужчину. И если она отходит от принятых норм, то подвергается осуждению.

1.4. Роль женщины в семье и обществе

Женщины в «Шахнаме» воплощают верность, заботу о муже и семейные ценности. Жена Пализбана символизирует гостеприимство. Синдохт, мать Рудабе, демонстрирует дипломатический талант, разрешая конфликт между семьями. Однако Фирдоуси подчеркивает, что женщина не должна превосходить мужчину.

Женские персонажи в «Шахнаме» Фирдоуси занимают значительное место в повествовании. Они представлены как мудрые, благородные, преданные жёны и матери, но иногда также как коварные и разрушительные фигуры. Их роль в сюжете варьируется от пассивных наблюдателей до активных участниц событий, влияющих на судьбы героев. В старинной персидской литературе писатели обращали внимание не только на женственность и элегантность женщин, но и на такие их свойства, как храбрость, смелость. Для героинь таких произведений, как правило, характерны верность, добродетель, красота, могущество, самостоятельность, и в то же время беззаветная преданность мужу и отчизне [\[7, 2017, с.12\]](#).

1.5. Воинственные и отрицательные персонажи: коварство и предательство

Хотя большинство женщин в «Шахнаме» изображены в роли жён и матерей, некоторые обладают воинственными чертами.

Горди, сестра Бахрама Чубина, — одна из немногих женщин, которые непосредственно участвуют в военных событиях. После смерти брата она возглавляет войско и выступает против китайского хакана. «Она — женщина, занимающая должность генерала» [\[10, 2009, с. 108\]](#).

Некоторые женщины изображены как носительницы порока, обмана и предательства. Судабе — одна из самых коварных героинь. Она пытается соблазнить Сиявуша, а затем обвиняет его в преступлении. Её образ ассоциируется с разрушительной женской силой.

«Сиявуш был уничтожен из-за слов женщины. Счастлива та женщина, которая не родилась от матери» [\[14, 2010, с. 171\]](#).

Каракака — волшебница, использующая магию для обмана мужчин. В «Шахнаме» есть женщины, обладающие знаниями о будущем и влияющие на ход событий. Синдохт, мать Рудабе, показана как мудрая и дальновидная женщина. Несмотря на опасность, она помогает дочери соединиться с возлюбленным. Голнар — загадочная женщина с магическими способностями, использующая колдовство для достижения своих целей.

Женские образы в «Шахнаме» разнообразны и многогранны. Они могут быть добродетельными и мудрыми, страстными и преданными, но также коварными и разрушительными. В эпосе подчёркивается двойственная природа женщины: с одной

стороны, она является хранительницей семьи и традиций, с другой — способна стать причиной катастрофы.

Фирдоуси создаёт галерею женских персонажей, каждый из которых играет свою уникальную роль в эпосе. Одни из них помогают героям, вдохновляют их на подвиги, другие становятся причиной трагедий. Однако вне зависимости от своей роли, женщины в «Шахнаме» оказывают значительное влияние на развитие событий. В целом, можно выделить несколько ключевых категорий женских образов в «Шахнаме»:

1. Идеальные героини — добродетельные, верные и мудрые женщины.
2. Воинственные и активные женщины, способные на самостоятельные действия.
3. Отрицательные персонажи, чьи поступки осуждаются автором.
4. Женщины, связанные с магией, судьбой и пророчествами.
5. Женщины-любовницы и соблазнительницы, часто выступающие источником конфликта.

2. Образы женщины в Нартском эпосе

Женские персонажи в Нартском эпосе играют значимую роль в жизни нартов. Они изображены как воспитательницы, хранительницы рода, мудрые советчицы и даже воительницы. В отличие от «Шахнаме», где женщины чаще подчинены мужскому миру, в Нартском эпосе многие из них обладают активной позицией и даже магической силой.

В целом, можно выделить несколько ключевых категорий женских образов в Нартском эпосе:

1. Мудрые советчицы и воспитательницы героев.
2. Воительницы и героини, участвующие в битвах.
3. Женщины, связанные с магией и судьбой.
4. Жёны и матери, сохраняющие род.
5. Отрицательные персонажи, которым присущи коварство, разрушительная страсть и ревность.

2.1. Мудрые советчицы и воспитательницы героев

В Нартском эпосе особую роль играют женщины, которые направляют нартов, помогают им принимать правильные решения, обучают их и защищают семейные традиции. Сатаней-Гуаша — одна из центральных фигур эпоса, Великая Мать нартов. Она мудра, способна предсказывать будущее и помогает героям избежать ошибок. Её знания сравнимы с мужскими, а советы ценятся наравне с мнением воинов. «Сатаней предстаёт мудрой советчицей нартов, способной разрешить мужские споры» [\[3, 2016, с.1038\]](#).

Шатана — ещё одна женщина, обладающая острым умом и большим уважением среди нартов. Её мудрость подчёркивается в эпосе.

Воительницы и героини, участвующие в битвах

Хотя в Нартском эпосе мужчины чаще являются воинами, есть и женщины, которые берут в руки оружие и сражаются наравне с мужчинами. Наширан — дева-воин, участвующая в походах вместе с Ацамазом. Она сражается с великанами, доказывая, что женщины

могут быть не менее храбрыми, чем мужчины. Дочь Даргавсара — воительница, ведущая собственный отряд в бой.

2.2. Женщины, связанные с магией и судьбой

Магия в Нартском эпосе играет важную роль, и женщины часто являются её носительницами. Они могут предсказывать будущее, управлять стихиями и даже изменять ход событий. Бедоха — жена Сослана, обладающая знаниями о Стране Мёртвых. Она направляет мужа и помогает ему выйти из сложных ситуаций. «После того как Уастырджи появился с конём и собакой в склепе, родилась мудрейшая на свете среди женщин — Шатана» [\[8, 2010, с. 160\]](#).

2.3. Жёны и матери, сохраняющие род

Женщины в Нартском эпосе не только воспитывают и учат героев, но и выполняют важные социальные функции — управляют хозяйством, помогают мужьям и сохраняют род. Жена Хамыца заботится о нуждах семьи, а также шьёт одежду для нартов, проявляя великодушие и щедрость.

Дзерасса — мать Урызмага и Хамыца, представленная как уважаемая и почитаемая женщина, принимаемая нартами с почётом. «Обрадовались почтенные нарты и сказали: “— В почетные комнаты проводите её”» [\[8, 2010, с. 18\]](#).

2.4. Отрицательные персонажи: коварство, разрушительная страсть и ревность

В Нартском эпосе встречаются и женщины, чьи поступки приводят к трагическим последствиям. История Дзерассы связана с гибелью братьев Ахсара и Ахсартага. Она становится причиной конфликта между ними, что приводит к их смерти. «О, горе, что за чёрное горе постигло меня. Из-за меня погибли оба брата!» [\[8, 2010, с. 13\]](#).

Некоторые волшебницы и колдуньи могут использовать магию не только во благо, но и во вред, например, навлекая проклятия или создавая хаос. Женские образы в Нартском эпосе отличаются разнообразием. В отличие от «Шахнаме», где женщины чаще подчинены мужчинам, здесь они могут быть равными мужчинам или даже превосходить их в мудрости, силе или магии. Если в «Шахнаме» основное внимание уделяется романтическим и семейным отношениям, то в Нартском эпосе женщины чаще являются советчицами, воительницами или обладательницами сверхъестественных способностей.

3. Образы женщины в эпосах «Шахнаме» Фирдоуси и Нартском эпосе

1.3. Различия в представлении женских образов

Образы женщин в «Шахнаме» Фирдоуси и Нартском эпосе отражают различия в культурных и социальных концепциях, характерных для этих эпических традиций. В обоих произведениях подчеркивается значимость женщины, но её роль в обществе и семье трактуется по-разному. В «Шахнаме» женщина представлена в романтизированном и трагическом ключе, её судьба подчинена патриархальным нормам, но при этом она обладает эмоциональной глубиной. В Нартском эпосе женщины более самостоятельны, они связаны с магией, мудростью и социальными законами.

Таким образом, в персидской традиции женщина является носительницей моральных ценностей, тогда как в кавказской эпической традиции она наделена самостоятельностью и активной ролью в обществе.

1.3.1. Женщина в «Шахнаме»: между идеалом и трагедией

В «Шахнаме» женский образ строится на сочетании верности, красоты и моральных дилемм. Женщины часто оказываются в подчинённом положении, но при этом влияют на судьбу героев. Тахмине проявляет смелость, первой признаваясь в любви Ростаму, но её дальнейшая жизнь определяется не ею самой. Фарангис воплощает идеал жены и матери, чья судьба зависит от решений мужчин. Судабе сочетает в себе любовь и разрушение, демонстрируя двойственность женского характера. Фирдоуси показывает, что женщины могут быть умными, храбрыми, но при этом ограниченными социальными рамками.

Важным аспектом женских образов является их связь с моральными нормами и религиозными идеями. Фирдоуси утверждает:

«Ze pāki-o azp ārsāi-ye zan/ke ham qamgosār ast-o ham rāy-zan».

ز پاکی و از پارسایی زن که هم غمگسار است و هم رایزن

Дословный перевод: «О благочестии и нравственной чистоте женщины, и утешительницы, и советницы» [\[14, 2010, с.121\]](#).

Таким образом, женщина в «Шахнаме» — это не только объект любви, но и философская категория, отражающая представления о нравственности.

1.3.2. Женщина в Нартском эпосе: мудрость и активная роль

В отличие от «Шахнаме», женщины в Нартском эпосе не пассивны, а выполняют важные социальные и ритуальные функции. Сатаней — хранительница древних знаний, наставница нартов, влияющая на судьбу героев. Наширан — дева-воин, участвующая в битвах наравне с мужчинами. Шатана — мудрая женщина, чьи слова «были прямее солнечных лучей и острее меча» [\[8, 2010, с. 363\]](#).

Женщины в Нартском эпосе не только спутницы героев, но и независимые личности, принимающие решения. Как подчеркивают исследователи, в осетинском Нартском эпосе сохранились предания о девах-воинах: «Вместе с Ацамазом в нартских походах принимала участие дева-воин Наширан. Великаны воюют не только с нартами, но и с отрядом дочери Даргавсара» [\[13, 2013, с. 94\]](#).

В осетинских нартских сказаниях есть эпизод, когда мудрая жена Хамыца собственными руками быстро и искусно шьёт одежды двумстам мужчинам за двое суток из шёлка, льняного полотна и драгоценных тканей, накопленных в сундуке Хамыца, чтобы муж раздал её нартам. И она не беспокоится о том, что они с мужем обеднеют: «Когда приготовила она одежду и обувь, чтобы одеть двести мужчин, сказала она Хамыцу: “– А теперь сделай так: возьми все эти одежды и раздай нартам. Кто беднее, тому отдавай лучшее. И не бойся, что мы обеднеем от этого”» [\[8, 2010, с. 235\]](#).

Женщина в Нартском эпосе не просто поддерживает мужчину, но и определяет ход событий, что отличает эту традицию от персидской. В кавказской традиции женщина могла не только быть хранительницей очага, но и играть важную общественную роль. «Исключительно велика у нартов роль женщины в деле воспитания молодёжи. <...> воспитателями в некотором роде выступают эпические красавицы-невесты, выбирающие себе мужа и побуждающие героев-нартов к совершению героических поступков» [\[4, 2012, с. 3-4\]](#).

В древней части сказаний присутствует один из распространённых в мировом фольклоре (и не только в фольклоре) образ женщины, представляющей источник опасности, лишаящей мужчину силы» [\[5, 2010, с. 141\]](#).

Женский разум в осетинских Нартских сказаниях представлен в образе Шатаны и Бедохи. Неоднократно одобряется мудрость Шатаны в нартском сказании: «Шатаной называли девочку. И была она так мудра и красива, что от света лица её тёмная ночь превращалась в день, а слова, сказанные ею, были прямее солнечных лучей и острее меча». В сказке «Ацамаз и Красавица Агунда» ум Шатаны восхваляется устами нартов, поющих песню: «Привезли они Агунду-красавицу в нартское селение и ввели её в Дом Нартов. Низко поклонилась Агунда-красавица славной нартской хозяйке, мудрой Шатане. И дружную песню запели на пороге дружки: ой, любимая наша хозяйка, славная наша Шатана!» [\[8, 2010, с. 363\]](#).

Согласно словам Дзерассы, после того как Уастырджи появился с конём и собакой в склепе, не только родилась мудрейшая на свете среди женщин — Шатана, но и Арфан, первый быстроногий чудесно-небесный неутомимый конь старейших нартов – конь Урызмага, а также Силам – первая собака на земле.

В сказке «Как Батрадз отомстил за смерть отца» говорится: «Погнались за ним семь сыновей Бурафарныга и растянулись они один за другим по дороге. Тут Батрадз повернул обратно коня и всех семерых убил по очереди, одного за другим. После этого Батрадз вернулся домой и рассказал обо всем мудрой Шатане». Также очевидна проницательность Бедохи, жены Сослана, разбирающейся в тонкостях всех событий в Стране Мёртвых, когда она направляет Сослана, чтобы тот мог найти выход из Страны Мертвых.

1.3.3. Социальные роли женщин в эпосах

Женские персонажи в «Шахнаме» принадлежат к высшему слою общества, их судьба определяется родословной и политическим положением. Однако Фирдоуси показывает, что женщины способны быть умными правительницами и воительницами. Кидафе — королева, ведущая политические переговоры наравне с мужчинами. Горди — женщина-воительница, которая собирает армию против захватчиков. По мнению Фирдоуси, женщины имеют такую ценность, что они могут наряду с мужчинами занимать важные должности в правительстве и управлять страной. Например, когда спета песня Искандера, и он готовится покинуть этот мир, то отправляет посыльного своей матери с просьбой, чтобы она взяла на себя управление страной. И также он просит правителей всей империи, объединённой под его руководством, оказать помощь его матери в управлении делами и улучшении социального положения народа и считать своим правителем только её:

«Dabir-e jahān-dideh rā piš xānd/ har ānčaš be del bud bā u berānd/

Be mādar yeki nāme farmud-o goft/ ke āgāhi-ye marg natvān nahoft».

دبیر جهان‌دیده را پیش خواند هر آنچه‌اش به دل بود با او براند

به مادر یکی نامه فرمود و گفت که آگاهی مرگ نتوان نهفت

Досл. перевод: «Вызвал писаря, много повидавшего,

И рассказал ему всё, что было на сердце у него.

Велел писать письмо матери и сказал:

Нельзя скрыть новость смерти» [\[14, 2010, с.103\]](#).

И говорит:

«*Begu Yam konun bā bozorgān-e Rum/ ke čon bāz-gardand zin marz-o bum/*

Najuyand joz rāy-o farmān-e to/ kas-i bar-nagardad ze peymān-e to».

بگویم کنون با بزرگان روم که چون بازگردند زین مرز و بوم

نجویند جز رای و فرمان تو کسی برنگردد ز پیمان تو

Досл. перевод: «Скажу римским правителям сейчас,

Когда возвратятся из этой страны,

Не искать никого кроме решения твоего,

Не поворачиваться спиной к соглашению твоему» [\[14, 2010, с.104\]](#).

А. Шоги пишет: «Фирдоуси — первый мудрый и дальновидный автор, который на этой территории считает женщину равной мужчине в любой сфере деятельности. В «Шахнаме» мужчина и женщина равны друг другу. Мужчины советуются с женщинами по важным вопросам, и весьма вероятно, что они вместе умом, умением и терпением преодолевают трудности» [\[18, 1971, с. 211\]](#).

В Нартском эпосе женщина представлена не только как мать, но и как наставница, судья и воительница. Она обладает магическими знаниями, политическим влиянием и мудростью. В эпосе есть такой фрагмент: «То платок одолеет папаху, то папаху возьмет верх над платком. Долго боролись они, и вдруг дружно, рядом стали они передо мной. <...> — и он предвещает такое время, когда женщина и мужчина будут во всем равны» [\[8, 2010, с. 160\]](#). Это подтверждает, что в кавказской традиции женщина обладает равными правами с мужчиной.

1.3.4. Значение женских образов для развития сюжета

Гибель Сиявуша по мнению Фирдоуси — это результат утаивания женщиной правды:

سیاوش به گفتار زن شد به باد خجسته زنی کاو ز مادر نژاد

«*Siyāvoš begoftār-e zan šod be bād/ xojasteh zani ku ze mādar nazād».*

Досл. перевод: «Сиявош был уничтожен из-за слов женщины.

Счастлива та женщина, которая не родилась от матери» [\[14, 2010, с. 171\]](#).

Убийство двух славных братьев — нартских богатырей Ахсара и Ахсартага — происходит вследствие недоразумения между братьями из-за женщины — Дзерассу, жены Ахсартага: «О, горе, что за чёрное горе постигло меня. Из-за меня погибли оба брата!» [\[8, 2010, с. 13\]](#).

Причиной войны в «Шахнаме» служат более глубокие противоречия, а не разногласия из-за женщины. Только один раз женщина стала причиной войны — когда несколько богатырей в охотничьих угодьях увидели растерянную девушку, и каждый хотел

присвоить её себе. В конце концов, они пришли к единому мнению: привести её к Кей-Кавусу, и впоследствии эта девушка стала матерью Сиявуша [\[19, 1970, с. 118\]](#).

Фирдоуси подчеркивает, что любовь в «Шахнаме» — это сила, побуждающая мужчину к подвигам.

«Bedu goft rāy-e to ey šir-zan/ derafšān konad dude-vo anjoman».

بدو گفت رای تو ای شیرزن درفشان کند دوده و انجمن

Дословный перевод: «Сказал ей: О, отважная женщина, мнение твоё

Освещает копоть, везде и всё» [\[14, 2010, с. 40\]](#).

Женщины, посвящённые в тайны мужчин, ставшие их советницами, обдумывают выходы из затруднительных положений, активно участвуют в поиске общих решений для враждующих сторон [\[1, 2016, с. 55\]](#). В «Шахнаме» Гордия отправляет свою жену с письмом и печатью Хосроу-Парвиза в качестве посла к Горди, своей сестре и сестре Бахрама-Чубина, чтобы убедить её пойти на убийство своего мужа — Гостахма — а потом выйти замуж за Хосроу-Парвиза. Этот случай описывается Хакимом Фирдоуси в последней главе о жажде мести Парвиза-Халану:

به خواهر فرستم زن خویش را کنم دور از این در بداندیش را

که چونین سخن نیست جز کار زن به ویژه زنی کاو بود رایزن

«Be xāhar ferestam zan-e xiš rā/konam dur az in dar bad-andiš rā/

Ke čunin soxan nist joz kār-e zan/ be viže zan-i ku bovad rāy-zan»

Досл. перевод: «К сестре отправлю жену свою,

Врага близко к этой двери не допущу.

Эти ж слова ничьи, кроме женщины,

Особенно той советницы женщины» [\[14, 2010, с.130\]](#).

В Нартском эпосе женщины не только вдохновляют героев, но и напрямую участвуют в принятии судьбоносных решений. Например, в сказании «Ахсартаггата и Бората — кровники», герои обращаются за советом к Шатане, зная, что только она может им помочь. Когда герои обращаются за помощью к Кафтисар-Хиандон-алдару, чтобы одержать вверх над врагами – кровниками, тот в ответ на эту просьбу обещает отдать им своё войско в том случае, если Ахсартаггата смогут точно догадаться, сколько у него воинов: «Приуныли сначала Ахсартаггата, а потом подумали и решили: — Спросим-ка мы Шатану. Если она нам не поможет, то никто не поможет» [\[8, 2010, с. 387\]](#).

1.3.5. Любовь и супружество: параллели в эпосах

Вопрос любви и супружества является центральным не только в «Шахнаме», но и в Нартском эпосе. Замужество, как считает Фирдоуси, является одним из необходимых и неизбежных событий жизни женщины, которая должна воспитывать хороших и праведных детей, служащих обществу [\[11, 1990, с. 175\]](#):

مرا خود به ایران شدن روی نیست زن پاک را بهتر از شوی نیست

«Marā xod be Irān šodan ruy nist/zan-e pāk rā behtar az šuy nist»

Досл. перевод: «Стыдно мне отправиться в Иран,

Нет лучше для честной женщины, чем муж» [\[14, 2010, с.121\]](#).

Если в «Шахнаме» женщина может проявлять инициативу в любви, то в Нартском эпосе подчеркивается нравственная сторона брака.

Древние персидские девушки чувствовали себя уверенно в общении с мужчинами, а некоторые из них первыми признавались в любви и даже предлагали мужчинам жениться на себе [\[16, 2006, с. 260\]](#). Они являются первопроходцами в любви, когда выражение любви исходит сначала со стороны женщины — и затем следует ответная реакция со стороны мужчины [\[2, 2011, с.61\]](#). Например, когда Ростам приезжает в город Саманган в поисках своей пропавшей лошади, он становится гостем короля Самангана. Ночью, со свечой в руке, Тахмина подходит к кровати Ростам и рассказывает ему о своей любви и причине рождения сына от Ростам.

Сцена встречи Тахмины и Ростам очень страстна и олицетворяет дух свободы и гордости женщин, выражающих естественное и законное требование, которое также принимается культурой общества. Таким образом, социальные нормы того времени предусматривают предоставление женщине права выбирать своего супруга [\[6, 1995, с. 58\]](#). В случае Тахмины и Ростам, Ростам в конечном счёте предлагает Тахмине выйти за него замуж через Мобад (зороастрийское духовенство), и она выходит за него замуж в соответствии с зороастрийской религией. Аналогичный подход наблюдается в романтических отношениях Судабе и Сиаваша, Гольнар и Ардешира, Арезо и Бахрамгура [\[20, 1977, с. 1-15\]](#).

В нартских сказаниях молодая женщина не имеет права разговаривать со старшими из семейства мужа, ни обращаться к ним, ни поворачиваться спиной к старшим. Женщина также должна была звать мужа как «мой моей головы», «наш мужчина», а золовку как «его (т. е. мужа) сестра», то есть «сестра супруга», «их девушка» и т. п. В свою очередь, муж обязан был звать жену «наша хозяйка», «старая», «старуха», и т. п. В качестве примера можно привести эпизод в разделе «Как Шатана стала женой Урызмага», когда Эльда, жена Урызмага, после долгого путешествия Урызмага готовится принимать у себя гостей, прибегает к Шатане и обращается к ней «из их рода девушка»: «Девушка, девушка, из их рода девушка... неужто настало время мне опозориться? Не бродит мой ронг. Ведь если не приготовлю я угощения, брат твой, возвратившись, будет очень недоволен мною — это мне хуже смерти» [\[8, 2010, с. 29\]](#).

В разделе «Рождение Урызмага и Хамыца», когда Дзерасса в первый раз проходит мимо селения нартов и идёт по улице вблизи Нихаса, где собираются почтенные нарты, она, согласно обычаям нартов и в качестве нартской невесты, низко опускает голову и не поворачивается спиной к старикам, и почтенные нарты удивляются этому: «Кто она такая? Почтительна к нам, словно невестка наша». В рассказе «Как Сослан женился на Косер», на вопрос Сослана к новобрачной «Куда все люди наши девались?», она не отвечает, так как по обычаю она не имела права говорить со старшими: «— Куда все люди наши девались? — спросил её Сослан. Но ничего не ответила ему женщина, недавно вышла она замуж и не имела права, по обычаю, говорить со старшими». Отказаться от упрёков и научиться выражать любовь — это неотъемлемое условие сохранения дружеских отношений в супружеской жизни: «— Проехал я дальше и вижу:

лежат рядом муж и жена. Разостлана под ними большая воловья шкура, и другой такой же шкурой они накрыты. Каждый из них тянет шкуру в свою сторону, но не хватает её на обоих. «Почему это так?» — спросил Сослан. — Оттого это так, — ответила Бедоха, — что эти муж и жена при жизни не любили друг друга, всю жизнь укоряли друг друга <...> — А неподалеку, — сказал Сослан, — увидел я других супругов. Подстелена под ними заячья шкура, другой заячьей шкуркой они накрыты, а видно, что им тепло и просторно. <...> — Горячо любили они на земле друг друга, и здесь, в Стране Мертвых, греет их земная любовь» [\[8, 2010, с. 155\]](#).

В кавказской традиции, любовь — это не только страсть, но и моральный долг, обеспечивающий семейное счастье. В нартском рассказе «Сослан в Стране Мертвых» описана судьба разных супружеских пар; те, кто всю жизнь упрекали друг друга, в загробном мире не могут согреться. А те, кто любили друг друга, даже после смерти остаются счастливыми. В данных сказаниях несколько раз идёт речь о порицании неверности и измены и о похвале преданности и любви женщины к супругу. В одном разделе говорится о женщине, которая толстой иглой зашивает трещины на горе: «— А еще видел я женщину. Толстой иглой зашивала она трещины гор. Видно, что не под силу ей, бедняжке, такая работа, но не может она хоть на время оставить её, чтобы отдохнуть. — При жизни эта женщина обманывала мужа ...» [\[8, 2010, с. 156\]](#).

1.3.6. Роль женщины в семье и обществе

Иногда в эпосах женщина просто выполняет функцию рождения детей, могучих мальчиков, как это было в эпоху невежества.

Фирдоуси говорит:

به زن هیچگونه نییوندمی که گرنه بر امید فرزندمی

«Be zan hič-guneh napeyvandami / Ke garna bar omid-e farzandami»

Досл. перевод: «Никогда не буду вступать в брак,

Если нет надежды иметь детей» [\[14, 2010, с. 253\]](#).

В рассказе «Рождение Батрадза» жена Хамыца своей обязанностью считает родить удалого сына для мужа. Это — вместе с тремя другими хорошими делами — самое важное, что она может выполнить: «— Должна была я родить тебе сына, и если бы он был вскормлен моей грудью, то во всём мире не было бы равного ему. Меч не брал бы его и не вонзалась бы стрела в его тело» [\[8, 2010, с. 237\]](#).

Обязанность женщины «родить младенца-мальчика» также ярко ощущается в рассказе «Рождение Урызмага и Хамыца». При этом наблюдаем уважение нартв к невесте, которой положено родить сына: «Обрадовались почтенные нарти и сказали: "— Не до нижнего яруса башни Ахсартага, а на самый верх башни, в почетные комнаты проводите ее". И тогда сказала Дзерасса: "— Не подобает мне сейчас быть там. Скоро придет время, когда покажу я вам новый отпрыск вашего рода. А пока спокойнее мне будет не на высокой башне, а в темном хлеву". Отвели её женщины в хлев, и там родила она двух сыновей-близнецов. Урызмаг и Хамыц — так называли мальчиков» [\[8, 2010, с. 18\]](#).

В рассказе «Безымянный сын Шатаны» иметь новорождённого мальчика, по словам Шатаны, — это иметь «тайный клад», сына, который мог бы позаботиться о них в старости: «Хранился у меня в родительском доме Донбеттыра тайный клад — в походе

был в то время хозяин наш, когда родился сын у меня. Отдала я сына нашего на воспитание в свой родительский дом. Но и там отыскал его Урызмаг и, жизни ещё не видавшего, послал он нашего сына в Страну Мертвых. Как будем жить мы теперь? Кто позаботится о нас под старость?» [\[8, 2010, с. 40\]](#).

В эпосах также описываются случаи, когда женщина унижена до такой степени, что наравне с имуществом и вещами дома считается его частью, её даже разрешается подарить.

В подтверждении приведём пример из Шахнаме, когда Фирдоуси говорит:

زن و خانه و چیز بخشیدنی است تهیدست کس با توانگر یکی است

«Zan-o xāne o čiz baxšidani-st/ tohidast kas bā tavāngar yeki-st».

Досл. перевод:

«Женщина, жилище и вещь заслуживают быть подаренными.

Неимушим ровняется богатый» [\[14, 2010, с.45\]](#).

На женщину готовы спорить и держать пари нартские воины, как они это делают на охоте за добычу; они также дарят женщин или крадут их: «Челахсартаг, сын Хиза, стал спорить с Сосланом о том, кто из них лучше. — Клянусь отцом своим, — сказал Челахсартаг, — во всем готов я состязаться с тобой и уверен, что во всем превзойду тебя. Ну-ка, давай спляшем на спор. — Спляшем, — ответил Сослан. — А что ты поставишь на спор? — Вот если ты спляшешь лучше меня, — сказал сын Хиза, — тогда я выдам за тебя дочь свою, красивую Бедоху». В разделе «Как Сослан женился на Косер» повелитель чертей хочет всех своих трёх дочерей отдать Сослану в жёны. А в рассказе «Как Батрадз взял крепость Хиза» алдару нравится жена Сослана Хиза — красивая дочь Солнца, и задумывает он её похитить, и когда Сослан был в дальнем походе, тот осуществляет своё намерение: «Выследил её хизский алдар, сел он на коня своего, поскакал прямо к дому Сослана, схватил дочь Солнца и похитил её» [\[8, 2010, с. 288\]](#).

Женщины в «Шахнаме» воплощают верность, заботу о муже и семейные ценности. В «Шахнаме» неоднократно встречается идея о том, что женщина может быть советницей, но не главной фигурой в управлении государством.

В отличие от «Шахнаме», в Нартском эпосе женщина представлена как мудрая наставница, воительница и хранительница традиций.

Женщина в Нартском эпосе не только оберегает дом, но и активно участвует в общественной жизни, что отличает её от героинь «Шахнаме». Сатаней обладает магическими знаниями и даром предвидения. Наширан участвует в военных походах наравне с мужчинами. Шатана оказывает сильное влияние на нартов, её слова обладают особой силой.

1.3.7. Критика женских образов

Фирдоуси показывает не только положительные стороны женщин, но и их недостатки; Судабе символизирует ревность и разрушительное влияние страсти. Рухсара страдает из-за своей эмоциональности и зависимого положения.

На взгляд Фирдоуси, застенчивость и скромность — ценные качества женщины.

Бесстыдную женщину следует ненавидеть [\[11, 1990, с. 169\]](#):

«Beporsid kāhu kodāmast zešt/ ke az arj durast-o dur az behešt/

Čonin dād pāsox ke zan rā ke šarm/ nabāšad be giti, na āvāz-e narm».

بپرسید کآهو کدام است زشت که از ارج دور است و دور از بهشت

چنین داد پاسخ که زن را که شرم نباشد به گیتی، نه آواز نرم

Досл. перевод: «И спросил, какой недостаток некрасивый,

Без ценности и далёк от рая?

Ответил так: если женщина без застенчивости,

и без мягкой речи на свете» [\[14, 2010, с. 287\]](#).

В Нартском эпосе женские персонажи также не всегда идеальны. Их чрезмерная независимость порой воспринимается как угроза традиционному порядку. Женщины могут быть манипулятивными, использовать магические способности в личных целях. Таким образом, несмотря на силу и мудрость, женские персонажи обоих эпосов сталкиваются с критикой за эмоциональность, стремление к власти и нарушение общественных норм.

Образы женщин в «Шахнаме» и Нартском эпосе представляют собой разные культурные модели. В персидской традиции женщина — хранительница морали, её судьба определяется патриархальными нормами. В кавказской традиции женщина – мудрая наставница и воительница, влияющая на общественную жизнь. Несмотря на различия, оба эпоса подчеркивают важность женских персонажей, их влияние на судьбу героев и на сам эпический нарратив.

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что большинство женщин и в «Шахнаме», и в осетинских нартских сказаниях наделены яркими чертами мудрости, великодушия, благородства, стыдливости и достойны глубокого уважения и любви. В целом, для женщин в этих произведениях характерны высокое положение, благородство, авторитет и престиж. Даже если у них нет одинаковых с мужчиной прав с гендерной и социальной точек зрения или, как это принято называть сейчас, феминистических прав, даже если осуждается неучастие и пассивность женщин в ходе важных событий, и также их принудительное присутствие в разгуле и удовольствиях мужчин, то причины этого кроются только в схожих традиционных мировоззрениях прошедших времён в иранском и осетинском обществах, и потому не следует критиковать поэта или же народ за какие-либо взгляды касательно женщин. Общим для женских образов в этих произведениях также является то, что жёны, сёстры и матери богатырей и шахов, по причине их аристократического положения или же роли воспитательницы, защитницы и опоры для богатырей, не выглядят униженными и оскорблёнными, и в этом плане их позиция отличается от позиции женщин из более низких социальных слоёв. Можно прийти к ряду существенных выводов о том, что в «Шахнаме» образ женщины более романтизирован и трагичен, внимание автора концентрируется на эмоциях и на судьбах женщин в рамках патриархальных отношений. В Нартском эпосе женские персонажи нередко обладают магическими способностями, что отражает влияние древних кавказских мифологических представлений. Например, Сатаней-Гуаша не только воспитывает нартов, но и

использует магические знания, чтобы предсказывать будущее. В отличие от нее, героини «Шахнаме» (например, Тахмине или Фарангис) лишены сверхъестественных способностей и воспринимаются скорее как хранительницы семейных ценностей.

В «Шахнаме» образ женщины часто символизирует идеализированную и трагичную фигуру, которая сталкивается с жесткими рамками патриархальных отношений. Женщины в этом произведении обычно изображены как жены, матери и дочери, чьи судьбы тесно переплетены с судьбами мужчин [\[17, 2006, с. 314\]](#). Женщины в «Шахнаме» — это фигуры, чьи действия и эмоции окрашены в трагические тона, часто они жертвуют собой ради семьи или ради мужчины, страдают из-за своей беспомощности перед жестокими законами общества. Эти образы подчеркивают противоречие между их внутренней силой, мужеством и внешней подчиненностью; они являются символами стойкости и трагичности, где эмоции, такие как любовь, верность, горе и страдания, часто становятся определяющими чертами их личностей.

С другой стороны, в Нартском эпосе, который характерен для кавказской мифологии, образ женщин гораздо более самостоятельный и мощный. Здесь женщины часто обладают магическими силами, знаниями, а также способностью контролировать природные стихии или предсказывать будущее.

В отличие от более ограниченных ролей женщин в «Шахнаме», в Нартском эпосе женщины часто являются независимыми и активными участницами событий, а их роль в обществе не ограничивается только домашним хозяйством или семейными обязанностями. Они могут быть воинами, вождями или магами, и их мудрость и сила связаны с глубоким знанием природных и социальных законов. В Нартском эпосе женщина, как правило, выступает не как жертва обстоятельств, а как активный персонаж, который действует согласно собственным убеждениям и мудрости. Это подчеркивает более либеральное и независимое представление о женщине, где ее важность определяется не ее связью с мужчиной или семьей, а ее собственным вкладом в общественную и природную гармонию.

Таким образом, оба эпоса подчеркивают значимость женщин, но в разных контекстах: в «Шахнаме» женская роль часто трагична и ограничена патриархальными рамками, где женщины, несмотря на их внутреннюю силу и эмоциональную глубину, сталкиваются со страданиями. В то время как в Нартском эпосе женщины изображаются как самостоятельные и могущественные личности, обладающие мудростью и возможностями влиять на окружающий мир. Эти различия отражают разные культурные и социальные установки, представления о женской роли в разных обществах и эпохах, где в одном случае женская судьба подчинена традициям и законам, а в другом — женщина сама творит свою судьбу, является обладательницей силы и мудрости. Женщины в Нартском эпосе часто обладают властью, проявляя её в различных формах. Например, Сатаней-Гуаша — не просто мать, но и мудрая советчица, влияющая на судьбы героев. Она не боится вступать в конфликт с мужчинами, её решения уважаемы. Кроме того, в эпосе встречаются воительницы, такие как Наширан, которые сражаются наравне с мужчинами. Эти образы контрастируют с женскими персонажами «Шахнаме», которые, как правило, не участвуют в битвах и более ограничены в выборе судьбы.

Библиография

1. Акбари А., Масих-фар Ф. Рассмотрение размеров и положения женщины в Шахнаме Фирдоуси // Журнал иранских исследований керманского Университета Бахонар. 2016. Т. 4, № 28. С. 49-70.

2. Али-Наги Х. Анализ характера и роли женщин в рассказах Шахнаме // Научный журнал "Женщина и культура". 2011. Т. 3, № 9. С. 59-81.
3. Бекулова К. Б. Роль и место женских архетипов в героическом эпосе "Нарты" (на примере образа Сатаней) // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2016. Т. 15. С. 1036-1040. EDN: VVEHNN.
4. Бритаева А. Б. Функциональная структура женского пространства в нартовском эпосе // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7800> (дата обращения: 09.02.2021). EDN: TODRXN.
5. Исмаилова М. В. Женские образы нартиады // Известия Чеченского государственного педагогического университета. 2010. № 3. С. 135-143.
6. Мохазаб З. Истории женщин-Шахнаме. Тегеран: Культурный центр, 1995. С. 58.
7. Норузи М. Сопоставительный анализ образа женщин в персидских и русских старинных произведений // Материал по международной конференции Новые подходы к гуманитарным наукам в 21 тысячелетии. 2017. 26 февраля. Рашт. С. 13.
8. Либединский Ю. Осетинские нартские сказания. Пер. с осетинского. М.: Менеджер, 2010. С. 503.
9. Пакния М. По поводу женщины в Шахнаме // Журнал женских исследований. 2006. Т. 4, № 2. С. 111-141.
10. Пакния М. Рудабе и Судабе. Тегеран: Университетское издательство Алзахра, 2009. С. 108.
11. Ранджбар А. Интеллектуальные привлекательности Фирдоуси. Тегеран: Амиркабир, 1990. С. 462.
12. Санджари С. Роль женщины в старинной литературе и в иранских мифах // Научный журнал "Женщина и культура". 2011. Т. 2, № 7. С. 35-46.
13. Тадевосян Т. В. Семантические параллели фольклорных архетипов: Русские былины и осетинский нартский эпос: Монография. Владикавказ: ФГБУН Сев.-Осет. Ин-т гум. И соц. Исслед., 2013. С. 146.
14. Халеги-Мотлаг Дж., Фирдоуси А. Шахнаме (в 8 т.). Тегеран: Центр Большой Исламской Энциклопедии, 2010.
15. Халеги-Мотлаг Дж. Эпос. Сопоставительная феноменология георической поэмы. Тегеран: Центр Большой Исламской Энциклопедии, 2013. С. 215.
16. Хашеми М. Позиция женщины в "Шахнаме" Фирдоуси // Журнал знаний. 1990. С. 27-28.
17. Хиджази Б. Обзор положения женщины с античной эпохи до конца правления династии Сасанидов. Тегеран: Гасиде-сара, 2006. С. 314.
18. Шоги А. Благородный Фирдоуси. Тегеран: Изд. Офог, 1971. С. 417.
19. Эслами-Нодушан М. А. Жизнь и смерть богатырей в Шахнаме. Тегеран: Авиценна, 1970. С. 434.
20. Юсефи Г. Х. Листья на ветру. Тегеран: Тоос, 1997. С. 1-15.
21. Яхаги М. Дж., Фирдоси А. Шахнаме Фирдоуси (по материалам московской версии). Мешхед: Сохан Гостар, 1991. С. 668-1050.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – специфика женского образа в «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси и в Нартском эпосе.

Методология исследования основана на анализе эпических памятников с применением

таких методов как сравнение, интерпретация и обобщение.

Актуальность исследования обусловлена важностью для современного общества изучения разнообразных феноменов языка и культуры в различных контекстах: изучение образа женщины в традиционных мировоззрениях прошедших времён, её роли и социальной ценности в различных культурах вызывает неизменный интерес, поскольку эта проблема имеет большое мировоззренческое значение.

Научная новизна обусловлена тем, что исследование является попыткой сравнительного анализа специфики культур народов, связанных генетическими узами, через призму женского образа в «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси и в Нартском эпосе.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, сформулирована цель, дан краткий обзор теоретической базы исследования); особенности образа женщины в Шахнаме и Нартском эпосе (автор на основе анализа и сравнения литературных произведений демонстрирует сходства и различия женских образов: оба эпоса подчеркивают важность женщины, однако разнятся подходы к её роли в обществе и семейной жизни; рассмотрены общие характеристики женщин в эпических памятниках, уделено внимание положительным и отрицательным сторонам женской личности, теоретические измышления автора подкреплены иллюстративными примерами); заключение (автор делает общие выводы, отмечено, что в обоих эпосах женщины играют важные и значимые роли, но в контексте патриархальных социальных и культурных норм того времени их действия и черты могут восприниматься как недостатки); библиография (включает 21 источник). Содержание в целом соответствует названию (в названии есть опечатки, необходимо скорректировать).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты могут быть интересны тем, кто исследует традиционного мировоззрения прошедших времён различных народов, где образ женщины, несомненно, выступает важным элементом мировоззрения и культурной идентичности.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования.
2. В начале статьи приведена теоретическая база исследования, однако в тексте не везде присутствуют ссылки на первоисточники. Теоретический анализ современных источников является недостаточным.
3. В статье рассматриваются несколько литературных произведений, было бы уместно аргументировать выбор эмпирической базы.
4. Нужно унифицировать упоминания имен собственных в статье. Кроме того, следуют упорядочить использование кавычек («Шахнаме», "Шахнаме" и др.), n-тире и m-тире (памятников — «Шахнаме»; этих работ - "Истории и др.) и перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов (Шахнемн; и др. Исследованиям и т.д.), а также проверить правильность оформления ссылок (в статье формат: [13, 2013.с.65]).
5. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит увеличить долю работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Особенности женских образов в «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси и в Нартском эпосе» - интересное и основательное исследование, выполненное на актуальную тему, так как в нем выявлены национальные модели женских типов, их качеств и поведенческих стратегий. Анализ основывается на сравнении эпосов двух народов, связанных генетическими узлами. Материалом для анализа стали поэма «Шахнаме» Фирдоуси и Нартский эпос.

Структура статьи продумана и обусловлена целью исследования. Есть введение, обзор научной литературы, в основной – аналитической – части автор обращается к произведениям и рассматривает женские образы, в заключении приводит обобщающие выводы.

И здесь стоит отметить, что не совсем удачно выбран способ представления научной традиции. Недостаток предложенного обзора имеющихся исследований образа женщины в литературоведении - в его перечислительности. К сожалению, автор не формулирует основные идеи и вклад в изучение проблемы в упоминаемых трудах, а потому у него получится длинный и неаналитический список. На этом фоне трудно оценить, что, собственно, уже осмыслено учеными, а что еще требует дальнейшей проработки. Соответственно трудно оценить и вклад самого автора статьи. А между тем автор дает системный анализ образов женщин, рассматривая в том числе их следование народным обычаям, ритуалам, что подчеркивает их мудрость и позволяет выразить женский идеал в двух культурах. При этом автор отмечает сложность характеров (в частности, при анализе образа Судабе, когда сочетаются «негативные поступки» и верность, преданность мужу). И проводит сравнительный анализ образов женщин, своеобразия их характеров, специфических для национальной традиции качеств в персидском и Нартском эпосах и объясняет эти отличия, показывает, как они определяют конфликт в произведениях.

Важно, что при анализе автор статьи обращается к оригинальным текстам, приводя дословные переводы.

Вместе с тем есть некоторые неудачные моменты. В частности, неясен смысл ряда утверждений, так как они не конкретизируются и не комментируются текстом произведения. Такова, например, мысль «Что касается романтических и лирических сюжетов, то проявление любви в «Шахнаме» зависит от общих обстоятельств и особенностей каждого периода времени».

Есть пунктуационные погрешности.

1. После заголовков точку ставить не надо.
2. Необходимо правильно расставить знаки препинания в предложениях с двойным союзом «таких..., как..»: «Методология исследования основана на анализе эпических памятников с применением таких методов как...»; «...востоковеды России, Ирана такие, как Е. Бертельс, И. Брагинский...»; «В «Шахнаме» мы обнаруживаем такие воинственные характеры как, например, Горди...»
3. Не нужна запятая после слова «самостоятельность» в предложении «...самостоятельность, и в то же время беззаветная преданность мужу и Отчизне...».
4. В предложении «Это демонстрирует статус женщин, и их влияние в обществе того времени» запятая также лишняя.
5. Неясно, где заканчивается цитирование в предложении «В Нартском эпосе роль женщин «сводится в основном к роли хранительницы домашнего очага. Именно женщина распределяет добытые мужчинами припасы, готовит еду, угощение для гостей, зачастую для всех нартов».

6. В предложении «Другое ценное качество женщины на взгляд Фирдоуси...» надо выделить вводное слово «на взгляд Фирдоуси» с обеих сторон запятыми.

В целом, статья после исправления этих погрешностей может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье "Особенности женских образов в «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси и в Нартском эпосе" автор рассматриваются сходства и различия в представлении о женских персонажах.

Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, результатов исследования, выводов и библиографии.

Во введении автор обозначает цель работы - охарактеризовать женские образы, а именно определить их функции, символическое значение и влияние на развитие сюжета, проанализировать их функции в повествовательной структуре эпосов, сравнить социальный статус и роль женщин в обоих произведениях и таким образом выявить основные сходства и различия в изображении женских персонажей.

Актуальность исследования, по мнению автора, обусловлена свойством анализируемого материала раскрывать не только идеалы женственности в исследуемых культурах, но и показывать, как традиции и исторические условия формировали представления о роли женщины в них.

Автор использует методы сравнительно-исторического и структурно-семантического анализа, а также интерпретацию текстов с позиций культурологических и гендерных подходов.

Новизна исследования заключается в том, что впервые проводится комплексное сравнение женских образов в персидском и нартском эпосах.

Анализируя женские образы в произведении Фирдоуси, автор отмечает, что в эпосе они могут быть как символами добродетели, так и источниками хаоса, а их влияние на события определяется их положением в социальной иерархии.

При этом в нартском эпосе женщины, по мнению автора, не только управляют домом, но и обладают глубокими знаниями, передаваемыми из поколения в поколение.

Автор также предлагает классификацию характеристик женских образов в «Шанхнаме» и нартском эпосе.

Сопоставляя женские образы по выделенным характеристикам, автор приходит к следующему выводу: «оба эпоса подчеркивают значимость женщин, но в разных контекстах: в «Шахнаме» женская роль часто трагична и ограничена патриархальными рамками, где женщины, несмотря на их внутреннюю силу и эмоциональную глубину, сталкиваются со страданиями. В то время как в Нартском эпосе женщины изображаются как самостоятельные и могущественные личности, обладающие мудростью и возможностями влиять на окружающий мир. Эти различия отражают разные культурные и социальные установки, представления о женской роли в разных обществах и эпохах, где в одном случае женская судьба подчинена традициям и законам, а в другом — женщина сама творит свою судьбу, является обладательницей силы и мудрости. Женщины в Нартском эпосе часто обладают властью, проявляя её в различных формах».

Учитывая обширный список используемой литературы, а также большое количество примеров, данное утверждение можно считать достоверным.

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество источников.

Однако, в работе существуют небольшие недостатки.

Так, статья изобилует повторами.

Кроме того, в статье есть ошибки в нумерации классификации.

Однако, несмотря на вышеперечисленные недочеты, статья «Особенности женских образов в «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси и в Нартском эпосе» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Саввинова Г.Е. Особенности художественного стиля в произведениях П. А. Ойунского // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.73991 EDN: SMBNKX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73991

Особенности художественного стиля в произведениях П. А. Ойунского

Саввинова Гульнара Егоровна

ORCID: 0000-0001-9868-4962

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677009., Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ф.попова, 16, корпус 3, кв. 40

✉ savgul6767@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.73991

EDN:

SMBNKX

Дата направления статьи в редакцию:

01-04-2025

Дата публикации:

08-04-2025

Аннотация: Предметом исследования являются особенности художественного стиля в произведениях П. А. Ойунского. Объектом исследования являются рассказы писателя «Лиса и Барсук», «Спор», «Явь ли, сон ли?!», «Как якут превратился в злого духа». Автор подробно рассматривает стилистические особенности текстов. В работе представлен анализ стилистических приёмов, использованных писателем. Цель исследования – выявление особенностей авторского стиля в произведениях П. Ойунского. Для достижения цели были рассмотрены следующие задачи: – выявить детали авторского стиля; – определить основные художественные приемы. Внимание обращено на детали авторского замысла: созданию традиционных образов и их функционирования; интерпретаций, трансформаций фольклорных мотивов, которые

становятся основополагающими для всего сюжета и произведения в целом. Особое внимание уделено влиянию фольклорной традиции на творческий метод писателя, продолжающийся как традиционный, так и новаторский прием. Методологические аспекты проблемы взаимодействия литературы и фольклора составляют труды А. Н. Веселовского, У. Б. Далгат, В. Я. Проппа, В. А. Семенова, В. Б. Окороковой, Ю. Г. Хазанкович. Были применены описательный метод; метод наблюдения и метод стилистического анализа для выявления стилистической специфики и для обобщения результатов исследования произведений П. Ойунского. Традиции устного народного творчества являются «органической составляющей» художественного мира якутского писателя начала XX века П. А. Ойунского. Основными выводами проведенного исследования являются: использование приёмов устного народного творчества, якутского героического эпоса олонхо (пословицы, языковые повторы, постоянные эпитеты и др.); применение и переложение сюжетов из сказок, сказовых элементов; использование характерных для устного народного творчества приемов – это гротеск, фантастика, сатира, иносказание. Новизна работы заключается в том, что в данном исследовании впервые определены и описаны особенности художественного стиля в рассказах П. Ойунского. В работе обнаружено влияние фольклора на раскрытие авторской интенции. В рассказах П. Ойунского представлено целостное традиционное мировоззрение якутского народа начала XX в.

Ключевые слова:

рассказ, сказка, заимствование, переложение сюжета, художественный текст, стилистические средства, стилистический прием, стиль автора, фольклор, персонажи

Творческое начало якутского писателя П. А. Ойунского (1893-1939) и его формирование как писателя приходится в начале XX века, в 1920-1930-е годы. Этот период заставил писателя пронизательно остро ощутить разлад с миром общепринятых ценностей и утрату внутренней свободы. П. Ойунский не смог не выразить в своём творчестве свои мировоззренческие установки, свое настоящее отношение к действительности. Несмотря на непростое положение, П. Ойунский начал писать свою прозу. И для того, чтобы изображать, ровно то, что хотело видеть государство, писатель использовал в своем творчестве принцип народности и фольклор.

Как известно, фольклор выступает фундаментом, основой национальных литератур, а фольклорно-эпическая традиция, будучи производной от него, – главным маркером этничности [\[7, с. 6\]](#). Это объясняется тем, что «в фольклорных произведениях ассимилируются ирреальные версии, лежащие в глубинах человеческого сознания, которые целенаправленно не выходят за пределы в ассоциативных целях» [\[1, с. 101\]](#).

В поисках новых форм, средств изображения героя и действительности П. Ойунский обращался к типологически близкого к методу традициям русских писателей XIX века. Писатель, отталкиваясь от родного – якутского устного творчества и русской литературы XIX века, предлагал свое понимание мира на основе художественной интуиции. По мнению исследователей, именно творчество русского писателя А. С. Пушкина вдохновила П. Ойунского на создание авторских сказок, рассказов-сказок, ставших одними из лучших произведений якутской литературы.

О литературной сказке В. П. Аникин писал: «Сказки писателей слились в сознании людей всех поколений со сказками народа. Это происходит потому, что каждый писатель,

каким бы оригинальным ни было его собственное творчество, ощущал свою связь с фольклором» [\[17, с. 55\]](#). Методологической базой исследования особенностей художественного стиля и фольклора, в частности литературной сказки, послужили труды А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского и др., и основывается на положении трудов У. Б. Далгат [\[11\]](#), С. Ю. Неклюдова [\[16\]](#).

В.Я. Пропп показал, что «сказка как жанр, со своим составом сюжетов и персонажей, со своей структурой, в конечном счете генетически связана с первобытными обрядами и представлениями» [\[14, с. 9\]](#). Пропп подчеркивает и то обстоятельство, что «прочную зависимость от древних этнографических субстратов обнаруживают и архаический эпос, и обрядовый фольклор. Вместе с тем, отношения фольклора и этнографии не прямолинейны, в недрах фольклорного творчества происходит переработка, переосмысление, часто - идеологическое отрицание либо полная перекодировка материала действительности» [\[14, с. 10\]](#). Исследователю удалось вскрыть ряд общих законов, регулирующих эти творческие процессы, и обнаружить устойчивые специфические качества фольклорного творчества. Весьма примечательна работа М. Н. Лейдерман-Липовецкого «Поэтика литературной сказки», в котором исследователь раскрывает роль народной волшебной сказки в обретении художественного опыта, предполагающего включение цитации, авторскую обработку известных сюжетов, реинтерпретацию вечных мотивов и наличие традиционного финала. В результате появляется авторский текст, наполненный индивидуальным восприятием мира [\[12, с. 43\]](#).

Контекстный подход к изучению произведений П. Ойунского показал, что одной из отличительных особенностей творчества П. Ойунского является переложение и перерабатывание сказочных сюжетов, их заимствование и интерпретация. Заимствованным сюжетам и мотивам традиционных сказок П. Ойунский придал свое авторское, индивидуальное и народное звучание. Писатель в произведениях придает ряд форм жанровых разновидностей сказок: сказки о животных, про птиц, о социально-бытовых (новеллистических) и волшебных (чудесных).

Произведения П. Ойунского созданы на основе русской и якутской народной сказках – это сказочный рассказ о животных «Лиса и барсук» («Саһыллаах барсуук», 1935) и рассказ про птиц «Спор» («Мөккүөр», 1925). Рассказ-сказка в стихах «Спор» основан на переданном материале фольклористом П. В. Слепцовым. Данный материал - сюжет сказки «Чирок и беркут» («Чаркый икки, барыллыа икки») был записан учёным-фольклористом, сосланным в Якутскую область в Верхоянск за революционную деятельность И. А. Худяковым (1842–1876) и включен в книгу «Верхоянский сборник» [\[18\]](#).

В сюжете рассказа-сказки «Лиса и барсук» выражены особенности мировоззрения народа через призму образов, в аллегоричной форме доносить потаенную мысль писателя. Особенностью сюжетной композиции произведений П. Ойунского является то, что в них широко используется диалогическая речь, в которой отражена эффективная форма наделения животных человеческими признаками и качествами. В рассказе «Лиса и барсук» автор уделяет большое внимание речи персонажей, так как диалог между ними передает основные события, которые необходимы для понимания сюжета. Следует здесь отметить высказывание В. А. Семенова, что «язык персонажей и писателя насыщен якутскими народными речениями, пословицами и поговорками, которые придают сказке не только национальный колорит, но и усиливают ее художественную выразительность» [\[14, с. 33\]](#).

Язык рассказов П. Ойунского богат народными пословицами, поговорками и фразеологическими оборотами. Рассказ «Лиса и барсук» начинается авторским отступлением народного изречения, но и здесь чувствуется стиль традиций: «*Саас үйэ тухары саһыл өйдөө□үнэнаатырар этэ, онон өйдөөх, ньуолбар собус киһини киһи эрэ барыта: «Оо, саһыл мэйии», - диэн ааттыыр этилэр*» («Лиса в своем веку известна хитроумьем, потому про умных и изворотливых людей обычно говорят: «с лисьим мозгом»). В рассказе показаны те, которые с помощью обмана стремятся к личной выгоде. Для выражения и наполнения текста выразительностью этого основного мотива привлечено несколько сюжетов, представляющих собой самостоятельные сказки (волк у проруби; лиса крадет рыбу из саней; лиса и ворона). Писатель обращается не только к якутским, но и к русским сказкам. При этом при обработке их автор вносил якутский национальный колорит.

Аллегория, сатира – это особенности стиля П. Ойунского, которые опирались на неиссякаемом источнике устного народного творчества. В рассказе использованы немало анекдотов про охотников в описании действий крестьянина, нашедшего на дороге «мертвую» лису: «себе — шапку, жене — воротник, ребенку — торбаза». Или, ироническое обращение лисы к волку, лишившемуся хвоста: «Да, съела я рыбку с хвоста, полагая, что ты тоже с хвостом».

Во второй части рассказа «Лиса и барсук» автор отходит от традиционной сюжетной линии: в этой части «лису постигают одни неудачи». Главным назначением второй части является необычайное обстоятельство – «лиса попадает в Армению». Как известно, «большинство сказочных текстов в сюжетном плане основаны на путешествии героя, его перемещения в пространстве. В фольклорных произведениях понятие «пространство», как правило, носит вымышленный или же сакрально-аллегорический характер и мало соотносится с реальными географическими объектами» [3, с. 86]. По мнению В. А. Семенова, П. А. Ойунский успешно разрабатывал не только сюжеты оригинального якутского фольклора, но и сказочные сюжеты, заимствованные из устной поэзии других народов [14, с. 12]. На основе этих так называемых «бродячих» сюжетов писатель и создал рассказ «Лиса и барсук». П. Ойунский, используя *бродячий* сюжет, выражает устойчивые традиции национальной литературы, которые находят непереносное отражение в аналогичных текстах. Здесь «происходит смешение тематических форм и создание гибридных образований» [9, с. 8], писатель синтезирует юго-европейские, русские и якутские сказочные начала. Данное рассмотрение подтверждает взгляд А. А. Бурцева о том, что «П. А. Ойунский в художественной прозе творчески использовал «инонациональные реминисценции» [2, с. 5]. Таким образом, на наш взгляд, именно «миграционные» формы порождают особенности мироощущения писателя, вместе с тем и специфику национальной сатиры в устном народном творчестве.

Имеет фольклорный источник и творчески переложен писателем в художественную форму рассказ-сказка «Спор». Произведение в стихах отличается аллегорической формой. В рассказе аллегория служит раскрытию мысли автора о пороках общества, как чинопочитание, лицемерие, лживость. Автор поэтически обработал популярную сказку «Спор», повествующую о «собрании» пернатых, в котором они должны избрать своего правителя. В рассказе выступают фольклорно-мифологические персонажи - пернатые. В завязке рассказа на «собрании» разразилась распря. Неожиданной точкой в сюжетном развороте является явление всемогущего орла, сопровождаемый «свитой» - многочисленными стервятниками. Ажиотаж разразившегося раздора прекратилась в мгновение ока: вот уже претенденты на власть, оробев, стали хором, при этом

вкрадчиво-угодливо выкрикивать о том, что «надо непременно избрать правителем орла». Проникнутый комическим пафосом рассказ отличается речевой характеристикой персонажей. Автор создает не только аллегорические образы, но и аллегорические ситуации, действия героев. Через поведение, действий персонажей автору удалось воспроизвести реалистический образ человека. Произведение насыщено различными изобразительными средствами, вобрал в себя всю красоту народного языка: поговорками, пословицами, меткими языковыми сравнениями, в которых сохранены свойственные народной речи выражения, игра слов, образные характеристики, типичные для сказочного стиля. Произведение впечатляет умелым использованием автором народного языка, юмора, в котором описывается разразившееся до скандала собрание пернатых.

Очевидно, в рассказах-сказках о животных и про птиц П. Ойунского функциональность вымысла основана «на передаче критической мысли: в юмористических или сатирических целях животным придаются людские черты» [\[10, с. 196\]](#). В рассказах есть все: и сарказм, и философские размышления.

Исключительное в рассказах П. Ойунского в том, что в них вполне реальные жизненные конфликты между вполне реальными персонажами получают необычную, сказочную сюжетную реализацию. Несмотря на всю свою сказочность, фантастический сюжет и красочный язык, рассказы «Явь ли, сон ли?!» («Олох дуу, түүл дуу?», 1926), «Как якут превратился в злого духа» («Саха абааһы буолбута», 1935) получились невероятно реалистичными.

Доминирование фантастического начала проявляется в рассказах «Явь ли, сон ли?!», «Как якут превратился в злого духа», которые имеют «сказочную» организацию сюжета и построение на контрасте. В рассказах самым гармоничным образом переплетены: приключения, радость, безудержное веселье, и как в жизни – печаль и трагизм. Один из способов организации художественного мира рассказа с элементами сказки, как отмечают исследователи, это «создание особого сказочного (а чаще сказочно-фантастического или сказочно-мифологического) мира, параллельной реальности» [\[5, с. 236-241\]](#).

В своих произведениях П. Ойунский переход от реального к сказочному разворачивает картиной жизни народа: это – быт народа, его хозяйство. Рассказы завораживают читателя своими фантастическими событиями, которые сродни народным сказкам. Сказочность начинается уже с самой завязки сюжета, в котором обычные люди сразу же вступают, начинают действовать в удивительных обстоятельствах. Так, своеобразные художественные функции выполняют «вещие сны», заимствованные из мифологии в рассказе «Явь ли, сон ли?!». Федорке (Сүөдэрэпээн), старику-кумалаану (с як. *кумалаан* – нищий, нищеврод), заснувшему на бычьей шкуре, которой пользуется шаман при камлании, приснился удивительный сон. Во сне Федорка обладает чудодейственной силой бычьей шкуры. Наделенный сверхъестественными способностями Федорка попадает в подводное царство мифических *шиликунов* (с як. *сүлүүкүн* – дух глубоких вод) [\[15, с. 243\]](#). Этот эпизод несёт особую смысловую нагрузку, так как в нём автор передаёт не только фантастические события, но и особую фольклорно-этнографическую смысловую нагрузку. В рассказе по убеждению персонажа – старого якута человек во сне «видит свое будущее», «встречается» с предстоящим благополучием и несчастьем. Главный герой Федорка, не знавший в жизни радости, свободы из-за гнета *тойонов* (с якут. *тойон* – господин), увидел свое счастье только во сне.

В основном «вещий сон» в произведениях якутских писателей начала XX века служит для описания действительности в условно-романтическом стиле. «Писатели начала XX века, изображая «потустороннюю» счастливую жизнь своих героев, выражали стремление народа к свободе и хорошей жизни, что для них в большинстве случаев было только мечтой» [\[14, с. 65\]](#).

Обращаясь к рассказам с фантастическими событиями, мы можем заметить иронию писателя по поводу народных представлений о чертях, о жителях иного мира и других потусторонних силах. В рассказе-новелле «Как якут превратился в злого духа» повествуется о том, как главный герой, собирая в лесу ягоды, провалился в нижний мир. В процессе анализа данного рассказа устанавливается, что его «пространственная организация близка к мифологической. Для произведений писателя характерно разделение мира на «наш» – на мир людей, мир жизни и «чужой» – тайный мир» [\[8, с. 2\]](#). В рассказах П. Ойунского характерны приемы «повторения сходных ситуаций» – описаний о нижнем мире, которые принято считать фольклорно-эпическими. Вместе с тем, в рассказе «Как якут превратился в злого духа» повествуется о том, что в подземном мире живут не шиликуны из мистических рассказов, не чудовища из нижнего мира якутского эпоса олонхо, а обыкновенные люди, с таким же бытовым укладом, с такими же обычаями, нравами и верованиями, как и в среднем мире, т.е. на земле. В образности и знаковости сна главного героя «сохраняется культурный код народа, передаются особые знания о мире, раскрывается особая парадигма пространственно-временных координат» [\[4, 2711\]](#). Жанр сказочного рассказа был выбран П. Ойунским «в данный период (1930-е годы – С. Г.) не случайно, так как сказка изначально является универсальным жанром для прямого, открытого выражения моральных оценок (....). Испокон веков, в традиционной сказке добро было добром, а зло – злом, причем добро всегда одерживало победу» [\[6, с. 69\]](#).

Заключение. Анализ особенностей стиля в рассказах П. А Ойунского позволил выявить важные стороны его художественной системы. Значимыми художественными приемами П. Ойунского являются: – заимствование в своих произведениях сказочных сюжетов и образов; – переложение сюжетов из сказок; – применение элементов из сказок, якутского героического эпоса олонхо; – используются приёмы гротеска, фантастики, сатиры и иносказания; – используются языковые повторы, постоянные эпитеты, пословицы и др. Немаловажным приемом является то, что писатель развивал заложенное в сказочных рассказах сатирическое содержание.

Посредством оригинального способа – использованием традиций устного народного творчества в своих произведениях автором поднимаются проблемы не сказочные, а актуальные для своего времени – острые социально-экономические проблемы, которые существовали в жизни якутского народа в начале XX века.

Одной немаловажной деталью в сказочности, в формах фантастики в рассказах П. Ойунского является проявление архаических основ, которые способствуют созданию и развитию оригинального сюжета.

Библиография

1. Балтымова М. Р. Некоторые вопросы типологии фольклоризма (на материале произведений Габита Мусрепова) // Филологическое образование в период детства. 2023. № 30. С. 98-104. EDN: CYUDRQ.
2. Бурцев А. А. П. А. Ойунский и мировая литература // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П. А. Ойунского: сб. тезисов по матер. Межд. Научн. конф..

Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. 228 с.

3. Губарева М. А. Мифология и фольклор как истоки путевой прозы // Современное есениноведение. 2024. № 1(68). С. 83-87. EDN: OQZSLZ.

4. Данчинова М. Д. Архетипичность устной прозы бурят (на примере шаманских сновидений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 9. С. 2707-2711. DOI: 10.30853/phil20230419. EDN: TZBYLN.

5. Желобцова С. Ф., Хазанкович Ю. Г., Желобцов Ф. Ф. Поэтика литературной сказки в прозе народов Якутии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (82). Ч. 2. Тамбов: Грамота. С. 236-241. DOI: 10.30853/filnauki.2018-4-2.5. EDN: YWNLCO.

6. Кремнева Н. П. Жанр сказки в творчестве А. С. Пушкина // Оригинальные исследования. 2023. Т. 13, № 8. С. 65-70. EDN: EVOALS.

7. Кряклина Т. Ф. Основные направления и формы взаимодействия традиционных и национальных художественных культур (на материале народов Сибири) // Актуальная культура. 2023. № 2. EDN: TUOTAC.

8. Ревенко А. И. Фольклорные мотивы в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы этнохудожественной культуры и её потенциал в образовательной среде: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти ученого, педагога, художника Н. К. Шабанова. Курский государственный университет, 25-26 апреля 2024. Курск: Курский гос. ун-т, 2024. С. 537-541. EDN: MILASB.

9. Сорокина В. В. Эстетические эксперименты современной русской прозы: "роман-сказка" и "стихотворение в прозе" // Stephanos. 2023. № 4(60). С. 7-17. DOI: 10.24249/2309-9917-2023-60-4-7-17. EDN: VEPFRG.

10. Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.

11. Далгат У. Б. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 303 с.

12. Лейдерман-Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (На материале рус. лит. 1920-1980-х гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 183 с.

13. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избр. статьи [Сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова]; [АН СССР, Ин-т востоковедения]. М.: Наука, 1976. 325 с.

14. Семенов В. А. Фольклорные сюжеты и мотивы в творчестве П. А. Ойунского / Отв. ред. Н. В. Емельянов; АН СССР. Якут. филиал Сиб. отд-ния. Ин-т языка, литературы и истории. Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. 76 с.

15. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта / АН Республики Саха (Якутия), Институт гуманитарных исследований; под общей редакцией П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. 627 с.

16. Структура волшебной сказки / Рос. гос. гуманит. ун-т. Ин-т высш. гуманитар. исслед.; Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. 232 с. (Традиция, текст, фольклор: типология и семиотика).

17. Сказки русских писателей [Для детей / Сост., вступ. ст., с. 3-22, и коммент. В. П. Аникина]. М.: Правда, 1985. 670 с.

18. Худяков И. А. Верхоянский сборник: якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым / [подгот., авт. предисл. А. В. Слепцова]. Иркутск; [Батагай]: изд. на средства И. М. Сибирякова, 1890, [2008]. 207 с.

19. Ойуунускай П. А. Талыллыбыт айымньылар: Үс томнаах: кэпсээннэр, сэхэннэр, пьесалар, ахтыы / Россия наукаларын акад., Сиб. отд-ние Саха сириинээби салаата; Тыл, лит., ист. ин-та. Дьокуускай: Бичик, 1993. Т. 2. 441 с.

20. Ойуунускай П. А. Талыллыбыт айымньылар: икки томнаах: хоһооннор, поэмалар, тылбаастар, драматическай айымньылар, кэпсээннэр, сэхэннэр, ахтыылар, ыстатыйалар / СССР наукаларын акад., Сиб. отд-ние Саха сириинээби фил., Тыл, лит., история ин-та.

Якутской: Саха сиринээби кинигэ изд-вота, 1975. Т. 1: [киири тыл авт. проф. А. Е. Мординов]. 1975. 438 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает художественный стиль в произведениях П. А. Ойунского. Актуальность работы обусловлена научным интересом к национальной литературе как художественному воплощению национального сознания, к выделению и осмыслению индивидуального художественного опыта. Творчество выдающегося якутского писателя XX в. Платона Алексеевича Ойунского (1893-1939) представляет собой незаурядный литературный феномен, сыгравший огромную роль в становлении и развитии якутской литературы.

Теоретической основой исследования обоснованно выступили труды таких ученых, как В. Я. Пропп, В. П. Аникин, М. Н. Лейдерман-Липовецкий, А. А. Бурцев, У. Б. Далгат, В. А. Семенов, М. Р. Балтымова, Т. Ф. Кряклина, В. В. Сорокина и др., посвященные мифологии и фольклору, литературной сказке, взаимодействию традиционных и национальных художественных культур, экспериментам современной русской прозы, фольклорным сюжетам и мотивам в творчестве П. А. Ойунского т. п. Библиография составляет 20 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена целью и поставленным задачам и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, социокультурный и художественный анализ, литературоведческий и текстурально-герменевтический анализ произведений, а также метод контекстного анализа, при котором произведение рассматривается в историческом, социальном и культурном контексте: «контекстный подход к изучению произведений П. Ойунского показал, что одной из отличительных особенностей творчества П. Ойунского является переложение и перерабатывание сказочных сюжетов, их заимствование и интерпретация».

В ходе исследования рассмотрены теоретические аспекты фольклора как «основы национальных литератур» и фольклорно-эпической традиции как «главного маркера этничности»; поэтики литературной сказки. Изучены произведения П. Ойунского, созданные на основе русской и якутской народной сказки, с точки зрения сюжета, языка, стиля. Проанализировано, как писатель «картиной жизни народа разворачивает переход от реального к сказочному». Выявлены значимые художественные приемы П. Ойунского (заимствование сказочных сюжетов и образов; применение элементов из сказок, якутского героического эпоса олонхо; использование приёмов гротеска, фантастики, сатиры и иносказания, языковых повторов, постоянных эпитетов, пословиц и др.). Сформулирован вывод о том, что «посредством использования традиций устного народного творчества в своих произведениях автором поднимаются проблемы не сказочные, а актуальные для своего времени - острые социально-экономические проблемы, которые существовали в жизни якутского народа в начале XX века».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в исследование идиостиля Платона Ойунского, расширяя представление о его авторской картине мира, о национальной якутской литературе. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной

проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по истории литературы, стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных литературе народов России, якутской литературе, творчеству и идиостилю П. Ойунского и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дворак Е.Ю., Гринберг Т.Э. Специфика креолизованного текста в рекламных роликах от ВТБ по мотивам произведений русской литературы: «Бесприданница», «Муму» // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74072 EDN: PNOUKD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74072

Специфика креолизованного текста в рекламных роликах от ВТБ по мотивам произведений русской литературы: «Бесприданница», «Муму»

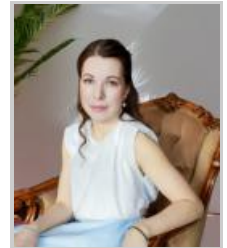
Дворак Елена Юрьевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Журналистики, медиакоммуникаций и рекламы; Московский университет им. А.С. Грибоедова

111396, Россия, г. Москва, р-н Новогиреево, Зелёный пр-кт, д. 66А

✉ elenadvorak22@yandex.ru

Гринберг Татьяна Эдуардовна

доктор филологических наук

профессор; факультет журналистики; Московский университет им. А.С. Грибоедова

111396, Россия, г. Москва, р-н Новогиреево, Зелёный пр-кт, д. 66А

✉ elisabeta.astra@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74072

EDN:

PNOUKD

Дата направления статьи в редакцию:

09-04-2025

Дата публикации:

16-04-2025

Аннотация: Предметом исследования являются структурные, видовые особенности креолизованного текста видеорекламы, основанной на преобразовании сюжетов русской литературы («Бесприданница», «Муму») и их интерпретации в контексте

современных экономических реалий. Объектом исследования является креолизированный текст в рекламных роликах банка из цикла: «ВТБ – это классика!». Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как трансформация исходного кода в креолизированном тексте, подчеркивают его важность, как средства мультимодальной передачи информации, которая усиливает эмоциональное и когнитивное воздействие на аудиторию. Особое внимание уделяется анализу и способам взаимодействия семиотических знаков, (исходя из второй трихотомии Ч. Пирса: иконическому знаку и символу) в рамках креолизированного текста. Подчеркивается их вклад в структуру и общее понимание рекламного послания. Методы исследования включают: семиотический анализ, контент-анализ, систематически изучающие содержания выбранных рекламных видеороликов, выявления типологических, знаковых, визуальных компонентов; культурологический анализ, исследующий интеграцию в рекламу сюжетов русской литературы, их воздействие на аудиторию; мультимодальный анализ, рассматривающий взаимодействие текстовых, аудиовизуальных элементов для построения многослойных сообщений. Основными выводами проведенного исследования является доказательство тождественности понятий креолизированного и поликодового текста за счет интеграции различных медийных форматов (языковых, аудиовизуальных), что делает его универсальным в передаче многослойных сообщений, позволяет эффективно использовать в рекламно-коммуникационных целях. Данная комбинация создает сообщение с несколькими скрытыми слоями, что усиливает эмоциональное воздействие рекламы, делает ее более убедительной. Особым вкладом авторов в исследование темы является выделение двуплановости композиции в роликах («Бесприданница», «Муму»), что формирует культурно-релевантные ассоциации с брендом. Соответственно, использование в видеорекламе сюжетов из русской классики увеличивает степень доверия аудитории к компании. Новизна исследования заключается в выявлении семиотических связей внутри креолизированного текста, создание на их основе рекламного пространства, в котором происходит трансформация иконических и символических знаков, что ранее не исследовалось. Взаимодействие исходного сюжета с современностью внутри семиотических связей формирует сложные, увлекательные нарративы, усиливая интерес к рекламе и создавая более привлекательный имидж банка в глазах потребителя.

Ключевые слова:

креолизированный текст, поликодовый текст, рекламный видеоролик, реклама, символ, иконический знак, семиотические связи, двуплановость, креолизация, семиотика

В современном обществе, где количество визуальных данных стремительно увеличивается, возрастает интерес исследователей к изучению невербальным способов передачи информации. Анализ особенностей креолизированных текстов привлекает внимание лингвистов, филологов, психологов, журналистов, специалистов по рекламе и связям с общественностью и т. д. Причина кроется в том, что данный вид текста представляет собой своеобразный феномен, который носит междисциплинарный характер и так или иначе оказывается востребованным в различных областях.

Сам термин «креолизированный текст» [\[1, с. 180\]](#) был введен в конце XX века, русскими лингвистами: Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым. Лексическое значение понятия *креолизация* было рассмотрено учеными по аналогии с креольским языком, возникшим из сочетания местного и привнесенного колониального языка. Позже этот новый

(креализованный) язык стал главным средством коммуникации в определенной социальной группе.

Однако основу для научного исследования структуры креолизованного текста заложила семиотика. Исходя из определения Ю. М. Лотмана, семиотика – «это наука о знаках, используемых в процессе коммуникации» [2, с. 6]. Знаки делятся на типы и виды. Наиболее известна вторая трихотомия, предложенная американским ученым Ч. Пирсом, в которую входят: *знак-индекс*, *иконический знак* и *символ* [3].

Первый тип напрямую связан с конкретным объектом и приобретает свою значимость через фактическое влияние этого объекта на него. Визуальное подобие для знака-индекса между ним и объектом не является необходимым условием для его существования. Например, флюгер на доме будет указывать направление ветра, но его внешний вид никак не соотносится с его функцией. И хотя данный тип знака так же используется в рекламных видеороликах, его роль в них незначительна.

Что касается двух остальных знаков, то оба они являются базовыми элементами креолизованного текста, входят в его структуру, следовательно необходимы для более подробного анализа.

В концепции Ч. Пирса, иконический знак – «тот, который обладает рядом свойств, присущих обозначаемому им объекту, независимо от того, существует этот объект в действительности или нет» [4]. Таким является наскальный рисунок первобытных людей, современная фотография или чертеж самолета. Главное, чтобы у него прослеживалась визуальная связь с объектом.

Однако современные реалии XIX в. привели к трансформации определения иконического знака. Суть парадокса заключается в том, что иногда грань между оригиналом и его отображением стирается в восприятии аудитории. То есть она «временно» забывает, что изображение и реальность – это не одно и то же. Можно предположить, что исторически, магические и религиозные обряды строились на этом условном «забывании». (Например, вера в то, что повреждение портрета вредит изображенному на нём человеку. Отсюда же идут оккультные практики, такие как Вуду). Нужно отметить, что особенно ярко подобный эффект наблюдается в современных аудиовизуальных и рекламных коммуникациях, где телевизионный образ человека воспринимается как сам человек, а не как его представление.

Ч. Пирс полагал, что изучение иконического знака по своей ценности сопоставимо с изучением самого объекта. Он считал, что передача идеи напрямую возможна только через иконический знак. Важную роль иконическому знаку отдавал ученый и в коммуникации, считая, что только этот знак способен вызывать яркие чувственные образы. Частично данную теорию подтверждает использование этого вида знаков в современной видеорекламе.

Третий тип, знак-символ, является наиболее многогранным и сложным для восприятия. Опять же, исходя из трактовки Ч. Пирса, его смысл определяется из договоренности (конвенции) между теми, кто интерпретирует символы и теми, кто их воспринимает. Этим объясняется искусственная природа данного знака. Существуют общепринятые символы, за которыми закрепились конкретные значения. Например, белый голубь – символ мира, а лавровый венок – служит символом успеха со времен Олимпийских игр в Древней Греции.

Однако более богат и многообразен рядя знаков-символов, которые обладают

множеством интерпретаций и толкований. Причем их понимание будет зависеть от различных факторов: географических, культурно-традиционных, религиозных, социально-экономических, а также личного опыта, интерпретирующего знак. Например, символ розы – в России означает красоту, в Китае – богатство, успех, в Европе – романтическую любовь, а в Индии – духовное просветление. Кроме этого, на трактовку символа влияет еще и цвет растения. Так белая роза в христианской культуре означает чистоту помыслов и невинность, такие цветы часто дарят невесте на свадьбу. Однако в Индии несмотря на священное отношение к данному растению, никто не рискнет преподнести розу такого оттенка в дар, так как белый цвет для индусов является символом траура, смерти.

Рассматривая креолизованный текст, нужно подчеркнуть, что он напрямую связана с изучением языка и его особенностей. Вполне закономерно, что первые определения данного феномена было сделано лингвистами. Например, Е. Е. Анисимова в работе «Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)» дает следующую дефиницию: «креолизованный текст – это текст, фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной, то есть языковой и невербальной, то есть принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [\[5, с. 12\]](#).

Поддерживает данную точку зрения, специалист в области межкультурной коммуникации, М. Б. Ворошилова, полагая что «информационная емкость и прагматический потенциал креолизованного текста формируется за счет синтеза вербальных и невербальных средств текстовых компонентов» [\[6, с. 134\]](#).

Однако существует и другая трактовка понятия «креолизованный текст». Например, современный российский лингвист В. Е. Чернявская предлагает термин «поликодовый текст» [\[7, с. 89\]](#). По мнению исследователя, креолизация более метафорична и охватывает лишь две языковые составляющих текста: вербальную и невербальную. В отличие от нее, поликодовый текст включают в себя не только гетерогенные части, но и коммуникативность (вербальный элемент), визуализация (изображение) и аудиоконтент (например, звуковое, музыкальное сопровождение в видеорекламе).

Таким образом, мы выделяем два вида определений, которые объясняют феномен креолизованного текста. Первая соотносит термины «поликодовый» и «креолизованный», как взаимозаменяемые друг друга. Вторая – представляет креолизованные тексты, как специфическую разновидность поликодовых. Исходя из вышесказанного, наиважнейшей задачей становится поиск оптимального решения. Мы склоняемся к первой, синонимичной трактовке понятия креолизованного текста. Поясним почему.

О поликодности текста писал еще Ю. М. Лотман в статье «Художественная природа русских народных картинок». В своем научном изыскании ученый рассматривал лубочный текст, как изменчивое взаимодействие визуальных элементов и словесного компонента в народном искусстве. Под «текстом», Ю. М. Лотман понимал не только словесную, языковую часть, но «трактовал его как совокупность многоязычных элементов, составляющих единую структуру» [\[8, с. 314\]](#). Подчеркивал «сценичность» лубочной гравюры, а также уникальный процесс взаимодействия зрителей с текстом в ходе его интерпретации.

Это доказывает использование в креолизованном тексте несколько кодов (вербальных,

невербальных и аудиовизуальных). Соответственно, мы можем сделать вывод, что понятия креолизованный и поликодовый тексты синонимичны. Наиболее ярко это проявляется в видеорекламе. Современный *креолизованный рекламный текст* представляет собой комбинированный сплав различных знаковых систем (преимущественно иконических и символических), что способствует созданию многослойных смысловых конструкций и семиотических связей внутри рекламного сообщения.

Хотелось бы подчеркнуть, что вне зависимости от степени осознания аудиторией факта креолизации, процесс восприятия и осмысления в человеческом сознании происходит не через словесные конструкции, а посредством визуализации полученной информации. К тому же все указанные процессы разворачиваются за пределами нашего осознанного восприятия, т. е. на бессознательном уровне. Иными словами, любая попытка облечь мысль в форму сопровождается в нашем сознании элементами креолизации.

Исходя из данной концепции, рекламный креолизованный текст идеально отвечает запросам сегодняшнего потребителя: привлекает внимание, создает ассоциативные связи с известными образами, убеждает в ценностях, внедрённых авторами рекламного сообщения. Ключевой функцией является гибкость в использовании разнообразных семиотических систем и свобода выбора оптимального знака в заданной ситуации.

Рассмотрим серию рекламных роликов банка ВТБ, созданных по мотивам произведений русской литературы, появившуюся на экранах в 2024 г. Весь цикл идет под слоганом: «ВТБ – это классика!» [\[9, 11\]](#). И хотя данная фраза является связующим звеном, но «ключом», поворотным элементом ко всему повествованию становится другая: «Был бы тогда ВТБ...!». [\[9, 11\]](#). Именно после нее происходит трансформация сюжетной линии, подменяется известный литературный нарратив новой рекламной реальностью.

На сегодняшний день в рекламную серию по мотивам русской классики вошло 10 видеороликов: «Преступление и наказание», «Онегин», «Двенадцать стульев», «Мертвые души», «Горе от ума», «Бесприданница», «Вишневый сад», «Муму», «Пиковая дама», «Мастер и Маргарита». В данной статье мы проанализируем два видеоролика из этой серии, созданных на основе пьесы «Бесприданница» [\[9\]](#) и повести «Муму» [\[11\]](#).

Главные герои пьесы А.Н. Островского «Бесприданница»: Лариса Огудалова и четверо мужчин: Паратов, Карандышев, Кнуров, Вожеватов. Лишь один из них по замыслу автора готов взять героиню в жены, остальные же смотрят на нее как на вещь и готовы предложить лишь роль содержанки. В рекламном видеоролике обыгран фрагмент из заключительного четвертого акта пьесы. После пикника и прогулки по Волге Паратов объявляет Ларисе, что обручен. Перед героиней два пути: либо замуж за Карандышева, либо в содержанки к Кнурову. Однако, как известно, завершается более трагично.

Что же мы наблюдаем в рекламе? Девушка, как и в пьесе бежит к реке, чтобы утопиться, как вдруг...В этой точки действия возникает трансформация нарратива, «автор», (в жизни – старший вице-президент банка), Дмитрий Брейтенбихер произносит сакраментальную фразу: «Был бы ВТБ тогда...!» [\[9\]](#). После чего появляется в рекламной реальности, предлагая героине открыть свое дело, взяв кредит от ВТБ.

Далее перед телезрителями предстаёт уже другая история. Успешная Лариса – хозяйка шляпного салона, плывет на форум в Петербург. Соответственно, карта ВТБ представляет собой символа свобод. В данном контексте, свободы – как финансовой независимости, которую она дает. Цвет карты, (как и основной цвет банка), синий

перекликается как с платьем героини – голубым, так и с оттенком реки.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что карта ВТБ является одновременно иконическим знаком, так как визуально совпадает с реальным продуктом банка и символическим знаком. Цветовая кодировка дает ощущение стабильности, уверенности в финансовых возможностях банка, как передает стабильность, незыблемость неторопливо набегающие волны Волги. Зритель не просто воспринимает информацию, но и начинает ассоциировать бренд с определенными ценностями и эмоциями. Креолизированный текст в рекламном ролике по мотивам «Бесприданницы» проявляется в сочетании образов известных героев, музыки, звуковых эффектов и слогана банка, который органично вплетается в визуальный видеоряд.

Исходя из классификации Е. А. Елиной «...креолизированные тексты подразделяются на два типа:

- 1) частично креолизированные
- 2) полностью креолизированные» [\[10, с. 49-50\]](#).

В первом случае, вербальные и визуальные элементы (иконические знаки) находятся в равноправном взаимодействии. При этом словесная часть относительно независима, а графические элементы являются необязательными. Иными словами, их удаление не сильно повлияет на понимание языкового сообщения. Во втором, речь идет о текстах с *полной креолизацией*, в них наблюдается более тесная интеграция компонентов.

Следовательно, мы приходим к выводу, что «текст» в видеоролике банка по мотивам пьесы «Бесприданница» является полностью креолизированным. Так как удаление любой из составляющих приведет к изменению всей структуры рекламного сообщения и нарушит сформировавшуюся эмоциональную связь между брендом и потребителем.

Следующий ролик, который мы выбрали для анализа, снят по мотивам повести И. С. Тургенева «Муму». Как и в предыдущем случае, создатели данной рекламы ограничились кратким пересказом взаимоотношений немного крепостного дворника Герасима и маленькой собачке по кличке Муму. После чего перед телезрителями сразу же предстает конец истории – прощание героя со своей любимицей, скупая слеза и... Вновь возникает «автор» (он же представитель банка ВТБ), который спасает собачку и предлагает Герасиму стать самозанятым.

«Ключом» к трансформации литературного нарратива произведения вновь становится фраза: «Был бы ВТБ тогда...!» [\[11\]](#). После чего перед аудиторией возникает альтернативная версия сюжета (о которой, юные современные читатели повести И. С. Тургенева, горюя над безвинно утопленной собачкой, в тайне мечтали), в которой герой основывает свою компанию по прокату лодок («Герасим и Муму»).

Видеореклама по мотивам повести «Муму» также является полностью креолизированным текстом, так как визуальный ряд, персонажи, слоган и ключ-фраза банка гармонично соединяется в единую структуру. Вычленение и удаление любого из компонентов негативно повлияет на восприятие рекламной истории телезрителем. Следовательно, мы можем сделать вывод, что сочетание вербальных, невербальных и аудиовизуальных составляющих креолизованного текста в видеорекламе выполняют информационно-экспрессивную роль.

Анализируя рекламные продукты банка, мы выявили общие, характерные черты для

всего цикла роликов, созданных под слоганом: «ВТБ – это классика!». Это двупланность сюжета и кольцевая композиция. Причем оба этих структурных элемента перекликаются друг с другом.

Кольцевое выстраивание видеороликов данной рекламной серии заметно практически сразу. Каждая «история» начинается с чтения синей книги (цвет, как символ) одного из классиков русской литературы. Зрителя буквально затягивает в водоворот известного сюжета, который в кульминационный момент начинает развиваться по новому сценарию. Завершается каждый из рекламных роликов возвращением в современную реальность вместе с условным «автором», и с героями произведений. Последние предстают перед зрителем в облике современных людей, сохраняя при этом свою идентичность. Венчает всю композицию слоган банка: «ВТБ – это классика!».

Исходя из определения двуплановости, параллельно существуют два мира: идеальный, созданный текстом и реальный, современный. Перенос героев произведений в нашу действительность стирает границы между ними, и как следствие, между иконическими знаками, которыми эти персонажи являются.

Следовательно, мы выявили один из способов формирования семиотической связи внутри креолизованного текста, между условным прошлым и настоящим. Причем прошлое интерпретируется исходя из изменившегося настоящего. Соответственно, вся история предстает текстом, который аудитория трактует, исходя из сегодняшнего понимания мира, основываясь на знаковых кодах.

Кроме этого, внутри семиотической связи прошлое и настоящее вступают в своеобразный диалог. Современность предстает как пространство, восприимчивое к влиянию исторических нарративов. Однако сам нарратив был изменен во вторичной реальности рекламных роликов. Следовательно, под влиянием трансформированной современности и прошлое претерпевает изменения, предстаёт перед аудиторией в ином свете (на примере рекламных видеороликов по мотивам «Бесприданницы» и «Муму»).

Таким образом, комбинирование в креолизованных текстах классических литературных образов с современными реалиями создает новые контексты, позволяющие аудитории воспринимать и трактовать известные иконические знаки и знаки-символы иначе. Данное свойство можно отнести к *полимоданольсти*, по мнению исследователя В. С. Григорьева, «...способности разнородных знаков взаимодействовать в вербальной коммуникации, что влияет на семиотические свойства друг друга и порождает новые смыслы в тексте». [\[12, с. 41\]](#). Сочетание различных семиотических кодов в одном рекламном ролике позволяет не только привлечь и удержать внимание телезрителя, но и донести ключевые сообщения до своей аудитории.

В заключении мы делаем вывод, что такой подход – использование литературных образов для рекламных роликов по мотивам произведений русской классики, позволяет бренду ВТБ выделиться на фоне конкурентов. А также помогает сформировать устойчивые ассоциации у потребителей, что является важным аспектом для создания уникального имиджа банка.

Библиография

1. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография. М.: Высшая школа, 1990.
2. Лотман Ю. М. Люди и знаки // В кн.: Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ,

2010. С. 610.

3. Теория знаков Ч. Пирса // Стэнфордская энциклопедия философии. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.82a44bd8-67f8768c-580f8807-74722d776562/https/plato.stanford.edu/entries/peirce-semiotics/ (дата обращения: 05.04.2025).

4. Семиотика. Иконический знак (или иконичность) // URL: <https://libq.ru/articles/semiotika/ikonicheskiy-znak-ili-ikonichnost/> (дата обращения: 06.04.2025).

5. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Издательский центр "Академия", 2003. 128 с. EDN: YWOTPL.

6. Ворошилова М. Б. Методология, методы и методика анализа креолизованного текста // Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Н. Б. Руженцева. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2017. С. 125-199.

7. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом "ЛИБРО-КОМ", 2009. 248 с. EDN: ZFQAKN.

8. Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок // Статьи по семиотике культуры и искусства / Предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002. 543 с.

9. ВТБ - Реклама Бесприданница // URL: <https://rutube.ru/video/7dc82d666e92f68ce92b0cd6999c1331/> (дата обращения: 07.04.2025).

10. Елина Е. А. Семиотика рекламы. М.: "Дашков и К", 2013. 136 с.

11. ВТБ - Реклама Муму // URL: <https://rutube.ru/video/b51f947d05e6d030c4f356c6eac96f43/> (дата обращения: 08.04.2025).

12. Григорьева В. С. Рекламный дискурс через призму когнитивных доминант его организации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020, № 4. С. 283-297. EDN: BKNZWP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования является специфика креолизованного текста в рекламных роликах. Актуальность работы аргументируется тем, что «анализ особенностей креолизованных текстов привлекает внимание лингвистов, филологов, психологов, журналистов, специалистов по рекламе и связям с общественностью и т. д. Причина кроется в том, что данный вид текста представляет собой своеобразный феномен, который носит междисциплинарный характер и так или иначе оказывается востребованным в различных областях». Материалом исследования послужили рекламные ролики банка ВТБ, созданные по мотивам произведений русской литературы. Весь цикл идет под слоганом: «ВТБ – это классика!» В данной статье проанализированы два видеоролика из этой серии, созданные на основе пьесы «Бесприданница» и повести «Муму».

Теоретической основой научной работы обосновано выступили труды по лингвистике текста; креолизованным текстам, их коммуникативной функции и лингводидактическому потенциалу; методологии анализа креолизованного текста; по рекламному дискурсу и

семиотике рекламы таких ученых, как Ю. М. Лотман, В. Е. Чернявская, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Е. Е. Анисимова, Е. А. Елина, В. С. Григорьева, М. Б. Ворошилова и др. Библиография статьи насчитывает 12 источников, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, поставленной цели использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с элементами наблюдения, обобщения, интерпретации, контент-анализ, методы дискурсивного и когнитивного анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования подробно рассмотрены понятия «креолизированный текст» и «креолизированный рекламный текст», делается вывод о том, что «рекламный креолизированный текст идеально отвечает запросам сегодняшнего потребителя: привлекает внимание, создает ассоциативные связи с известными образами, убеждает в ценностях, внедрённых авторами рекламного сообщения». Проанализированы видеоролики из серии «ВТБ – это классика!», созданные на основе пьесы «Бесприданница» и повести «Муму» как частично креолизированный и полностью креолизированный. Выявлены общие, характерные черты для всего цикла роликов изучаемой серии (двупланность сюжета и кольцевая композиция). В заключении отмечается, что «использование литературных образов для рекламных роликов по мотивам произведений русской классики позволяет бренду ВТБ сформировать устойчивые ассоциации у потребителей, что является важным аспектом для создания уникального имиджа банка».

Теоретическая значимость работы очевидна и обусловлена ее вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением креолизованного текста и выявлением характера и степени взаимодействия его компонентов в креолизованном рекламном тексте. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в курсах по теории языка и теории дискурса, лингвистике текста и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания.

Обращаем внимание автор(ов), что в тексте встречаются языковые недочеты, в том числе технического характера: см «возрастает интерес исследователей к изучению невербальным способом передачи информации», «Рассматривая креолизированный текст, нужно подчеркнуть, что он напрямую связана с изучением языка и его особенностей», «На сегодняшний день в рекламную серию по мотивам русской классики вошло 10 видеороликов», «В рекламном видеоролики обыгран фрагмент из заключительного четвертого акта пьесы», «В этой точки действия возникает трансформация нарратива» и др.

Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Приходько В.К. Декодирование имплицитного слоя в китайской народной сказке "Как старик решил скрыть гору" // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74091 EDN: LDYSJI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74091

Декодирование имплицитного слоя в китайской народной сказке "Как старик решил скрыть гору"

Приходько Виктория Константиновна

ORCID: 0000-0001-7309-0498

доктор филологических наук

доцент, высшая школа русской филологии; Тихоокеанский государственный университет

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136

✉ ulius-viktori@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74091

EDN:

LDYSJI

Дата направления статьи в редакцию:

14-04-2025

Дата публикации:

26-04-2025

Аннотация: Статья посвящена декодированию подтекста в китайской народной сказке «Как старик решил гору скрыть», описанию двуплановости сказки: эксплицитного и имплицитного слоев. Особое внимание уделяется символике сказки, ее метафоризации. Объектом исследования является стилистика декодирования как способ интерпретации художественного текста по национально-ориентированной методике на занятиях русского языка как иностранного. Предметом исследования стала категория имплицитности как скрытая семантика в китайской народной сказке. Автором выбран семантико-стилистический метод анализа. Бытовая сказка «Как старик решил гору скрыть» рассматривается в качестве эффективного обучающего дидактического материала на уроках русского языка как иностранного. Даются методические

рекомендации, способствующие заинтересованному и результативному обучению русскому языку по национально-ориентированной методике. В основу исследования положены аналитический, описательный и семантико-стилистический методы. Анализ строился на принципах историзма и учета национальной культуры, в которой был создан текст. Актуальность поднятой в статье темы обусловлена тем, что стилистика декодирования как способ интерпретации художественного текста имеет в настоящее время большую важность, особенно на занятиях по русскому языку по национально-ориентированной методике. Новизна исследования заключается в том, что впервые осуществлен филологический анализ китайской народной сказки "Как старик решил скрыть гору" для применения его в учебных целях в середине В 1. I сертификационного уровня. Анализ интегрируется с методикой изучающего чтения, направленного на качественное восприятие и понимание читаемого текста на всех его уровнях. Декодирование имплицитного слоя текста приводит к выводу, что в старинной китайской сказке воплощена мечта простого народа о научно-техническом прогрессе, о возможности победить могущественную природу, о том, что человеческие упорство и труд способны свернуть горы. Сказка метафорически свернута до фразеологизма и прецедентного высказывания, которое содержит в себе два противоположных значения "Юйгун сдвинул горы" и "Глупый старик двигает горы", поскольку в китайском фольклоре обнаруживаются варианты сказки с разными подтекстами: двигать горы – смело и похвально, двигать горы – глупо и тщетно.

Ключевые слова:

имплицитный слой, декодирование, подтекст, китайская народная сказка, фольклор, изучающее чтение, метафоризация, фразеологизм, символика, национально-ориентированный подход

Введение

Сказки знакомят читателей с этнической культурой, с национальными традициями и с менталитетом народа. Они отражают языковую картину мира через специфические образы, метафоры. В них есть увлекательный сюжет и назидательный смысл. Мудрая старая сказка может являться отражением истории народа, быть продуктом размышлений о развитии научно-технического прогресса. Китайские народные сказки – это вид народного творчества, который передавался из уст в уста на протяжении многих веков от поколения к поколению. Записывать сказки в Китае стали в конце XVII в., собирать и издавать в Пекине в первой половине XX в. В сказках удивительным образом запечатлелся климат Китая, его география, растительный и животный мир, особенности быта.

Актуальность поднятой в статье темы обусловлена тем, что стилистика декодирования как способ интерпретации художественного текста имеет в настоящее время большую важность, особенно на занятиях по русскому языку по национально-ориентированной методике.

Новизна исследования заключается в том, что впервые осуществлен филологический анализ китайской народной сказки «Как старик решил скрыть гору» для применения его в учебных целях в середине В 1. I сертификационного уровня. Анализ интегрируется с методикой изучающего чтения, направленного на качественное восприятие и понимание читаемого текста на всех его уровнях. Рассмотрение народных сказок, декодирование их

имплицитного слоя через описание и анализ национальных метафор, фразеологизмов и паремий позволяет воссоздать и оценить языковую картину мира другой страны, что, несомненно, способствует взаимопониманию при обучении иностранному языку и развитию полноценной межкультурной коммуникации.

Проанализированы исследования русских и китайских специалистов, посвященные национально-ориентированному подходу, а также изучены работы, раскрывающие функционирование метафор и фразеологизмов в двух языках.

Объектом исследования является стилистика декодирования как способ интерпретации художественного текста по национально-ориентированной методике на занятиях русского языка как иностранного.

Предметом исследования стала категория имплицитности как скрытая семантика в китайской народной сказке, передающаяся через метафору горы.

Целью данной статьи является расшифровка подтекста китайской народной сказки «Как старик решил скрыть гору», имплицитный смысл которой раскрывает воплотившиеся в старинной народной сказке мечты китайцев о научно-техническом прогрессе.

Материалы и методы

Материалом исследования послужила китайская народная сказка «Как старик решил скрыть гору» [11, с. 59–61]. В основу исследования положены аналитический, описательный и семантико-стилистический методы. Анализ строился на принципах историзма и учета национальной культуры, в которой был создан текст [8; 17]. Особое внимание уделялось трудам, посвященным национально-ориентированному подходу в обучении русскому языку иностранцев [6; 7; 15; 18; 19; 27]. Теоретической основой исследования о метафоре, создающей имплицитный слой, послужили работы отечественных ученых: Н.Д. Арутюновой, В.А. Масловой, В.Н. Телия, [3; 4; 20; 28], а также зарубежных исследователей Р. Барта, Д. Лакоффа, П. Тибодо [34; 35; 36]. Категория имплицитности в художественном тексте создается и поддерживается различными выразительными средствами, фигурами, тропами [9; 14]. Большую роль в создании имплицитности играют фразеологизмы и паремии [2; 9; 14]. Сравнительному анализу русско-китайских фразеологизмов посвящены многочисленные современные исследования [12; 16; 18; 22; 31]. Фразеологизмы отражают менталитет народа и языковую картину мира [1; 2]. В статье с опорой на словари [7; 13] описано значение 25 русских и китайских фразеологизмов с компонентом «гора». В научной литературе концепт «гора» изучается давно и успешно: в курдской, болгарской, сербской, киргизской лингвокультурах [1; 5; 10; 21; 25]. В ходе декодирования имплицитного слоя сказки «Как старик решил скрыть гору» осуществлено описание значений концепта «гора» в китайской лингвокультуре.

Основная часть

В Тихоокеанском государственном университете (г. Хабаровск) обучается большое количество студентов из КНР. В вузе реализуются совместные образовательные программы. По нашему опыту, национально-ориентированная методика эффективна и результативна в обучении.

Национально-ориентированная методика – это обучение иностранному языку с использованием элементов родной культуры учащихся [26; 32].

Методика предполагает учет следующих аспектов:

- 1) специфики родного языка учащихся,
- 2) литературы и истории страны учащихся,
- 3) национальных традиций,
- 4) особенностей национального психотипа,
- 5) использования элементов межъязыкового сходства [\[6; 7; 17; 18; 32\]](#).

Работа с народными сказками позволяет соблюсти все аспекты [\[19\]](#).

Для работы с иностранными студентами большими образовательными возможностями обладает китайская народная сказка «Как старик решил гору скрыть». Она интересная, небольшая по объему, имеет увлекательный сюжет и дидактический характер. Данный учебный текст соответствует середине В1. I сертификационного уровня. Сказка издана в сборнике китайских народных сказок «Братья Лю» [\[11\]](#).

Работу с текстом сказки могут дополнить исторические рассказы о туннеле Гуолян, проложенном в Тайханшаньских горах в провинции Хэнань на востоке Китая. Туннель назван в честь маленькой деревушки Гуолян, в которой живут 350 человек, ради которых и был проложен путь в скалах. Эта дорога связала жителей деревни с остальным миром. Строительство туннеля началось в 1972 г., когда жители деревни решили самостоятельно построить дорогу, которая соединит их деревню с цивилизацией, от которой отделяли горы. Крестьяне продали всё, что могли, а на вырученные деньги закупили нужные инструменты и стали прокладывать туннель. Тринадцать сельских жителей начали проект, один из них погиб во время строительства. Не имея доступа к электроинструментам, они использовали в основном молотки и зубила. На самом сложном участке работа продвигалась со скоростью один метр за три дня. Протяжённость всего туннеля 1,2 километра, высота туннеля – 5 метров, ширина – 4 метра. Также рабочие использовали динамит и помощь жителей соседних провинций. Строительство заняло 5 лет. Туннель был открыт для прохода 1 мая 1977 года. В настоящее время туннель Гуолян считается одной из популярнейших достопримечательностей региона [\[29\]](#).

Автором апробирована работа со сказкой в аудитории с китайскими студентами, и были получены положительные результаты в плане чтения и понимания сказки.

В данном случае мы опирались на опыт работы белорусского методиста Н.В. Нестер, которая в работе с текстом разработала полезные речевые упражнения для изучающего чтения. Они делятся на предтекстовые, притекстовые, послетекстовые» [\[23, с. 101\]](#).

В процессе изучения русского языка как иностранного могут быть использованы разные жанры художественного текста. Эффективную результативность показывает работа с народными сказками: они символичны, метафоричны, в них вымысел сочетается с реальностью, есть текст и подтекст, а значит эксплицитный и имплицитный слой.

Имплицитность – это важная часть семантической структуры художественного текста, это особенная скрытая часть смысла, которая декодируется при помощи эксплицитных элементов текста [\[14; 10\]](#). По справедливому утверждению Т.И. Яковенко, «понимание категории имплицитности предполагает наличие сложных системных отношений между

способами выражения имплицитного смысла» [\[33, с. 5\]](#). Имплицитные значения – это глубинные смыслы, располагающиеся под эксплицитными значениями. Эксплицитный и имплицитный уровень текста находятся в поддерживающей и организующей друг друга связи.

Вслед за В.Я. Проппом, сказки традиционно делят на 6 типов:

- 1) **волшебные**, включающие в себя героические и приключенческие сюжеты, фантастические превращения;
- 2) **кумулятивные** сказки, отличающиеся повторами, рифмами, стройной композицией;
- 3) сказки **о животных**, в которых звери персонифицируются, очеловечиваются;
- 4) **бытовые** сказки, в которых иронично и с долей социальной критики воспроизводятся обыденные ситуации, типизируются персонажи (воры, супруги, отгадчики, советчики, братья, соседи);
- 5) **небылицы**, повествующие о нереальных, фантастических событиях;
- 6) **докучные** сказки, напоминающие нескончаемые пестушки и потешки, основанные на повторяющихся прибаутках [\[24, с. 50\]](#).

Китайская народная сказка «Как старик решил скрыть гору» бытовая, но ни иронии, ни сатиры, ни критики социальных реалий в сказке нет. Старик пытается улучшить качество жизни себе и своим детям. Эксплицитный слой сказки прост и даже примитивен.

Не имеет смысла приводить в статье текст «Как старик решил скрыть гору» целиком. Но для дальнейшего раскрытия смысла и подтекста, требуется кратко изложить суть сказки.

Старик всю жизнь был вынужден обходить гору, когда шел на работу к полю. На это уходило много времени и сил. В глубокой старости он понял, что почти половину жизни потратил на этот обходной путь и что такая же участь ожидает его детей, внуков и правнуков. Тогда старик решил собрать всю свою многочисленную семью и общими силами гору снести. Бабушка возразила, что не хватит жизней ни детей, ни внуков, чтобы с горой справиться. Но ей ответили, что она потому против сношения горы с дороги, что никогда не обходила ее и не работала в поле. Соседи пришли на помощь.

Старик говорил скептикам, которые не верили, что человек способен справиться с горой: « – Знаю, что я стар и жить мне осталось немного. Но у меня много сыновей, у которых есть много детей, у детей сыновей тоже будут дети, и так их будет всё больше и больше... А гора не растёт. Если я урву от неё кусочек, то другой не вырастет. А если мы все за неё возьмёмся, разве мы не одолеем её? Придёт время, и людям уже не нужно будет обходить эту гору – они будут ходить по прямому пути» [\[11, с. 61\]](#).

В работе со сказкой требуется прибегнуть к **изучающему чтению**, цель которого – качественное восприятие и понимание читаемого текста на всех его уровнях.

К **предтекстовым заданиям** в изучающем чтении следует отнести предварительное объяснение незнакомых учащимся слов, написанных на доске, обращение к толковому словарю. Цель предварительных заданий – подготовить иностранных студентов к восприятию сказки. Затем студенты слушают сказку, читаемую преподавателем, запоминают правильность постановки ударений.

Следующий этап включает в себя **притекстовые задания**, выполняемые во время

чтения сказки, направленные на проверку понимания прочитанного, уточнение лингвокультурных деталей, закрепление лексических единиц.

Послетекстовые задания – это вид упражнений, относящийся к процессу чтения текста. Послетекстовые упражнения обеспечивают контроль понимания прочитанного, успешность выполнения смысловой обработки информации в соответствии с вопросами и заданиями, сформулированными в притекстовых упражнениях. Здесь можно использовать чтение и пересказ, проверку правильности постановки ударения, упражнение «начни и продолжи фразу», соедини по смыслу два столбца на доске, вопросно-ответные упражнения, помогающие раскрыть имплицитный слой сказки [\[23, с.100–104\]](#).

На вопросы преподавателя: «Чему учит сказка?», студенты отвечают, что мораль в сказке многогранна. Например, отвечают, что совместный, слаженный труд может осуществить невозможное, даже свернуть гору, что надо уметь мечтать и предвидеть светлое будущее, надо трудиться на благо людей, никогда не сдаваться, верить в свои силы и рассчитывать на помощь единомышленников. И действительно, все эти смыслы лежат на поверхности.

А вот расшифровка метафоры «гора» в сказке «Как старик решил срыть гору» приводит к ее глубинному пониманию. Горы символически во многих культурах воспринимаются как твёрдые и непреодолимые, олицетворяя стабильность, неизбежность и постоянство тяжелых жизненных проблем [\[5: 21\]](#). Свернуть горы можно из-за любви, ради мечты, для высокой цели. В китайской лингвокультуре «гора» – это символ высоких моральных человеческих качеств и терпения [\[10\]](#). Трудное восхождение в горы олицетворяет борьбу, с которой приходится сталкиваться в жизни. А вот обхождение горы всегда воспринимается как проявление мудрости, ведь «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет» [\[2, с. 297\]](#). В сказке старик проявил мудрость, решив уничтожить гору. Его желание срыть гору открыло большие перспективы для последующих поколений: удобство, экономию времени и сил. Гора – это препятствие на пути сильного, смелого, трудолюбивого человека. И в сказке заложена жизнеутверждающая мысль: терпение и труд обязательно дадут нужные результаты.

Существует китайский фразеологизм 愚公移山(yúgōng yíshān), который переводится как «Юйгун передвинул горы» (значение – преодолеть все препятствия, свернуть горы) [\[31, с. 260\]](#). Фразеологизм является метафорически свернутой информацией легенды о Юйгуне, который жил в Северных Горах в доме, расположенном напротив двух больших гор: Тайхан и Вайву. Старик предложил семье передвинуть горы, чтобы облегчить доступ к дому. Небесный Владыка, разгневанный трудолюбием и упорством старика, посылает двух Святых убрать горы и расчистить старику путь.

В китайской фразеологии есть также метафорическое выражение 使蚊负山 (shǐ wēn fù shān) «отправить муравья отнести гору» [\[7\]](#), то есть давать непосильную работу; ставить задачи, изначально обреченные на невыполнение. Старик и муравей для горы – это одинаково слабые, но упорные и трудолюбивые соперники.

В подтексте читается, что многочисленный китайский народ своей настойчивостью и непреклонной волей сумеет рано или поздно подчинить себе природу.

Есть и противоположный перевод фразеологизма: «глупый старик двигает горы», смысл которого о тщетности и бесполезности затраченных усилий на сражение с неприступной

и сильной природой. Но такое значение встречается реже.

Расшифровка подтекста в сказке приводит к выводу, что гора в старинной китайской сказке не просто преграда на пути, отрезающая жителей деревни от места работы и от цивилизации, но и метафора трансформации сознания людей. Это мерило нравственности и справедливости, своеобразная древняя мечта китайцев о том, что со временем научно-технический прогресс позволит прокладывать дороги в горах, создавать туннели и сокращать путь – это своеобразная фантазия о рационализации труда и приложении его на благо и удобство человека. Мечта старика о сокращении дороги способом разрушения горы в современном мире воплотилась в жизнь. Сегодня разработано множество технологий в построении дорог и туннелей в горах.

Китайские студенты, обучаясь русскому языку по национально-ориентированной методике, при разборе и анализе китайской народной сказки «Как старик решил гору срыть» знакомятся с русской и китайской метафорикой (*гора как жизненная преграда, устойчивость моральных принципов, борьба с трудностями*) и символикой (*обойти гору, взойти на гору, срыть гору*), скрытыми в имплицитном слое сказки, с паремиологией (*умный в гору не пойдет – умный гору обойдет, свернуть горы*), фразеологией (愚公移山 (yúgōng yíshān), 使蚊负山 (shǐ wēn fù shān)), испытывают интерес к сюжету сказки, к историям о трудовых подвигах своих соотечественников, гордость и радость от соприкосновения со своим фольклором. Национально-ориентированная методика преподавания, подкрепленная «изучающим чтением» с предтекстовой, притекстовой и послетекстовой работой, способствует хорошему контакту со студентами и дает эффективные результаты при изучении русского языка.

Согласно национально-ориентированному подходу, методически правильным является предложить студентам задание на подбор китайских фразеологизмов и паремий с компонентом «гора», перевод их на русский язык с объяснением значений и историями происхождения.

Например: 稳如泰山 — «устойчивый, как гора Тэшань». Согласно легенде, гора Тайшань – это одна из пяти самых высоких гор Китая. Образовалась гора из головы Паньгу, сотворившего Вселенную. Название горы означает «Восточная гора», она, по поверьям китайцев, соединяет Небо и Землю. На горе обитают души умерших, а на ее вершине хранятся золотые шкатулки с нефритовыми пластинами, на которых записаны сроки жизни людей. По поверьям, стоя на божественной горе Тайшань, Конфуций воскликнул: «Мир мал!».

Преподавателю, работающему с китайскими студентами, важно знать и учитывать, что в китайской фразеологии принята иная типология фразеологизмов, чем в русском языке. В русистике существуют два подхода к фразеологии: 1) «узкий», основывающийся на типологии В.В. Виноградова (фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания); и 2) «широкий» подход, признающий типологию В.В. Виноградова, но причисляющий к фразеологизмам и другие воспроизводимые единицы у большинства носителей русского языка (поговорки, крылатые выражения, популярные цитаты). В китайской традиции систематизированный подход к фразеологизмам ориентирован больше на иносказательность, происхождение и стилистическую изобразительность, нежели на структурно-семантические особенности. Китайская типология отражает направленность китайской фразеологии на исторические, культурные и философские аспекты китайской лингвистики. В китайских метафорах и фразеологизмах интересен подтекст, то есть имплицитный слой, который необходимо правильно декодировать.

По классификации китайского фразеолога Ма Гофаня, выделяют пять типов фразеологизмов: 1) **ченьюй** – философские выражения, состоящие из четырех китайских символов; 2) **яньюй** – пословицы, передающие философские мысли; 3) **сехоуэй** – недоговорки-иносказания, в которых первая часть высказывания – намек, а вторая – ключ к нему; 4) **гуаньюньюй** – устойчивые выражения, комбинирующие слова в определенном порядке; 5) **сюйюй** – поговорки, повседневно используемые для передачи опыта предков [\[30, с. 60-68\]](#).

Иностранцам студентам при работе со сказкой «Как старик решил скрыть гору» дается возможность рассказать на русском языке о поверьях и легендах своей страны.

Далее преподавателем предлагаются для перевода и запоминания русские устойчивые выражения и коллокации с компонентом «гора»:

Образец: гору свернуть, скрыть (или сдвинуть) 做了很多事; 移山倒海

Задание: 1) взбираться на гору 爬山, 登山, 2) спуститься с горы 下山, 3) солнце скрылось за горой. 太阳下山了, 4) гора с горой не сходятся, а человек с человеком сойдутся.〈谚语〉山与山不能相遇, 人与人总会相逢, 5) Гора родила мыш.〈转〉龙生跳蚤, 6) жители гор 山区居民, 7) жить в горах 住在山区, 8) прогулка в горы 登山游玩, 9) ледяная гора 滑雪橇的高台, 冰山, 10) кататься с гор 从山上滑下来, 11) гора песку 一大堆沙子, 12) дела идут в гору. 事情顺利发展, 13) и на вид она гора горой ходит. 她胖得象座山, 14) какая гора у меня лежит на душе. 我的内心有多么沉重, 15) гора с плеч (свалилась) 如释重负, 16) не за горами (или горой) 不远, 在近处; 快到; 17) пир горой 丰盛的筵席, 18) под гору идти (или катиться) 走下坡路, 每况愈下, 19) стоять горой за кого-что (做...的靠山, 全力维护); 20) горой кибитки нагружают. 马车上的货物装得高高的 и т.д. [\[7\]](#).

Практическая значимость данной работы заключается в том, что:

1) рассматриваемые фразеологизмы и заключенные в них метафоры помогают раскрыть глубину сказки и доказывают, что глубинный декодированный подтекст помогает всестороннему пониманию не только отдельного художественного произведения, но и национальной картины мира;

2) исследуемый языковой материал обладает большим обучающим потенциалом;

3) данный материал может быть использован в вузах (КНР и РФ) в ходе преподавания русского языка как иностранного.

Заключение

Национально-ориентированный подход учитывает специфику родного языка учащихся, особенности национального психотипа, историю и литературу, традиции страны. С целью установления межкультурной коммуникации и качественного обучения подбирается особый дидактический материал, вбирающий языковые и культурные коды, понятные иностранцам.

Китайские студенты, обучаясь русскому языку по национально-ориентированной методике, при разборе и анализе китайской народной сказки «Как старик решил гору скрыть» знакомятся с русской и китайской фразеологией (25 фразеологизмов с компонентом «гора»).

Вместе с преподавателем учащиеся выявляют общую для обеих стран метафорику и символику (*гора как жизненная преграда, устойчивость моральных принципов, борьба с*

трудностями, обойти гору и т.д.), задумываются над скрытыми в имплицитном слое сказки значениями: 1) умный старик решил двигать горы; 2) глупый старик двигает горы.

Читая китайскую сказку на русском языке, студенты испытывают интерес к сюжету, радость от соприкосновения со своим фольклором, а также гордятся трудовыми подвигами соотечественников, покоряющих горы.

Национально-ориентированная методика преподавания, подкрепленная «изучающим чтением» с предтекстовой, притекстовой и послетекстовой работой, способствует хорошему контакту со студентами и дает эффективные результаты при изучении русского языка.

Студенты знакомятся с классификацией сказок В. Проппа, классификацией фразеологизмов В.В. Виноградова, типологией фразеологизмов Ма Гофаня, с понятиями «подтекст», «концепт», «метафора», «символ», «имплицитный слой», «декодирование».

Расшифровка подтекста в сказке приводит к выводу, что гора в старинной китайской сказке не просто преграда на пути, отрезающая жителей деревни от места работы и от цивилизации, но и метафора трансформации сознания людей. Это мерило нравственности и справедливости, своеобразная древняя мечта китайцев о том, что со временем научно-технический прогресс позволит прокладывать дороги в горах, создавать туннели и сокращать путь – это своеобразная фантазия о рационализации труда и приложении его на благо и удобство человека. Мечта старика о сокращении дороги способом разрушения горы в современном мире воплотилась в жизнь. Сегодня разработано множество технологий в построении дорог и туннелей в горах.

Библиография

1. Абдразакова Г.Ш. Выражение коннотативного и денотативного значений в концепте "гора" // Вестник КРСУ. 2022. Т. 22. № 2. С. 58-62. DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-58-62. EDN: IGMGXV.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология. Москва: Флинта, Наука, 2009. 344 с. EDN: SDQJVH.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 905 с. EDN: YLAWAR.
5. Ахматова М.А. Концепт гора в карачаево-балкарском нартском эпосе // Современные проблемы науки и образования: Электронный журнал. 2015. № 2-3. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=23510> (дата обращения: 13.04.2025).
6. Береза Е.В. Основные функции 3 de (的, 得, 地) в современном китайском языке // Известия Восточного института. 2022. № 4 (56). С. 120-130. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-4/120-130. EDN: GQXVVK.
7. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 22.04.2025).
8. Бобрышева И.Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку как иностранному китайских учащихся в условиях русской языковой среды (начальный этап): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва: ИРЯ, 1996. 19 с.
9. Барышникова Г.В., Дубинина И.И. Лексические средства декодирования имплицитно выраженных эмоций // Филологические науки, Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 4. С. 76-79. EDN: XELSCL.
10. Борзова Т.А., Ли Хуэй. Специфика описания категории пространства в китайской языковой картине мира (на материале фразеологизмов китайского языка) // Территория

- новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2023. Т. 15, № 2. С. 164-177. DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2023-2/164-177. EDN: GBKQZC.
11. Братья Лю. Китайские народные сказки. Москва: Гос. изд-во детской лит-ры МП РСФСР, 1955. 96 с.
12. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 509 с. EDN: QTMHJL.
13. Готлиб О.М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. Иркутск: Изд-во "Иркутский государственный университет", 2019. 596 с.
14. Имплицитность в языке и речи / под ред. Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. Москва: Языки русской культуры, 1999. 200 с.
15. Кан Инань. Методика обучения русской предметной и бытовой культурно-специфической лексике в китайской аудитории (уровень В1-С1): автореф. дисс... канд. пед. наук. Москва: "Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина", 2022. 23 с.
16. Костева В.М., Сыфань Ч. Основные характеристики китайской и русской фразеологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 49-55. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_7_862_49. EDN: PWVTGW.
17. Краснокутская Н.В. Реализация принципа учета родного языка в учебниках русского языка для иностранцев // Русистика. 2020. Т. 18. № 3. С. 342-358. DOI: 10.22363/2618-8163-2020-18-3-342-358. EDN: GGFCZP.
18. Ли Ли, Ли Шуцзинь. Отражение национально-культурного аспекта в китайских и русских фразеологизмах // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37, № 4. С. 542-583.
19. Лузарева В.О. Использование сказок на уроках русского языка как иностранного // Образование и воспитание. 2025. № 4 (56). С. 14-16. URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/288/10056/> (дата обращения: 14.04.2025). EDN: AYRKVU.
20. Маслова В.А. Лингвокультурология. Москва: Академия, 2001. 182 с. EDN: UKCOEJ.
21. Медведева Т.С., Медведева Д.И. Репрезентация концепта гора в русской лингвокультуре и его аналогов в болгарской и сербской лингвокультурах // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2019. Т. 29. Вып. 6. С. 933-941. DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-933-941. EDN: TZSUUU.
22. Мутылева А.А. Сравнительный анализ классификации фразеологических единиц в русском и китайском языках // Молодой ученый. 2024. № 13 (512). С. 217-273.
23. Нестер Н.В. Обучение изучающему чтению на материале китайской народной сказки "Желтый аист" // Нацыянальны характар і спосабы яго ўвасаблення ў культуры і мове ва ўмовах мультыкультурнага асяроддзя: электрон. сб. материалов междунар. науч. конф., Полоцк, 19-20 ноября 2020 г. / Полоцкий государственный университет; ред. кол.: Н. В. Нестер [и др.]. Новополоцк, 2022. С. 100-104. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elib.psu.by/handle/123456789/32361> (дата обращения: 31.03.2025). EDN: OQBSME.
24. Пропп В.Я. Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа) / под ред. С.Ю. Рассказова. Москва: Лабиринт, 2000. Т. 4. 416 с.
25. Сальников А.С. Концепт "гора" в курдской лингвокультуре // Гуманитарные исследования. 2009. № 3 (31). С. 71-77. EDN: KXTRKP.
26. Семенова И.В. Национально-ориентированный подход в обучении РКИ китайских студентов (обучение лексике и грамматике научного стиля речи) // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 83-86. DOI: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-83-86. EDN: ZXRDDD.
27. Сунь Ю. Учет когнитивно-психологических характеристик китайских учащихся при

- обучении русской грамматике // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 283-288. DOI: 10.17816/snv202091312. EDN: WUCNDE.
28. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва, 1986. 144 с.
29. Тринадцать смельчаков вручную сделали горный туннель и изменили жизнь целой деревни // Ридус. URL: <https://gochina.ru/blog-dlya-puteshestvennikov/dostoprimechatelnosti-kitaya/tunnel-guolyan-opasnaya-gornaya-doroga-v-kitae/> (дата обращения: 31.03.2025).
30. Циберная О.Ф., Лазарева А.А. Перевод фразеологических выражений в политическом дискурсе Китая // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. Челябинск: ЧГУ, 2020. № 3. С. 60-68.
31. Шоева Д.Х. Китайские фразеологизмы в современной китайской литературе на примере романа Юй Хуа "Жить" // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 6. С. 258-264. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/06/Shoeva.pdf> (дата обращения: 15.04.2025). DOI: 10.5281/zenodo.3946562. EDN: KJUOAJ.
32. Юйсуфу А. Национально-ориентированный подход к формированию грамматических навыков русской речи китайских студентов (уровень А2): дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2023. 322 с. EDN: LRBD OG.
33. Яковенко Т.И. Имплицитный смысл онима в тексте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону: РНДГУ, 2013. 18 с. EDN: ZOSRK F.
34. Barthes R. Denotation and connotation / The communication theory reader / edited by P. Cobley. London and New York: Routledge, 1996. 506 p.
35. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 256 p.
36. Thibodeau P.H., Hendricks R.K., Boroditsky L. How linguistic metaphor scaffolds reasoning // Trends in cognitive sciences. 2017. 21 (11). P. 852-863.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Декодирование имплицитного слоя в китайской народной сказке "Как старик решил скрыть гору"».

Предмет исследования – национально-культурная специфика китайских народных сказок и особенности декодирования их имплицитного слоя как отражения этнокультурных представлений о мире, ценностях, взаимоотношениях и оценках окружающей действительности. Целью исследования является расшифровка подтекста китайской народной сказки «Как старик решил скрыть гору», имплицитный смысл которой раскрывает воплотившиеся в старинной народной сказке мечты китайцев о научно-техническом прогрессе.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением аналитического, описательного и семантико-стилистического методов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что стилистика декодирования как способ интерпретации художественного текста имеет в настоящее время большую важность, особенно при обучении русскому языку как иностранному по национально-ориентированной методике. Кроме того, в последние годы в свете расширения китайско-российского сотрудничества в самых разных сферах, вслед за повышением уровня интереса к китайской культуре и культурным обменам, обращение к сказкам и их более

глубокому изучению становится все более актуальным.

Научная новизна обусловлена тем, что автор описывает опыт применения национально-ориентированной методики на материале китайской народной сказки «Как старик решил скрыть гору», т.е. обучение русскому языку как иностранному с использованием элементов родной культуры иноязычных обучающихся.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы, сформулирована цель исследования); материалы и методы (дана характеристика эмпирического материала, перечислены использованные методы); результаты (приведена практическая значимость исследования; дана классификация сказок; описана работа с китайскими студентами на материале китайской народной сказки «Как старик решил скрыть гору»; автор отмечает эффективность национально-ориентированной методики преподавания, подкрепленной «изучающим чтением» с предтекстовой, притекстовой и послетекстовой работой, что способствует хорошему контакту со студентами и дает положительные результаты при изучении русского языка как иностранного); библиография (включает 24 источника). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории

Статья будет интересна тем, кто занимается исследованием национально-ориентированной методики преподавания русского языка как иностранного. Практическая ценность работы состоит в возможности использования результатов исследования при организации образовательного процесса как в рамках основных образовательных программ, так и программ дополнительного образования.

Рекомендации автору:

1. Объем статьи близок к минимальным требованиям редакции, в статье не сформулированы объект, предмет и научная новизна проведенного исследования. Уместно перенести часть статьи, где сформулирована практическая значимость в конец статьи и расширить заключение.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников также является недостаточным.
3. Было бы интересно привести пример методических разработок, использованных при апробации национально-ориентированной методики преподавания русского языка как иностранного на материале китайской народной сказки «Как старик решил скрыть гору». Было бы уместно увеличить число иллюстративных примеров метафор, фразеологизмов и т.д.
4. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию декодирования имплицитного слоя в китайской народной сказке «Как старик решил скрыть гору». Под имплицитностью в работе понимается «важная часть семантической структуры художественного текста, особенная скрытая часть смысла, которая декодируется при помощи эксплицитных

элементов текста». Актуальность исследования аргументируется тем, что «стилистика декодирования как способ интерпретации художественного текста имеет в настоящее время большую важность, особенно на занятиях по русскому языку по национально-ориентированной методике», «рассмотрение народных сказок, декодирование их имплицитного слоя через описание и анализ национальных метафор, фразеологизмов и паремий позволяет воссоздать и оценить языковую картину мира другой страны, что, несомненно, способствует взаимопониманию при обучении иностранному языку и развитию полноценной межкультурной коммуникации».

Теоретической основой работы обоснованно выступили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как Н. Д. Арутюнова, В. Я. Пропп, Г. В. Барышникова, И. И. Дубинина, В. А. Маслова, Д. Х. Шоева, Т. И. Яковенко, А. Юйсуфу, Джордж Лакофф и Марк Джонсон, Ролан Барт, Ли Ли, Ли Шуцзинь, Кан Инань и др., охватывающие широкий круг вопросов по лингвокультурологии; фразеологии и паремиологии в русском и китайском языках; метафоре; имплицитности в языке и речи; национально-ориентированному подходу в обучении языкам и пр. Библиография насчитывает 36 источников, в том числе лексикографические, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью («расшифровать подтекст китайской народной сказки «Как старик решил скрыть гору», имплицитный смысл которой раскрывает воплотившиеся в старинной народной сказке мечты китайцев о научно-техническом прогрессе») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, интерпретативный анализ материала, методы структурно-семантического и сравнительно-сопоставительного анализа, семантико-стилистический метод и лингвокультурологический анализ, подразумевающий выявление, анализ и описание разноуровневых языковых единиц, соотнесённых с определённым этнокультурным пространством, причем эти единицы являются характерным признаком духовной и материальной реальности народа. В статье с опорой на словари описано значение 25 русских и китайских фразеологизмов с компонентом «гора».

В ходе исследования изучены работы русских и китайских специалистов, посвященные национально-ориентированному подходу и функционированию метафор и фразеологизмов в двух языках; проведен глубокий анализ китайской народной сказки «Как старик решил скрыть гору» для применения его в учебных целях. В ходе декодирования имплицитного слоя сказки «Как старик решил скрыть гору» осуществлено описание значений концепта «гора» в китайской лингвокультуре. Сформулированы выводы об эффективности использования национально-ориентированного подхода в преподавании иностранных языков, о скрытых смыслах сказки «Как старик решил скрыть гору» («расшифровка подтекста в сказке приводит к выводу, что гора в старинной китайской сказке не просто преграда на пути, отрезающая жителей деревни от места работы и от цивилизации, но и метафора трансформации сознания людей») и др.

Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в изучение категории имплицитности и стилистики декодирования как способа интерпретации художественного текста по национально-ориентированной методике на занятиях русского языка как иностранного; могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузах в ходе преподавания русского языка как иностранного.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи

соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

По мнению рецензента, данный материал по своему содержанию ближе к тематике журнала «Педагогика и просвещение»: автор(ы) активно оперируют категориями педагогики и методики преподавания («национально-ориентированная методика преподавания», «студенты знакомятся с классификацией сказок», «методически правильным является предложить студентам задание на подбор китайских фразеологизмов и пословиц с компонентом «гора»», «исследуемый языковой материал обладает большим обучающим потенциалом», «Н. В. Нестер, которая в работе с текстом разработала полезные речевые упражнения для изучающего чтения. Они делятся на предтекстовые, притекстовые, послетекстовые» и т.п.). Данное замечание носит рекомендательный характер.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Цао Ш. Использование исходных падежных форм существительных в речи китайских студентов, осваивающих русский язык как иностранный (на фоне естественного порядка освоения языка) // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74188 EDN: LJTNHW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74188

Использование исходных падежных форм существительных в речи китайских студентов, осваивающих русский язык как иностранный (на фоне естественного порядка освоения языка)

Цао Шэпэн

ORCID: 0009-0004-6526-6405

аспирант, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., 7-9-11В

✉ st120897@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74188

EDN:

LJTNHW

Дата направления статьи в редакцию:

19-04-2025

Дата публикации:

26-04-2025

Аннотация: Объект исследования – психолингвистические факторы использования исходных форм существительных в русской речи носителей китайского языка. Впервые предпринимается анализ функционирования форм именительного падежа единственного числа в различных грамматических значениях в речи носителей китайского языка на фоне аналогичных ошибок, которые допускают монолингвальные русскоязычные дети на ранних стадиях онтогенеза. Автор предлагает формальную классификацию замен форм различных косвенных падежей именительным, рассматривает устойчивость подобных нарушений в зависимости от того, выполняет ли падежная форма структурные и семантические функции, анализирует зависимость ошибочного выбора от

грамматического значения формы, обсуждает типы объектных и субъектных значений, в которых выступают исходные формы в речи носителей китайского языка и русскоязычных детей. Материал извлечен методом сплошной выборки из письменных заданий студентов Китайского нефтяного университета (Циндао) и Санкт-Петербургского университета, и из «Русского учебного корпуса НИУ ВШЭ RLC» (144 форм). При анализе использованы описательный, сравнительно-сопоставительный метод и метод анализа ошибок. Делается вывод, что в письменной речи китайских студентов формы, совпадающие с исходными, выступают вместо форм всех косвенных падежей, в том числе в составе предложно-падежных конструкций. Часть ошибок связана с грамматической сверхгенерализацией, проявляющейся в окказиональном образовании форм родительного падежа множественного числа и винительного падежа единственного и множественного числа одушевленных и неодушевленных существительных. Особым вкладом можно считать обнаружение причин ошибок, общих для детей и инофонов: трудности освоения структурных значений грамем в количественно-именных и отрицательных конструкциях, постепенная выработка в интеръязыке индивида способов выражения различных оттенков субъектных (субъект состояния, совместного действия или обладания) и объектных значений (объектно-дебилиративных, медиативных и др.). Новизна исследования заключается в определении механизмов симплификации грамматической системы осваиваемого иностранного языка, заключающейся в упрощенном оформлении конструкций со значением причины и цели, смешении форм управления при синонимичных глаголах, неразличении локативных и директивных значений. Полученные результаты могут быть использованы для уточнения представлений о стратегиях освоения языка как родного и иностранного, а также при построении методик преподавания русского языка носителям китайского языка.

Ключевые слова:

грамматическая сверхгенерализация, замороженная форма, межъязыковая интерференция, овладение языком, онтолингвистика, речевые ошибки, русский как иностранный, падежное значение, предложно-падежная конструкция, симплификация

Постановка проблемы

В современных исследованиях процессов овладения языком как иностранным дискутируются вопросы построения индивидуальной предложно-падежной системы. Для того чтобы исследовать процесс овладения грамматикой русского языка как неродного, необходимо уточнить разницу между овладением языком в условиях естественной коммуникации и освоением второго языка в учебных аудиториях.

В ходе овладения языком протекает специфический процесс построения индивидуальной грамматической системы. На каждом этапе этого процесса человек вырабатывает и использует особые правила, которые «определяют выбор языковой единицы, основанный на знании ее семантических и структурных функций, и при необходимости ее конструирование» [\[1, с. 136\]](#). Ошибки, сопровождающие овладение сложной флексивной грамматикой русского языка, могут быть обусловлены ее строением и быть общими для детей и инофонов.

Важным фактором формирования языковой системы является речевое взаимодействие [\[2, с. 149-159\]](#). Так как условия освоения языка различны, часть ошибок в речи носителей

и инофонов может быть специфической [1, с. 136]. На различия в механизмах выбора форм в речи русских детей-монолингвов и носителей других языков указывали на материале речи билингвов, осваивающих русский язык и иврит [3, с. 172-179], русский и финский [4, с. 778-784], русский и английский [5, с. 281-284], русский и шведский, русский и греческий [6, с. 146-147], русский и киргизский языки [7, с. 97-98] и др.

Активные наблюдения за становлением грамматической системы в ситуации билингвизма указывают на актуальность данной темы. Методисты отмечают наличие существенного количества грамматических ошибок в области падежного выбора в речи взрослых носителей китайского языка, осваивающих русский язык как иностранный [8, 9, 10, 11, 12], однако специальных исследований, направленных на выяснение особенностей грамматического выбора в речи взрослых, осваивающих русский язык как иностранный, предпринималось недостаточно. Такие исследования представляются актуальными, так как они призваны стать фундаментом при разработке научно обоснованных методик преподавания языков.

Исследования «замороженных» формы в промежуточном языке индивида

Объектом настоящего исследования является «промежуточный язык» индивида. Под промежуточным языком мы, вслед за С. Н. Цейтлин, понимаем временную индивидуальную языковую систему, которая складывается на определенном этапе процесса освоения языка как родного и как иностранного. Процесс смены промежуточных систем особенно очевиден до формирования языковой системы социума, на начальном этапе ее освоения [13, с. 515-516]. Грамматическая система строится по мере накопления опыта, приобретаемого в ходе использования языка [14, с. 21-31]. По мнению А. А. Залевской, промежуточные системы постепенно совершенствуются и приближаются к стандартной грамматике [15, с. 156-157].

В промежуточном языке людей, начинающих осваивать языки со сложной падежной морфологией, может наблюдаться стадия использования «замороженных форм». «Замороженная форма» (frozen form) – это форма или синтаксическая конструкция, совпадающая с изменяемыми словоформами языка социума, но не имеющая в промежуточном языке говорящего противопоставленных форм. Согласно определению С. Н. Цейтлин, «замороженной» можно назвать словоформу, «целиком извлеченную из речевого инпута», однако при этом используемую «независимо от ее точных морфологических характеристик, вследствие чего может в ряде случаев возникать конфликт формы и контекста» [16, с. 177-179].

В исследованиях китайских лингвистов, сделанных на материале освоения английского языка носителями китайского, использование словарных форм и отсутствие соответствующих служебных слов принято называть окаменением (fossilization): *She want to see doctor* (ср. *She wants to see a his doctor*) [17, с. 19-20]. По мнению Чжан Сюэмэй, основными причинами «окаменения» являются как когнитивные особенности восприятия фактов грамматики второго языка, так и выбор стратегий обучения. Периоды «окаменения» наблюдают также в процессе освоения французского и немецкого языков как иностранных [18, с. 19-21]. На материале освоения русского языка такие наблюдения пока не были сделаны.

Использование «замороженного» именительного падежа является первым этапом в процессе овладения падежной грамматикой монопольными носителями русского языка

[19, с. 41-52], [16, с. 177-179], [20, с. 170-171]. По наблюдениям А. Н. Гвоздева, существительные часто появляются в речи ребенка в возрасте до двух лет в форме именительного падежа и используются в разных значениях, наблюдается пропуск предлога [21, с. 378-379]. Н. И. Лепская приводит примеры из речи детей до 3-4 лет: *Хочу пить вода* [19, с. 41-52]. Исследовательница этапов освоения грамматической категории падежа русскоязычным ребенком Н. В. Ионова также отмечала наличие подобных форм: *Книжка читать* [22, с. 55].

М. Д. Воейкова рассматривает «замороженные» формы в детской речи как «грамматический знак без морфологии» на начальном этапе процесса овладения языком. По мнению исследовательницы, появление замороженной формы характеризует начальный, преморфологический, этап конструирования грамматики, на котором значительную роль для маркирования синтаксической роли играет порядок слов, а не падежные окончания [23, с. 137-138], [23, с. 142-145]. М. Д. Воейкова не вполне согласна с идеями Н. Хомского и полагает, что знание языковых структур не является врожденным, а использование замороженных форм характеризует переходный период от преморфологии к морфологии [24, с. 293].

Появление замороженных форм в детской речи связано с постепенным созреванием когнитивной сферы: когда дети замечают способы маркирования синтаксической роли, в их речи постепенно возникают падежные формы [25, с. 118]. Причины использования «замороженных форм» могут быть и фонетическими: ослабление произношения окончания слов приводит к их смешанному восприятию, и билингвы больше полагаются на лексические, чем на грамматические маркеры [1, с. 141].

Количество замороженных форм в речи носителей языка в возрасте старше двух лет резко сокращается.

В речи иностранных студентов также наблюдается период использования «замороженных форм» именительного падежа [8, с. 120], [10, с. 197], [16, с. 177], [26, с. 122], [27, с. 77]. А. А. Щелокова одной из самых распространенных ошибок в речи носителей китайского языка называет «отказ от формообразующей процедуры и использование имени существительного в наиболее знакомой исходной форме именительного падежа» [12, с. 75]. В отличие от детской речи, период использования «замороженных форм» может быть длительным.

Методисты часто отмечают, что предпочтение неизменяемых форм может быть связано с влиянием родного языка, при этом для маркирования грамматических отношений студенты часто пользуются принятым в родном языке порядком слов [8, с. 120], [12, с. 75].

Таким образом, использование замороженных форм характерно как при освоении родного языка в раннем детстве, так и при изучении иностранного. Необходимость сравнения процессов освоения русской падежной грамматики становится очевидной.

Гипотеза. Причины использования замороженных форм в речи моноязычного ребенка раннего возраста и студента-иностранца могут быть как общими, так и различными. Неправильный выбор словоформы в речи инофонов проявляется в большом количестве типов и наблюдается в более длительном периоде, чем у монолингвов раннего возраста, однако выбор исходной формы бывает мотивирован представлениями о способах образования и значениях падежных форм.

Цель и метод. Цель работы – проанализировать психолингвистические факторы использования «замороженного именительного падежа» и выявить закономерность использования таких форм в речи китайских студентов.

При анализе материала использованы описательный, сравнительно-сопоставительный метод и метод анализа ошибок.

Материал. Языковой материал был получен из письменных заданий, выполненных студентами третьего курса Китайского нефтяного университета в Циндао и Высшей школы журналистики Санкт-Петербургского университета. Также методом сплошной выборки ошибки были извлечены из «Русского учебного корпуса НИУ ВШЭRLC», разработанного под руководством Е. В. Рахилиной (<http://web-corpora.net/RLC>) (всего обследовано 144 форм).

Результаты и дискуссия

Мы распределили случаи использования «замороженных форм» именительного падежа в зависимости от того, формы каких падежей проигнорированы студентами.

Замороженная форма вместо форм родительного падежа (63 словоформы). Возможно, общее количество ошибок этого типа гораздо меньше, так как в некоторых случаях возможная причина ошибки заключается не в неправильном выборе формы именительного падежа, а в ненормативном образовании формы родительного падежа множественного числа с помощью нулевого окончания (*нет шанс; пять литр*). Поскольку двоякое объяснение нарушений в конструкциях с существительными мужского рода возможно, для широты анализа мы предположили, что формы именительного были использованы во всех случаях формального совпадения с потенциальными формами родительного падежа множественного числа.

а) ошибки в счетных сочетаниях (25 словоформ): *но конспекты мало, мальчик вернул еще больше книги, много соевый соус*. Существительное ставится в форму множественного числа, в том падеже, который соответствует синтаксической позиции (*конспекты мало* – именительный падеж, *вернул больше книги* – винительный падеж). Не исключено влияние родного или первого иностранного языка (английского), однако и в русской речи детей-монолингвов такие ошибки нередки. С. Н. Цейтлин отмечает, что использование форм родительного падежа в счетных сочетаниях «не может получить логического объяснения и связано исключительно с самой конструкцией», и потому с трудом осознается ребенком [16, с. 84].

б) ошибки в отрицательных конструкциях: *у них нет шанс, у него не было конспект* (11 словоформ). Большая часть ошибок допущена в отрицательных бытийных конструкциях, правила построения которых специфичны для русского языка. Возникновение таких нарушений объясняется стремлением к упрощению сложных грамматических структур. Подобные ошибки возникают не только в процессе освоения второго языка, но и в ходе овладения родным языком, на что указывала С. Н. Цейтлин, обращая внимание на то, что структурные функции граммов осваиваются позже, чем семантические [16, 110].

в) ошибки при указании на субъект обладания и другие атрибутивные характеристики: *конспект у своего друг, у дедушка и бабушка дом, в богатом доме барыня* (9 словоформ). В некоторых случаях наблюдается пропуск предлога: *Мальчик Шурика будет экзамен*. В этом типе ошибок проявляется стремление к симплификации: единообразному указанию на субъект при помощи формы именительного падежа. В речи русскоязычных детей указания на субъект обладания появляются не ранее 23–24 месяцев [22, с.74], до

этого момента в данной функции также используется «замороженный именительный». Приведем пример из речи мальчика Тимы (26 месяцев), чья речь подробно зафиксирована в материнском дневнике, выполненном А. И. Рыко: *У Тима нёта аци* (У Тимы нет очки в занчении 'нет очков') [28, с.101].

Более сложные семантические отношения в речи инофонов также могут передаваться с помощью исходных форм, но и тут «стратегия выбора любой граммеы», описанная Е. В. Галкиной и С. В. Краснощековой [7, с.97], не наблюдается.

г) ошибки при указании на причину: *из-за девушка взяла его воды, из-за отсутствие* (16 словоформ). Ошибка вызвана неверным развертыванием высказывания: наблюдается сворачивание придаточного предложения, в котором существительное в именительном падеже могло бы выполнять роль подлежащего (ср. *Из-за того что девушка взяла его воду*). Мы усматриваем в данном случае влияние родного языка: на китайский язык подобные конструкции со значением причины следовало бы переводить сложным предложением.

д) ошибки в оформлении конструкций со значением избирательности: *кто-то студент просматривал экзаменационные вопросы* (то есть кто-то из студентов). В данном случае использование именительного падежа выглядит логически оправданным, так как существительное входит в состав подлежащего. Ошибку можно объяснить смешением различных конструкций с семантикой неопределенности: *какой-то студент, один студент*. Возможно влияние китайской грамматики, в которой не используются специальные служебные слова для указания на избирательность при оформлении подлежащего.

е) ошибки при переходных глаголах со значением достижения результата, управляющих родительным падежом: *избегает предыдущие обязанности* (1 словоформа). Такой выбор оправдан тем, что большинство переходных глаголов требует использования винительного падежа.

Некоторые из выделенных нами типов малочисленны и потому могут быть случайными. Однако выбор исходной формы в счетных и отрицательных конструкциях и при указании на причину и субъект обладания является частотным и требует осмысления.

Замороженная форма вместо форм дательного падежа (13 словоформ)

а) ошибки в конструкциях, указывающих на состояние субъекта: с глаголом *нравиться* (*Маша и её друзья очень понравилась выставка в Доме художника*); в безличных конструкциях: *Я хотелось бы поделиться; Вдруг он показалось* (6 словоформ). Допускающие такую ошибку ориентируются на синтаксическую структуру «субъект – глагол», «субъект – глагол – объект», которые в китайском языке являются главным указанием на семантические роли актантов. В русской речи китайских студентов место форм, указывающих на объект и субъект, строго фиксировано. Конструкции с дательным субъекта являются трудными и для русскоязычных монолингвов и, по данным Н. В. Ионовой, не используется в речи детей до 3 лет [22, с.82–83].

б) ошибки при указании на адресата: *барыня приказала Герасим убить Муму; Девушка в белом платье дала Саша помаду* (4 словоформы). Объектная функция в данных высказываниях сочетается с субъектной (*барыня приказала / Герасим убил; девушка дала помаду / Саша взял*). По наблюдениям Н. И. Лепской, в детской речи также присутствует замороженный падеж в выражении адресата: *привести к Андрюша* [19, с.41–52]. Но если в речи ребенка неразличение объектных функций является признаком

постепенного созревания когнитивной сферы, то в случае овладения иностранным языком ситуация иная. Студенты осознают значение адресата, но передают его при помощи порядка слов, так как на начальном этапе овладения языком система китайского языка «субъект – глагол – объект» все еще остается влияющей.

в) ошибки в директивных конструкциях с предлогом *к*: *потом мы идем к крымский мост: все студенты готовить к вопросы; но стремление к свобода* (2 словоформы). Данные ошибки можно рассматривать как внутриязыковую интерференцию – контаминацию конструкций с директивным значением «в + винительный падеж», «к + дательный падеж». Использование исходной формы существительного как мужского, так и женского рода может быть связано с промежуточными стратегиями образования формы винительного падежа (см. далее). С другой стороны, возможно наличие межъязыковой интерференции: в структуре, которая реализует локативное значение, в китайском языке грамматическую функцию выполняют только предлоги.

Замороженная форма вместо форм винительного падежа (34 словоформы)

В современном русском языке в винительном падеже формы неодушевленных существительных мужского рода в единственном и множественном числе и существительных женского, среднего рода во множественном числе имеют те же окончания, что и исходные формы. Однако в письменных работах китайских студентов исходные формы в значении винительного падежа используются значительно шире.

а) Ошибки в одушевленных существительных мужского рода, единственного и множественного числа: *выйти замуж за пьяницу Капитон; я не как не буду бросить питомцы; сначала он видел мальчик* (10 словоформ). Данные ошибки следует рассматривать не столько как использование исходных форм, сколько как нарушения в освоении грамматических способов маркирования одушевленности в русском языке.

б) Ошибки при образовании форм существительных женского рода единственного числа: *потому что я люблю его прелютия и fuga; На завтрак я часто ем яйцо, хлеб или булочка на пару* (18 словоформ). Данные нарушения могут быть связаны с грамматической сверхгенерализацией: формы винительного падежа существительных женского рода в интеръязыке инофона совпадают с формами именительного по аналогии с неодушевленными существительными мужского рода. Интересно отметить: китайские студенты предпочитают прямой порядок слов «субъект – глагол – объект», характерный для китайского языка. Для маркировки функции прямого объекта инофон может использовать предлог: *Герасим мог не послушаться на барыня* (1 словоформа).

в) Пропуск предлога в конструкциях с неодушевленными существительными в форме винительного падежа в директивных и инструментальных значениях: *иду большой театр; я играю компьютер* (5 словоформ). В данном случае, скорее можно говорить о пропуске предлога при использовании форм винительного падежа, совпадающих с именительным.

Замороженная форма вместо форм творительного падежа (10 словоформ)

а) Ошибки в конструкциях с предлогом *с* в комитативном значении в функции подлежащего: *Шурик столкнулся с его друг; Суп фрикадельки тофу с зелеными* (4 словоформы). Значение субъекта, как мы уже показали выше, маркируется с помощью именительного падежа, что выглядит логически оправданным. Ошибку можно объяснить и влиянием родного языка: в китайском языке для выражения комитатива используется конструкция с однородными членами, в том числе объединенными союзом 和 (hé – 'и') .

б) Ошибки в выборе падежной формы существительного в функции именной части составного именного сказуемого: *Он работает дворник* (1 словоформа). В классической работе Р. Мразека употребление творительного падежа при глаголе *работать* предлагается рассматривать как предикативный детерминант, употребление творительного в данном случае обязательно [29, с. 49]. Однако при других глаголах-связках, в том числе при связке *быть*, именительный падеж часто используется вместо творительного при глаголах в форме настоящего времени [30, с. 6-7]. Поэтому представленную ошибку можно признать закономерной и рассматривать ее как проявление внутриязыковой интерференции.

в) Ошибки в конструкциях с медиативным значением: *последний десерт тоже намазали горчичники* (т. е. *горчицей*); *Они кормили друг друга завтрак* (3 словоформы). Мы полагаем, что формы творительного падежа замещаются в данном случае винительным, используемым в сходных контекстах: *намазали горчицу на десерт – намазали горчицей десерт; кормили завтраком – давали завтрак*. Винительный в значении инструментатива и медиатива используется и русским ребенком раннего возраста; в статье Т. А. Кругляковой приводятся многочисленные примеры: *Тоня краску рисует; Стучи палку* [31, с. 273-274].

г) Ошибки в выражении объектно-делиберативного и объектно-посессивного значения: *почему люди пренебрегают закон; барин и барыня владели жизни крестьян* (2 словоформы). Так же, как и в предыдущем типе ошибок, формы предположительно винительного выступают в общем объектном значении, что оправдано употреблением в семантически близких конструкциях: *не уважают закон / пренебрегают законом, владеют крестьянами/ имеют крестьян*.

Замороженная форма вместо предложного падежа (24 словоформ)

а) Ошибки в выражении локативного и темпорального значения: *Небольшой огонь варите; Если в будущее у меня есть возможность; Ещё в университет ты можешь заниматься; Приготовь ее в кастрюля* (21 словоформа). Часть ошибок связана с недостаточным умением китайских студентов различать директивные и локативные конструкции с формами винительного и предложного падежа соответственно. Возможно, ошибки связаны с тем, что в китайском языке значение директива и локатива могут передаваться с помощью одного предлога «在» (zài) слово ставится перед существительным и служит для указания на ориентацию в каком-нибудь месте).

б) Ошибки в выражении изъяснительного значения: *большинство часто говорят о суп Фо; можно не беспокоиться о опоздания* (3 словоформы). Формы, совпадающие с исходными, могут быть истолкованы как формы винительного падежа с объектным значением. Однако в речи русскоязычного ребенка подобных нарушений не встречается, так как ребенок четко осваивает предложно-падежную рамку и употребляет предлоги только с соответствующими падежными окончаниями. С. Н. Цейтлин утверждает: «В речи детей раннего возраста фактически отсутствуют «запрещенные» сочетания падежной формы и предлога. Во всяком случае, к тому времени, когда появляются предлоги, они являются уже одним из элементов определенных предложно-падежных конструкций, связь предлога с падежом четко зафиксирована в языковом сознании ребенка» [16, с. 178].

В некоторых предложениях с использованием «замороженных форм» встречаются ошибки в согласовании и управлении (8 словоформ): *в браке нет никаких юридических*

гарантий закона, эти виды браки. Нетрудно заметить в данных примерах повторение однотипных окончаний. По наблюдениям С. Н. Цейтлин, в речи детей в возрасте 1–2 лет встречается сходное явление, которое исследовательница связывает с ассимиляцией [32, с.67-80]. М. Д. Воейкова отмечает, что тавтологические и редуцированные формы (т. е. совпадение окончаний главного и зависимого слова или удвоение гласных окончания главного слова в зависимом) наиболее просты и потому раньше появляются в детской речи, чем другие типы согласования [24, 22-24]. В речи китайских студентов можно наблюдать сходные стратегии симплификации. Упрощение сложных грамматических конструкций можно увидеть в отказе от образования форм одного из зависимых слов: *видел девушку и её подруга; суп фрикадельки тофу с зелеными.*

Выводы

В письменной речи китайских студентов формы, совпадающие с исходными, могут выступать вместо любой другой формы косвенных падежей: наиболее часто вместо родительного падежа (43%), что объясняется частотностью данных форм, вместо винительного (23%), предложного (17%), дательного (9%) и творительного (7%).

Несмотря на то, что ошибочно использованные формы совпадают с исходными, в некоторых случаях совпадение случайно: исходные формы могут совпадать с узуальными и окказиональными формами родительного падежа множественного числа, использованных в верных значениях, или с формами винительного падежа. Есть основания предполагать, что в речи китайских студентов, так же, как в речи русских детей, симплификация может выражаться в образовании форм винительного падежа существительных женского рода и одушевленных существительных мужского рода по образцу неодушевленных существительных мужского рода. Трудности в освоении категории одушевленности могут быть связаны с языковой интерференцией, так как грамматическая категория одушевленности отсутствует в китайской грамматической системе.

Часть ошибок совпадает с детскими ошибками: с помощью «замороженной» формы оформляются количественно-именные сочетания, отрицательные конструкции, что подтверждает предположение о том, что структурные функции граммем осмысливаются сложнее, чем семантические.

Значительная часть ошибок объясняется постепенным «размораживанием» формы: так же, как и в речи ребенка раннего возраста, именительный падеж может использоваться для обозначения различных субъектных значений (указание на субъект состояния, совместного действия или обладания), оформления составного именного сказуемого. Такие замены можно объяснить следствием грамматической сверхгенерализации – процесса, сопровождающего постижение грамматических правил при освоении как родного, так и иностранного языка. Для выражения различных объектных значений (объектно-дебилиративных, медиативных и др.) могут быть использованы формы винительного падежа, как узуальные, так и окказиональные. Аналогичные формы отмечаются в речи ребенка. Подобные замены демонстрируют стратегию освоения грамматической системы языка: постепенное осмысление грамматических значений и самостоятельный поиск соответствующих форм в процессе коммуникации. Симплификация, общая для детей раннего возраста и инофонов, может выражаться в стремлении к использованию тавтологических и редуцирующих окончаний в словосочетаниях.

С другой стороны, в отличие от маленького ребенка студент-иностранец чаще

испытывает затруднения, связанные с потребностью выразить в своей речи сложные логические отношения, например, причинно-следственные, или оформить конструкции с глаголами достижения цели, требующие родительного падежа. Большой, чем у ребенка словарный запас, приводит к тому, что инофон знает большое количество глаголов со сходным значением, требующих, однако, разного предложно-падежного управления, и смешивает их в своей речи.

Те участки грамматической системы, которые имеют сложное устройство, приводят не только к их симплификации в промежуточной языковой системе обучающихся, но и к интерференции родного и первого иностранного языка. Носители китайского языка стремятся сохранять порядок слов «субъект – действие – объект», характерный для родного языка. Явлением интерференции можно объяснить смешение предложного и винительного падежей в конструкциях с локативным значением.

Несмотря на утверждение лингвистов о том, что пропуск предлога является типичной детской ошибкой и не характерен для речи иностранцев, в нашем материале встречались случаи пропуска и смешения предлогов. С другой стороны, наш материал подтверждает гипотезу о том, что иностранные студенты используют, в отличие от детей-монолингвов, «запрещенные» сочетания падежа и предлога, в том числе предложные конструкции с именительным падежом.

Общий вывод заключается в том, что китайские студенты не прибегают к стратегии выбора случайной граммы или простого отказа от образования падежных форм, в чем можно было бы усмотреть влияние китайского языка, синтетического по своей природе. Большинство ошибок не является случайным, но находит объяснение в стратегии постепенного уточнения представлений о падежных значениях и способах их выражения в промежуточной языковой системе индивида.

Необходимо провести углубленное исследование таких ошибок для построения модели освоения падежной грамматики и разработки педагогической методологии.

Библиография

1. Цейтлин С. Н., Круглякова Т. А. Падежная система в процессе освоения русского языка как первого и второго // Русистика. 2024. Т. 22. № 1. С. 135-149. doi:10.22363/2618-8163-2024-22-1-135-149 EDN: QTISXN.
2. Леонтьев А. А. Владение и овладение языком // Проблемы изучения билингвизма. Книга для чтения / Сост. Т. А. Круглякова. СПб.: Златоуст, 2014. С. 149-166.
3. Овчинникова И. Г. К проблеме специфики ошибок в случае естественного билингвизма: сопоставление речи русско-иврит билингвов с материалами Национального корпуса русского языка // Социо-и психолингвистические исследования. 2011. № 15. С. 168-181. EDN: TCFLRF.
4. Протасова Е. Ю., Мяки М., Родина Н. М. Экспериментальное исследование освоения русских падежей детьми-билингвами в Финляндии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. Т. XIII. № 3. С. 774-787.
5. Bar-Shalom E. G., Zaretsky E. Selective attrition in Russian-English bilingual children // International Journal of Bilingualism. 2008. No. 12 (4). P. 281-302. doi:10.1177/1367006908098572 EDN: MYKSGJ.
6. Рингблом Н., Карпова С. В. Особенности нарративов двуязычных детей в Швеции и на Кипре // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 189. С. 141-153. EDN: YSFVVJ.
7. Галкина Е. В., Краснощекова С. В. Типичные ошибки в речи детей-дошкольников в условиях русско-киргизского билингвизма // Вестник Новосибирского государственного

- университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. Т. 22. С. 93-103. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-2-93-103 EDN: ZVEONF.
8. Корчик Л. С. Работа над грамматической темой "Имя существительное" в китайской аудитории // Полилингвильность и транскультурные практики. 2013. № 4. С. 117-123. EDN: RRWSRD.
9. Лукманова Р. Р., Утробина А. А., Ван Ц. Межъязыковая интерференция - причина нарушения нормы иностранного языка (на примере китайско-русского билингвизма) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 7 (43). С. 1-6. doi:10.18454/RULB.2023.43.2 EDN: JZIMCD.
10. Лю Ц. Проблема классификации грамматических ошибок в речи китайских студентов-филологов // Преподаватель XXI век. 2013. Т. 1. № 2. С. 195-199.
11. Щелокова А. А. Типичные грамматические ошибки в русской речи китайских обучающихся // Концепт. 2019. № 9. С. 261-273. doi:10.24412/2304-120X-2024-11168.
12. Щелокова А. А. Влияние лингвистического синкретизма на формирование конструктивной ошибки в речи иностранца // Гуманитарные исследования, педагогика и психология. 2020. № 3. С. 72-81. doi:10.24412/2712-827X-2020-3-72-81 EDN: YNTQSK.
13. Цейтлин С. Н. К построению грамматики промежуточного языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. XI. № 1. С. 515-538. EDN: VHHDRT.
14. Гридина Т. А. Онтолингвистика: Язык в зеркале детской речи. Учеб. пособие. М.: Флинта, 2013. 152 с.
15. Залевская А. А. Введение в теорию учебного двуязычия: учебник для магистрантов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. 269 с. EDN: YFIQXN.
16. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 362 с. EDN: RWKCTL.
17. Чжао С. Краткое исследование явления окаменения в промежуточном языке и психологического когнитивного механизма промежуточного языка // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2006. № 3. С. 19-21. [赵萱. 中介语石化现象与中介语心理认知机制浅探 / 外语与外语教学. 2006. № 3. 19-21] (In Chinese).
18. Чжан С. Когнитивное исследование языкового окаменения // Иностранные языки. 2000. № 4. С. 19-20. [张雪梅. 语言石化现象的认知研究 / 外国语. 2000. № 4. 19-20] (In Chinese).
19. Лепская Н. И. Речевое развитие ребенка. (Онтогенез речевой коммуникации). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 152 с.
20. Voeikova M., Savickiene I. The Acquisition of the first case oppositions by a Lithuanian and a Russian child // Wiener Linguistische Gazette. 2001. No. 67/69. P. 168-188. (In English).
21. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961; СПб.: "Детство-пресс", 2007. 472 с.
22. Ионова Н. В. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста: Дисс. ... канд. филол. н. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2007. 145 с. EDN: NOSYFZ.
23. Воейкова М. Д. Становление имени: Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Фонд "Развития фундаментальных лингвистических исследований", 2015. 352 с.
24. Воейкова М. Д. Фонетические и грамматические особенности русского согласования: взгляд онтолингвиста // Русистика без границ. 2019. Т. 3. № 1. С. 20-28. EDN: VOMFQO.
25. Уфимцева Н. В. Языковое сознание - образ мира - языковая картина мира // Вопросы психоллингвистики. 2015. № 24. С. 115-119. EDN: TXIXBP.

26. Чжан С., Сергеева Н. Н. Типичные ошибки в подготовленной устной речи китайских студентов при изучении русского языка // Педагогическое образование в России. 2019. № 6. С. 120-125. doi:10.26170/po19-06-16 EDN: XFEGRF.
27. Яо Ц. Трудности усвоения китайцами русских предложно-падежных форм с пространственным значением // Полилингвильность и транскультурные практики. 2015. № 3. С. 73-78.
28. Рыко А. И. Детство Хомы: дневник научных наблюдений. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. 288 с.
29. Мразек Р. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Praha: Státní pedagogické nakladatelství Praha, 1960. Vol. 9. № 8. P. 41-52.
30. Никитина Е. Н. Конструкции с именительным и творительным предикативным в русском языке (к проблеме взаимодействия грамматических категорий) // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 3-28. EDN: OPRGOD.
31. Круглякова Т. А. Освоение способов выражения инструментального значения в речи русскоязычного ребенка // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов. Сборник научных статей / Ред.: Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. С. 271-278. doi:10.24866/7444-5403-6 EDN: OTMORP.
32. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 240 с. EDN: RTRLGJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является специфика использования исходных падежных форм существительных в речи китайских студентов, осваивающих русский язык как иностранный. Актуальность работы очевидна и обусловлена недостаточной разработанностью специфики освоения иностранного языка в естественной и искусственной ситуациях. Значительную трудность в изучении русского языка вызывает предложно-падежная система, порождающая многочисленные ошибки в области падежного выбора в речи взрослых носителей китайского языка, осваивающих русский язык как иностранный. В то же время, как верно отмечается в статье, «специальных исследований, направленных на выяснение особенностей грамматического выбора в речи взрослых, осваивающих русский язык как иностранный, предпринималось недостаточно. Такие исследования представляются актуальными, так как они призваны стать фундаментом при разработке научно обоснованных методик преподавания языков».

Теоретической базой научной работы обоснованно послужили труды по межъязыковой интерференции; владению и овладению языком; падежной системе в процессе освоения русского языка, типичным грамматическим ошибкам в русской речи китайских обучающихся таких российских и зарубежных исследователей, как А. А. Леонтьев, А. А. Щелокова, С. Н. Цейтлин, Н. В. Уфимцева, М. Д. Воейкова, Е. В. Галкина, С. В. Краснощекова, Т. А. Круглякова, Ц. Лю, С. Чжан, Ц. Яо и др. Библиография составляет 32 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом

специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза; обзор научной литературы, описательный, сравнительно-сопоставительный и статистический методы, компонентный и когнитивный анализы; метод сплошной выборки и метод анализа ошибок. Языковой материал был получен из письменных заданий студентов Китайского нефтяного университета в Циндао и Высшей школы журналистики Санкт-Петербургского университета. Также методом сплошной выборки ошибки были извлечены из «Русского учебного корпуса НИУ ВШЭ RLC», разработанного под руководством Е. В. Рахилиной. Всего обследовано 144 формы.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы о том, что «китайские студенты не прибегают к стратегии выбора случайной граммы или простого отказа от образования падежных форм, в чем можно было бы усмотреть влияние китайского языка, синтетического по своей природе. Большинство ошибок не является случайным, но находит объяснение в стратегии постепенного уточнения представлений о падежных значениях и способах их выражения в промежуточной языковой системе индивида» и др.

Теоретическая значимость исследования безусловна и заключается в его вкладе в решение современных проблем, связанных с изучением процесса построения индивидуальной грамматической системы русского языка у китайских студентов. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории языка и сравнительной лингвистике, в процессе преподавания русского языка как иностранного.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения тяготеет к научному типу. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Аникина Т.В. Трансформации фразеологических единиц в англо- и русскоязычных рекламных текстах // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74228 EDN: KOAJMY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74228

Трансформации фразеологических единиц в англо- и русскоязычных рекламных текстах

Аникина Татьяна Вячеславовна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра иностранных языков и русской филологии; Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Уральского государственного педагогического университета

622031, Россия, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57

✉ anikishna@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74228

EDN:

KOAJMY

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2025

Дата публикации:

29-04-2025

Аннотация: Данная статья посвящена изучению трансформированных фразеологических единиц в англо- и русскоязычных рекламных текстах. Исследователи уделяют особое внимание роли фразеологизмов как единиц языка, способных оказать воздействие на потребителя и его желание приобрести товар. В работе автор рассматривает такие понятия как фразеологическая единица и рекламный текст. Особое внимание уделяется понятию трансформированного фразеологизма, под которым понимается намеренное нарушение фразеологической единицы для придания рекламным текстам выразительности и яркости. В ходе анализа научной литературы были выделены следующие типы трансформации фразеологических единиц в рекламных текстах: замена, вклинивание, расширение и усечение. Материалом исследования

послужили 100 фразеологических единиц, отобранных из рекламы товаров гигиены, косметики, сладких товаров, а также туристических услуг. Методология исследования построена на работах следующих учёных: 1) Л. В. Ворониной, Л. Г. Фещенко, Т. В. Акимовой в области особенностей рекламного текста и его функций; 2) А. В. Кунина, Т. В. Акимовой, Н. П. Соболевой, Е. В. Куликовой в части определения фразеологических единиц, их структурных и семантических изменений. Научная новизна данной работы заключается в анализе различных способов трансформации фразеологических единиц, используемых в рекламных текстах на английском и русском языках. В англо- и русскоязычных рекламных текстах часто встречаются фразеологические единицы с различными трансформациями, они придают рекламе эмоциональность, эффективность, яркость. Трансформированные фразеологические единицы помогают производителям привлечь внимание клиентов, так как сами фразеологизмы узнаваемы и понятны, а с определёнными изменениями они подчёркивают особенность конкретного изделия или услуги. В ходе анализа англо- и русскоязычных рекламных текстов с фразеологическими единицами нами были выделены следующие распространённые модификации фразеологизмов: замена, вклинивание, расширение, усечение. Трансформированные фразеологизмы в рекламных текстах могут оказывать эмоциональное влияние на людей за счёт своей узнаваемости и приближённости к культуре определённого народа.

Ключевые слова:

фразеологическая единица, рекламный текст, рекламный слоган, трансформация, замена, вклинивание, расширение, усечение, языковые средства, образность

Рекламный текст является способом передачи идей на язык потребностей и запросов; огромное влияние оказывает то, как написан рекламный текст и какие средства выразительности используются в нём для привлечения внимания, влияния или воздействия на людей [\[1, с. 182\]](#).

Наиболее емким определением рекламного текста можно считать понятие Л. Г. Фещенко, она широко рассматривает понятие рекламного текста, отмечая все его особенности: «рекламный текст – коммуникативная единица, предназначенная для неличного оплаченного информирования с целью продвижения товара, услуги, лица или субъекта, идеи, социальной ценности, имеющая в структуре формальные признаки – сигнализирование о характере информации, обязательное по закону о рекламе (презентацию), один или несколько компонентов бренда и/или рекламные реквизиты и отличающаяся равной значимостью вербально и невербально выраженного смысла» [\[2, с. 116\]](#).

«Рекламный текст должен отвечать ряду требований: быть ясным, доходчивым, информативным, оригинальным, занимательным, эмоциональным, логично построенным, лаконичным, нормативным»: о таких условиях для рекламного текста пишет в своей работе Т. В. Акимова [\[3, с. 201\]](#). Также она говорит, что тот, кто создаёт рекламные тексты, должен быть не только креативным, но и обладать познаниями в разных сферах и знать нормы речи.

Рекламные тексты должны обладать двумя основными чертами: убедительностью и краткостью, в этом случае они будут способствовать достижению целевой установки

рекламы – реализации максимальной степени воздействия. Убедительность является важной чертой содержательного плана, подразумевает следование логике, а также эмоциональность и экспрессивность языка, достигаемые детальным отбором лексических единиц, их организацию средствами выразительного синтаксиса. Характеристика плана выражения – это краткость. Эта черта предполагает выбор структурно ёмких грамматических конструкций, участвующих в формировании текстовой единицы с целевой семантикой. «Правильный выбор языковых средств, обеспечивающих, таким образом, гармоничное сочетание плана содержания и выражения, способствует запоминаемости рекламных текстов, их закреплению в сознании / подсознании целевой аудитории» [\[4, с. 84\]](#).

Рассмотрим основные особенности рекламного текста:

1. Лаконичность: текст не должен быть перегружен, у него должны быть недлинные предложения и несложный синтаксис.
2. Конкретика: в тексте не употребляются рассуждения или описания общеизвестных фактов.
3. Обращённость к покупателю: в рекламных текстах обычно используют такие местоимения как «вы», «ваш», потребитель должен чётко видеть, что он получит от продукта. Текст передаёт только одну главную идею.
4. В тексте должна быть креативность и оригинальность, для рекламного текста не используются клише.
5. Текст должен привлекать и удерживать внимание читателя. Рекламный текст должен производить впечатления на тех, кто его читает или слушает, человек начинает находить образы и проявлять эмоции по отношению к рекламируемому товару.
6. Особый стиль, который принадлежит бренду, он должен отличаться от других производителей, чтобы был узнаваем.

В наше время рекламные тексты очень востребованы, так как с помощью грамотно построенного текста можно привлечь больше клиентов. У рекламного текста есть определённые функции. Главная цель рекламного текста – побудить потребителей выбрать рекламируемые товары, услуги, бренды, компании. Именно поэтому реклама должна выражать свои идеи с помощью понятных, кратких, легко запоминающихся, заинтересовывающих и убедительных текстов. В языке рекламы допускаются нарушения норм литературного языка, это помогает усилить воздействие рекламного текста на потребителей. Язык рекламы использует как вербальные, так и невербальные средства, что также оказывает влияние на клиента. В рекламном тексте часто присутствуют и вербальный, и невербальный контекст одновременно, который представлен в виде красочного изображения, схемы или с помощью видеосюжета. «Таким образом, специфика рекламных текстов определяется тем, что они, в зависимости от вида рекламы, соединяют в себе вербальную (языковую) часть со следующими невербальными элементами: 1) зрительным рядом (в печатной и наружной рекламе); 2) звуковым рядом (в радиорекламе); 3) звуковым и зрительным рядом (в телевизионной рекламе)» [\[5, с. 82\]](#).

Исследователи уделяют особое внимание роли фразеологизмов как единиц языка, способных оказать воздействие на потребителя. Введение фразеологизмов в рекламные тексты позволяет точнее и эмоциональнее донести идею рекламного текста, это своего

рода попытка манипуляции, внушения, убеждения и контроля адресатов [\[6; 7\]](#).

Фразеологические единицы есть в культуре каждой страны, часто они отражают менталитет конкретной культуры, их содержание связано с особенностями конкретного народа. А. В. Кунин писал: «Фразеология – это сокровищница языка. Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры. Фразеологизмы часто носят ярко национальный характер» [\[8, с. 4\]](#).

Единого определения фразеологической единицы нет, учёные-филологи дают разные трактовки этому понятию. Термин фразеологическая единица может определяться как фразеологизм, идиома, фразеологический оборот, фразеологическое выражение, устойчивое словосочетание или устойчивое сочетание слов и др. Определений термина «фразеологическая единица» очень много. В данной работе вслед за А. В. Куниным, под фразеологическими единицами (фразеологизмами) нами понимаются устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, не образующиеся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний [\[8, с. 4\]](#).

Фразеологизмы делают нашу речь более эмоциональной и выразительной. С помощью фразеологизмов мы можем точнее описывать различные ситуации, фразеологизмы не воспринимаются в буквальном смысле и некоторые выражения могут звучать довольно странно для представителей разных культур.

Фразеологические единицы не только служат средством выразительности речи и украшением любого языка, но и несут определённую информацию: отражают историю народов, особенности его культуры и быта, его национальный характер и картину мира [\[9, с. 102\]](#).

Важнейшей особенностью фразеологических единиц является полностью или частично переосмысленное значение. Переосмысленный характер значения фразеологизмов устанавливается путём её наложения на переменное сочетание слов, которое легло в её основу. Если они отсутствуют, то сравниваются значения фразеологизма с буквальными значениями его компонентов. Под переосмыслением понимается любой отход от буквального значения [\[10, с. 44\]](#).

Как мы уже упоминали, с помощью фразеологизмов можно передать информацию точно и интересно, именно поэтому их часто используют в рекламных текстах. Т. В. Акимова в своей статье пишет о том, что «фразеологические единицы – мощное подспорье при создании текста, они помогают ярко, образно, лаконично и доступно выразить мысль, донести информацию до потребителя. Ценность фразеологизма в том, что он привычен и узнаваем, а значит, способность потребителя воспринять, запомнить и воспроизвести слоган, содержащий знакомый оборот, резко повышается» [\[3, с. 201\]](#). Таким образом, фразеологизмы, используемые в рекламных текстах, можно назвать эффективным и эффективным способом воздействия на потенциальных клиентов. Обычно фразеологические единицы внедряют в рекламу в их исходной форме, что является нормой, стандартом. К тому же большинство фразеологизмов обладает устно-разговорным характером, что также является одним из условий успешности текста рекламы. Чаще всего фразеологические единицы используются в тексте рекламы в качестве слогана. Т. В. Акимова приводит следующие примеры: «Новый год на носу! Пора за подарками в М-Видео!; К новой жизни на всех парусах! Новый жилой комплекс «Алые паруса»; Какие вкусные и ароматные! Пальчики оближешь!» [\[3, с. 201\]](#).

Значимость фразеологизмов заключается в том, что они дают возможность творческого подхода, т. е. использования и преобразования единицы применительно к определённой цели, к объекту рекламы.

«Трансформация фразеологизма – это сознательное нарушение нормы, на которое идут журналисты и копирайтеры, стремясь к расширению средств выразительности, к языковым новациям» [\[3, с. 201\]](#). Исходя из просмотренных рекламных текстов, в которых используются фразеологизмы, в текстах преобладают именно такие, индивидуально-авторские фразеологизмы.

Т. В. Акимова в своём исследовании выделяет следующую классификацию видоизменения фразеологизмов, которые сводятся к следующим типам трансформаций: 1) структурные изменения, где значение фразеологизма сохраняется; 2) семантическое обновление фразеологизма; 3) структурно-семантические изменения. Рассмотрим подробнее указанные виды изменений.

1. Структурные изменения фразеологической единицы подразумевают или замену одного из компонентов, или добавление в единицу «новых» слов, или один из компонентов убирают. Т. В. Акимова в своей работе приводит следующие примеры: «В жизни всегда есть место открытию (банк «Открытие»); Кто не успел, тот не Хайнц (зеленый горошек «Хайнц»)» [\[3, с. 202\]](#).

2. В семантическом обновлении оборота наблюдается его дефразеологизация, то есть разделение общего, единого значения на значения составляющих фрагментов, при этом сохраняется структура фразеологизма. Этот тип трансформации Т. В. Акимова иллюстрирует следующими примерами: «Чистая победа над пылью (пылесосы LG); Ваш комфорт на высоте (реклама Аэрофлота)» [\[3, с. 202\]](#).

3. Структурно-семантические изменения фразеологизмов встречаются реже всего. Суть таких изменений заключается в том, что за основу используется фразеологизм, который видоизменяется, но в результате замены части все составляющие приобретают прямое значение. В данном случае Т. В. Акимова приводит такой пример: в рекламном тексте утюга Bosch «Все складки гладки» использован фразеологизм «Взятки гладки», и в результате замены компонента все составляющие приобретают прямое значение» [\[3, с. 202\]](#).

Также стоит отметить особую группу фразеологических неологизмов, которые активно используются в последнее время, это такой вид трансформации фразеологизмов, который предполагает структурные и / или семантические изменения в новых социокультурных условиях. Такая форма фразеологизмов встречается в разговорной речи, СМИ, интернете. Например: «Почувствуйте разницу!» (Skoda Octavia); «Забудьте о плохих дорогах» (Nissan Connect)» [\[3\]](#).

О творческом подходе использования фразеологических единиц в своей работе упоминает Н. П. Соболева. В сфере рекламы фразеологические единицы широко распространённое явление, поскольку такое творческое использование усиливает прагматическую направленность рекламного текста. «Фразеологизмы служат действенным средством для достижения цели в области рекламы товаров и услуг. Среди основных причин называются краткость, осведомленность потенциальных реципиентов, а также тесная связь с традициями и заложенными во фразеологизмах знаниями» [\[11, с. 158\]](#).

Фразеологические единицы, употребляемые в рекламных кампаниях, чаще всего используются с семантическими или структурно-семантическими изменениями. Н. П. Соболева отмечает учёного В. Мидера, который «называет результат преобразования фразеологических единиц для достижения комического эффекта антифразеологизмом (anti-proverb) или фразеологизмом, не соответствующим норме (perverb). Ученый наделяет модифицированную фразеологическую единицу такими эпитетами, как «искаженная» или «разорванная» и определяет ее как «фразеологизм, объединивший в себе юмористическую или сатирическую языковую игру и традиционную, свойственную пословице мудрость» [\[11, с. 157\]](#). В настоящее время в рекламных текстах фразеологизмы часто подвержены изменениям, наличие «антифразеологизмов» подтверждает этот факт, и это позволяет создателям кратких рекламных текстов использовать богатый фразеологический материал с прагматическими целями.

В результате проведенного анализа в своей работе Н. П. Соболева отмечает следующие разновидности трансформированных фразеологизмов в рекламе:

1. Замена. Когда происходит замена компонентов фразеологизма на новую лексику, могут замещаться как самостоятельные части речи, так и служебные. Рекламодатели часто используют этот приём в рекламных текстах. Если во фразеологизме замещают только один компонент, то прослеживаются семантические изменения, а замена большего количества составляющих приводит к большей трансформации значения. В рекламе значение меняется, однако заложенный в основу фразеологизм делает рекламу более выразительной. Н. П. Соболева проиллюстрировала данную трансформацию таким примером: «Danger is in the detail» – слоган к фильму «Dot the I» («Точки над i»), 2002 г., США, Великобритания. В данном слогане используется номинативная фразеологическая единица «the devil is in the detail» («дьявол кроется в деталях»), которая имеет структуру простого предложения. В рамках трансформации была произведена замена существительного с определенным артиклем «the devil» на существительное «danger» [\[11, с. 156\]](#).

2. Вклинивание – это структурно-семантическая трансформация. В данном приёме фразеологический оборот дополняется новым компонентом или компонентами так, чтобы реклама смотрелась более выгодно, за счёт изменения структуры и расширения фразеологической единицы. В данном случае Н. П. Соболева в качестве примера рассмотрела слоган «Из воды сухим не выйти», который является русскоязычной интерпретацией краткого рекламного текста «There are no clean getaways» к фильму «No Country for Old Men» («Старикам тут не место»), 2007, США. Номинативная фразеологическая единица «выйти сухим из воды» в результате структурно-семантического преобразования приобрела необходимую семантику за счёт вклинивания отрицательной частицы «не», а инверсия сделала эмфатическое ударение на образности, заложенной во ФЕ» [\[11, с. 156\]](#).

3. «Расширенная метафора – сложное преобразование, которое ведет к группировке дополнительных подобразов вокруг основной метафоры, заключенной в фразеологической единице». Применение сразу нескольких приемов даёт возможность сделать фразеологическую единицу и слоган более выразительными. «Success didn't go to his head, it went to his neighbor» – англоязычный слоган к фильму «Envy», 2004 г., США. Основой слогана послужила номинативная фразеологическая единица со структурой подчинительного словосочетания «go to one's head», которая в русском языке имеет экспрессивный разговорный аналог «ударить в голову», используемый в значении «помрачить рассудок» [\[11, с. 159\]](#).

4. Расширение подразумевает увеличение состава фразеологизма путём добавления одного или нескольких компонентов. Данный приём направлен на конкретизацию, приближение семантики фразеологического оборота к ситуации и контексту. При расширении компонентного состава фразеологической единицы добавление нового элемента происходит строго в начале или конце. Н. П. Соболева пишет, что «в слоганах прием расширения компонентного состава фразеологической единицы в чистом виде встречается в виде добавления отрицательных частиц и местоимений». «Nothing is as simple as black and white» – слоган к фильму «Pleasantville», 1998 г., США. Рекламный текст был создан с использованием компаративно-номинативной фразеологической единицы «(as simple as) black and white» со структурой сочинительного словосочетания, употребляющейся в случае, если говорящий повествует о чем-либо простом и очевидном [\[11, с. 160\]](#).

5. Усечение. При использовании данного приёма происходит сокращение части фразеологической единицы. Желание рекламодателя сделать текст более кратким и лаконичным находит отражение в использовании усечённой формы фразеологизма. «Игра стоит свеч» – интерпретация англоязычного слогана «Play or be played» к фильму «Va-bank», 2013 г., США. В данном слогане с использованием коммуникативной фразеологической единицы со структурой простого предложения «игра не стоит свеч» усечению подверглась отрицательная частица «не», благодаря чему краткий рекламный текст и фразеологизм приобрели положительную коннотацию» [\[11, с. 160\]](#).

6. Создание слогана по аналогии со структурой фразеологизма и фразеологический повтор. Весьма действенный приём, используемый в рекламных текстах, о чем свидетельствует тот факт, что рекламодатели часто создают слоганы по уже известной структурной модели. В пример Н. П. Соболева приводит слоган: «There can be no triumph without loss. No victory without suffering. No freedom without sacrifice» к фильму «The Lord of the Rings: The Return of the King», 2003, США, Новая Зеландия. Слоган был создан с использованием повторения структуры, аналогичной таким коммуникативным фразеологическим единицам, как «no gain without pain» («нет боли, нет побед» / «без труда не выловишь и рыбку из пруда»), «no garden without its weeds» («нет розы без шипов»). Трёхкратное повторение одной и той же конструкции придает слогану экспрессивность и некий драматизм» [\[11, с. 161\]](#).

7. Фразеологическое насыщение контекста – прием, при котором фразеологическое насыщение контекста представлено в виде одновременного использования нескольких фразеологизмов или нескольких простых или сложных стилистических преобразований. «Прием представляет собой сложное стилистическое преобразование и часто бывает осложнен другими приемами окказиональной трансформации фразеологической единицы. В результате подобных изменений нередко создается юмористический эффект» [Соболева, 2015, с. 161]. Слоган «She brought a small town to its feet and a huge corporation to its knees» к фильму «Erin Brockovich», 2000 г., США использует Н. П. Соболева как пример данного приёма. В кратком рекламном тексте используются две номинативно-коммуникативные фразеологические единицы: «bring someone to one's knees» («ставить на колени») и «bring someone to one's feet» («поднимать с колен»). В этом случае интересным показателем языковой игры является использование двух фразеологических единиц с одним и тем же глаголом «to bring» [\[11, с. 161\]](#).

8. Разорванное использование фразеологической единицы. В своём исследовании Н. П. Соболева ссылается на А. В. Кунина, «разрыв – это прием речевого разъединения фразеологической единицы «переменным словом, сочетанием слов или графическими

средствами с целью создания нового стилистического эффекта при неизменном компонентном составе». Н. П. Соболева указывает, что элементы, которые разделяют фразеологизм при его разрыве, не становятся единым целым с фразеологическим оборотом и «не вписываются в образ, положенный в его основу». Необычность этого приёма заключается в том, что он воплощает некую атмосферу напряженности, а модифицированный порядок слов иначе расставляет акценты в предложении. Как пример Н. П. Соболева использует слоган «Getting Away With It Can be Murder» к фильму «The Advocate», 2013 г., США. В основу слогана положена номинативная фразеологическая единица со структурой подчинительного словосочетания «to get away with murder», используемая в значении «оставаться безнаказанным», «сходить с рук» [\[11, с. 161\]](#).

Таким образом, можно наблюдать большое количество структурных и семантических модификаций фразеологических единиц, которые наполняют рекламный текст разнообразием и уникальностью. Они помогают зацепить аудиторию и удержать её внимание, а также подтолкнуть к действию, например, к покупке товара, просмотру фильма или приобретению услуги [\[12; 13\]](#).

Ещё одна исследовательница Е. В. Куликова в своей статье рассматривает структурно-семантические и семантические изменения фразеологических единиц, используемых в рекламных текстах. К семантическим трансформациям Е. В. Куликова относит семантико-стилистические преобразования, которые не касаются лексико-грамматической структуры фразеологической единицы. Структурно-семантические трансформации представляют собой смысловые преобразования, связанные с изменением лексического состава и / или грамматической формы фразеологизмов. К семантическим преобразованиям она относит следующие приёмы: 1) приобретение фразеологизмом дополнительного семантического оттенка; 2) переосмысление фразеологизма, т.е. коренное преобразование смыслового ядра, семантической основы фразеологической единицы, полное изменение её смыслового содержания; 3) изменение коннотативного содержания фразеологизма; 4) преобразования, базирующиеся на образной основе фразеологической единицы.

Е. В. Куликова выделяет два типа структурно-семантических преобразований: 1) преобразования, не нарушающие единства фразеологических единиц; 2) преобразования, в результате которых возникают индивидуально-авторские фразеологизмы.

Таким образом, Е. В. Куликова подчёркивает то, что фразеологизмы легко поддаются различным структурно-семантическим изменениям. «Результатом действия приемов преобразования фразеологических единиц становятся интенсификация образного, экспрессивного значения; конкретизация, приспособление фразеологической единицы к определенной речевой ситуации; воздействие на аудиторию потенциальных потребителей товара; «интимизация» речи, создание непринужденной беседы с читателями (потребительской аудиторией)» [\[14\]](#).

Отметим, что анализ рекламных текстов, рассмотренных в статьях, показал, что в них эффектно применяются фразеологизмы, которые легко узнаются читателем. С их помощью улучшается запоминаемость отдельных фраз, восприятие всего рекламного текста. Мы видим, что в рекламных текстах фразеологизмы претерпевают различные изменения, отражающие творческий подход к написанию слогана, с помощью этих изменений авторы рекламных текстов делают слоган уникальным, отражающим всю суть

рекламируемого объекта. Фразеологизмы должны стать неотъемлемой частью активного словаря рекламодателя.оборот, удачно использованный в слогане, становится эффективным носителем рекламы, так как потребительская информация о товаре, выраженная в яркой, образной форме, легко и прочно запоминается потенциальным покупателем [3].

Следует отметить, что в структуре рекламного текста фразеологические единицы чаще всего используются в слогане. Слоган обычно находится в вводной части рекламного текста, поэтому именно его важно сделать наиболее ярким и запоминающимся.

Итак, трансформации фразеологических единиц часто применяют в рекламе для того, чтобы подчеркнуть какую-то особенность бренда. Самыми распространёнными трансформациями являются замена, вклинивание, расширение и усечение.

Замена – это семантическая трансформация, при которой происходит замена компонентов фразеологизма на новую лексику или лексемы.

Вклинивание – структурно-семантическая трансформация, при которой фразеологический оборот дополняется новым компонентом или компонентами.

Расширение – трансформация, которая подразумевает увеличение состава фразеологизма путём добавления одного или нескольких компонентов.

Усечение – трансформация, в которой происходит сокращение части фразеологической единицы [11, с. 156].

Трансформированные фразеологизмы становятся индивидуализировано-авторскими, слоганы приобретают яркие словесные образы и новую выразительную окраску. Трансформированные фразеологические единицы в составе рекламных слоганов обладают большей экспрессивностью и оригинальностью [12].

Рассмотрим англоязычные рекламные слоганы, созданные путем трансформации известных фразеологических единиц.

Слоган к фильму "Furious 6" 2013 г., США: "All roads lead to this". В данном слогане используется фразеологизм "all roads lead to Rome". Используемая трансформация фразеологизма – замена. Автор слогана изменил название города "Rome" на местоимение "this". В данном случае было обыграно тематика фильма, которая связана с гонками на автомобилях, и слово "roads", так как они относятся к одному семантическому полю.

Слоган для социальной кампании по защите и охране водных ресурсов: "Save Water...It's not just a drop in the bucket. It's a life". В рекламном тексте используется изменённый фразеологизм "a drop in the bucket", который был трансформирован с помощью добавления "is", "not" и "just". Трансформация – расширение компонентного состава фразеологизма. Использование данного приема изменяет значение фразеологизма и делает его отрицательным, что помогает сделать акцент на важности сохранения воды.

Рекламный слоган клавиатуры HP OMEN: "React Quickly. Dominate Decisively". Основой слогана является фразеологизм: "to act quickly and decisively". В данном случае фразеологизм подвергается двум трансформациям: замена и вклинивание. Производители с помощью трансформаций подчёркивают, что покупатели смогут своевременно отвечать на SMS и использовать клавиатуру для других целей с комфортом.

Слоган к фильму "Pleasant ville": "Nothing is as simple as black and white". Видоизменённый фразеологизм "as simple as black and white", который означает что-либо простое и очевидное, подвергается расширению за счёт глагола "is" и местоимения "nothing", отражающего отрицательную коннотацию. Это позволяет зацепить внимание зрителей и пробудить их интерес к сюжету фильма.

Слоган благотворительной организации по борьбе с онкологическими заболеваниями головного мозга: "Head to head with brain tumours". За основу данного слогана взят фразеологизм "to go head to head", который означает «бороться». Фразеологизм подвергся усечению, из состава был исключён глагол "go", что делает слоган более кратким и доверительным.

Слоган к фильму "Playing for Keeps", 2012: "Grab life with both hands" содержит изменённый фразеологизм "grab life by the horns", в данном случае произошла замена предлога "by" на "with", артикля "the" на местоимение "both", а также замена существительного "horns" на "hands". Данный приём обыгрывает название фильма, где главный герой должен справляться с трудностями и поэтому ему необходимо взяться за проблемы "with both hands".

"Starting from scratch never tasted so good" – слоган фильма "Chef ", 2014. В изначальном варианте фразеологизма "start from scratch" заменили "start" на "starting". Фразеологизм в составе слогана помогает отразить главную мысль фильма, где главный герой после потери работы должен начать новую жизнь.

Слоган фильма "August: Osage County", 2013: "Misery loves family". За основу рекламного текста взят фразеологизм "misery loves company". Слоган, основанный на фразеологизме с заменой существительного "company" на "family", помогает раскрыть суть фильма, где семья обвиняет друг друга в различных несчастьях.

"Manners make the man" – слоган фильма "Kingsman: The Secret Service", 2015. Во фразеологизме "clothes make the man" заменили компоненты "clothes" на "manners". Оба существительных характеризуют человека, но, чтобы подчеркнуть, что герои фильма уделяют много внимания хорошим манерам, рекламодатель использовал данную трансформацию.

Англоязычный слоган к фильму "Dinner for Schmucks", 2010: "Takes one to know one". "It takes one to know one" фразеологизм, который означает, что люди с общими интересами схожи друг с другом. Слоган создан из усечённого фразеологизма, в котором исключено местоимение "it"

Основой слогана к фильму "Dirty Movie", 2011: "There's always room for a dirty joke" послужил фразеологический оборот: "There's always a room at the top". Во фразеологизме заменены предлог "at" на "for", артикль "the" на "a" и существительное "top" на словосочетание "dirty joke".

"Let the good limes roll" – реклама алкогольных напитков "The cruz tequila&Cointreau margarita". В данном случае используется фразеологизм «let the good times roll», который означает «иметь как можно больше удовольствия или жить как можно богаче». Слоган создан на основе фразеологизма с заменой компонента, таким образом, производитель хочет подчеркнуть, что напитки с лаймом принесут потребителю огромное удовольствие.

"When it rains it pours" – слоган страховой кампании Morton Sault. "It never rains but it

pours” – исходный вариант фразеологизма. Фразеологический оборот использован в слогане с заменой компонента, за счёт чего происходит обыгрывание значений глагола to pour «сыпаться; литься; обрушиваться градом (о дивидендах)». Таким образом, слоган приобретает положительное значение, что не может не привлечь клиентов.

В слогане англоязычного фильма “Amelia’s 25th”, 2013: “From rags to riches... and back again” использован фразеологизм “from rags to riches”. С помощью расширения компонентного состава создатели фильма сделали контраст и акцент на заложенном в слогане посыле.

“Don’t lose your grip” – слоган к фильму “The Ledge”, 2022. В этом слогане фразеологизм “lose your grip” использован с расширением компонентного состава. Такой приём цепляет внимание зрителей. За счёт добавления “don’t” слоган отлично отражает суть фильма, где девушке, для того, чтобы спастись, нельзя терять бдительность.

В слогане для фильма “Bullet Train”, 2022: “The end of the line is just the beginning” использован фразеологизм “end of the line” с расширением путем добавления артикля “the”. Этот приём подчёркивает плохие события, происходящие в фильме, и во второй части слогана создатели обращают внимание зрителя на то, что это только начало.

“It’s not like things are black and white” – слоган к фильму “Crash”, 2004. Фильм о том, что не всегда стоит доверять людям, в том числе представителям закона. Эту идею прекрасно отражает видоизменённый фразеологизм с расширением компонентного состава “black and white”, который в данном случае содержит отрицательное значение «не всё так просто».

Слоган для фильма “Men in Black 3”, 2012: “They are back... in time”. “Go back in time” – фразеологизм использован в слогане с усечением компонента “go”. Так как фильм научно-фантастической направленности, фразеологизм используется в прямом значении «вернуться назад во времени».

“Find the clues or die” – слоган для фильма “Escape Room”, 2019. В данном случае использован фразеологизм “do or die” с заменой компонента “do” на “find the clues”. По жанру это фильм ужасов, поэтому видоизменённый фразеологизм со значением «сделать что-то любой ценой» передаёт главное содержание кино.

“Mind Over Mayhem” – слоган к фильму “Birds of Prey and the Fantabulous Emancipation of One Harley Quinn” 2020. Фразеологизм с заменой компонента “mind over matter” взят за основу слогана. В слогане заключён смысл фильма: вокруг происходит хаос, необходимо выходить из затруднительных ситуаций, поэтому надо придерживаться правильных мыслей.

Рассмотрим примеры русскоязычных слоганов с использованием трансформированных фразеологизмов.

Видоизменённый фразеологизм используется в слогане компании McDonald’s: «На вкус и цвет товарищ ... есть». В оригинале фразеологизм звучит «на вкус и цвет товарища нет». Замена компонента фразеологизма помогает производителям привлечь внимание потребителей на то, что еда в данных ресторанах быстрого питания нравится всем.

«На нас все ездят ... а мы рады» рекламный слоган автотехцентра Genser. В данном фразеологизме «ездить на ком-то» использован приём «вклинивание». Трансформированный слоган подчёркивает главное назначение рекламируемого центра:

перевозка людей.

«Ни себе, всё людям» – рекламный слоган компании по продаже сотовых телефонов Евросеть. С помощью замены компонента исходного фразеологизма, слоган приобретает положительное значение и показывает, что работникам данной компании важно приносить людям пользу.

«Сорвись с крючка» – слоган социальной рекламы министерства здравоохранения РФ против курения. Изначальный вариант фразеологизма «попасться на крючок» имеет негативное значение, однако с помощью замены компонентов слоган обретает положительное значение и заставляет задуматься людей, злоупотребляющих курением.

«Возьмите мех на душу» – реклама мехового дома «Дионис». В данном слогане используется фразеологизм «взять грех на душу» с заменой компонента «грех» на «мех». Это помогает придать слогану позитивное значение и обратить внимание покупателей на изделия из меха в данном салоне.

В слогане шоколада «Alpengold»: «Оптимизм в твоих руках» используется фразеологизм «всё в твоих руках» с заменой компонента. Таким образом, производители хотят подчеркнуть положительное влияние употребления шоколада данной фирмы. Шоколад Alpengold, несомненно, улучшит настрой покупателей.

Фразеологизм «всему своё время» взят за основу слогана «Всему свое имя» сервиса регистрации доменов webnames.ru. Данный случай показывает трансформацию фразеологического оборота – «замену», с помощью которой авторы доносят до потребителей суть работы компании.

Слоган фильма «Приличные люди», 2015: «Во все тяжкие». Фразеологическая единица «пускаться во все тяжкие» использована в слогане с приёмом усечения. Данная трансформация не исказила смысл изначального фразеологизма. Слоган отражает смысл фильма, в котором у семьи, после приезда родственника, появляется много проблем, поэтому им пришлось как-то избавляться от нежелательного гостя, что повлекло за собой ещё больше трудностей.

«От дружбы до предательства всего один шаг» – слоган фильма «Шагая по канату», 2012, который создан на основе фразеологизма «от любви до ненависти один шаг» с двумя видами трансформаций – замена: «любовь» на «дружбу», «ненависть» на «предательство»; а также расширение за счёт наречия «всего». Фильм о пяти друзьях, которым предстоит сделать выбор в пользу дружбы или отказа от неё. Слоган передаёт основной замысел режиссёра.

Слоган фирмы Gallina Blanca: «Это любовь с первой ложки!» основан на фразеологизме «любовь с первого взгляда» с заменой компонента «взгляд» на «ложка». Подчёркивает направленность работы компании с продуктами питания, а также вкус этих продуктов и качество.

В рекламе машин марки Volvo: «Вольному – Вольво!» за основу взят фразеологизм «вольному – воля». Замена компонента «воля» на название марки машины помогает достичь эффекта необходимости данной марки машин для людей, которым важна свобода действий.

Предвыборный рекламный слоган партии пенсионеров Д. Серегина: «На одной ноге с народом» подчёркивает особенность состояния здоровья кандидата, при этом взятый за основу фразеологизм «быть на одной волне» передаёт главное намерение кандидата:

понимать проблемы людей и решать их.

«Вклад «первый». Любовь с «первого» вклада!» – рекламный текст Уральского банка реконструкции и развития. В данном слогане присутствует фразеологический оборот «любовь с первого взгляда» с заменой компонента «взгляд» на «вклад», означает «по первому впечатлению». Работники банка обращают внимание потенциальных клиентов на то, что с ними комфортно работать, а банк надёжный.

«Попробуй мир!» – слоган магазина путешествий "Intourist". В данном случае используется трансформированный фразеологизм «попробуй силы», который означает «попытаться заняться какого-либо рода деятельностью». Замена компонентов «силы» на «мир» показывает специфику данного магазина и призывает своих покупателей попробовать разные виды путешествий и познать мир.

«Из воды сухим не выйти» – слоган фильма «Старикам тут не место», 2007. В основе слогана лежит трансформированный фразеологизм «выйти сухим из воды» с вклиниванием компонента «не». Фразеологизм в слогане приобретает негативное значение и отражает замысел фильма: после определённых действий герою не удастся избежать плачевных последствий.

«С первого взгляда обращает на себя внимание» – слоган автомобиля марки Kia. В данном слогане использован фразеологизм «любовь с первого взгляда», подвергнутый двум трансформациям: замена и усечение. С помощью данных трансформаций фразеологизм приобретает прямое значение, это усиливает привлекательность автомобилей данной марки.

В слогане к фильму «Лулу и Бриггс»: «Кто у кого на поводке» используется видоизменённый фразеологизм «держат на коротком поводке», то есть подчинять кого-либо своей воле. За счёт замены компонентов фразеологизм обретает прямое значение, а также обыгрывается смысл фильма, где главному герою предстоит подчинить своей воле капризную собаку, которая не захочет подчиняться.

Слоган к фильму «Форсаж 8»: «Их дороги расходятся» основан на расширенном фразеологизме «дороги разошлись». Главным героям предстоит расстаться, слоган и смысл фильма находятся в одном тематическом поле – связь с дорогами, поездками, поэтому фразеологизм также приобретает прямое значение.

«Дай волю своим демонам» – слоган фильма «Стекло», основанный на фразеологизме «дать волю сердцу». Фразеологизм означает «показать свои истинные чувства, желания», замена компонента позволяет понять смысл фильма, в котором люди с негативными желаниями воплощают их в жизнь.

«Не упusti свою любовь» – слоган фильма «Один день», 2011. В данном примере используется трансформированный фразеологизм «упускать из виду», который означает «забывать о чём-либо, не оказывать достаточно внимания чему-либо». С помощью вклинивания новых компонентов в состав фразеологизма автор раскрывает важную мысль: всегда задумываться о своей любви и тем, что дорого, чтобы после не жалеть об этом.

Представим количественные данные по выявленным трансформированным фразеологическим единицам в таблице (таблица 1).

тип трансформации	замена, %	расширение, %	вклинивание, %	усечение, %
-------------------	-----------	---------------	----------------	-------------

Английский	52	29	5	14
Русский	76	4	10	10

Таблица 1. Типы трансформаций фразеологических единиц

Самая часто встречаемая трансформация фразеологизма – замена. Использование этого приёма обусловлено стремлением к раскрытию главного свойства (содержания) рекламируемого товара. Тип трансформации расширение чаще встречается в англоязычных рекламных текстах – 29%, в то время как в русскоязычных рекламных текстах больше случаев вклинивания. Эти две трансформации обладают общими чертами: и в первом и во втором случае фразеологизм дополняется новыми элементами, однако расширение практически не изменяет семантику фразеологизма, в то время как вклинивание оказывает большее влияние на значение фразеологизма. Случаи усечения встречаются с одинаковой частотностью в обоих языках.

Индивидуально-авторские фразеологизмы достаточно часто встречаются в рекламных текстах. Творческая «обработка» фразеологизмов позволяет создать яркие словесные образы и придать им новую экспрессивную окраску, усиливая их выразительность.

Таким образом, трансформированные фразеологизмы помогают производителям привлечь ещё больше внимание клиентов, так как сами фразеологизмы узнаваемы и понятны, а с определёнными изменениями они подчёркивают особенность конкретного изделия или услуги, рекламный текст лучше сочетается с названием товара или фирмы.

Библиография

1. Пономарёва И.В. Мотивационные особенности рекламного текста // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11 (113). С. 181-185. DOI: 10.23670/IRJ.2021.113.11.157. EDN: FZMMHF.
2. Фещенко Л.Г. Рекламный текст: разграничение понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. № 26. С. 113-116.
3. Акимова Т.В. Фразеологизмы в рекламном тексте // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2013. № 6. С. 201-202. EDN: UJWCTR.
4. Воронина Л.В. Текстовые единицы с семантикой цели в коммуникативном пространстве рекламы // Коммуникативные исследования. 2020. № 3. С. 582-595. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(3).582-595. EDN: RZLHSQ.
5. Жданова Е.Ю. Рекламный текст как объект лингвистического исследования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 2-1 (32-1). С. 82-85. EDN: TUCPFJ.
6. Двойнина Е.В. Фразеологические выражения как средство усиления аттракции заголовков рекламных объявлений (на материале англоязычной таможенной прессы) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 255-267. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1015. EDN: QDDZVW.
7. Амири Л.П. "Фразеологизация" рекламного пространства, или игра с лингвокультурным сознанием потребителей рекламы // Изв. Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. № 3. С. 19-25. EDN: PMYKRB.
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 1996.
9. Редько Г.В. Фразеологизмы как языковая универсалия, отражающая национальную культуру народа // Вестник АГУ. 2019. № 1 (232). С. 100-105.
10. Ганиева Ф.Ф. Фразеологические единицы как объект исследования в трудах отечественных исследователей // Lingua mobilis. 2015. № 1. С. 38-47. EDN: U MVPCT.
11. Соболева Н.П. Влияние особенностей контекста на окказиональное использование фразеологических единиц в рекламных слоганах к фильмам // Вестник СПбГУ. Язык и

литература. 2015. № 2. С. 155-163.

12. Савченко Л.В. Семантические трансформации фразеологических единиц в рекламных слоганах // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 7-2 (28). С. 64-66.

13. Трушина М.Д. Трансформация устойчивых выражений в рекламе // Вестник науки. 2021. № 7 (40). С. 21-30. EDN: OTTJBT.

14. Куликова Е.В. Рекламный текст: лингвистические приемы выразительности // Вестник ННГУ. 2009. № 6-2. С. 276-282.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа направлена на изучение процесса трансформации фразеологических единиц в англо- и русскоязычных рекламных текстах. На мой взгляд, предмет исследования нов, достаточно актуален, практически интересен. Стоит согласиться, что «рекламный текст является способом передачи идей на язык потребностей и запросов; огромное влияние оказывает то, как написан рекламный текст и какие средства выразительности используются в нём для привлечения внимания, влияния или воздействия на людей». Реклама действенна, ситуативна, она есть как скрытая, так и открытая манипуляция сознанием. Работа информативна, цитации, отсылки даны с учетом объективной крайности: например, «рекламный текст должен отвечать ряду требований: быть ясным, доходчивым, информативным, оригинальным, занимательным, эмоциональным, логично построенным, лаконичным, нормативным»: о таких условиях для рекламного текста пишет в своей работе Т. В. Акимова [3, с. 201]. Также она говорит, что тот, кто создаёт рекламные тексты, должен быть не только креативным, но и обладать познаниями в разных сферах и знать нормы речи». Тема работы раскрывается планомерно, последовательно, с учетом явной аргументации. Стиль ориентирован на научный тип: например, «Язык рекламы использует как вербальные, так и невербальные средства, что также оказывает влияние на клиента. В рекламном тексте часто присутствуют и вербальный, и невербальный контекст одновременно, который представлен в виде красочного изображения, схемы или с помощью видеосюжета. «Таким образом, специфика рекламных текстов определяется тем, что они, в зависимости от вида рекламы, соединяют в себе вербальную (языковую) часть со следующими невербальными элементами: 1) зрительным рядом (в печатной и наружной рекламе); 2) звуковым рядом (в радиорекламе); 3) звуковым и зрительным рядом (в телевизионной рекламе)» и т.д. Суждения точны, стилистически выверены: «Фразеологизмы делают нашу речь более эмоциональной и выразительной. С помощью фразеологизмов мы можем точнее описывать различные ситуации, фразеологизмы не воспринимаются в буквальном смысле и некоторые выражения могут звучать довольно странно для представителей разных культур». Примеров, которые рассмотрены в статье, достаточно; при этом автор стремится к открытой аналитике: «1. Структурные изменения фразеологической единицы подразумевают или замену одного из компонентов, или добавление в единицу «новых» слов, или один из компонентов убирают. Т. В. Акимова в своей работе приводит следующие примеры: «В жизни всегда есть место открытию (банк «Открытие»); Кто не успел, тот не Хайнц (зеленый горошек «Хайнц»)), или «вклинивание – это структурно-семантическая трансформация. В данном приёме фразеологический оборот дополняется новым компонентом или компонентами так, чтобы реклама смотрелась более выгодно, за счёт изменения структуры и расширения фразеологической единицы. В данном случае Н. П. Соболева в качестве примера

рассмотрела слоган «Из воды сухим не выйти», который является русскоязычной интерпретацией краткого рекламного текста "There are no clean getaways" к фильму "No Country for Old Men" («Старикам тут не место»), 2007, США. Номинативная фразеологическая единица «выйти сухим из воды» в результате структурно-семантического преобразования приобрела необходимую семантику за счет вклинивания отрицательной частицы «не», а инверсия сделала эмфатическое ударение на образности, заложенной во ФЕ» и т.д. На мой взгляд, данный труд целостен, объемён, научно точен. Работа имеет признаки научной новизны, проблемный вопрос актуален. Привлекает, что автор подобрал разные сферы использования фразеологизмов: кино, кинематограф, услуги, социальная реклама и т.д. Например, «сорвись с крючка» – слоган социальной рекламы министерства здравоохранения РФ против курения. Изначальный вариант фразеологизма «попасться на крючок» имеет негативное значение, однако с помощью замены компонентов слоган обретает положительное значение и заставляет задуматься людей, злоупотребляющих курением». Полученные данные обобщены в таблицу, визуальный формат вполне уместен. Общие требования издания учтены, работы интересна, информативна; материал может быть использован в рамках изучения ряда гуманитарных дисциплин. Задачи, которые были поставлены, на мой взгляд, решены. Автор приходит к выводу, что «трансформированные фразеологизмы помогают производителям привлечь ещё больше внимание клиентов, так как сами фразеологизмы узнаваемы и понятны, а с определёнными изменениями они подчёркивают особенность конкретного изделия или услуги, рекламный текст лучше сочетается с названием товара или фирмы». Список источников достаточен, текст не нуждается в серьезной доработке. Рекомендую статью «Трансформации фразеологических единиц в англо- и русскоязычных рекламных текстах» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Щукина К.А., Ли Ш. Коннотативные значения эргонимов: анализ лингвокультурных коннотаций названий ресторанов Санкт-Петербурга // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74195 EDN: EWNPHH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74195

Коннотативные значения эргонимов: анализ лингвокультурных коннотаций названий ресторанов Санкт-Петербурга

Щукина Кира Александровна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и методики его преподавания; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11

✉ k.shukina@spbu.ru

Ли Шу

ORCID: 0009-0002-4194-2718

аспирант, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11

✉ st121878@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74195

EDN:

EWNPHH

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2025

Аннотация: В статье представлен лингвокультурологический анализ коннотативных значений эргонимов Санкт-Петербурга, в частности названий ресторанов и кафе. Предмет исследования представляет собой коннотативные значения эргонимов Санкт-Петербурга. В качестве объекта выступают 800 названий ресторанов и кафе в городе Санкт-Петербурге, отобранных методом сплошной выборки из открытых интернет-источников. Цель исследования заключается в выявлении коннотативных значений в

названиях ресторанов Санкт-Петербурга с позиции лингвокультурологии. Исследование направлено на анализ того, как эргонимы отражают культурные, исторические и социальные аспекты города, и их роль в формировании идентичностей в условиях глобализации. Материалом исследования послужили названия 800 ресторанов и кафе города Санкт-Петербурга, собранные из интернет-ресурсов. В работе применены следующие методы: описательный метод, метод сплошной выборки при сборе эргонимов, классификационный анализ для выделения 5 категорий коннотативных значений, количественные подсчеты, и лингвокультурологическая интерпретация коннотативных значений эргонимов. Научная новизна заключается в системном анализе коннотативных значений эргонимов как ключевого элемента языковой картины города Санкт-Петербурга, раскрывающего связь между номинацией, культурной памятью и современными социокультурными процессами. Впервые проведена детальная интерпретация коннотативных значений эргонимов Санкт-Петербурга по пяти категориям. Результаты показали, что наиболее многочисленной категорией стала «Глобализация и межкультурный синтез» (289 единиц), что отражает адаптацию заимствованных элементов к локальной культуре. Категория «Гастрономическая прагматика и специфика» (183 единицы) минимизирует когнитивную нагрузку. Категории «Исторические и культурные отсылки», «Современные культурные тренды и социальная идентичность» и «Природные образы и региональные особенности» представлены близкими по численности (119, 116 и 93 единицы соответственно). Исследование подтверждает, что эргонимы Санкт-Петербурга формируют «языковую карту» города, активизирующую исторические, культурные, природные и гастрономические аспекты.

Ключевые слова:

эргоним, коммерческие названия, названия ресторанов, коннотативные значения, коннотация, культурные коннотации, урбанонимика, лингвокультурологический анализ, лингвокультурология, Санкт-Петербург

Введение

Названия ресторанов как разновидность эргонимов служат языковым воплощением русской национальной культуры, обладая ярко выраженной этнокультурной спецификой. Культурная коннотация, будучи имплицитной по своей природе, формирует дополнительный смысловой пласт, который наслаивается на прямое денотативное значение языковой единицы [1]. Это принципиально важно для нашего исследования: эргонимы не только передают информацию, но и в определенной степени отражают культуру и идентичность данного региона [2]. **Актуальность** исследования обусловлена ролью эргонимов как элементов языковой картины мира, значимых для лингвокультурологического анализа. Санкт-Петербург, выступая как город с уникальным культурным наследием, предоставляет богатый материал для изучения коннотативных значений эргонимов в городском пространстве.

Целью данной работы является выявление коннотативных значений в названиях ресторанов Санкт-Петербурга с точки зрения лингвокультурологии. В качестве **материала** исследования выступают 800 названий ресторанов и кафе Санкт-Петербурга, отобранных методом сплошной выборки из интернет-ресурсов [3].

Коннотация формируется через призму языкового сознания носителей, отражая их

когнитивно-эмоциональное восприятие мира, социальных взаимодействий и событий [4]. Понятие «коннотация» проникло в лингвистику через грамматику Пор-Рояля (XV в.) для обозначения акциденций (случайные свойства предметов) в отличие от субстанций (свойства объективной реальности) [5]. В рамках лингвокультурологии термин «коннотация» рассматривается в работах следующих ученых: по мнению В.Н. Телия, коннотация определяется как «макрокомпонент значения языковых единиц, выражающий эмотивно-оценочное отношение говорящего к действительности и придающий семантике экспрессивную окраску» [6, с. 5]. Структура коннотации включает: 1) Мотивирующее основание (внутренняя форма — ассоциативно-образное представление или нестандартный звуковой облик); 2) Эмотивно-оценочную модальность (вершинный компонент, объединяющий эмоции и оценку); 3) Стилистическую маркированность (регистр, социальная или культурная привязка) [Там же: с. 95].

Кроме того, в своих трудах Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров также выдвинули своё мнение о термине «коннотативные слова»: слова, вызывающие эмоциональные, этические и эстетические ассоциации [7]. Согласно их определению, коннотативные значения состоят из двух аспектов: сопутствующих значений, основанных на социокультурных контекстах, и сопутствующих значений, созданных языковыми средствами (например, аффиксальные способы словообразования и т.д.).

Вслед за В.Н. Телия, В.А. Маслова рассматривает термин «коннотация» как «экспонент культуры в языковом знаке», который формируется через ассоциативно-образное или символическое основание [8]. В широком аспекте все компоненты коннотации (эмотивность, оценочность) характеризуются культурной маркированностью. В узком — этноконнотация связывает единицу с культурным пространством, отражая национальные стереотипы и ценности.

С точки зрения лингвокультурологии можно выделить два типа коннотативных значений: культурную и стилевую коннотацию [9]. Слова с культурной коннотацией обычно относятся к нейтральным словам, имеющим одинаковое денотативное значение в двух или более языках, но обладающим особыми эмоционально-оценочными значениями и культурно-историческими ассоциациями в рамках определенной национально-культурной общности.

Коннотативное значение слова обозначает субъективные оценки и отношение, сопровождающие процесс обобщенного отражения людьми объективного предмета. Его характеристики следующие: 1) Коннотативное значение представляет собой дополнительное, добавочное значение вне понятийных значений. Оно не относится к фиксированным семантическим компонентам слова; 2) Коннотативное значение слова имеет эмоциональную, оценочную окраску; 3) Коннотативное значение слова обладает ассоциативными особенностями; 4) Хотя коннотативное значение характеризуется социальными особенностями по общему признанию, оно не похоже на понятийные значения, которые отличаются стабильностью и ясностью [10].

Язык представляет собой зеркало культуры. Изучение конкретных языковых явлений позволяет выявлять богатые культурные коннотации [11]. Исследование коннотативных значений эргонимов, в частности, названий ресторанов Санкт-Петербурга, приобретает особую значимость в рамках лингвокультурологии. В нашем исследовании коннотативное значение эргонимов понимается как совокупность имплицитных компонентов, накладывающихся на денотативное значение слова. Коннотативное значение эргонимов

отражает эмотивно-оценочные, культурно-символические и стилистические ассоциации в рамках определенной лингвокультуры.

Анализ лингвокультурных коннотаций названий ресторанов Санкт-Петербурга

Лингвокультурные коннотации в 800 названиях ресторанов отражены по пяти категориям: 1) исторические и культурные отсылки; 2) глобализация и межкультурный синтез; 3) природные образы и региональные особенности; 4) современные культурные тренды и социальная идентичность; 5) гастрономическая прагматика и специфика. Далее подробно рассмотрим конкретные примеры:

1. Исторические и культурные отсылки

Данная категория отражает имперское прошлое России и ее культурной памяти. Народ выступает не только создателем фольклорных преданий, но и носителем, транслятором и хранителем культурной памяти [\[12\]](#). Немало названий ресторанов связано с **историческими личностями, событиями и культурой**. Например, ресторан «Дворец Великого Князя Владимира»: заведение находится в старинном особняке, который принадлежал императорской семье Романовых. «Грибоедов Клуб»: название напоминает потребителям о классике русской литературы Александре Сергеевиче Грибоедове. «Бакунин»: название обозначает анархиста Бакунина. «Синий Пушкин»: название связано с знаменитым русским поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным. Как отметила Е.В. Веденеева в своей работе, «способом вписать создаваемый оним в культурный контекст, придать ему значимость является использование прецедентных имен» [\[13, с. 3\]](#).

Существуют названия ресторанов данной категории связаны с **архитектурными**. Например, «Ротонда»: название обозначает круглое в плане сооружение, такой тип здания получил свое распространение в XVIII-XIX вв. в русской архитектуре как элементы дворцовых комплексов. Кроме того, ротонда также считается местом встреч масонов или проведения тайных ритуалов. «Капелла»: Капелла обозначает старейшее музыкальное учреждение России, основанное в XV веке (ныне Академическая капелла Санкт-Петербурга). Ресторан находится рядом с зданием «Капелла».

И также некоторые названия основаны на **литературно-художественных отсылках**. Например, «Ода»: жанр торжественной песни, используемый в античной и классической литературе. Название напоминает о торжественной песне, посвященном событию или герою. «Заводные яйца»: название происходит от фантастической повести Михаила Булгакова «Роковые яйца». «У Швейка»: название отсылает к роману Ярослава Гашека «Приключения бравого солдата Швейка».

Использование прецедентных имен, символов и отсылки в названиях ресторанов сохраняет культурную память, связанную с историей, обычаями и искусством. Эргонимы в данном случае стали пространством диалога между прошлым и настоящим.

2. Глобализация и межкультурный синтез

В эпоху глобализации гастрономическая ономастика становится зеркалом межкультурной коммуникации. Как С.А. Питина отметила в своей статье, «Эргонимы в сфере общественного питания подвержены иноязычному влиянию, отражая особенности предлагаемой кухни в своих названиях» [\[14, с. 60\]](#). Главные особенности номинации данной категории следующие:

- 1) Использование иностранных слов;
- 2) Использование топонимов иностранной культуры;
- 3) Интеграция межкультурной символики;
- 4) Языковая гибридизация в номинациях.

Рассмотрим вышеперечисленные особенности на конкретных примерах. Ресторан «Fortunato»: название происходит из итальянского языка и обозначает «счастливый», «удачливый», «успешный». «Juno»: название переводится с латинского языка, связано с понятием «молодость» или «новое начало». В римской мифологии «Juno» обозначает богиню Юнону — покровительницу брака и деторождения. «Milano»: название происходит от итальянского города «Милан», который представляет собой культурный центр Италии. «Kunst Wine Bar»: слово «Kunst» в переводе с немецкого языка обозначает «искусства», «художество», «мастерство», «умение», которое создает художественную атмосферу в заведении. «Терийоки»: название связано с финским языком (в переводе Смоляная река) [\[15\]](#). «Спарта Гриль-Бар»: слово «спарта» напоминает о Древней Спарте. «Калипсо»: название происходит от имени нимфы в древнегреческой мифологии и указывает на морскую тематику. «Ганеша»: название связано с богом мудрости и благополучия с головой слона в индуизме. Название создаст экзотическую атмосферу и привлекает потребителей, интересующихся восточной культурой. «Чайный дом»: название передает бережное отношение к чайным традициям Востока. «Авокадо Квин»: название показывает концепт здорового образа жизни. «Авокадо» представляет собой международный гастрономический символ полезных жиров и витаминов. «Квин» отражает качественность и лидерство на рынке здорового питания.

На фоне глобализации эргонимы становятся инструментами межкультурного диалога. Использование иностранных элементов в названиях ресторанов не только позиционирует принадлежащую кухню каждого ресторана, но и способствует формированию культурной идентичности посредством адаптации иностранных элементов к локальному контексту.

3. Природные образы и региональные особенности

В долгой истории развития человечества образы природы выступают не только репрезентацией природных реалий, но и служат культурным символом [\[16\]](#). Названия ресторанов, входящие в данную категорию, связаны с природой региона. В них часто встречаются слова, описывающие природные явления, названия флоры, фауны и географические ориентиры региона. Примерами служат следующие:

Ресторан «Бар Роз»: слово «Роза» ассоциируются с любовью, романтикой, красотой и также опасностью. «Барвинок»: название связано с растением барвинок, который обозначает: 1) вечную любовь и привязанность; 2) дружбу и верность; 3) память; 4) чистоту, невинность и новые начинания; 5) духовность, творчество и воображение; 6) молодость и девичью честь [\[17\]](#). «Чайки»: название заведения отражает морскую тематику, его расположение указано на набережной реки. «Мо'зайка»: название второй части «зайка» представляет собой ласковое обращение в русском языке, образованное от слова «заяц». При номинации присутствует языковая игра. «Республика кошек»: название подчеркивает независимость кошек, которая представляет собой независимое существо и у каждого есть собственное мнение — как в республике, где у каждого есть право голоса и каждое мнение должно быть услышано. «Ресторан Яхт-клуб»: название

ресторана указывает на морскую тематику и заведение находится на побережье. «Волна»: название связано не только с водяным валом, но и изображением водяного вала, и может обозначать внезапное сильное чувство. «Барбарис»: название связано с растением, которое символизирует удачи и процветание [18].

Названия ресторанов в данной категории не только выступают в качестве эстетических элементов, но и передают культурные коннотации. Природные образы и региональные особенности в названиях ресторанов подчеркивают местные особенности и привлекают определенные группы клиентов.

4. Современные культурные тренды и социальная идентичность

В условиях цифровизации и фрагментации социальных связей эргонимы трансформируются в инструмент формирования гибридных идентичностей. Это проявляется в трех аспектах: использовании цифры и аббревиатуры, отсылке к поп-культуре и маркировке социальных групп.

Использование цифры и аббревиатуры считается особой тенденцией в современной урбанонимике. Например, ресторан «Квартира № 162»: название связано с местонахождением заведения, которое находится в жилых домах. Такое название создает домашнюю атмосферу и может вызвать у потенциальных потребителей ощущение сердечности и привязанность к сообществу. «СПБ»: название расшифровывается как «Самый правильный бар», здесь «Самый» — как «Самый», отражает одобрение выборов потребителей. Кроме того, «СПБ» также показывает отсылки к СПб — Санкт-Петербургу.

Отсылка к поп-культуре также встречается в таких названиях: «Рок Стар Кафе»: название связано с тематикой рок-музыки. Слово «Рок» не только представляет собой жанр музыки, но и отражает идеи свободы, нонконформизма и эстетики бунта. «Dead Poets»: название происходит от фильма «Общество мёртвых поэтов» (англ. Dead Poets Society). Такая прямая цитата активизирует у потребителей ассоциации с сюжетом фильма, где раскрывается тема поиска индивидуальности и роли искусства в жизни. «Dead Poets» как проявление духа юношеского бунтарства и становится популярным среди молодых людей. «Redrum»: название происходит не только от фирменного сорта пива «Redrum», но и связано с фильмом «Сияние» Стивена Кинга и Стэнли Кубрика. В фильме слово «Redrum» — это слово «Murder» (убийство), написанное задом вперед. «Рыба моей мечты»: название связано с выражением восторга или радости и также с известным интернет-мемом.

Под социальной группой в категории «**Маркировка социальных групп**» понимается сообщество, объединенное общей идентификацией с абстрактным концептом (привязанность к семье, исполнение мечты, хорошие люди, ленивые миллениалы и др.).

Маркировка социальных групп отражается в таких примерах: ресторан «Тетя Аида»: название связано с именем владельцы ресторана, которую действительно зовут Аида. Обращение «тетя» создает родственную теплоту через семейное застолье и напоминает об образе — хранительнице рецептов. Название объединяет социальную группу, которая ценит домашность в публичных пространствах. В этом плане гости воспринимаются как члены семьи. Похожее название также — «GOCHA'S Cafe»: название связано с именем хозяина, и делает акцент на индивидуальном семейном питании. «Ресторан Желания»: заведение описывает себя как место, где «желания исполняются, а мечты сбываются». Название объединяет социальную группу — мечтателей под общей идеей «исполнения мечты» и создает чувства принадлежности к сообществу мечтателей. «Хорошие Люди Внутри»: название связано с концептом заведения, где акцент сделан на здоровом

питании и пространстве отдыха, общения и объединения людей. Такое название отражает маркировку социальных групп, в которой объединяют «хорошие люди». «8956 Обломофф Фуд»: название происходит от имени фуд-блогера «Славный Друзе Oblomoff», и также может напоминать о герое романа И.А. Гончарова «Обломов», который стал нарицательным для обозначения лени, апатии, инертности и отсутствия мотивации. «Обломовщина» создает ироничный контраст с образом фуд-блогера и привлекает аудиторию цифрового поколения. Название хотя отсылается к роману И.А. Гончарова, использование цифры 8956 напоминает об идентификаторе в соцсетях. Такое выражение воспринимается как шутка над стереотипом о «ленивых миллениалах» и объединяет социальную группу цифрового поколения. «Ресторан Персоны»: слово «персона» происходит от латинского языка, может обозначать человека с крупным общественным положением ^[19]. В названии ресторана слово «персона» позиционирует заведение как пространство для элитных групп. «Барский уголок»: название имеет ироническое значение и удовлетворяет потребности потенциальных клиентов в формировании идентичности в сфере городского пространства. Слово «барский» происходит от «барин», обозначающий человека из высших сословий и ассоциировался с жизнью дворянских усадеб. Кроме того, можно считать, что прилагательное «барский» образовано от слова «бар». Посетители идентифицируют себя как сообщество элиты. «Звонок»: название связано с концептом заведения, где планируется создать место для встреч сообщества друзей. Слово «звонок» выступает в качестве символа приглашения к общению и объединяет посетителей в группу инициаторов связи.

Таким образом, эргонимы в данной категории послужили инструментом формирования социальной идентичности через три ключевые стратегии: использовании цифры и аббревиатуры, отсылке к поп-культуре и маркировке социальных групп.

5. Гастрономическая прагматика и специфика

Названия данной категории четко указывают на тип кухни или особенность заведения, помогая потребителям принять решение на считанные секунды. К данной группе относятся следующие примеры:

Ресторан «Паприка»: название заведения объясняется особенностью кухни — венгерской кухни. Паприка представляет собой вид сладкого перца, получивший особое распространение в Венгрии и Болгарии. «Шеф-шаверма»: название напрямую показывает свое главное блюдо — шаверму. Также название может обозначать ресторан с открытой кухней. «Лепим и варим»: название акцентирует на процесс приготовления блюд, лепим — ручная лепка, варим — медленная варка. Название изображает процесс приготовления пельмени. «Чеснок»: название происходит от того, что в итальянской кухне широкое применение чеснока является одной из основ итальянской кухни. «Огурцы»: название указывает на веганскую направленность заведения и слово «огурец» может обозначать кого-либо здорового, крепкого и свежего на вид. «Отменная Пельменная»: название подчеркивает необыкновенные пельменные в ресторане и напрямую указывает на главное блюдо в ресторане. «Пури»: название происходит из санскритского слова и обозначает «хлеб» в индийской и грузинской кухне. «Пу-эр»: название не может быть незнакомым для любителей чаепития. Пу-эр представляет собой один из знаменитых сортов чая в Китае. «Пико Такерия»: название создает ассоциацию с мексиканской кухней и непринужденной атмосферой. «Suki суши»: слово «Suki» в переводе с японского языка «すく», которое обозначает «любить». «Суши» представляют собой традиционное блюдо японской кухни. Название «Suki суши» принимается как «люблю суши». «Русские Блины»: круглая форма блинов символизирует цикличность

природы, отражающуюся в обрядах Масленицы.

Данная категория эргонимов демонстрирует явно выраженную прагматичность. В названиях ресторанов отражаются процесс приготовления, ключевые ингредиенты блюд, которые являются важными факторами для быстрого решения.

Заключение

Как А.Ф. Гизатулина отметила в своей статье «национально-культурная специфика всегда отражена в культурной коннотации слов» [20, с. 330]. Эргоним как одно из активно развивающихся языковых явлений содержит богатые культурные коннотации, отражающие национально-культурную специфику данного региона. Проведенный анализ коннотаций названий ресторанов Санкт-Петербурга выявил, что эргонимы в урбанонимическом пространстве являются важным инструментом передачи культурных ценностей, исторической памяти и социальных идентичностей. Через призму пяти выделенных категорий раскрывается многообразность культурных коннотаций, которые формируют уникальный языковой ландшафт города Санкт-Петербурга.

Среди пяти категорий, «Глобализация и межкультурный синтез» представляет собой самую многочисленную категорию (289 единиц от общего числа). Это объясняется тем, что в условиях глобализации названия ресторанов превращаются в пространство межкультурного диалога. Заимствованные элементы адаптируются к местному культурному коду. Названия, входящие в категорию «Гастрономическая прагматика и специфика» (183 единицы), минимизируют когнитивную нагрузку на потребителя, позволяя им быстро принимать решения. Количество названий ресторанов в категории «Исторические и культурные отсылки», «Современные культурные тренды и социальная идентичность» и «Природные образы и региональные особенности», составляет 119, 116 и 93 единицы соответственно.

Исследование показало, что коннотативные значения эргонимов Санкт-Петербурга формируют «языковую карту» города, где активизируются история, культура, процесс глобализации, природные образы и гастрономия. Гастрономическая номинация в Санкт-Петербурге выступает не только как маркетинговый инструмент, но и как зеркало взаимодействия языка и культуры, отражающих процесс переплетения традиций, истории, культуры и межкультурного диалога.

Библиография

1. 惠慧. 俄汉语动物词文化内涵差异对比研究 // 当代教育实践与教学研究. 2017. С. 186-187. (Хуэй Хуэй. Сопоставительный анализ культурной коннотации зоонимов в русском и китайском языках // Современная образовательная практика и педагогические исследования. 2017. С. 186-187.)
2. 刘建权. 成都市现代商业街区语言景观生态研究-以春熙路商圈为例 // 文化学刊. 2024. № 11. С. 198-203. (Лю Цзяньцюань. Экология языкового ландшафта современных коммерческих районов Чэнду: на примере торговой улицы Чуньсилу // Культурология. 2024. № 11. С. 198-203.)
3. Рестораны Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // URL: https://www.tripadvisor.ru/Restaurants-g298507-St_Petersburg_North-western_District.html (дата обращения: 10.02.2025)
4. Н.Н. Кислицына, В.Ю. Гуляева. Типология коннотативной лексики // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2018. № 1-2 (21-22). С. 135-143. EDN: WOKKEN
5. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998.

6. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. EDN: PGWRSR
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр "Академия", 2001. EDN: UKCOEJ
9. 吴国华. 析谈俄语词的文化伴随意义的特点 // 解放军外语学院学报. 1991. № 6. С. 28-32. (У Гохуа. Особенности культурной коннотации русской лексики // Вестник Института иностранных языков НОАК. 1991. № 6. С. 28-32.)
10. 余小如. 浅谈“词汇伴随意义” // 中国俄语教学. 1992. № 1. С. 7-9. (Юй Сяожу. К вопросу о коннотативном значении лексики // Русский язык в Китае. 1992. № 1. С. 7-9.)
11. 孔鑫颖. 文化语言学视域下曲阜街巷道路名称研究. // 牡丹江大学学报. 2025. № 3. С. 50-63. (Кун Синьин. Исследование названий улиц Цюйфу в аспекте культурной лингвистики // Вестник Муданьцзянского университета. 2025. № 3. С. 50-63.)
12. 程雨涵. 徽州村名文化内涵调研 // 文化综合. 2023. № 45. С. 131-133. (Чэн Юйхань. Культурная коннотация деревенских топонимов Хуэйчжоу // Культурный синтез. 2023. № 45. С. 131-133.)
13. Веденеева Е.В. Фиктонимы и мифонимы как база для формирования городского эргонимикона // Studia Humanitatis. 2024. № 1. С. 1-14. EDN: SMZZHZ
14. Питина С.А. Гибридизация в эргонимах // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2018. № 1 (411). С. 60-64. EDN: YNELKE
15. О происхождении названия Терийоки [Электронный ресурс] // URL: <https://terijoki.spb.ru/f3/viewtopic.php?t=4906&ysclid=m8x6mp1dvd917023415> (дата обращения: 15.03.2025)
16. 惠慧. 俄汉语植物词文化内涵差异对比研究 // 当代教育实践与教学研究. 2017. С. 238-239. (Хуэй Хуэй. Сопоставительный анализ культурной коннотации фитонимов в русском и китайском языках // Современная образовательная практика и педагогические исследования. 2017. С. 238-239.)
17. Барвинок-значение символики [Электронный ресурс] // URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-periwinkle-symbolize.html> (дата обращения: 15.03.2025)
18. Легенды о барбарисе [Электронный ресурс] // URL: <https://dzen.ru/a/ZqsglrCf6hUKSE8t> (дата обращения: 15.03.2025)
19. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] // URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/персона> (дата обращения: 15.03.2025)
20. Гизатулина А.Ф. Лингвокультурологические аспекты в лингвистическом анализа // Молодой ученый. 2018. № 16 (202). С. 329-331. EDN: XNLYAP

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет изучения данной работы достаточно интересен и оригинален. Целью рецензируемой статьи является выявление коннотативных значений в названиях ресторанов Санкт-Петербурга с точки зрения лингвокультурологии. Автор отмечает, что «в качестве материала исследования выступают 800 названий ресторанов и кафе Санкт-Петербурга, отобранных методом сплошной выборки из интернет-ресурсов». Стоит согласиться с тем, что актуальность «исследования обусловлена ролью эргонимов как элементов языковой картины мира, значимых для лингвокультурологического анализа. Санкт-Петербург, выступая как город с уникальным культурным наследием,

предоставляет богатый материал для изучения коннотативных значений эргонимов в городском пространстве». Методология исследования соотносится с рядом актуальных / современных наработок (В.Н. Телия, В.А. Маслова и т.д.). Работа имеет цельно-завершенный вид, она грамотно структурирована; считаю, что информационная составляющая труда высока. Стилль статьи соотносится с собственно научным типом: например, «С точки зрения лингвокультурологии можно выделить два типа коннотативных значений: культурную и стилевую коннотацию [9]. Слова с культурной коннотацией обычно относятся к нейтральным словам, имеющим одинаковое денотативное значение в двух или более языках, но обладающим особыми эмоционально-оценочными значениями и культурно-историческими ассоциациями в рамках определенной национально-культурной общности», или «Язык представляет собой зеркало культуры. Изучение конкретных языковых явлений позволяет выявлять богатые культурные коннотации [11]. Исследование коннотативных значений эргонимов, в частности, названий ресторанов Санкт-Петербурга, приобретает особую значимость в рамках лингвокультурологии. В нашем исследовании коннотативное значение эргонимов понимается как совокупность имплицитных компонентов, накладывающихся на денотативное значение слова» и т.д. Дифференциация текста на смысловые блоки оправдана, подобная вариация дает возможность читателю сориентироваться по ходу разверстки темы. Материал, который собран и обобщен автором, объемён; считаю, что проблема рассмотрена полновесно, иллюстративная составляющая работы многопланова. Фактических нарушений не выявлено, при этом текст статьи желательнo вычитать, устранить опечатки / неточности: например, «название создате́т экзотическую атмосферу и привлекает потребителей, интересующихся восточной культурой. «Чайный дом»: название передает бережное отношение к чайным традициям Востока. «Авокадо Квин»: название показывает концепт здорового образа жизни» и т.д. Автор использует по ходу работы т.н. промежуточные выводы, они поддерживают логику научной наррации. Например, «названия ресторанов в данной категории не только выступают в качестве эстетических элементов, но и передают культурные коннотации. Природные образы и региональные особенности в названиях ресторанов подчеркивают местные особенности и привлекают определенные группы клиентов». На мой взгляд, работа может стать примером для создания новых исследований смежной тематической направленности. Работе присуща должная аналитика, разбор-комментарий наукообразен: например, «в названии ресторана слово «персона» позиционирует заведение как пространство для элитных групп. «Барский уголок»: название имеет ироническое значение и удовлетворяет потребности потенциальных клиентов в формировании идентичности в сфере городского пространства. Слово «барский» происходит от «барин», обозначающий человека из высших сословий и ассоциировался с жизнью дворянских усадеб. Кроме того, можно считать, что прилагательное «барский» образовано от слова «бар». Автор приходит к выводу, что «коннотативные значения эргонимов Санкт-Петербурга формируют «языковую карту» города, где активизируются история, культура, процесс глобализации, природные образы и гастрономия. Гастрономическая номинация в Санкт-Петербурге выступает не только как маркетинговый инструмент, но и как зеркало взаимодействия языка и культуры, отражающих процесс переплетения традиций, истории, культуры и межкультурного диалога». Считаю, что цель исследования достигнута, поставленные задачи решены; основные требования издания учтены, тема как таковая раскрыта. Работа обладает должной научной новизной, материал можно использовать при изучении ряда лингвистических дисциплин. Рекомендую статью «Коннотативные значения эргонимов: анализ лингвокультурных коннотаций названий ресторанов Санкт-Петербурга» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Муругова Е.В., Дмитриева К.Д., Карпенко М.Г., Махонина Е.А., Петрова А.Г. Культура использования англицизмов в студенческом медиапространстве // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.71041 EDN: FBFFOU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71041

Культура использования англицизмов в студенческом медиапространстве

Муругова Елена Валерьевна

ORCID: 0000-0003-0781-9767

доктор филологических наук

профессор; кафедра "Интегративная и цифровая лингвистика"; Донской государственный технический университет

344082, Россия, г. Ростов-На-Дону, Братский пер., 39, А, кв. 17

✉ murugovaelena@yandex.ru

Дмитриева Ксения Дмитриевна

студент; кафедра "Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация"; Донской государственный технический университет

344003, Россия, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ kseniya.dmitrieva.04@mail.ru

Карпенко Мария Геннадьевна

студент; кафедра "Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация"; Донской государственный технический университет

344003, Россия, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ kima.kim53@mail.ru

Махонина Елизавета Алексеевна

студент; кафедра "Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация"; Донской государственный технический университет

344003, Россия, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ ml143673@gmail.com

Петрова Анастасия Георгиевна

студент; кафедра "Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация"; Донской государственный технический университет

344003, Россия, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ nastyapetrova182005@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.71041

EDN:

FBFFOU

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2024

Аннотация: Транслингвистическая парадигма исследования вносит свой вклад в изучение конкретных аспектов социального взаимодействия многоязычных пользователей языка. Мультимодальная и мультисенсорная природа языка находит свое проявление в языковых разновидностях, включая географические, социально-классовые, возрастные или гендерные разновидности. Человек в процессе языковых контактов очень хорошо осознает связь между расой, нацией и сообществом, с одной стороны, и названным языком – с другой, а также расхождения между границами в лингвистических структурных терминах и границами в социокультурных и идеологических терминах. Объектом исследования являются англицизмы, используемые обучающимися Донского государственного технического университета в медиапространстве с точки зрения выделения их лексико-семантических характеристик и функционирования. Предмет исследования представляет собой изучение основных тенденций использования англицизмов студентами в социальных студенческих сетях. На основе проведенного онлайн-опроса 360 студентов ДГТУ нами были проверены гипотезы по поводу причин и основных тенденций употребления англицизмов, влияния специализации обучающихся на их употребление в речи. Мы собирали как количественные, так и качественные данные, включая опросы и наблюдения, использовали методы словообразовательного и контекстуального анализов, а также метод корпусной лингвистики и элементы статистического анализа. Научная новизна работы определяется новизной исследуемого материала – англицизмами в медиапространстве молодежи, чьи ответы распределились по следующим категориям: 1) наиболее частотные англицизмы; 2) значения слов, которые являются общеупотребительными; 3) сферы употребления; 4) нарушение языковой нормы; 5) причины употребления англицизмов в речи; 6) перспективы использования. Результаты статистического анализа леммы «англицизм» в Национальном корпусе русского языка по метатрибуту показателя «тематика текста» представляют искусство и культуру, филологию и досуг, зрелища и развлечения. Результаты исследования свидетельствуют о тенденции частого использования прямых заимствований и калькирования из английского языка, относящихся к сфере употребления «Интернет». Многоязычный обучающийся свободно включает в свою речь англицизмы, преодолевая различия, расхождения, несоответствия и двусмысленности в коммуникации, при необходимости манипулируя ими для получения стратегических выгод. Использование англицизмов в речи молодежи не зависит от принадлежности к профессиональному сообществу, за исключением жаргонной лексики и профессионального сленга.

Ключевые слова:

англицизмы, социальные сети, контактная лингвистика, студенческое сообщество, прямые заимствования, калькирование, рунглиш, транслингвальное исследование, медиапространство, молодежь

За последние десятилетия отмечается бурный поток английских заимствований в различные языки. В рамках транслингвальной лингвистики для развития языка в целом, изучения природы лингвистических структур, исследователи рассматривают вопросы коммуникативного воздействия [\[1-3\]](#), исторического и социолингвистического влияния [\[4\]](#), стилистического использования англицизмов [\[5\]](#), гендерного различия [\[6\]](#), способности к двуязычию [\[7-9\]](#), переключения кодов с одного языка на другой [\[10-14\]](#), практик постмультилингвизма, которые мы наблюдаем в XXI веке [\[15-17\]](#). Чередование языков, устного и письменного, между языковыми разновидностями, а также между речью и письмом - очень распространенная черта человеческого социального взаимодействия [\[13\]](#). Транслингвистическая перспектива ставит под сомнение принятое в ученом сообществе прикладной и социолингвистики мнение о том, что двуязычие и многоязычие - это защита национальных языков, сохранение своей идентичности. Причем, для общения друг с другом пользователи языка используют не только языковые средства, но и семиотические ресурсы, жесты, мимику и т. д. Анализ многоязычных практик позволяет нам решать некоторых ключевых проблемы лингвистических теорий, такие как эволюция языка, язык и мышление, понимание гипотезы модульности сознания, смешения кодов при распознавании речи.

В рамках языковых контактов в современный русский язык сегодня проникает обилие англицизмов из различных областей наук, охватывая разнообразные коммуникативные каналы, особенно в контексте использования социальных сетей [\[18-22\]](#). Активными пользователями Интернета, безусловно, является студенческое сообщество, которое старается популяризировать иностранный язык, принимая образ жизни, менталитет и мировоззрение носителей иностранного языка [\[23\]](#). Наши российские исследователи определяют англицизм как «некую особенность английского языка, перемещенную в другой язык» [\[24, с. 986\]](#), как «заимствованное из английского языка или созданное по образцу английского слова или выражения, слово» [\[25, с. 25\]](#). По мнению исследователя М.А. Брейтера, «заимствования слов заключается в тесном контакте между двумя разными культурами. Наиболее значительное соприкосновение произошло в России на рубеже XVII – XVIII столетий. В те времена люди не одобряли употребление таких слов в обществе, но в современном мире они приветствуются и активно используются каждый день» [\[26\]](#).

Сейчас современная молодёжь всё чаще и чаще стала использовать рунглиш во время коммуникации. Данное явление обусловлено желанием объединить элементы двух разных языков для более эффективного общения между сверстниками. Термин стал широко популярным ещё в 2000-х годах, когда на рунглише стали разговаривать космонавты МКС. В современном русском языке, согласно подсчётам лингвиста Леонида Маршева за январь 2020 года, англоязычных заимствований насчитывалось около пяти-шести тысяч [\[22\]](#). Однако в 2021 году был найден источник [\[27\]](#), в котором упоминается, что русский язык насчитывает более 12 тысяч англицизмов, и их число в настоящее время продолжает непрерывно пополняться. Анализ хронологического распределения частоты употребления англицизмов в русскоязычном корпусе с использованием поискового сервиса Google Ngram Viewer свидетельствует об увеличении использования

слова «англицизм» [\[28\]](#).

Рисунок 1 Частотность употребления с использованием Google Ngram Viewer

Результаты статистического анализа леммы «англицизм» в Национальном корпусе русского языка [\[29\]](#) по метатрибунт показателя «тематика текста» из топ-10 наиболее часто встречаемых тем представляют такие темы, как: искусство и культура (26,32%), филология (15, 9%) и досуг, зрелища и развлечения (10,53%) (см. рисунок 1).

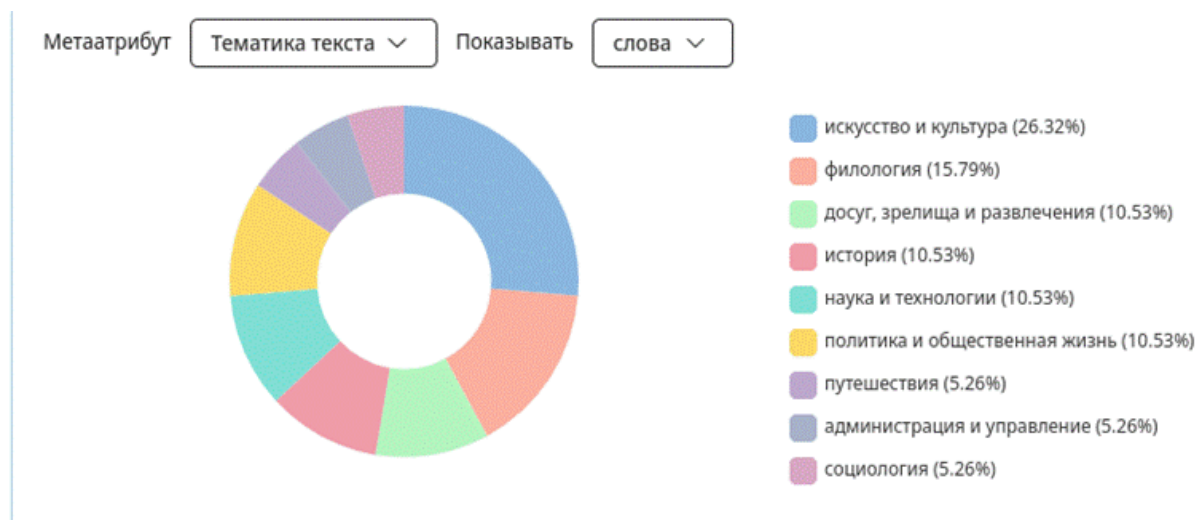

Рисунок 1. Распределение по тематике текста

Настоящее исследование позволило выявить основные тенденции использования англицизмов среди студентов университета и понять, как эта практика влияет на языковое поведение молодежи. Проблема, с которой сталкиваются студенты русскоязычных вузов – необходимость экономии языковых средств при общении по коммуникативным каналам связи.

Цель исследования связана с анализом лексико-семантических особенностей функционирования англицизмов в речи студентов университета. Данная цель нашла отражение в решении следующих задач:

1) изучение наиболее популярных каналов обучающихся Донского государственного технического университета (ДГТУ);

2) анализ способов образования и функционирования наиболее употребительных англицизмов в медиапространстве ДГТУ;

3) выявление характерных причин заимствования англицизмов в современном русском языке.

Проведя словообразовательный и контекстуальный анализы, нам удалось определить способы образования англицизмов в русской речи и на основе контекста понять, в каких сферах они чаще всего употребляются.

Материалом исследования послужили тексты социальных сетей студентов ДГТУ в наиболее популярных студенческих Telegram-чатах и VK-каналах, а также комментарии группы факультета «Прикладная лингвистика». Выявлено более 80 наиболее часто встречаемых англицизмов, которые были классифицированы по способу образования (см. диаграмму 1) и сферам употребления (см. диаграмму 2).

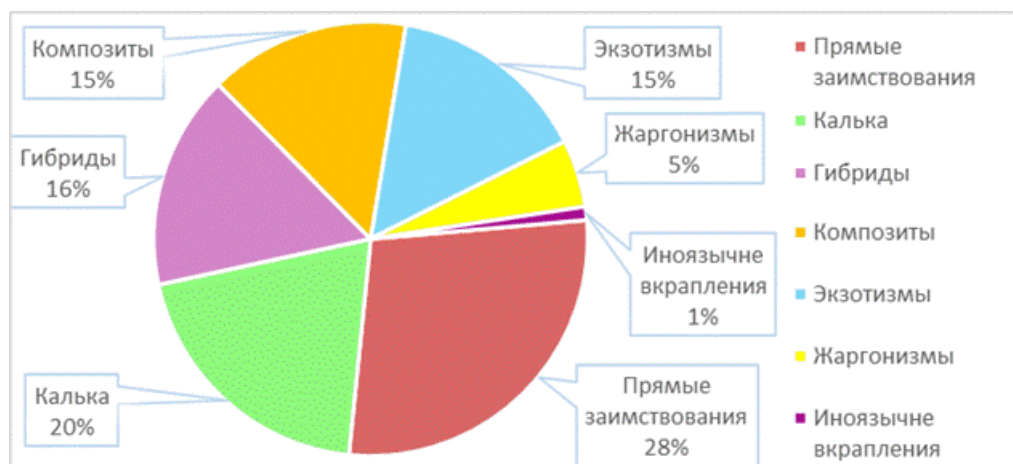

Диаграмма 1. Способы образования англицизмов

Диаграмма 1 показывает, что наиболее популярными путями образования англицизмов являются прямые заимствования из английского языка (28%), которые представлены практически в том же виде и значении, что и в русском языке. К данным заимствованиям мы относим такие слова, как *дайджест*, *файл*, *промпт*, *квест*, *респект*, *саммери*, *анонс*, *скилл*, *онлайн*, *юзер*, *кавер*, *информэйшн*, *этеншен*, *ивент*, *олл*, *чат*, *мем*, *юнит*, *найс*, *мэтч*, *фейк*, *мани*. Часто в студенческих каналах встречаются кальки, например: *пост*, *го*, *глючить*, *омагад*, *гайз*, *бэд*, *скрин*, *тренинг*, *админ*, *рейтинг*, *спикинг*, *хакер*, *спам*, *дизлайк*, *смайл*, *слэй*. Несколько реже встречаются гибриды: *кикнуть*, *забанить*, *сорян*, *скринить*, *чекнуть*, *апнуть*, *ливнуть*, *лайкнуть*, *зарегаться*, *буллить*, *дропнуть*, *чиллить*, *рофлить*.

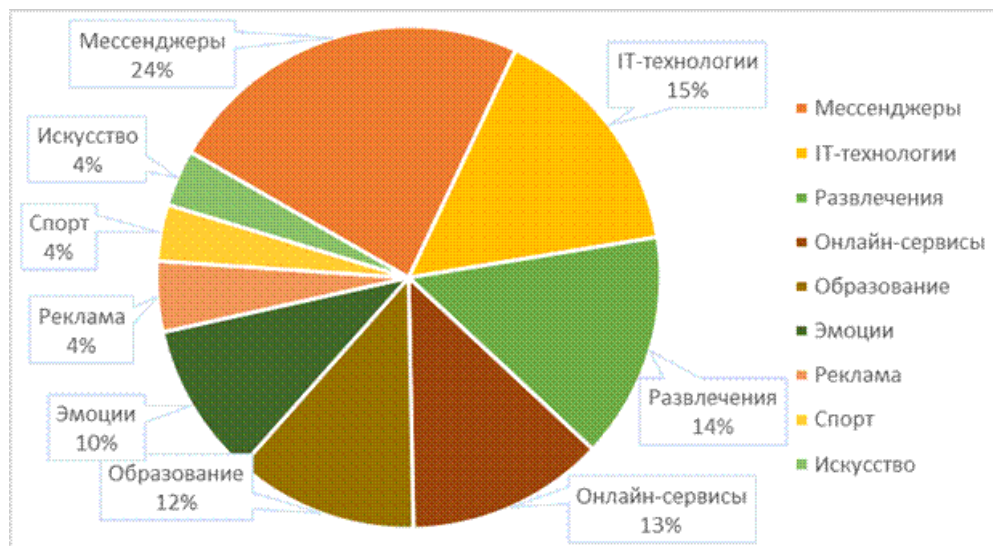

Диаграмма 2. Сферы употребления англицизов

Диаграмма 2 представляет топ-9 сфер употребления англицизов. Наиболее обширной можно назвать сферу, связанную со словами, используемыми в ходе общения в различных мессенджерах (24%): краш, го, кикнуть, гайз, рил, олл, информэйшн, этеншен, эврибади, окей, токсик, чат, чекнуть, сторитайм, сэндвич, кофе-брейк, мем, ливнуть, спикинг, буллить, имба, фейк, рофлить, смайл, слэй, мани. Сфера IT-технологий включает 15% англицизов: файл, юзер, глючить, скринить, слайд-шоу, скрин, админ, хакер, дропнуть, фейк, рингтон. Сфера онлайн-сервисов также популярна среди обучающихся ДГТУ (13%): онлайн, стикерпак, сторитайм, лайкнуть, зарегаться, олл, инфомэйшн, этэншен, эврибади, спикинг, буллить, пост, контент, дизлайк.

С целью выявления причин распространения англицизов в русском языке нами было проведено онлайн-анкетирование среди студентов 1-5 курсов ДГТУ социогуманитарных и технических факультетов: «Психология, педагогика и дефектология», «Юриспруденция», «Прикладная геодезия», «Автоматизация, мехатроника и управление», «Информатика и вычислительная техника», «Биоинженерия и ветеринарная медицина», «Энергетика и нефтегазопромышленность», «Прикладная лингвистика», «Промышленное и гражданское строительство», «Авиастроение», «Школа архитектуры, дизайна и искусств». Было опрошено более 360 респондентов. Ответы распределились по следующим категориям: 1) наиболее частотные англицизмы; 2) значения слов, которые являются понятными; 3) сферы употребления; 4) нарушение языковой нормы; 5) причины употребления в речи; 6) влияние знаний английского языка на понимание значений англицизов (см. таблицу 1).

Таблица 1

Результаты онлайн-анкетирования студентов 1-5 курсов ДГТУ социогуманитарных и технических факультетов

Вопрос	Ответ	Результат
1. Укажите Ваш факультет и специальность.	Свой вариант ответа	
2. Выберите слова, значения которых вам наиболее понятны	Дресс-код Пост	80 (100%) 76 (95%)

	Контент	78 (98%)
	Топ	80 (100%)
	Мерч	75 (93%)
	Краш	78 (98%)
	Тьютор	60 (75%)
	Подкаст	73 (91%)
	Го	78 (98%)
	Глючить	80 (100%)
	Кикнуть	76 (95%)
	Треш	78 (98%)
3. Какие англицизмы из данного списка Вы употребляете?	Свой вариант ответа	
4. Укажите англицизмы, которые Вы используете, не из представленного списка.	Свой вариант ответа	
5. Где чаще всего Вы употребляете данную лексику?	В молодёжной среде общения	75 (93%)
	В профессиональном сообществе	64 (80%)
	В разговорах людей старшего и среднего возраста	20 (25%)
6. Какого Ваше мнение по поводу распространения англицизмов в русском языке?	Обойтись без англицизмов не возможно	71 (89%)
	Проникновение англицизмов создает избыточность	13 (16%)
7. Почему используете англицизмы в Вашей речи?	Экономия усилий и средств	69 (86%)
	Выделяет меня из толпы	42 (52%)
	Это модно	7 (9%)
	Кодирование информации	5 (7%)
8. Влияет знание (незнание) английского языка на понимание англицизмов?	Понимаю англицизмы без толкового словаря	55 (68%)
	С трудом понимаю англицизмы	5 (7%)
	Понимаю значение англицизмов, однако не задумываюсь об их английском происхождении	31 (39%)

Как показывают результаты анкетирования, подавляющее большинство опрошенных к

наиболее употребляемым из представленного списка 80 англицизмов, относит – *дресс-код, топ, го, глючить, треш, краш, контент, пост, кикнуть*. Для того чтобы узнать, в какой среде употребляются англицизмы, был задан вопрос: «Где чаще всего вы употребляете данную лексику?», на который 93% респондентов ответили, что использование англицизмов происходит в молодёжной среде общения. Большинство респондентов толерантно относится к использованию англицизмов и считает, что это процесс, который не возможно остановить. При этом это помогает студентам экономить языковые средства и кратко передавать мысли.

В своем исследовании нам хотелось подтвердить или опровергнуть гипотезу по поводу влияния профессионального сообщества на использование англицизмов в речи. Для этого нами был проведен опрос среди обучающихся разных факультетов, как социогуманитарных, так и технических, которые активно используют англицизмы в социальных сетях. (см. таблицу 2).

Таблица 2

Результаты анкетирования студентов по поводу использования англицизмов в речи

Название факультета	Используемые англицизмы
Психология, педагогика и дефектология	бихевиоризм, фрустрация, инсайт, конформист, этеншен, дабл трэп, плиз, сорян, май бэд, вэйт
Юриспруденция	бейлиф, коронер, саммонер, десижнмейкер, драфтить
Прикладная геодезия	смог, скраб, джунгли, триггер, экспириенс
Автоматизация, мехатроника и управление	инжектор, аирджек, имобилайзер, катбек, рейлинг
Информатика и вычислительная техника	файл, браузер, ноутбук, онлайн, сервер, тима, юзер
Биоинженерия и ветеринарная медицина	инбридинг, эксперт, эффект, этечмент, беддинг
Энергетика и нефтегазопромышленность	элефант, рекавери, дриллер, кабель, спайдер, хайп, дедлайн
Прикладная лингвистика	юнит, спикинг, тьютор, слэй, инсайт, мэтч, ивент, чекап
Промышленное и гражданское строительство	фитинг, чиллер, таунхаус, фанкоил, блок-хаус
Авиастроение	компрессор, диффузер, турбоджет, комбустор, нозл, фудкорт, митинг, пиар, фейк
Школа архитектуры, дизайна и искусств	мудборд, референс, линк, маиндмэп, модерн, рофл, кринж

Мы смогли выявить наиболее характерные для того или иного сообщества англицизмы, которые, в целом, составили 20% от общего количества используемых англицизмов. Тот факт, что большинство англицизмов употребляется не в зависимости от специализации студентов, свидетельствует о том, что, прежде всего, знание английского языка помогает обучающимся понимать значение подобных слов, что подтверждает и статистика ответов на вопрос о влиянии знаний английского языка на понимание

значений англицизмов. На данный вопрос 68% опрошенных ответили, что знание английского языка помогает понять англицизмы и они обходятся без толкового словаря.

Таким образом, в ходе исследования было выяснено, что студенты активно используют англицизмы, так как происходит популяризация изучения английского языка. Этот неизбежный процесс привел к образованию нового явления под названием «рунглиш» по причине желания студентов быстро выражать свои мысли в ходе беседы со сверстниками, чаще всего в различных мессенджерах. Выявлено, что наибольшей популярностью пользуются прямые заимствования, калькирование и гибриды, использование которых связано с хорошим уровнем знания английского языка и в меньшей степени зависит от специализации обучающихся.

Библиография

1. Schaefer S. J. Anglicisms in German media: Exploring catachrestic and non-catachrestic innovations in radio station imaging // *Lingua*. 2019. V. 221. P. 72-88.
2. Díaz J. A. R. The semantics and functions of anglicisms and germanisms in present-day advertising written peninsular Spanish: A comparison // *Lebende Sprachen*. 2019. No. 64(1). P. 23-46.
3. Gritsenko E.C. English as a Meaning-making Resource in Russian-based Professional Communication // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. Volume 236. P. 174-180.
4. Baidrakhmanov D., Doszhan G. Historical and Sociolinguistic Aspects of Use of Anglicisms in the Kazakh Language // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Volume 190. P. 346-352.
5. Schaefer S. J. Stylistic functions of anglicisms in German radio // *English Today*. 2024. P. 1-5.
6. Tatsioka Z. English loanword use in Greek online women's magazines: The construction of the female identity // *English Today*. 2023. 39(4). P. 281-296.
7. Francis N. Research on bilingual language processing and how languages are represented in the mind // *Cognitive Development*. 2024. Volume 70. 101442.
8. Litcofsky K. A., Tanner D., van Hell J. G. Effects of language experience, use, and cognitive functioning on bilingual word production and comprehension // *International Journal of Bilingualism*. 2016. 20(6), 666.
9. Wang W. Insertional code-switching as interactional resource in Mandarin-English bilingual conversation // *International Journal of Bilingualism*, 2024.
10. CHAN B. H-S. English in Hong Kong Cantopop: language choice, code-switching and genre // *World Englishes*. 2009. Volume 28 (1). P. 107-129.
11. Poplack S. Code Switching: Linguistic // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. 2015. P. 918-925.
12. Zhiganova A. V. The Study of the Perception of Code-switching to English in German Advertising // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. Volume 236. P. 225-229.
13. Sanei T. Globalization, linguistic markets, and nuanced identity performances: Farsi-English code-switching in Iran. *International // Multilingual Research Journal*. 2022. 16(2). P. 163-180.
14. Li Wei Translanguaging as a Practical Theory of Language // *Applied Linguistics*. 2018. Volume 39(1). P. 9-30.
15. Cook A. A typology of lexical borrowing in Modern Standard Chinese // *Lingua Sinica*. 2018, 4(1), 6.
16. García O., Otheguy R. Plurilingualism and translanguaging: commonalities and divergences. // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2019. 23(1). P. 17-35.

17. Chan B. H.-S. Translanguaging or code-switching?: Reassessing mixing of English in Hong Kong Cantonese // *Chinese Language and Discourse*. 2022. 13(2). P. 167-196.
18. Nefedova F., Polyakov O.G. Set Expressions Borrowed from English into German and Russian: Direct Loans or Calques? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Volume 200. P. 83-86.
19. Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет – лексики) // *Казанский лингвистический журнал*. 2018. Т. 1, № 2(1). С. 5-14.
20. Чигина Н.В., Десятова Д.В. Англицизмы в современном русском языке // *Символ науки*. 2016. № 10 (3). С. 92-94.
21. Тищенко Л.С. Заимствование иностранных слов в русском языке // *Гуманитарные научные исследования*. 2017. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2017/01/18688>.
22. Маршев Л. Сколько англицизмов в русском языке? [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2020/01/03/1763>.
23. Шенаева О.В. Рунглиш в языковой среде современной России // *Современные наукоемкие технологии*. 2013. № 7-1. С. 53-55.
24. Брокгауз Ф., Ефрон И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2006.
25. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2006. – 4-е изд., дополненное.
26. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов. Владивосток: Диалог-МГУ. 1997.
27. Дьяков А.И., Скворецкая Е.В. Суффикс -инг завоевывает свои позиции в русском словообразовании // *Сибирский филологический журнал*. 2013. № 4. С. 180-186.
28. Google Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams>
29. Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 08.06.2024 г.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи достаточно актуален, тема соотносится с одной из рубрик издания. Автор останавливается на вопросе культуры использования англицизмов в студенческом медиапространстве. Стоит признать, что «за последние десятилетия отмечается бурный поток английских заимствований в различные языки», «транслингвистическая перспектива ставит под сомнение принятое в ученом сообществе прикладной и социолингвистики мнение о том, что двуязычие и многоязычие - это защита национальных языков, сохранение своей идентичности. Причем, для общения друг с другом пользователи языка используют не только языковые средства, но и семиотические ресурсы, жесты, мимику и т. д. Анализ многоязычных практик позволяет нам решать некоторые ключевые проблемы лингвистических теорий, такие как эволюция языка, язык и мышление, понимание гипотезы модульности сознания, смешения кодов при распознавании речи». Работа достаточно грамотно собрана, суждения по ходу исследования объективны, прозрачны и авторская точка зрения. Привлекает в статье органика наработок, включение статистики, аргументация: «результаты статистического анализа леммы «англицизм» в Национальном корпусе русского языка [29] по метатрибуту показателя «тематика текста» из топ-10 наиболее часто встречаемых тем представляют такие темы, как: искусство и культура (26,32%), филология (15, 9%) и

досуг, зрелища и развлечения (10,53%) (см. рисунок 1)», или «Материалом исследования послужили тексты социальных сетей студентов ДГТУ в наиболее популярных студенческих Telegram-чатах и VK-каналах, а также комментарии группы факультета «Прикладная лингвистика». Выявлено более 80 наиболее часто встречаемых англицизмов, которые были классифицированы по способу образования (см. диаграмму 1) и сферам употребления (см. диаграмму 2)» и т.д. Иллюстративный языковой достаточен: например, «Диаграмма 1 показывает, что наиболее популярными путями образования англицизмов являются прямые заимствования из английского языка (28%), которые представлены практически в том же виде и значении, что и в русском языке. К данным заимствованиям мы относим такие слова, как дайджест, файл, промпт, квест, респект, саммери, анонс, скилл, онлайн, юзер, кавер, информэйшн, этеншен, ивент, олл, чат, мем, юнит, найс, мэтч, фейк, мани. Часто в студенческих каналах встречаются кальки, например: пост, го, глючить, омагад, гайз, бэд, скрин, тренинг, админ, рейтинг, спикинг, хакер, спам, дизлайк, смайл, слэй. Несколько реже встречаются гибриды: кикнуть, забанить, сорян, скринить, чекнуть, апнуть, ливнуть, лайкнуть, зарегаться, буллить, дропнуть, чиллить, рофлить» и т.д. Примечательно для текста не только формальное включение буквальных языковых форм, но и вариант образования англицизмов: гибриды, экзотизмы, калька, прямое заимствование... Помимо указанного варианта оценки, автор обозначает и сферу употребления англицизмов. Следовательно, проблема раскрывается полновесно и целостно. Эмпирика поддерживается «опросником», который был сделан на баз Донского государственного технического университета (ДГТУ): «как показывают результаты анкетирования, подавляющее большинство опрошенных к наиболее употребляемым из представленного списка 80 англицизмов, относит – дресс-код, топ, го, глючить, треш, краш, контент, пост, кикнуть. Для того чтобы узнать, в какой среде употребляются англицизмы, был задан вопрос: «Где чаще всего вы употребляете данную лексику?», на который 93% респондентов ответили, что использование англицизмов происходит в молодёжной среде общения. Большинство респондентов толерантно относится к использованию англицизмов и считает, что это процесс, который не возможно остановить. При этом это помогает студентам экономить языковые средства и кратко передавать мысли». Считаю, что тема работы раскрыта, цель достигнута; материал имеет практический характер, на основе данного исследования можно проводить серию экспериментов относительно подтверждения данных наработок. Выводы по тексту манифестируют, что «в ходе исследования было выяснено, что студенты активно используют англицизмы, так как происходит популяризация изучения английского языка. Этот неизбежный процесс привел к образованию нового явления под названием «рунглиш» по причине желания студентов быстро выражать свои мысли в ходе беседы со сверстниками, чаще всего в различных мессенджерах. Выявлено, что наибольшей популярностью пользуются прямые заимствования, калькирование и гибриды, использование которых связано с хорошим уровнем знания английского языка и в меньшей степени зависит от специализации обучающихся». Основные требования издания учтены, как таковая серьезная правка текста излишня. Рекомендую статью «Культура использования англицизмов в студенческом медиапространстве» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ма Ю., Цай В. Анализ образа женщин на войне в русской литературе XIX века // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.73440 EDN: BVGHZX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73440

Анализ образа женщин на войне в русской литературе XIX века

Ма Юе

магистр; институт "Литература и региональное страноведение"; Синьцзянский Педагогический университет

150000, Китай, провинция Хэйлунцзян, город Харбин, район Наньган, улица Дачэн №140, сад Лонгдиан, здание А, дом 603

✉ 841989314@qq.com

Цай Вэй

кандидат филологических наук

доцент; институт иностранных языков; Синьцзянский Педагогический университет

830017, Китай, Синьцзян-Уйгурский автономный регион, г. Урумчи, район Шуймогоу, ул. Гуаньюань, дом 14-3-1401

✉ 554535896@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.73440

EDN:

BVGHZX

Дата направления статьи в редакцию:

21-02-2025

Аннотация: Предметом исследования является образ женщин на войне в русской литературе XIX века. Объектом исследования выступают женские персонажи в произведениях Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и Н.В. Гоголя. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как многозначность женских ролей, их символическое значение и влияние войны на социальный статус и систему ценностей женщин. Особое внимание уделяется эволюции женских образов в условиях военных конфликтов, их трансформации от традиционных хранительниц домашнего очага к

активным участницам исторических событий. В данной статье анализируется образ женщин на войне в русской литературе XIX века, исследуется многозначность женских ролей и их символическое значение в периоды потрясений. В работе используются методы сравнительного анализа, психологического и символического подходов. Автор применяет историко-культурный контекст для интерпретации женских образов в войне. Исследование показывает, что женщины в войне — не только хранительницы очага, но и смелые, независимые личности, воплощающие национальный дух. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе женских образов на войне, что позволяет выявить их роль не только как второстепенных персонажей, но и как символов национального духа и исторической памяти. Автор приходит к выводу, что женщины в русской литературе XIX века представлены не только как жертвы войны, но и как сильные, независимые личности, способные влиять на ход событий. Их образы отражают социальные и культурные изменения эпохи, предвещая переход к новому пониманию роли женщины в обществе. Исследование подчеркивает, что женские персонажи становятся важной частью национального исторического нарратива, символизируя стойкость, жертвенность и моральную силу в условиях военных потрясений. Анализ помогает понять эволюцию общественного восприятия женщин в XIX веке, осознание ими своей идентичности и влияние войны на их социальный статус и систему ценностей. Женщины на войне — это не только поддержка мужчин, но и важная часть национальной памяти и исторического повествования.

Ключевые слова:

XIX век, русская литература, война, женский образ, самоидентификация, национальный дух, трагедия, социальный статус, символическое значение, психологический анализ

I. Введение

XIX век считается золотым веком русской литературы, в этот период появилось множество классических произведений, оказавших значительное влияние на мировую культуру. В русской литературе XIX века образ женщины стал более сложным и детализированным, что отражает глубокие изменения в общественном сознании и культурных установках [12. с, 10]. Одной из важных тем, широко освещённых в произведениях того времени, является война, которая не только служит фоном для развития сюжета, но и становится ключевым элементом для понимания человеческой природы, социальных конфликтов и исторических перемен.

В литературе каждой страны есть женские персонажи, которые ярко выделяются на фоне остальных [9. с, 62]. На фоне войны женские образы приобретают особую значимость. Их описание не только усиливает эмоциональную глубину литературных произведений, но и даёт читателям возможность взглянуть на войну с необычного, зачастую недооценённого ракурса — глазами женщин. Женщины в военных произведениях русской литературы XIX века не просто второстепенные персонажи, находящиеся в тени мужчин. Другими словами, женщины, ведущие себя как мужчины, способны ввергнуть мир во вселенский хаос [5. с, 68]. Они становятся символами стойкости, жертвенности, любви и даже трагедии, воплощая в себе моральные и философские идеи того времени.

Цель данной статьи — проанализировать особенности изображения женских образов в контексте войны в русской литературе XIX века, а также рассмотреть их роль и символическое значение в литературных произведениях того времени. Анализ позволит

не только глубже понять вклад женщин в военные события с художественной точки зрения, но и выявить, как писатели XIX века воспринимали и интерпретировали женскую судьбу на фоне военных конфликтов.

II. Женские образы в условиях войны

Понятие «женщина» очень трудно связать с понятием «война» [13. с. 111]. Поэтому в русской литературе XIX века образы матерей и жен на войне наделены особым смыслом. Например, Наташа Ростова в «Войне и мире» Льва Толстого представлена не только как любящая женщина, но и как символ семейного единства. Война оказывает разрушительное влияние на её жизнь, но её стойкость и самоотверженность воплощают силу русских женщин перед лицом невзгод.

Некоторые произведения изображают женщин не только наблюдателями, но и активными участницами военных событий. Например, в «Капитанской дочке» Пушкина Маша Миронова — не просто ключевой персонаж в развитии сюжета, но и символ женского мужества и мудрости. Она не только демонстрирует независимость на фоне военных событий, но и своими действиями меняет ход событий, спасая главного героя, Петра Гринёва. В отличие от многих женских персонажей в литературе, Маша не просто зависит от мужчин в вопросе спасения — её ум и решительность делают её ключевой фигурой выживания в условиях войны.

Её храбрость проявляется в критические моменты: она не только помогает Гринёву избежать гибели, но и демонстрирует способность контролировать свою судьбу. В условиях войны, где царят насилие и хаос, Маша сохраняет рассудительность и умение хладнокровно действовать в сложных обстоятельствах. Это делает её воплощением женской стойкости и смелости в экстремальных ситуациях.

Через образ Маши Пушкин разрушает гендерные стереотипы, показывая, что женщина во время войны — не просто жертва или сторонний наблюдатель, а активный участник событий и решающий фактор в развитии сюжета. Даже в самых жестоких условиях войны женщины могут играть важную роль не только в эмоциональном, но и в стратегическом смысле, действуя не как зависимые персонажи, а как самостоятельные личности.

Создание такого образа стало новаторским шагом в литературе того времени и послужило источником вдохновения для дальнейшего развития женских персонажей с внутренней независимостью. Мужество и разум Маши напоминают нам о том, что женщины в военное время не должны рассматриваться лишь как спутницы мужчин, но как самостоятельные, сильные и умные личности, способные влиять на ход событий и менять судьбу.

Женские персонажи в войне нередко предстают как жертвы, страдающие от разрушений и потерь. В «Тарасе Бульбе» Гоголя показано, как война разрушает семьи, а женщины становятся носителями трагедии, боли и страданий. Война в этом произведении показана как жестокая сила, которая разрушает не только жизни мужчин, сражающихся на поле боя, но и судьбы женщин, оставшихся дома. Например, мать Остапа и Андрия, жена Тараса Бульбы, изображена как женщина, которая переживает глубокую скорбь из-за разлуки с сыновьями. Её материнская любовь и страх за их судьбу подчёркивают трагичность ситуации. Она становится олицетворением всех матерей, которые теряют своих детей в войнах.

Кроме того, польская панночка, возлюбленная Андрия, также становится жертвой войны. Её отношения с Андрием приводят к его предательству, что подчёркивает, как

война разрушает не только семьи, но и личные связи, любовь и верность. Женщины в «Тарасе Бульбе» не участвуют в сражениях напрямую, но их страдания и потери являются неотъемлемой частью трагедии.

Изображая женщин-жертв, Гоголь, как и другие писатели, визуализирует жестокость войны в яркие индивидуальные переживания, чтобы читатели могли лучше прочувствовать разрушительные последствия войны для обычных людей. Изображение женской жертвы на войне напоминает нам, что война - это не сцена для героизма, а холокост, пожирающий всё. Их скорбь и молчание - это одновременно и молчаливое обвинение в злодеяниях войны, и глубокий призыв к миру.

III. Символическое значение женских образов

Женские образы в искусстве и литературе щедро наделялись лучшими качествами [11. с. 3]. И символизировали стойкость, отвагу и верность Родине в борьбе против врагов.

XIX век — время общественных потрясений, и изменение женских ролей в литературе отражает разрушение традиционных устоев и приход нового времени. Образ Наташи Ростовской в «Войне и мире» символизирует переход женщины из сферы семейной зависимости к самостоятельности и общественному участию.

Наташа, один из самых ярких женских персонажей романа, постепенно превращается из невинной девушки в сильную женщину, способную взять на себя ответственность за свою семью. Во время войны 1812 года она демонстрирует не только любовь к близким, но и спокойствие и мужество во время эвакуации семьи из Москвы. Ее участие в помощи раненым и активное участие в страданиях и бедах других людей демонстрирует мужественные поступки и духовную силу женщин на войне.

Известно всем, Тургенев одним из первых в отечественной словесности обращается к изображению типа активной, независимой, самостоятельной женщины [2. с. 67]. В его произведениях женские персонажи также часто связаны с социальными изменениями. Например, героиня романа «Дворянское гнездо» не только заботится о семейных делах, но и начинает интересоваться вопросами образования, социальной ответственности и другими проблемами общественной сферы. Такое описание отражает влияние идей Просвещения в России во второй половине XIX века, когда женщины постепенно превращались из пассивных наблюдателей в активных участников общественного развития.

Образы женщин на фоне войны также подчеркивают конфликт между традиционными ценностями и новыми идеями. В «Тарасе Бульбе» беспомощность и жертвенность женщин символизируют угнетение слабых старым порядком, а в «Войне и мире» рост и независимость женщин предвещают зарождение нового уклада. Их действия и судьбы — это не только индивидуальные истории, но и отражение социальных противоречий и трансформаций.

Эти изменения в женских персонажах метафорически отражают трудный процесс перехода России от феодальных традиций к современному обществу в XIX веке. Проявляемые ими в условиях войны стойкость, инициативность и чувство ответственности дают импульс для гендерного равенства и социальных преобразований в новую эпоху. Этот метафорический смысл не только придает женским образам более глубокую символическую ценность, но и делает их важным символом переходного периода в русском обществе, предвещая более прогрессивное и открытое будущее.

Во многих произведениях женщины играют роль морального ориентира, несут свет и добродетель. Например, в произведениях Достоевского женские персонажи часто представляют собой силы добра и духовного просветления.

В «Преступлении и наказании» кухарка Настасья безропотно ухаживала за Родионом Романовичем Раскольниковым, несмотря на его душевные муки, вызванные преступлением. Великодушие и самоотверженность Настасьи позволили Раскольникову, находившемуся в состоянии крайнего одиночества и отчаяния, вновь ощутить тепло человеческого участия. Её любовь и жертва дали ему шанс на искупление. В этом процессе Настасья стала не только его духовной опорой, но и воплощением той стойкой нравственной силы, которая присуща русскому обществу: даже в условиях насилия и разложения доброта и любовь способны изменить человека и вселить надежду.

Кроме того, в романе «Идиот» Мария Ивановна также символизирует нравственную силу. Её святая и бескорыстная любовь бросает вызов социальной жестокости и лицемерию. В этом мире, полном несправедливости и алчности, Мария своим добросердечием учит людей сохранять искренность и терпимость даже в самых тяжёлых обстоятельствах. Она добровольно идет на войну, чтобы лечить душевные и телесные раны страдающих людей [7. с, 95]. Её поступки не только приносят душевное утешение князю Мышкину, но и дают читателям моральное наставление. Её жертвенность и бескорыстная любовь представляют собой высокий нравственный идеал, который пробуждает в людях стремление к добру и красоте.

Моральная сила этих женских персонажей, особенно их самопожертвование, становится символом человеческой совести и надежды в условиях войны и социальных потрясений. Они не просто играют роль спутниц и поддерживающих фигур в жизни мужчин, но становятся ключевыми персонажами, ведущими к нравственному пробуждению и духовному спасению. Через любовь и сострадание они не только пробуждают раскаяние в мужских героях, но и заставляют всё общество заново осмыслить ценность добродетели, милосердия и светлой стороны человеческой души.

Фёдор Достоевский через эти женские образы передаёт важную моральную идею: несмотря на господствующее в обществе зло и разложение, в каждом человеке глубоко внутри живёт нравственная сила — безграничная любовь и всепрощение. Эти женщины становятся нравственными столпами общества и последним лучом света в человеческой душе. Они зажигают огонь надежды в темноте и указывают путь к духовному спасению.

IV. Литературные приёмы в изображении женских образов

Контраст мужских и женских образов помогает подчеркнуть различие восприятия войны. В «Тарасе Бульбе» Гоголь противопоставляет воинственность мужчин и уязвимость женщин, тем самым раскрывая трагизм войны.

Также писатели XIX века уделяли особое внимание психологизму. Примером того могут служить образы капитана Тушина и Платона Каратаева в «Войне и мире» Л. Н. Толстого [3. с, 23]. Психологическое описание персонажей в литературных произведениях не только помогает понять сам текст, но и отражает культурные и ценностные представления общества, а также заставляет задуматься о человеческой природе [14. с, 61].

Литература XIX века сильно повлияла на дальнейшее развитие литературного процесса в России и за рубежом [6. с, 48]. Психологическая глубина была ключевым средством создания сложных образов и раскрытия внутреннего мира персонажей. Особенно в

условиях войны женские переживания часто становились инструментом для демонстрации глубокого влияния военных событий на человеческую душу. Так, Наташа Ростова в «Войне и мире» проявляет сильное беспокойство и тревогу за своих родных, её внутренний конфликт между страхом и надеждой раскрывается через детальное описание её эмоционального состояния. Наташа Ростова — один из важнейших женских образов в романе «Война и мир». Лев Толстой считал её воплощением жизни [10. с, 24]. Её внутренний мир отражает общие переживания женщин во время войны. Наташа — это энергичная, страстная молодая девушка, но одновременно и человек, глубоко переживающий за судьбу своих близких. Всех, соприкасающихся с Наташей, покоряет удивительная гармония естественного и нравственного в ней, захватывающая стихия счастья и бездумного цельного переживания жизни [1. с, 26]. Её душевное состояние наполнено противоречиями: страх перед войной смешивается с беспокойством за семью. Когда её жених, князь Андрей, уходит на войну, Наташа охвачена тревогой, её неуверенность и страх перед будущим усиливаются. Её жесты и эмоциональные всплески передают чувство беспомощности и уязвимости — она не может повлиять на ход войны, но вынуждена терпеть её последствия. Надо подчеркнуть, что основа портрета — психологического и внешнего — Наташи заключается в динамике, а не в статике, как и все портреты центральных героев «Войны и мира,» как об этом пишет Мышиковская: «У Толстого мы редко встречаем столь отчетливо вылепленный портрет центрального героя в статике» [8. с, 234].

Толстой с особой тщательностью описывает тревогу Наташи за своих близких и её беспомощность перед обстоятельствами. Например, когда она узнаёт, что князь Андрей ранен, её внутренний конфликт становится особенно явным. С одной стороны, она пытается быть сильной, но с другой — не может скрыть своей тревоги и страха перед будущим. Такое описание позволяет читателю глубже прочувствовать её боль и осознать, что война — это не только сражения на поле боя, но и страдания тех, кто ждёт в тылу.

Кроме того, внутренние противоречия Наташи касаются не только заботы о близких, но и её чувств. Она любила Андрея, но затем сблизилась с Пьером, и эта перемена тесно связана с её переживаниями на фоне войны. Война сделала её будущее неопределённым, что вызвало ещё большие эмоциональные колебания. Богатый мир её чувств раскрывается через тонкое психологическое описание, благодаря чему её образ становится живым и многогранным.

Через психологические портреты Наташи и других женских персонажей Толстой показывает, какое влияние война оказывает на внутренний мир человека. В страхе, боли, жертвах и любви женские переживания обретают особую сложность. Такое детальное описание не только придаёт персонажам эмоциональную глубину, но и делает влияние войны более ощутимым, проникающим в повседневную жизнь и души людей. Благодаря этим тонким штрихам автор даёт понять, что война — это не только внешнее историческое событие, но и рана, оставляющая неизгладимый след в сердцах людей.

Эта детальная психологическая проработка делает внутренние конфликты и переживания женских персонажей более реалистичными. Они перестают быть лишь жертвами войны или второстепенными фигурами, а предстают перед читателем как сложные и многогранные личности. Их выбор и стойкость перед лицом исторических потрясений становятся одними из самых сильных моментов произведения, глубоко раскрывающими многослойное влияние войны на человеческую натуру. Их переживания и выбор в условиях войны или социальных потрясений становятся важным элементом сюжета, который не только углубляет понимание их характеров, но и раскрывает

сложное взаимодействие между личными трагедиями и историческими событиями.

Такое изображение женщин не только делает их образы более живыми и запоминающимися, но и подчёркивает их значимость в контексте исторических изменений. Они становятся не просто свидетелями, но и активными участниками событий, чьи действия и решения влияют на ход истории. Это позволяет читателю увидеть, как война и социальные потрясения воздействуют на разные аспекты человеческой жизни, включая семейные отношения, любовь, веру и личную идентичность.

Таким образом, психологическая глубина женских персонажей не только обогащает литературные произведения, но и делает их более универсальными, позволяя читателям лучше понять сложность человеческой натуры и её способность к преодолению трудностей.

V. Перспективы дальнейшего исследования

В ходе данного исследования было выявлено множество интересных аспектов, касающихся женских образов в контексте войны в русской литературе. Однако для более глубокого понимания этих тем следует рассмотреть несколько направлений для дальнейшего исследования:

1. Сравнительный анализ: Углубленный сравнительный анализ характеристик женских образов в произведениях различных авторов и периодов позволит выявить общие черты и отличия. Например, стоит исследовать, как война влияет на образы женщин у Льва Толстого в "Войне и мире", у Фёдора Достоевского в "Вечных мужах", а также в произведениях русских женщин-писательниц XX века, таких как Марина Цветаева и Татьяна Толстая.
2. Изучение эволюции образа: Исследование эволюции женских образов в контексте войны будет особенно актуально. Важно выяснить, как менялись представления о женской роли в обществе и на войне в разные исторические эпохи. Образ женщины как матери, жертвы или героини может варьироваться в зависимости от времени и социальной среды.
3. Влияние культурного контекста: Контекстуальный анализ, учитывающий культурные и социальные факторы, оказывающие влияние на создание женских образов, может обогатить исследование. Важно понять, как традиционные представления о женственности и мужественности формировали восприятие женских персонажей в контексте войны.
4. Современные интерпретации: Анализ современных интерпретаций военных тем и женских образов в текущей литературе, кино и других формах искусств может помочь оценить, как наследие классической литературы продолжает влиять на современное восприятие женщин в условиях военных конфликтов.

Данные направления исследования, безусловно, будут интересны как ученым, так и широкой читательской аудитории, стремящейся лучше понять сложные взаимоотношения между войной, гендерной идентичностью и литературным искусством.

VI. Заключение

Военные женские образы в русской литературе XIX века не только являются частью повествования, но и служат отражением социальных и исторических процессов.

Исследование данных персонажей позволяет понять, как война изменяла представления о роли женщины в обществе.

В романе «Война и мир» Наташа Ростова на первый взгляд кажется нежной и хрупкой женщиной, но, пройдя через испытания войны, она постепенно проявляет независимость и мужество. Жизнь всегда сочетает в себе радости и страдания, и Наташа не сломалась под ударами судьбы и военными лишениями, а, напротив, через упорные поиски обрела смысл жизни — любовь и мир. [4. с, 93] Её взросление неразрывно связано с историческими потрясениями России, и она символизирует тонкий баланс XIX века между семьёй, любовью и обществом. В более поздних произведениях женщины уже не ограничиваются традиционной материнской ролью, а, участвуя в войне и противостоя насилию и угнетению, демонстрируют более яркую личную силу и социальную ответственность.

В литературе, посвящённой войне, женские персонажи часто изображаются обладающими нестигаемым боевым духом как на фронте, так и в тылу. Они не только переносят страдания и потери, но и сталкиваются с трансформацией своей идентичности и ответственности перед семьёй. В таких произведениях образ женщины перестаёт быть исключительно трагическим и становится символом силы и надежды.

В более широком смысле женские образы в военной литературе отражают процесс переосмысления роли женщины в обществе. Они уже не являются лишь слабыми существами, нуждающимися в защите, а становятся важными историческими фигурами, способными влиять на ход событий и изменять социальные структуры. Благодаря глубокому психологическому анализу и сложному эмоциональному раскрытию эти образы выходят за рамки простого повествования о войне и превращаются в средство исследования человеческой природы, истории и общественных трансформаций.

Таким образом, женские персонажи в русской литературе не просто дополняют военные истории, но и служат зеркалом социальных изменений и культурных преобразований. Со временем эти образы претерпели эволюцию: от жертв к активным участницам истории, от эмоциональных спутниц к самостоятельным историческим деятелям. Они становятся неотъемлемой частью осмысления русской истории и литературы, представляя собой важный аспект изучения эпохи и её литературного наследия.

Библиография

1. Аблаева Н.К. Нравственно-философская проблема в творчестве Л.Н. Толстого (на примере романа "Война и мир") // Journal Of Scientific Research, Modern Views And Innovations. 2024. Т. 1, № 1. С. 24-27.
2. Бельская А.А. Смысловая нагрузка запаха в контексте образа главной героини романа И.С. Тургенева "Накануне" // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. Т. 1, № 70. С. 66-73.
3. Гончарова И.А., Писемский А.Ф. Женские образы в произведениях. 2013. С. 23.
4. Го Цзывэй. Анализ романтического образа Наташи в "Войне и мире" // Молодые литераторы. 2018. № 26. С. 92-93.
5. Джонс-Блэй К. Женщины и война в индоевропейском мире // Стратум: структуры и катастрофы. 1997. С. 67-72.
6. Корнев И.А. [Работа в сборнике] // Весенний школьный марафон. Сборник исследовательских работ VI Международной научно-практической конференции школьников. 2019. С. 47-58.
7. Ковалева М.Ю. Русские героини в романах Хью Сеймура Уолпола: в ореоле образов Федора Михайловича Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и

практики. 2023. С. 95.

8. Мышковская Л. О мастерстве писателя. М.: Советский писатель, 1967. С. 234.

9. Пискунова Н.В., Поршнева А.С. "Джейн Эйр" и "Тургеневские девушки": маскулинное и феминное начало в женских образах русской и английской литературы XIX века // Мировая литература в контексте культуры. 2011. № 6. С. 62-65. EDN: PFIQMX.

10. Сунь Жунцю. Любовные взгляды Наташи Ростовской в "Войне и мире" // Современная литература. 2023. № 41. С. 22-24.

11. Хуснутдинова М.С. Система женских образов в романах Якуба Занкиева. 2010. С. 3.

12. Чэнь Цянь. Образ женщины в русской литературе XIX века // Китайский этнографический обзор. 2024. № 13. С. 10-12.

13. Шилова И.С. Женщина в войне // Устная история. 2006. С. 111.

14. Юдина Н.А., Дагбаева С.Б. Психологическая готовность к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования: структурно-содержательные характеристики // Психолог. 2024. № 6. С. 40-53. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72786 EDN: YFBWAB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72786

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Анализ образа женщин на войне в русской литературе XIX века».

Предмет исследования – специфика женского образа в контексте войны в русской литературе XIX века.

Методология исследования основана на анализе литературных источников, относящихся к русской литературе XIX века.

Актуальность исследования обусловлена важностью для современного общества изучения разнообразных феноменов языка и культуры в различных контекстах: изучение роли женщины и её образа в культуре вызывает неизменный интерес, поскольку эта проблема имеет большое мировоззренческое значение. В ходе трансформации общества претерпевает изменения и образ женщины, ее функция и роль в обществе, но на фоне войны женские образы приобретают особую значимость: женщины становятся символами стойкости, жертвенности, любви и даже трагедии, воплощая в себе моральные и философские идеи того времени.

Научная новизна обусловлена тем, что исследование является попыткой анализа специфики русской культуры через призму женского образа в контексте войны в русской литературе XIX века, что имеет большое значение для понимания вклада женщин в военные события с художественной точки зрения, а также для понимания того, как писатели XIX века воспринимали и интерпретировали женскую судьбу на фоне военных конфликтов.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы, сформулирована цель исследования); женские образы в условиях войны (автор на основе анализа конкретных литературных произведений демонстрирует как женские образы в русской литературе XIX века символизируют семейное единство, стойкость и самоотверженность, в некоторых произведениях женщины являются не только наблюдателями, но и активными участниками военных событий; при этом женские персонажи в войне нередко предстают как жертвы, страдающие от разрушений и потерь;

автором приведены иллюстративные примеры); символическое значение женских образов (автор отмечает, что женские образы в литературе традиционно наделяются лучшими качествами и символизируют стойкость, отвагу и верность Родине в борьбе против врагов; во время общественных потрясений происходит трансформация женских ролей в литературе, что является отражением разрушения традиционных устоев и прихода нового времени: изменения в женских персонажах метафорически отражают трудный процесс перехода России от феодальных традиций к современному обществу в XIX веке); литературные приёмы в изображении женских образов (отмечено, что через психологические портреты женских персонажей в литературе демонстрируется какое влияние война оказывает на внутренний мир человека, что только обогащает литературные произведения, но и делает их более универсальными, позволяя читателям лучше понять сложность человеческой натуры и её способность к преодолению трудностей); заключение (автор делает общие выводы: женские персонажи в русской литературе не просто дополняют военные истории, но и служат зеркалом социальных изменений и культурных преобразований); библиография (включает 10 источников). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты могут быть интересны тем, кто исследует эволюцию русского мировоззрения. Образ женщины выступает важным элементом мировоззрения и культурной идентичности: женщины как хранительницы культурных традиций передают свои знания и моральные ценности новым поколениям, при этом они активно адаптируются к новым реалиям жизни, что особенно ярко это проявляется во время общественных потрясений.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет, научная новизна и теоретико-методологические основы проведенного исследования.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников, в том числе зарубежных, также является недостаточным.
3. Нужно проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники, а также корректность оформления ссылок ([8. с, 10]); унифицировать упоминания имен собственных в статье (Льва Толстого; Пушкина; Гоголя, Фёдор Достоевский; Л. Н. Толстого); упорядочить использование кавычек в библиографии ("Войне и мире"), а также использование n-тире и m-тире (Через года-помните!).
4. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.
5. Было бы уместно представить перспективы дальнейшего исследования, например, сравнительный анализ характеристик женских образов в контексте войны в произведениях русской литературы различных периодов.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Обращение к анализу женских образов в литературной классике XIX века не является чисто новаторским. Женские фигуры А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А.П. Чехова и других прозаиков рассмотрены в критике достаточно хорошо и

конструктивно. При этом автор рецензируемой статьи выбирает частность ситуации, в которой женский образ может играть иную роль, нежели только, эмоционально-чувственную. В рамках ситуации «войны» рассматриваются персонажи Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого и т.д. Как отмечено в начале труда, «цель данной статьи — проанализировать особенности изображения женских образов в контексте войны в русской литературе XIX века, а также рассмотреть их роль и символическое значение в литературных произведениях того времени. Анализ позволит не только глубже понять вклад женщин в военные события с художественной точки зрения, но и выявить, как писатели XIX века воспринимали и интерпретировали женскую судьбу на фоне военных конфликтов». Думаю, что серьезных разночтений и противоречий в рамках темы с одной из рубрик журнала нет. Структура работа выдержана, информационный уровень достаточен, но работа нуждается в вычитке, правке, корректировке. На мой взгляд, желательно и цитаты оформить правильно! Явно не допустим, например, такой вид: «В литературе каждой страны есть женские персонажи, которые ярко выделяются на фоне остальных. [9 .с, 62]», или «Другими словами, женщины, ведущие себя как мужчины, способны ввергнуть мир во вселенский хаос. [5. с, 68]» и т.д. Стилистическая правка может быть принесена в следующие фрагменты: «через образ Маши Пушкин разрушает гендерные стереотипы, показывая, что женщина во время войны — не просто жертва или сторонний наблюдатель, а активный участник событий и решающий фактор в развитии сюжета», или «создание такого образа стало новаторским шагом в литературе того времени и послужило источником вдохновения для дальнейшего развития женских персонажей с внутренней независимостью», или «женские персонажи в войне нередко предстают как жертвы, страдающие от разрушений и потерь» и т.д. Вызывает некое недоумение фамильярное обращение автора статьи к писателям-классикам: Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой... Целесообразно скорректировать «форму обращения», прописать инициалы. Также необходимо устранить опечатки / описки: например, «литература XIX века сильно повлияла на дальнейшее развитие литературного процесса в России и за рубежом, в том числе и благодаря пспсихологизму. [6. с, 48]». В целом же работе характерна должная аналитика, вариант разверстки вопроса объективен: например, «Толстой с особой тщательностью описывает тревогу Наташи за своих близких и её беспомощность перед обстоятельствами. Например, когда она узнаёт, что князь Андрей ранен, её внутренний конфликт становится особенно явным. С одной стороны, она пытается быть сильной, но с другой — не может скрыть своей тревоги и страха перед будущим. Такое описание позволяет читателю глубже прочувствовать её боль и осознать, что война — это не только сражения на поле боя, но и страдания тех, кто ждёт в тылу» и т.д. Считаю, что цель исследования в целом достигнута; материал можно использовать при изучении истории русской литературы. Стил соотносится с научным типом; «не отяжелена» работа терминами и понятиями, но автор выбирает вариант описательно-системного типа, и это методологически оправдано. Использование т.н. промежуточных выводов дает возможность поддерживать общую логику повествования. Например, «таким образом, психологическая глубина женских персонажей не только обогащает литературные произведения, но и делает их более универсальными, позволяя читателям лучше понять сложность человеческой натуры и её способность к преодолению трудностей» и т.д. Удачно скомбинирован итоговый блок, ориентирующий на «перспективу» изучения вопроса. Думаю, что некоторые позиции продуктивно исследовать далее: например, «исследование эволюции женских образов в контексте войны будет особенно актуально. Важно выяснить, как менялись представления о женской роли в обществе и на войне в разные исторические эпохи. Образ женщины как матери, жертвы или героини может варьироваться в зависимости от времени и социальной среды». Можно скорректировать заключительный блок,

нивелировать ряд включений, они не работают в прямом смысле, да и оформлены неверно: «Через века, Через года — помните! Женские образы в русской литературе XIX века, связанные с войной, отличаются глубиной и многогранностью...». В список источников желательно включить и описание художественных текстов, ориентир на которые сделан в работе. Таким образом, статья «Анализ образа женщин на войне в русской литературе XIX века» нуждается в доработке. После внесения ряда правок ее можно будет рекомендовать к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Анализ образа женщин на войне в русской литературе XIX века" представляет собой исследование в области литературоведения и истории русской литературы.

Статья состоит из введения, основной части, включающей 3 подраздела, перспектив исследования, заключения и библиографии.

Теоретическая база исследования основывается на большом количестве отечественных источников, что обуславливает интерес специалистов и актуальность данной темы.

Целью работы является анализ особенностей изображения женских образов в контексте войны в русской литературе XIX века, а также рассмотрение их роли и символического значения в литературных произведениях того времени.

Объект исследования - женские образы, действующие в условиях войны в произведениях русской классики "золотого века".

В исследовании применяется комплекс литературоведческих методов, включающий текстологический, поэтический и сопоставительный анализ.

Материалом для исследования послужили прозаические тексты произведений русской классической литературы, в которых присутствуют женские образы на войне.

В разделе "Женские образы" автор перечисляет персонажей, связанных с военным временем: Наташа Ростова, Маша Миронова, жена Тараса Бульбы.

Автор исследования подчёркивает, что женские персонажи на войне могут выступать как в качестве активных персонажей, стойких и смелых, так и в роли жертв.

Во втором подразделе основной части автор рассматривает символическое значение женских образов. Анализируя женские образы на войне в романах Достоевского, автор говорит о символике всепрощения, сострадания и женственности.

В третьем подразделе, посвященном литературным приёмам описания женских образов, автор перечисляет, какие жесты, эмоции, связанные с персонажами, подчёркивает вышеперечисленные качества.

Стиль статьи полностью соответствует предъявляемым требованиям к написанию научных статей.

Структуру статьи составляют введение с обзором актуальных источников по теме исследования, анализ и систематизация полученных результатов, а также выводы и библиография.

Несомненным достоинством статьи является большое количество проанализированных женских образов.

В заключении автор делает вывод о том, что "женские персонажи в русской литературе не просто дополняют военные истории, но и служат зеркалом социальных изменений и культурных преобразований. Со временем эти образы претерпели эволюцию: от жертв к активным участницам истории, от эмоциональных спутниц к самостоятельным

историческим деятелям. Они становятся неотъемлемой частью осмысления русской истории и литературы, представляя собой важный аспект изучения эпохи и её литературного наследия". Данный вывод можно признать достоверным.

Статья "Анализ образа женщин на войне в русской литературе XIX века" вносит вклад в исследование русской литературы XIX века и соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям данного направления исследований, в связи с чем статья может быть рекомендована к публикации в журнале "Филология: научные исследования".

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пешков Д.И. Систематизация представлений о латиноамериканском барокко в трудах Эмилио Карильи // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74073 EDN: BRXAEB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74073

Систематизация представлений о латиноамериканском барокко в трудах Эмилио Карильи

Пешков Дмитрий Игоревич

ORCID: 0009-0001-8649-2581

старший преподаватель; институт иностранных языков; Московский международный университет
старший преподаватель; институт иностранных языков; Московский городской педагогический университет
преподаватель; институт гостиничного бизнеса и туризма; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

125183, Россия, г. Москва, ул. Большая Академическая, 73, 1, 273, кв. 273

✉ Demetrioalso1982@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74073

EDN:

BRXAEB

Дата направления статьи в редакцию:

12-04-2025

Аннотация: Статья посвящена вкладу аргентинского филолога Эмилио Карильи в систематизацию барочных концепций Латинской Америки: рассматривается влияние на него работ крупного доминиканского культуролога Педро Энрикеса Уреньи, а также восприятие Карильи появляющихся в Латинской Америки барочных теорий, с помощью которых их авторы проясняли специфику мира Латинской Америки. Между выходом труда Карильи «Литература барокко и колониальная среда» (1969) и следующей его книги прошло всего три года, однако за это время радикальным образом изменилось само поле представлений о барокко в Латинской Америки. Если в первой книге Карилья пытался выстроить систему представлений о латиноамериканском барокко, отталкиваясь от барокко как от исторического стиля, то уже три года спустя, учитывая рост популярности барочных концепций, трактовавших барокко как вневременной эстетический феномен, подобная систематизация выглядела не полной. И в книге

«Барочная литература в Латинской Америке» (1972) аргентинский ученый уже разделил латиноамериканских авторов, связанных с барочной эстетикой, на две условные группы, в первую из которых вошли писатели воспринимавшие барокко как локальное явление, связанное с колониальным периодом, а во вторую те, кто воспринимал барокко в качестве особого, вневременного феномена, сыгравшего ключевую роль в культурообразовании Латинской Америки. При написании данной статьи автор брал за основу использования культурно-исторического и сравнительно-сопоставительного методов. Научная новизна данной статьи заключается в анализе работ малоизвестного в России аргентинского литературного критика Эмилио Карилья в контексте возрастающего интереса к идеям, связанным с переосмыслением представлений о феноменах барокко в истории литературы. Новизна подхода Карилья заключалась в том, что он в своих трудах, связанных с барокко попытался развить взгляды своего учителя Педро Энрикеса Уреньи и свести их с барочными теориями, рассматривавшими барокко, как базовую основу культурообразования Латинской Америки. На основе работ Карилья можно сделать выводы о большом разнообразии подходов к проблематике барокко в Латинской Америке. Ценность трудов Карилья заключается также и в том, что не будучи апологетом ни одной из барочных теорий, он стремился дать их подробный обзор.

Ключевые слова:

П.Энрикес Уренья, Эмилио Карилья, Х.Лесамы Лима, А.Карпентьер, периодизация барочных концепций, латиноамериканская литература, Новый Свет, колониальный период, универсальный феномен, представления о барокко

Аргентинский литературовед и культуролог Эмилио Карилья (1914–1995). предпринял первую попытку систематизировать воззрения латиноамериканских авторов на феномен барокко и барочности. В своих работах Карилья старался занимать равноудаленную позицию от разных точек зрения на предмет изучения, что нередко позволяло ему делать обобщения, на которые не всегда были способны апологеты тех или иных концепций.

Эмилио Карилья был учеником Педро Энрикеса Уреньи, и это во многом объясняет его увлечение спецификой барокко в Новом Свете. При создании первых работ Э. Карилья находился под влиянием своего учителя и развивал его взгляды. Однако в выкладках Энрикеса Уреньи, посвященных барокко, ощущается некоторая недосказанность: выдающийся ученый нашел серьезную пищу для размышлений о специфике литературы Латинской Америки и задал направление для исследования, но сам не успел осуществить это исследование в полном объеме. Э. Карилья, как и его учитель, на первом этапе своей научной деятельности он не спешил придавать новый смысл понятию барокко, рассматривая его в качестве обозначения конкретного исторического стиля в искусстве.

Появление разработанных барочных концепций на латиноамериканской культурной почве (Х. Лесамы Лимы и А. Карпентьера) застало Э. Карилью уже состоявшимся филологом, автором работ по истории барокко в Новом Свете (монографии «Гонгоризм в Америке», 1946 и «Кеведо», 1949). Вопрос, какая из концепций была ближе аргентинскому ученому, не вполне корректен. Карилья был в первую очередь прирожденным систематизатором, и его заслуга как литературоведа и культуролога заключается в умении обобщить опыт первооткрывателей и рассмотреть проблему во всем ее многообразии, не впадая в какую бы то ни было научную апологетику.

Научную деятельность аргентинца можно разделить на два больших этапа, первый из которых пришелся на период 1940–1960 годов, а второй начался с конца 1960-х – начала 1970-х. В рамках первого этапа исследователь, в сущности, развивал представления о барокко П. Энрикеса Уреньи и пытался систематизировать первые попытки латиноамериканских авторов по осмыслению барокко в Новом Свете как важнейшего с континентальной точки зрения феномена. Эти попытки связаны с представителями испаноамериканского модернизма, в рамках которого в Латинской Америке появились такие крупные фигуры, как Рубен Дарио, Рикардо Хайемес Фрейре, Леопольдо Лугонес, Амадо Нерво, Энрике Гонсалес Мартинес, Хосе Сантос Чокано и другие. Названные авторы, большинство которых было в достаточной мере интегрировано в европейское культурное пространство, существенно пересмотрели традиционные взгляды на историю литературы. В связи с их изучением у Карильи возник интерес к эстетике барокко как близкой литературе модернизма.

Еще в 1903 году в испанском модернистском журнале "Helios", в издании которого среди прочих принимали участие такие известные писатели и поэты, как Хуан Рамон Хименес и Рамон Перес де Айала, сопоставлялось творчество Луиса де Гонгоры и Стефана Малларме, а в 1909 и в 1911 годах французский исследователь Люсьен-Поль Тома издал две книги по проблемам испанского барокко и его связи с эстетикой модернизма [1, 2]. Все это в сочетании с работами испанских авторов «поколения 1927 года» (в первую очередь Дамасо Алонсо [3] и Федерико Гарсиа Лорки) свидетельствует о том, что к моменту начала исследовательского пути Карильи тема влияния Гонгоры и других мастеров испанского барокко на модернистов в целом и латиноамериканских модернистов в частности уже не раз поднималась в критике (см. например, предисловие Херардо Диего к «Поэтической антологии в честь Гонгоры», которая вышла в знаменитом журнале Х. Ортеги-и-Гассета "Revista de Occidente" [4] и заметку Х.Л. Борхеса в "Martín Fierro" [5]).

Даже на первом этапе своей научной деятельности, подробно изучая барокко как период в истории искусства Латинской Америки, Карилья сумел определить ряд особенностей, которые придавали барокко Нового Света черты, отсутствующие в испанском барокко. Позже в своей небольшой, но емкой работе «Литература барокко и колониальная среда» [6] (1969) автор подвел своеобразную черту под своими исследованиями в области барокко в качестве явления конкретного историко-культурного контекста. Впрочем, уже и в его ранних работах содержался зародыш большинства барочных концепций XX века.

Смысл изысканий Э. Уреньи заключался в признании за барокко важнейшей культурообразующей функции в Латинской Америке, и Карилья отчетливо это осознал. В своих исследованиях барокко Карилья сделал еще больший акцент на социально-историческом аспекте, отмечая принципиально иной по сравнению с Европой путь развития культуры в Латинской Америке. Если в Европе расцвет барокко совпал (и даже был в известной степени связан) с религиозными конфликтами, войнами и прочими потрясениями, то в Новом Свете XVII век стал веком колониальной стабильности, когда после конкисты XVI века начался процесс становления латиноамериканской этнокультурной общности. Одним из важнейших факторов формирования этой общности в XVII–XVIII вв. Эмилио Карилья считал процесс метисации, начало которому было положено во время конкисты, и создания первых испанских поселений. Но в социально-этническом ключе только о XVII веке можно говорить как о времени появления в испанских колониях особого этноса, который уже не являлся в полном смысле этого

слова испанским.

Еще один принципиальный момент в становлении эстетики барокко в Новом Свете, на который обратил внимание Карилья, – широта социально-культурного охвата. Несмотря на то, что эстетика барокко генетически имела аристократическую сущность, она проникала практически во все сферы жизни колониального общества: даже низовая, народная культура Нового Света была барочной по своей сути (здесь мы видим перекличку с идеями Х. Лесамы Лимы, который в эссе «Обретение собственного языка» подробно описывает, как утонченная барочная поэзия Гонгоры и Кеведо влияла на формирование фольклора Латинской Америки: «У латиноамериканца же под стоицизмом Кеведо и блеском Гонгоры лежит народная основа. Все это вместе дает начало креольскому духу с его абсолютной неподатливостью этике и залогом будущей независимости – острым зрением и языком» [\[7, с. 204\]](#)).

Карилья приходит к выводу, что все искусство Латинской Америки, за исключением чисто индейских феноменов, относящихся к доколумбовым цивилизациям, в XVII–XVIII веках было барочным. Причем эта эстетика, согласно Карилье, имела две основы. Первая заключалась в испанской культурной экспансии и была связана с тем, что большинство произведений искусства, попавших в Новый Свет, относились к эстетике барокко. Через призму произведений барокко Новый Свет познавал всю европейскую культуру, включая античную классику и работы средневековых богословов. Нигде более барокко не выполняло столь всеобъемлющую посредническую миссию (Примечательно, что Карилья отмечал своеобразие и особую роль барокко в Латинской Америке как феномен, отличный от барокко испанского, чего не делала, к примеру, И. Кьямпи в своей периодизации барочных концепций Латинской Америки, считая колониальное барокко лишь вариантом испанского стиля). Второй основой доминирования барокко в Латинской Америке являлось его особое восприятие. Э. Карилья не делал таких глубоких обобщений, как, например, А. Карпентьер, но на тот факт, что в Новом Свете эстетика барокко долго являлась самым адекватным средством выражения сущности континентальной культуры, он обратил внимание уже на первом этапе своих исследований, когда сознательно старался не делать далеко идущих выводов: «новое американское общество нашло наиболее адекватное самовыражение в достижениях барокко», – вспоминал о своих ранних идеях Карилья в работе «Литература барокко и колониальная среда» [\[6, с. 6\]](#).

Таким образом, мы видим, что к концу 60-х годов Эмилио Карилья окончательно сформировал свою систему представлений о барокко в Новом Свете. Эта система, хотя и базировалась на воззрениях П. Энрикеса Уренья, была серьезным шагом вперед по отношению к исследованиям доминиканского филолога. Если Уренья лишь указал направления для теоретической разработки феномена барокко в Новом Свете, то Э. Карилья разработал системный подход к изучению этого культурно-исторического феномена, связанного с испанским барокко, но имеющего собственные черты. Его выкладки в известной степени противостояли попыткам рассмотреть барокко как некое универсальное явление, не имеющее, по крайней мере, для Латинской Америки, четко очерченных временных рамок. «Наше искусство всегда было искусством барокко: от великолепной доколумбовой культуры и кодексом до лучших современных романов Америки, пройдя через промежуточный этап – соборы и монастыри колониальных времен на нашем континенте...» – писал о своем специфическом восприятии барокко Алехо Карпентьер, создатель, наверное, самой проработанной барочной концепции в Латинской Америке [\[8, с. 46\]](#). Как показала более поздняя деятельность Карильи, его подход не был связан с косностью или тенденциозностью исследователя, а продиктовано

желанием создать некую объективную систему представлений о барокко, опираясь на которую этот феномен можно было бы осмыслять в самых разных аспектах. В этом заключается большая заслуга Карильи перед латиноамериканской гуманитарной наукой. Возможно, и не открывая каких-то новых ракурсов барокко, он сумел систематизировать и обобщить различные взгляды, что в рамках не слишком развитой латиноамериканской литературоведческой школы было действительно серьезным достижением. Особенно ярко это проявилось на втором этапе творческой деятельности аргентинского исследователя, когда представления о барокко, с которыми ему пришлось столкнуться, стали более разнообразны и противоречивы.

В 1972 году в Нью-Йорке увидела свет книга Карильи «Барочная литература в Латинской Америке» [\[9\]](#), которая обозначила принципиально новый этап в его исследованиях. Несмотря на то, что с момента выхода монографии «Литература барокко и колониальная среда» (1969) прошло совсем немного времени, в своей новой книге Карилья радикально расширил область исследования. Если до этого он стремился создать некую историко-культурную парадигму, построенную на осмыслении особой роли барокко в культуре Латинской Америки XVII–XVIII веков, то теперь он задался целью всесторонне охватить и проанализировать существующие взгляды на барокко в пределах культурного пространства Испании и Латинской Америки. Второй этап деятельности Карильи в сфере осмысления барокко существенно дополнил первый.

Карилья в своих теоретических разработках попытался решить сложную задачу, суть которой состояла в том, чтобы выделить общие черты у целого ряда барочных концепций и взглядов на барокко. Его внимание привлекали не только собственно латиноамериканские авторы, но и испанские. Следует заметить, что умение рассматривать в рамках одного исследования и латиноамериканские, и испанские источники – редкое явление и в Испании, и в Латинской Америке. Но при чтении книги «Барочная литература в Латинской Америке» возникает ощущение, что автор пытается создать некое интеллектуальное испаноязычное поле, связанное с феноменом барокко.

Карилья противопоставляет авторов, рассматривавших латиноамериканское барокко как важное, но при этом локальное явление (если не двойник исторического стиля барокко, то что-то близкое к нему), работам других исследователей, увидевших в барокко некий универсальный феномен, значимый для всей истории культуры и литературы Нового Света. При этом сам Карилья пытался сохранить нейтральную позицию и обнаружить наиболее убедительные стороны в каждой из точек зрения.

Необходимо четко видеть различия между такими авторами, как Вентура Гарсиа Кальдерон, Хосе Мария Салаверриа, Рикардо Саэнс Айес, Гильермо Диас-Плаха, Альберто Вагнер де Рейна и Артуро Услар Пьетри (без претензий на глобальное единство внутри самой группы), с одной стороны, и авторами, которых мы относим к «новому латиноамериканскому роману»: Алехо Карпентьер, Хосе Лесама Лима, Карлос Фуэнтес, Хулио Кортасар [\[9, с. 95\]](#).

Карилья понимал, что использование в научном труде терминологически не выверенного понятия может привести не к систематизации представлений о барокко, а к еще большей путанице, и потому он предложил набор характеристик барокко, отталкиваясь от которой можно было бы говорить о различных тенденциях и концепциях, сыгравших свою роль в формировании представлений о барокко и барочности. Вот качества, которые, по мнению Карильи, являются ключевыми, по крайней мере, для испаноязычного барокко:

- 1) Внутренняя противоречивость.

- 2) Стремление к противопоставлениям.
- 3) Стремление к прекрасному (в отличие от просто красивого), нередко связанное с взаимопроникновением различных видов искусства.
- 4) Индивидуализация уродливого и гротескного.
- 5) Разочарование в возможностях человека и привнесение религиозных идеалов [\[9, с. 18\]](#).

Карилья выделяет целую группу антитез, характерных для испанского барокко, которые оказались востребованными и в Новом Свете: *жизнь – смерть, красота – уродство, земля – небо (человеческое – божественное), сон – реальность, надежда – отчаяние*. При всей вторичности антитез эта парадигма выходит за рамки чистого заимствования. Например, антитезы *сон – реальность, жизнь – смерть* и *красота – уродство* приобрели на сверхнормативной латиноамериканской почве значение, отличное от того, что имели в европейской культурной традиции.

Итак, Карилья считает важным не то, что поэты Нового Света пытались подражать авторам испанского барокко (в первую очередь Луису де Гонгоре и Франсиско де Кеведо), а то, что сама эстетика барокко нашла в Латинской Америке благодатную почву. Представление о Новом Свете как о «потерянном Рае», поисками которого занимались авторы испанского барокко, было характерно для подавляющего большинства теоретиков барокко в Латинской Америке. То, что в творчестве Гонгоры, особенно в рамках его «темного стиля», выглядело чем-то усложненно-декоративным и подчеркнуто оторванным от реальности, на латиноамериканской почве становилось гораздо более естественным и понятным.

Прорыв в запредельные сферы, характерный для эстетики барокко, в Латинской Америке не всегда является собственно прорывом: запредельное здесь располагается рядом с человеком, находит выражение в сверхъестественной для европейца природе, объективной реальности жизни латиноамериканца. При этом описание сверхъестественных явлений природы у латиноамериканских авторов эпохи барокко встречается реже, чем у испанских, поскольку они являются для них элементами окружающей повседневной реальности, а не фантастическими, овеванными легендами, явлениями.

Для понимания структуры, выстроенной Карильей, важны различия между воззрениями авторов, которых он отнес к двум разным группам по отношению к феномену барокко. Понятно, что подобное осмысление могло иметь место только в XX веке, поскольку до этого слово «барокко» было маркировано и имело почти исключительно негативные коннотации. Так, один из представителей более, если так можно выразиться, классического взгляда на барокко Хосе Мария Салаверриа писал:

В концептуальном отношении латиноамериканцы сделали стилистический выбор в пользу манеры выражать свои мысли в духе испанских авторов XVII века, представителей культеранизма и концептизма. Соответственно и лучшая архитектура Латинской Америки имеет ярко выраженные черты барокко. Латиноамериканские поэты часто используют сложные риторические приемы и, что интересно, народ в своем творчестве также опирается на барочные принципы и иногда в своих наивных поисках добивается удивительных результатов [\[10, с. 164–165\]](#).

Мы видим, что исследователь первой четверти XX века, хотя и опирается на

представления о барокко как о художественном стиле, связанном с XVII веком испанской литературы, все же говорит о барокко в Латинской Америке как об уникальном и своеобразном явлении. В противовес рафинированности европейского барокко им подчеркнута народность барокко латиноамериканского.

Впрочем, все это вовсе не означает, что в работах представителей выделенных Карильей двух групп не существовало точек соприкосновения. Так, например, Альберто Вагнер де Рейна писал в 1954 году:

Культурное становление Латинской Америки было барочным по своей сути, и барокко было по большому счету ее единственным культурным этапом. Первым серьезным ударом по эстетике барокко в Латинской Америке стал позитивизм [\[11, с. 104\]](#).

Заметна разница в восприятии феномена латиноамериканского барокко у авторов с близкими взглядами, но писавших соответственно в 30-е и 50-е годы. Мы видим, что Вагнер де Рейна прибегает уже к более широким обобщениям и рассуждает о барокко как об универсальном культурном явлении Латинской Америки. В том же ключе и примерно в то же время (в 1955 году) высказывается и классик латиноамериканской литературы Артуро Услар Пьетри, который затрагивает проблемы барокко и барочности в своей книге «Краткая история латиноамериканского романа»:

Любовь латиноамериканца к рафинированным и усложненным формам выражается не только в литературе и искусстве, но также в повседневной жизни и даже в народном творчестве. Латиноамериканская эстетика – барочная, склонная к концептуальности и имеющая тенденцию к мистической загадочности, что находит отражение в народной поэзии [\[12, с. 163\]](#).

Услар Пьетри несмотря на то, что в силу своей сдержанности в оценках был отнесен Карильей к первой группе теоретиков, занимает по отношению к барокко позицию, близкую к той, что придерживались Х. Лесамы Лима и А. Карпентьер: он говорит о барокко как об универсальном феномене, нашедшем отражение не только в искусстве и культуре, но и в самых разных областях общественной жизни.

Благодаря исследованиям Карильи становится понятно, что теории Лесамы Лимы и Карпентьера появились не на пустом месте, а возникли на базе колоссального роста интереса к феномену барокко в испанской и латиноамериканской филологии. Такие монографии Карильи, как «Барочная литература в Латинской Америке» и «Латинская Америка и ее самовыражение в литературе», дают своего рода ключ для понимания базовых основ барочных теорий и концепций, имевших место в Латинской Америке в 50–70 годы XX века.

Теоретические работы Эмилио Карильи подвели черту под барочными концепциями в Новом Свете и способствовали созданию определенной парадигмы представлений о них. Примерно со второй половины 70-х годов эти представления о барокко стали носить более систематизированный характер.

Библиография

1. Thomas L.-P. Le lyrisme et la préciosité cultistes en Espagne. Halle-Paris: Max Niemeyer - Honoré Champion, 1909. 191 p.
2. Thomas L.-P. Gongora et le Gongorisme considéré dans leurs rapports avec le Marinisme. Paris: Honoré Champion, 1911. 203 p.
3. Alonso D. Góngora y América // Revista de las Españas. Madrid, 1927. P. 317-323.

4. Antología poética en honor de Góngora // Revista de Occidente. Madrid, 1927. 1. P. 8-220.
5. Borges J.L. Para el centenario de Góngora // Martín Fierro. Buenos Aires, 1927. T. 4, № 41. P. 1.
6. Carilla E. Literatura barroca y ámbito colonial // Thesaurus. Tomo XXIV. Сентябрь - Декабрь 1969. № 3. Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1969. P. 417-425.
7. Лесама Лима Х. Зачарованная величина. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. 496 с.
8. Карпентьер А. Проблематика современного латиноамериканского романа // Писатели Латинской Америки о литературе. Москва: Радуга, 1982. С. 30-53.
9. Carilla E. La literatura barroca en Hispanoamérica. New York: Anaya Book Company, 1972. 209 p.
10. Salaverría J.M. Vida de Martín Fierro. Madrid: Espasa Calpe, 1934. 240 p.
11. Wagner de Reyna A. Destino y vocación de Iberoamérica. Madrid: Cultura Hispánica, 1954. 124 p.
12. Uslar Pietri A. Breve historia de la novela hispanoamericana. Caracas-Madrid: EDIME, 1974. 183 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается систематизация представлений о латиноамериканском барокко в трудах Эмилио Карильи. Актуальность исследования обусловлена ролью аргентинского литературоведа и культуролога Эмилио Карильи (1914–1995) в систематизации воззрений латиноамериканских авторов на феномен барокко и барочности: «в своих работах Карилья старался занимать равноудаленную позицию от разных точек зрения на предмет изучения, что нередко позволяло ему делать обобщения, на которые не всегда были способны апологеты тех или иных концепций».

Теоретической основой работы явились труды таких зарубежных исследователей, как А. Карпентьер, Х. Лесама Лима, L.-P. Thomas, D. Alonso, J. L. Borges, A. Uslar Pietri, A. Wagner de Reyna и собственно труды Эмилио Карильи. Библиография статьи составляет 12 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями. Однако автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным исследованиям, изданным в последние 3 года. На наш взгляд, в работе не хватает теоретического анализа современных научных изысканий по заявленной проблематике.

Методология проведенного исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее традиционный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрены два больших этапа деятельности Эмилио Карильи («Даже на первом этапе своей научной деятельности, подробно изучая барокко как период в истории искусства

Латинской Америки, Карилья сумел определить ряд особенностей, которые придавали барокко Нового Света черты, отсутствующие в испанском барокко», «Впрочем, уже и в его ранних работах содержался зародыш большинства барочных концепций XX века», «Как показала более поздняя деятельность Карильи, его подход не был связан с косностью или тенденциозностью исследователя, а продиктовано желанием создать некую объективную систему представлений о барокко, опираясь на которую этот феномен можно было бы осмыслять в самых разных аспектах. В этом заключается большая заслуга Карильи перед латиноамериканской гуманитарной наукой»). Сформулированы выводы относительно вклада Эмилио Карильи в систематизацию представлений о латиноамериканском барокко: «к концу 60-х годов окончательно сформировал свою систему представлений о барокко в Новом Свете», «Э. Карилья разработал системный подход к изучению этого культурно-исторического феномена, связанного с испанским барокко, но имеющего собственные черты», «примерно со второй половины 70-х годов эти представления о барокко стали носить более систематизированный характер» и др.

Проведенное исследование имеет теоретическую значимость, которая определяется его вкладом в изучение трудов Эмилио Карильи по систематизации воззрений латиноамериканских авторов на феномен барокко и барочности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы; литературе Латинской Америки и литературному наследию Эмилио Карильи.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Все замечания носят рекомендательный характер. Рукопись имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гун А. Японская эстетика смерти в творчестве В. Пелевина // Филология: научные исследования. 2025. № 4.
DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74220 EDN: BNWEJS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74220

Японская эстетика смерти в творчестве В. Пелевина

Гун Аньпин

аспирант; кафедра истории русской литературы; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9-11В

✉ gap0921liza@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74220

EDN:

BNWEJS

Дата направления статьи в редакцию:

25-04-2025

Аннотация: В произведениях Виктора Пелевина японские герои совершают самоубийство под влиянием уникальной японской эстетики смерти, где смерть символизирует красоту и честь. Формирование этой идеи о смерти во многом тесно связано с духом бусидо, философией дзен-буддизма и японской эстетикой. В данной статье рассматривается роль эстетики смерти в художественном мире В. Пелевина на основе анализа сюжетов, где герой умирает. Материалом исследования являются произведения Виктора Пелевина, имеющие непосредственное отношение к японской эстетике смерти: «Чапаев и Пустота» (1996), «Гость на празднике бон» (часть книги «ДПП (НН)», 2003) и «Поединок» (часть книги «Transhumanism Inc.», 2021). Предметом исследования является японские мотивы о смерти в прозе писателя. При проведении исследования был использован метод интертекстуального и сравнительного анализа для выявления философских подтекстов и их источников. Научная новизна данного исследования заключается, во-первых, в детальном рассмотрении смерти японских персонажей В. Пелевина и их мотивов. Во-вторых, японская эстетика смерти в выбранных материалах не была полностью выявлена, в данном исследовании проведен дополнительный интертекстуальный анализ к ней и определено ее место в прозе В. Пелевина. В результате исследования установлено, что в действиях и словах японских

героев В. Пелевина бессознательно проникают эстетические идеи, лучше всего выражающие японский характер. Дух бусидо и японская эстетика смерти предоставляет этим героям возможность поэтичного саморазрушения, однако ее описание обычно носит иронический характер. Функция размышления и духовной практики японских героев чаще всего заключается в том, чтобы служить контрастом по отношению к истинному пути просветления.

Ключевые слова:

Виктор Пелевин, бусидо, дзен-буддизм, эстетика смерти, просветление, философия, Юкио Мисима, Моно-но аварэ, сэппуку, Пустота

Японские мотивы также занимают значительное место в творчестве Виктора Пелевина. В произведениях В. Пелевина выделяются герои, которые идут по пути самоуничтожения, соотносимом с японской эстетикой смерти. В японском обществе отношение к смерти: позволяет «воспринимать самоубийство как почетную и значимую акцию. В некоторых случаях это самый почетный и полный смысла путь для исполнения *гири* своему имени» [\[1, с. 119\]](#). А. Моррис в работе «Благородство поражения. Трагический герой японской литературы» описывает два типа героев японской культуры: победитель и иной герой, «чья прямодушная искренность не позволяет ему совершать какие-либо маневры и идти на компромиссы ... Столкнувшись с поражением, герой обычно лишает себя жизни, дабы избежать унижения плена, утвердить свою честь и дать последние уверения в своей искренности» [\[9, с. 5\]](#). Формирование подобного отношения во многом связано с духом *бусидо* и японской эстетикой.

Бусидо в буквальном смысле означает нормы, которым самураи должны следовать в повседневной жизни и профессиональной деятельности [\[2, с. 16\]](#). Его идейную основу составляют дзен-буддизм, синтоизм и конфуцианство. В произведениях В. Пелевина три персонажа совершают самоубийство, связанное с духом бусидо: Персонаж Сердюк в романе «Чапаев и Пустота» (1996), Юкио Мисима в рассказе «Гость на празднике бон» (2003), а также Сасаки в рассказе «Поединок» (2021) совершают самоубийство посредством сэппуку. Среди японских самураев наиболее характерным способом смерти является сэппуку (харакири). Причина, по которой выбирали разрезание живота, заключается в том, что, согласно древней анатомии, живот является местом пребывания души и чувств [\[2, с. 119-120\]](#). Однако истинные причины их смерти, а также их функция в текстах различны.

В романе «Чапаев и Пустота» герой Сердюк в своей галлюцинации совершает сэппуку по наущению японского бизнесмена Кавабаты. Кавабата убедил Сердюка стать сотрудником клана «Тайра Киёмори» с годовой зарплатой в 40 тысяч долларов и присвоил ему звание японского самурая. Не устояв перед деньгами, Сердюк полностью проигнорировал клятву, которую заставил его произнести Кавабата. Кроме идеи о том, что смерть является честью согласно бусидо, другой важной причиной самоубийства Сердюка также стала концепция красоты смерти, предложенная Кавабатой. В глазах Кавабаты жизнь мимолетна, как цветы сакуры или пузырьки в воде, и постоянно меняется, в то время как учение о сэппуке призывает к прямому и бесстрашному возвращению в вечность. Такая мысль является выражением одного из важнейших понятий японской литературы и даже всего японского общества — моно-но аварэ. Японский ученый Мотоори Норинага ввел концепцию моно-но аварэ и использовал ее

для переосмысления классического японского романа-моногатари «Повесть о Гэндзи». Моно-но аварэ — это глубокое и тихое чувство, которое естественным образом или невольно возникает при субъективном эмоциональном соприкосновении с внешними явлениями [8, с. 79]. Японский писатель Ясунари Кавабата (прототип героя Кавабаты) является практиком эстетики моно-но аварэ. В своем произведении «Цветы не спят» он описывает, как в четыре часа утра увидел цветение *яблони замечательной* (лат. *Malus spectabilis*). Восхищаясь ее красотой, он одновременно почувствовал и болезненную красоту, с которой цветок раскрывался, прикладывая все свои силы. Он продолжает размышления: природная красота бесконечна, но красота, которую человек способен постигнуть за свою жизнь, ограничена. Поэтому моно-но аварэ порождает уникальное восприятие жизни и смерти: стремление к «мгновенной красоте». В древней Японии люди сравнивали себя с сакурой, превращая идею «мгновенной красоты» в поведение, где самоубийство считалось высшей точкой жизни. Их ритуальная смерть также символизировала стремление к краткому всплеску жизни, попытку обрести вечное спокойствие в уничтожении.

Японцы в романе также придерживаются учения «всё есть пустота». Однако Сердюк не полностью признал их учение и не следовал ему, он даже стал самураем обманным путем. После совершения сэппуку он все-таки пришел в «Пустоту»: «Сердюк (да и никогда на самом деле не Сердюк) плыл в бескачественной пустоте и чувствовал, что движется к чему-то огромному, излучающему нестерпимый жар» [11, с. 211]. Поэтому здесь эта *пустота* не представляет собой место просветления, а скорее обозначает более экстремальную ситуацию. Сэппуку для самурая является способом достичь просветления, поскольку в этот момент он преодолевает жизнь и смерть, но для Сердюка это невозможно. Правила, касающиеся смерти в духе бусидо, толкают Сердюка на путь самоуничтожения.

Сердюк субъективно не хотел совершать самоубийство — его руководитель Кавабата заставил его сделать это ради чести их компании. В своей основе это отражает конфуцианские идеи, заложенные в бусидо. Конфуцианство является для бусидо важной этической основой. Эти моральные принципы конфуцианства применимы к межличностным и социальным отношениям. Конфуций надеялся, что правители будут хорошо выполнять свои социальные роли и соблюдать моральные обязанности. В книге «Бусидо» Нитобэ Инадзо свел дух бусидо к восьми аспектам: справедливость, храбрость, сострадание чужому горю, вежливость, честность и искренность, честь, верность (чжун), самообладание [2, с. 7]. Для поддержания власти правители преувеличивали значение конфуцианской концепции *чжун*, делая ее не только верой народа в правителей, но и идеологическим оковами, ограничивающими поведение самураев. В бусидо *чжун* означает абсолютное подчинение. Изначально конфуцианская концепция *чжун* ограничивала не только обычных людей, но и правителей. Она означала преданность государству и народу, а не только правителю. Однако в феодальную эпоху в бусидо на первое место ставилась верность начальникам и правителям. Таким образом, харакири, совершенное во имя чести и верности в духе бусидо под влиянием конфуцианской философии, по мнению автора, приносит лишь ложное освобождение. Во время Второй мировой войны Япония была атакована двумя атомными бомбами и потерпела поражение, но все же стала самой сильной экономикой в послевоенной Азии. В этом романе Кавабата считает, что *пустота*, возникающая в глубине российской души, аналогична *пустоте* японцев, поэтому Россия нуждается в «алхимическом союзе» с Востоком. Самоубийство Сердюка символизирует, что путь, выбранный Японией, не подходит для России.

Рассказ В. Пелевина «Гость на празднике бон» написан от первого лица и составлен из интертекстуальных фрагментов, отсылающих к роману Юкио Мисимы «Исповедь маски» (1949), трактату «Хагакурэ», биографии японского писателя и политического деятеля Юкио Мисимы, китайскому чэньюй (фразеологизму) «Любовь Е-гуна к драконам» и сказке о драконе и принце. Рассказчик предпринял попытку сделать харакири и со второй попытки был обезглавлен. Это также реальный личный опыт писателя Мисимы. Согласно словам рассказчика, его смерть произошла в результате стремления к духу бусидо и красоте. Во-первых, Пелевин уделяет особое внимание духу бусидо, а цитаты из «Хагакурэ» приведенные в его рассказе, подчеркивают неразрывную связь между смертью и бусидо: «Путь самурая обретается в смерти. Если, укрепляя свое сердце решимостью каждое утро и каждый вечер, человек сможет жить так, словно тело его уже умерло, путь будет для него свободен» [3, с. 20-21]. Во-вторых, в начале рассказа задается вопрос: «Что такое красота?» и делает вывод: «Смерть и красота, в сущности, это одно и то же» [10, с. 353]. Дух бусидо и красота также были двумя из причин смерти писателя Юкио Мисимы, однако еще существовали и другие, более значимые причины. Причины, по которым Юкио Мисима выбрал для себя сэппуку, могут быть связаны с четырьмя основными факторами, как указано в биографии, написанной его другом: поклонение императору Японии, любовная страсть к лицу того же пола, почитание бусидо и стремление к эстетике смерти. Кроме этих четырех причин, А. Моррис утверждает, что трагедия Мисимы заключается в том, что «Юкио Мисима принял философию Осиро Хэйхатиро в то время, когда отсутствовала какая-либо социальная почва для приложения его сил» [9, с. 169]. Метафизическая система Осиро Хэйхатиро основывалась на ванъянминовской концепции тайкё. Концепция «единства знания и действия» является самым важным мыслям Ван Янмина: «Знание есть начало действия, действие есть исполнение знания» [4, с. 186]. Мисима считает, что мысли монистического идеализма Ван Янмина опасны и радикальны, но он все же принимает эту идею и пытается ее применить: «нравственная истина, признаваемая субъективно-идеалистически, должна немедленно переходить в действие, иначе собственно осознание несостоятельно» [5, с. 92]. Поэтому у него появляется такое мнение: революция — это действие, а действие часто сопровождается смертью. Однако в рассказе Пелевина причина его смерти упрощена до стремления к духу бусидо и красоте, что не полностью совпадает с историческими обстоятельствами смерти Юкио Мисимы.

Автор в рассказе пытается создать шизофреническую ситуацию: в одном теле существуют два индивидуума: один — это рассказчик, занимающийся философскими размышлениями, а другой — это Юкио Мисима, стремящийся бесконечно приблизиться к красоте и саморазрушиться. Иными словами, в этом теле рассказчик представляет его душу, а саморазрушение Юкио Мисимы символизирует исчезновение его тела. В этом рассказе, как представляется на первый взгляд, автор обсуждает эстетику смерти, однако фактически он использует эти интертекстуальные фрагменты для выражения собственных философских мыслей о жизни и смерти. Рассказчик также вводит в роман интертекстуальный фрагмент, связанный с одержимостью Юкио Мисимы смертью святого Себастьяна, однако его функция заключается в том, чтобы вывести на концепцию «смерти Бога». Рассказчик считает, что в смерти святого Себастьяна красота сливается с чем-то высоким, которым является святость Себастьяна. Святой Себастьян выступает как сосуд Бога, а его убийство символизирует убийство Бога. Исходя из этого, он переходит к размышлениям о природе самоубийства и приходит к выводу, что самоубийство — это нападение на Бога, живущего в сердце. Увлечение писателя Ю. Мисимы образом святого Себастьяна пронизывает его литературу, эстетику и даже жизненный путь. В

полуавтобиографическом романе «Исповедь маски» Ю. Мисимы красоту символизируют тела молодых людей, таких как Себастьян или солдаты, когда они умирают. Герой романа описывает Себастьяна как источник своего сексуального пробуждения. [\[6, с. 39–40\]](#) Важнейшие причины этого явления заключаются в том, что герой погружен в эту красоту из-за своей собственной неполноценности: Телесные недостатки или отсутствие определенных качеств могут вызвать у них патологические эмоции. Поэтому, по мнению Мисимы, красота достигает вечности посредством смерти и разрушения. Он не только воплотил идеи красоты смерти в своих произведениях, но и применил его в собственной жизни: доведя своё тело до физического совершенства, он воссоздал образ святого Себастьяна в серии фотографий, и в конце жизни, подобно Себастьяну, принёс себя в жертву во имя возвышенного идеала. Таким образом, образ Юкио Мисимы в рассказе Пелевина представляет собой пародийное переосмысление реального писателя. В сущности, его смерть используется как средство для выражения авторских философских размышлений о природе смерти.

В. Пелевин приурочивает дни самоубийства и философских размышлений ко времени праздника бон (или Обон). Понятие *обон* обозначает предмет, используемый для спасения людей от страданий от подвешивания вверх ногами. В трактате «Сутра об улламбане, проповеданная Буддой» описывается происхождение этого праздника: «Ученик Будды Маудгальяна (яп. Мокурэн) увидел, что его умершая мать страдала в мире голодных духов, поэтому он обратился к Будде за спасением. Будда ему сказал, что если он подготовит разнообразную пищу и угостит монахов из десяти направлений в пятнадцатый день седьмого месяца, это может освободить его мать» [\[13\]](#). Этот праздник был введен в Японии в VII в. н. э. вместе с распространением буддизма и позже стал одним из самых почитаемых [\[12, с. 46\]](#). Во время его празднования проводится ряд мероприятий, посвященных памяти духов предков. Поэтому в заголовке рассказа слово «гость» обозначает душу, которая возвращается в этот праздник. Рассказчик считает, что все люди обречены на смерть и становятся душами, поэтому на этом празднике нет разницы между живыми и мертвыми.

В рассказе «Гость на празднике бон» и романе «Чапаев и Пустота» смерти Сердюка и Юкио Мисимы не приводят к ожидаемому результату: Сердюк не достигает истинной «Пустоты», а голова Мисимы катится, но никогда не достигнет края [\[10, с. 369\]](#). Но автор не всегда относится к духу бусидо с иронией. В произведении «Transhumanism Inc.» (2021) есть рассказ, в котором рассматривается дух бусидо в мире будущего. Герой рассказа «Поединок» самурай Сасаки-сан создает боевых роботов в стиле самураев и устраивает бои с их участием, что приносит ему расположение криминальных авторитетов. Он постоянно трансформирует своих боевых роботов и с их помощью воссоздает классические дуэли великих японских самураев. В конце концов он планирует устроить бой между великими самураями Миямото Мусаси и Сасаки Кодзиро с использованием роботов. Однако компьютерная программа призывает в роботов души самураев. Осознав происходящее, они убивают всех зрителей боя, отказываются сражаться и кончают жизнь самоубийством. В результате этого события Сасаки приговаривают к харакири. После совершения сэппуку Сасаки не умирает, а оказывается на третьем уровне виртуального мира.

Неизменным остается то, что дух бусидо по-прежнему тесно связан со смертью и честью, но в мире будущего этого романа, где технологии высокоразвиты, другое отношение к духу бусидо. В этой истории все строится на контрастах: активное харакири и пассивное харакири, истинно благородные древние самураи и самураи будущего, идущие на

компромисс ради жизни. В. И. Миллер утверждает, что «герои В. Пелевина демонстрируют полную бессмысленность своего существования в отсутствии целей и жизненных ориентиров. Вся их жизнь сведена к реализации природных инстинктов... это есть данность современного мира, составляющая наиболее достоверный вариант будущего развития человека в нем» [7, с. 90]. Поэтому, когда древние самураи появились в мире будущего, произошел конфликт концепций: их действия олицетворяют славу духа бусидо. Несмотря на то, что их действия жестоки, автор все же восхваляет их дух в этом мире.

Таким образом, при анализе смерти японских персонажей в творчестве В. Пелевина мы обнаружили, что уникальная эстетика японцев направляет японскую жизнь, поэтому эстетика, выраженная в поступках и словах героев-японцев, созданных В. Пелевиным, бессознательно отражается в тексте. Дух бусидо и эстетика смерти в японской культуре предоставляют героям В. Пелевина возможность поэтического самоуничтожения. Однако их смерть неизменно символизирует неудачу на пути к просветлению: Сердюк не достигает «Пустоты»; Юкио Мисима не реализует свою эстетическую цель; поведение Сасаки контрастирует с образом древнего самурая. Поэтому функция этих японских героев обычно заключается в том, чтобы служить контрастом к истинной пути просветления.

Библиография

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модель японской культуры / Пер. с англ. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 256 с.
2. Инадзо Н. Бусидо: кодекс чести самурая / Пер. с англ. А. Зайцева. М.: АСТ; Кладезь, 2023. 192 с.
3. Кодекс бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листе. М.: Эксмо, 2004. 432 с.
4. Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М.: Наука, 1983. 358 с. EDN: ZQSQDB
5. Мисима Ю. Голос духов героев / Выступ. ст., сост. пер. с яп. А. Г. Фесюна. М.; СПб.: Летний сад, 2002. 252 с.
6. Мисима Ю. Исповедь маски / Пер. с яп. Г. Чхартившили. СПб.: Азбука, 2002. 240 с.
7. Миллер В. И. Трансгуманизм как явление современной культуры (на примере творчества В. Пелевина) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 89-93. DOI: 10.24158/fik.2023.5.12 EDN: FFQQMZ
8. Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага: Жизнь и творчество. М.: Наука, 1988. 192 с.
9. Моррис А. Благородство поражения: Трагический герой в японской истории / Пер. с англ. А. Г. Фессон. М.: Серебряные Нити, 2001. 392 с.
10. Пелевин В. О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Избранные произведения. М.: Эксмо, 2003. 384 с.
11. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 352 с.
12. Фиссер М. В. де. Древний буддизм в Японии / Перевод: А. Г. Фесюн. М.: Серебряные нити, 2016. 472 с.
13. Трубникова Н. Н. Сутра об улламбане, проповеданная Буддой. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Urabon.htm> (дата обращения: 01.05.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество Виктора Пелевина многообразно, вариативно, синкретично. Его тексты сочетают грани отечественной, европейской, а также восточной культур. Следовательно, анализ романов, повестей, рассказов В.О. Пелевина актуально, востребовано, интересно. Рецензируемая статья направлена на оценку / объективацию японской эстетики смерти в творчестве Виктора Пелевина. На мой взгляд, предмет исследования конкретизирован, он соотносится с одной из рубрик издания. В начале статьи отмечено, что «в произведениях Виктора Пелевина выделяются герои, которые идут по пути самоуничтожения, соотносимом с японской эстетикой смерти. В японском обществе отношение к смерти: позволяет «воспринимать самоубийство как почетную и значимую акцию. В некоторых случаях это самый почетный и полный смысла путь для исполнения гири своему имени». Действительно, ряд персонажей В. Пелевина выстроен с учетом философии Востока, это, безусловно, интересно и конструктивно. Статья, на мой взгляд, обладает признаками научного труда, она достаточно информативна, не исключает автор и фактор аналитики в рамках компаративизма. Методы исследования выбраны верно, не вызывает сомнений их актуальность. Стиль соотносится с научным типом: например, «Японский писатель Ясунари Кавабата (прототип героя Кавабаты) является практиком эстетики моно-но аварэ. В своем произведении «Цветы не спят» он описывает, как в четыре часа утра увидел цветение яблони замечательной (лат. *Malus spectabilis*). Восхищаясь ее красотой, он одновременно почувствовал и болезненную красоту, с которой цветок раскрывался, прикладывая все свои силы. Он продолжает размышления: природная красота бесконечна, но красота, которую человек способен постигнуть за свою жизнь, ограничена. Поэтому моно-но аварэ порождает уникальное восприятие жизни и смерти: стремление к «мгновенной красоте». Содержательный уровень работы можно оценить положительно, основные блоки работы выдержаны. Вариант «промежуточных» выводов, который использует автор, правомерен. Например, «таким образом, харакири, совершенное во имя чести и верности в духе бусидо под влиянием конфуцианской философии, по мнению автора, приносит лишь ложное освобождение. Во время Второй мировой войны Япония была атакована двумя атомными бомбами и потерпела поражение, но все же стала самой сильной экономикой в послевоенной Азии. В этом романе Кавабата считает, что пустота, возникающая в глубине российской души, аналогична пустоте японцев, поэтому Россия нуждается в «алхимическом союзе» с Востоком. Самоубийство Сердюка символизирует, что путь, выбранный Японией, не подходит для России». Термины / понятия используются с учетом контекста, коннотативных рамок. Считаю, что цель исследования достигается планомерно, ракурсно. Фактические нарушения в тексте не выявлены; следовательно, текст не нуждается в серьезной правке и коррективе. На мой взгляд, некий крен в японистику довлеет в тексте работы, но, видимо, без этого не получится связать произведения В.О. Пелевина с японской эстетикой смерти. Несколько формален и итог статьи, его желательно переработать: «таким образом, дух бусидо и эстетика смерти в японской культуре предоставляют героям В. Пелевина возможность поэтического самоуничтожения. Однако этот древний и возвышенный дух практически невозможно сохранить в чистом виде в современном обществе. Поэтому, когда этот дух проявляется у героев Пелевина лишь в поверхностной форме, они становятся в его произведениях отрицательными персонажами». Следовательно, статья «Японская эстетика смерти в творчестве В. Пелевина» после внесения изменений может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Экономова А.Д. Параграфемные средства в романе М. Петросян «Дом, в котором...» // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.73586 EDN: BMPPMF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73586

Параграфемные средства в романе М. Петросян «Дом, в котором...»

Экономова Александра Дмитриевна

ORCID: 0000-0002-2385-4602

кандидат филологических наук

доцент, кафедра филологии; Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

125190, Россия, г. Москва, ул. Ленинградский, 80 Г

✉ aleksabondareva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.73586

EDN:

BMPPMF

Дата направления статьи в редакцию:

05-03-2025

Аннотация: Активные поиски решений актуальных коммуникативных задач ведут к появлению новых способов языкового оформления высказываний а также к переосмыслению способов существующих, к наполнению их новым значением. Принципы построения современного текста (такие как интермедальность, аллюзивность, ризоматичность, поликодовость, коллажность и т.д.) проявляют себя в различных лингвистических и паралингвистических феноменах, одним из которых является параграфемика. Предметом исследования в аннотируемой работе являются параграфемные средства в романе М. Петросян "Дом, в котором..." как способы графического варьирования текста: пунктуационного (синграфемика), шрифтового (супраграфемика) и плоскостного (топографемика). Параграфемные средства, дополняя вербальную составляющую письменного текста, призваны более точно кодировать смысл высказывания в процессе его порождения и декодировать – в процессе восприятия. Основными методами, используемыми в данной работе, стал описательный метод, включающий наблюдение над паралингвистическим материалом, его систематизацию и

интерпретацию. Сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки. Проведенное исследование показало, что роман М. Петросян «Дом, в котором...» отличается высокая степень представленности в нем различных параграфемных средств, за счет которых формируется уникальный визуальный облик текста. Разнообразие использованных в романе параграфемных средств (курсив, наклонный шрифт, разрядка, имитация рукописного текста, капитализация, интерлиньяж, плоскостное варьирование текста, таблицы) является естественным результатом и отражением протекающих в современном русском языке процессов, таких как усиление личностного начала, либерализация языка, стремление к языковой игре и вариативности. Параграфемные средства выполняют в художественном тексте разнообразные функции: маркируют смену жанра и повествовательного регистра, выход в сферу воспоминаний и (или) эмоций персонажа, обозначают фоновые характеристики речи, подчеркивают полифоничность произведения и его интертекстуальность.

Ключевые слова:

параграфемные средства, синграфемика, супраграфемика, топографемика, курсив, наклонный шрифт, капитализация, интерлиньяж, идиостиль, графическая риторика

Метамодернистская парадигма в культуре, отражая мироощущение современного человека, обнаруживает себя во всех проявлениях его деятельности, в том числе, и в дискурсивных практиках. Принципы построения современного текста (такие как интермедийность, аллюзивность, ризоматичность, поликодовость, коллажность и т.д.) проявляют себя в различных лингвистических и паралингвистических феноменах, одним из которых является параграфемика.

Мы понимаем параграфемику как раздел паралингвистики, изучающий «вторичные по отношению к языку невербальные средства, сопровождающие письменную речь и способствующие восприятию и пониманию текста читателем» [4]. «Paragrahemics presents the system of graphical elements, which exist along with grapheme system but are not included in the set of proper differential-graphic oppositions» [13]. К параграфемным средствам относятся различные способы графического варьирования текста: цветового (хромографемика), иллюстративного (иконическая супраграфемика), пунктуационного (синграфемика), шрифтового (супраграфемика), плоскостного (топографемика) [9]. Параграфемные средства, дополняя вербальную составляющую письменного текста, призваны более точно кодировать смысл высказывания в процессе его порождения и декодировать – в процессе восприятия.

Поскольку факт того, что не менее трети информации передается невербальными способами, сегодня является неким общим местом в науке [2], параграфемика изучается на материале различных текстов: электронных (С.А. Стройков) научных (Гаврилова А.А.), рекламных (Лазовская Н.В.), политических (Ворошилова М.Б.), прозаических (Семьян Т. Ф.), поэтических (Япишина А.Е.) и др.

Целью данного исследования является выявление и анализ параграфемных средств на материале романа Мариам Петросян «Дом, в котором...».

Актуальность. Художественное осмысление постоянно меняющейся действительности (событий, процессов, человека, межличностных отношений), требует новых форм представления результатов такого осмысления. Поэтому, несмотря на немалую

изученность проявлений параграфемных средств в художественных текстах, осмысление нового (свежего) материала представляется весьма актуальным. Изучение современных текстов с позиций параграфематики позволит более полно представить многообразие ПС и их функций. В художественном тексте параграфемы так же как и паралексемы, являясь паралингвистическими маркерами «направлены на эстетическое воздействие на читателя, что проявляется прежде всего в том, что паралингвистические средства способствуют раскрытию внутреннего духовного мира человека, его эмоций, интеллекта, манеры поведения» [\[1\]](#).

В романе «Дом, в котором...» представлен широкий диапазон шрифтового варьирования. Одним из самых частотных средств при этом является курсив, выполняющий в тексте различные функции.

Курсивом выделяются фрагменты текста, инородные основному тексту в жанровом плане. *Исповедь* одного из героев (Македонского), *сказки*, которые рассказывают друг другу персонажи во время Самой Длинной Ночи, *дневник* Курильщика, *инструкция* Табаки (правила поведения для переселенца), *песни*, которые слушают и поют герои романа, *стихотворения* разнообразят текст не только в содержательно, но и визуально. Графическая (визуальная?) коллажность, разнородность, гетерогенность текста отражает разнообразие форм, в которых может протекать речемыслительная деятельность человека.

Следующей функцией, которую выполняет курсив в романе, является маркирование смены коммуникативного регистра в тех главах, повествование в которых ведется от третьего лица. Курсив появляется в тех случаях, когда тематический регистр (объективированное авторское повествование или несобственно-прямая речь) сменяется ситуативным (внешней или внутренней речью персонажей). Например, «Он встал, отгоняя глупые мысли. *Если им нужен воспитатель, их здесь хватает и без меня... А сумасшедший воспитатель никому не нужен, ни им, ни мне.* Он подошел к окну, дернул шпингалет и отворил одну створку» (здесь и далее цит. по Петросян, М. Дом, в котором... — Москва: Livebook, 2017. — 752 с.). Другой пример: Он [Ральф] прикрыл глаза, стряхивая навязанный ему образ. *Идиот! Перед тобой хозяин Дома!* Ральф подошел к окну, бросив через плечо: — Садись». В подобных примерах происходит совмещение несобственно-прямой и прямой речи (внешней или внутренней).

Курсив появляется и для обозначения вхождения во внутренний мир персонажа, его ощущений и видений: «Стены поползли на Ральфа, заслоняя от него шестую, но, пока этот скользкий серый занавес смыкался, он успел поймать: *Желтый свет забранных сеткой ламп спортзала, масляная зелень пола, разрисованного кругами, крик... Темная фигура забила на полу, разбрызгивая кровь... и тут же стены сомкнулись, замазывая осколки видений серым, обесцвечивая их и стирая.* Он увидел достаточно, чтобы понять: что бы ни случилось с Помпеем, они при этом присутствовали всей стаей, и воспоминание об увиденном, обсосанное до горечи на языках, не давало им покоя»

Несобственно-прямая речь является двуплановой сама по себе [\[10\]](#). Осложненная курсивно выделенными вкраплениями прямой речи, она становится еще более выразительной, объемной, трехмерной. Так создается иллюзия практически одновременного видения происходящего внешним и внутренним взором (субъективно-объективно; стереоскопичность).

Курсивное выделение обозначает выход в воспоминания, чужую речь, фрагменты которой вводятся в речь в главах, где повествование ведется от первого лица: «День

разделен на четыре части. Завтраком, обедом и ужином. Раз в неделю по субботам — кино. По понедельникам — собрания.

Не пора ли нам?..

Я вот обратил внимание...

Да, несомненно, класс плохо проветривается.

Это на нас влияет.

Знаете, такие странные шорохи...

Боюсь, что это все-таки крысы.

Заявить протест в связи с антисанитарными условиями в помещениях, способствующими распространению грызунов... И плакаты. Бесконечные плакаты». Курсив позволяет не использовать кавычки и не оформлять предложения как сложноподчиненные, передающие косвенную речь. Таким образом синтаксис текста трансформируется, а субъект повествования приобретает синкретичный характер. Отметим, что в том случае, если текст романа транслируется через аудиальный канал (например, в популярном сегодня формате аудиокниги) функцию шрифтового выделения выполняет чтец за счет изменения тембра голоса, имитирующего голос другого персонажа. В этом ключе интересно замечание А.С. Стройкова о том, что «с одной стороны, параграфемные элементы анализируются с точки зрения буквенной графики и пунктуации, с другой стороны, с точки зрения другого кода, а именно – изображения, видео и аудио» [\[8\]](#). Предполагаем, что параллельный анализ печатного и аудиовариантов может стать весьма продуктивным.

Чужая речь, всплывающая в памяти персонажа, отличается от собственной внутренней речи наличием кавычек: «Лось засмеялся и сказал, что он преувеличивает. *«Они прекрасно знают, что такое Наружность и как она выглядит. Они выезжают в летние санатории каждый год. Они с удовольствием смотрят фильмы».*

Такая функция курсива как маркирование интертекстуальности также представлена в анализируемом тексте. Например, в «Доме» курсивным выделением отмечается цитата из «Кельтских сумерек» Б.У. Йейтса: «Подъезжая к Перекрестку, вспоминаю: *«Amadan-na Vreepa, он каждые два дня меняет облик. То он идет, глянешь со стороны, ни дать ни взять молоденький парнишка, а то обернется тварью какой ужасной, и вот тогда-то берегись. Мне тут сказали не так давно, что, мол, кто-то его подстрелил, но я-то думаю - кто ж его такого застрелит?»».*

В романе встречаются примеры, иллюстрирующие эмфатическую функцию курсива:

«Стервятник прислонился к стене: — *У меня в стае никаких перемен, — отчитался он. — А в чужие дела я не лезу. Не так воспитан».*

«— Я не был рад. Но никого другого я бы на него не обменял. Ни одного из них. Если вас это интересует. Если, говоря о моей радости, вы это имели в виду. Я непричастен к его смерти, если вы имели в виду это. А если вы имели в виду мою к нему нелюбовь — то это правда». В подобных примерах курсив (средство графического выделения) является одновременно фонационным средством, передающим изменение тона, силы звучащей речи.

Близко курсиву наклонное выделение текста, которое, в отличие от курсива, не изменяет

графемные глифы, а лишь наклоняет их вправо. Так, в романе наклонным шрифтом отмечаются интермедии – фрагменты текста, в которых речь идет о событиях многолетней давности. Наклонное выделение вводится автором несмотря на то, что каждая интермедия имеет свое название и начинается с новой страницы. То есть, в целом, партитурная функция наклонного шрифта (маркирование сюжетно и композиционно нового фрагмента текста) избыточна. Можно предположить, что в данном случае наклонное выделение (так же, как и курсивное) усиливает, подчеркивает инаковость текста. Также, основной текст (описывающий настоящие события) и интермедийный (описывающий, казалось бы, события прошлого) чередуются друг с другом. Естественная последовательность изложения события (когда прошедшее предшествует настоящему) нарушена. Такое чередование «обычного» и наклонного текстов является специфической супраграфемной особенностью «Дома» и позволяет интерпретировать ее как аргумент в защиту тезиса о том, что в романе представлена концепция нелинейного течения времени (события, раскрывающиеся в интермедиях, происходят параллельно с событиями, описываемыми в основном тексте).

Графическую трансформацию претерпевают и тексты объявлений, новостей, посланий, которыми жители дома покрывают его коридоры и двери (рис. 1).

СЧЕТ ПОЗАВЧЕРАШНИЙ.
УТ. В ПРАЧЕЧНОЙ.

УСАУТИ ОПЫТНОГО АСТРОЛОГА.
КОФ. ЕЖЕДН. С 18 ДО 19 Ч.

ОСОЗНАЛ СВОИ НЕДОСТАТКИ.
ПОДЕЛЮСЬ С ЖЕЛАЮЩИМИ БЕСЦЕННЫМ ОПЫТОМ.
ПРОСВЕТАЛЕННЫЙ.

СЧЕТ ВЧЕРАШНИЙ УТ.
ПОДТР. БИЗОНОМ СЛЕВА ОТ ВХ.

ТРИСТА ГР. СЫРА «РОКФОР», НЕДОРОГО.
БЕЛОБРИХ.

«РАЗДВИНЬ РАМКИ ВСЕЛЕННОЙ!» КОФ. ПО ЧЕТ.
СПРОС. ДЕЖ. БАР. «ДУШНУЮ ДОРОГУ» № 64.
ТОЛЬКО ЛИЦАМ В НЕСТАНДАРТНОЙ ОБУВИ.

Рис. 1. Шрифтовое варьирование в романе М. Петросян «Дом, в котором».

Отметим, что в данном случае к шрифтовому варьированию добавляется плоскостное (тексты объявлений на странице расположены хаотично), что на визуальном уровне создает впечатление спонтанности появления текстов, множественности авторов; при этом ответственность настоящего автора за то, что читатель видит на странице, снимается.

Интересно, что на фрагменты текста, представляющие настенные или надверные надписи в аудиокниге, накладывается эффект эха. Подобными звуковыми эффектами составители аудиокниги пытаются найти адекватный эквивалент шрифтовой трансформации.

Графической трансформацией, имитирующей рукописный текст, маркируются выпуски самиздатовской газеты «Блюм». Здесь наблюдается шрифтовое варьирование, создающее иллюзию текстов, написанных от руки (функция натурализации, «документальности» аутентичности текстов). Графические средства в сочетании с полифоничностью изложения (происходящие в романе события представлены с позиций сразу нескольких персонажей) создают ощущение коллективного авторства текста, и, как следствие, его объективности, заведомой верифицированности.

Одним из вариантов шрифтового варьирования является капитализация (написание отдельных слов или их частей прописными буквами). В исследованном материале капитализации подвергаются названия членов той или иной «стаи» (группы): Фазаны, Крысы, Псы, Чумные Дохляки. Не являясь именами собственными (у каждого из персонажей есть кличка/имя), данные слова пишутся с большой буквы. Можно предположить, что в данном случае наименование персонажа по принадлежности к той или иной «стае» заменяет патроним (часть родового имени). Это позволяет провести параллели между взаимоотношениями обитателей дома и внутрисемейными отношениями (т.е., дом – это одна большая семья). С большой же буквы пишутся ключевые, знаковые для романа слова, перешедшие в разряд имен собственных: Дом, Лес, Изнанка, Наружность. Так подчеркивается их значимость, смысловая нагрузка.

Капитализацией отмечены отдельные языковые единицы, имеющие в тексте повышенную эмоциональную нагрузку, передающие изменение интонационного рисунка:

«— А я вот ни разу ТАМ не был. У меня это, знаешь... клаустрофобия. Мне даже в лифт нельзя...

— Да и вообще я ЕГО боюсь, — шепнул он, придвинувшись поближе. — Всякое рассказывают. Ты — молодец. Не струсил».

Приведем еще один пример: «И он сбежал. Сбежал, уже зная, что вернется, чтобы увидеть, досмотреть до конца, узнать, ЧЕМ ЭТО КОНЧИТСЯ У НИХ? Теперь он сознавал что не сможет помешать, чем бы это ни было, ему просто нужно было знать, каким оно будет». Так же, как в одном из описанных выше примеров использования курсива, капитализация в данном случае служит не только графическим, но и фонационным средством, передающим повышение тона, силы и громкости голоса, изменение тембра. Как и любое супраграфемное средство капитализация призвана акцентировать внимание читателя (замедляется чтение).

Курсивом и разрядкой отмечены голофрастические конструкции в тексте:

«— Уж позволь мне судить. — сладко улыбается Душенька. *Я-твоя-воспитательница-никогда-не-спорь-со-мной-дура!* — Позволь мне судить, кто к чему предрасположен в этом заведении, душенька».

«А потом ПРИП вообще выскакивает из бирок и резвится на свободе, топая и завывая, как взбесившийся баньши.

— Убери-с-моих-глаз-этот-безобразный-ботинок-и-сядь-как-полагается-в-присутствии-отца!

Крыса убирает ногу с подлокотника». Как отмечают исследователи, голофразис используется для «оживления повествования, вариативности использования языковых средств, каламбуров, игры словами, для семантической компрессии и обобщенности высказывания и др.». Наделение голофрастической конструкции шрифтовой спецификой усиливает их экспрессивность. Таким образом, супраграфемные средства играют «важную роль в создании экспрессивно-эмоциональных коннотаций в тексте и усилении выделительной функции текста» [\[7\]](#).

Топографемные средства в произведении М. Петросян представлены менее вариативно, чем средства шрифтового варьирования, однако, они не менее важны в процессе интерпретации текста.

Топографической особенностью романа «Дом, в котором...» является частотный интерлиньяж. Как пишет Т.Ф. Семьян, «при анализе визуального аспекта прозаического текста учитывается плотность заполнения пространства страницы» (Семьян, Т. Ф. Визуальный облик прозаического текста как литературоведческая проблема: автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Самара, 2006. С. 8). Один фрагмент текста, отделенный от другого пробелом, воспринимается как более самостоятельный, чем тот, который имеет только абзацный отступ. Дискретность текста, создаваемая за счет частотного интерлиньяжа, отражает фрагментарность как способ современного восприятия действительности. В то же время, пробелы, как и любое отклонение от стандартизированного оформления текстового массива, прагматически нагружены: они замедляют восприятие текста, разрушают автоматизм восприятия, позволяют тексту пульсировать в ритме, заданном автором. С другой стороны, дискретность текста / нарратива отражает дискретность сознания, ощущений...

К топографическим особенностям произведения М. Петросян относится и табличная форма представления информации. «Таблица – разновидность условно-графической наглядности... Благодаря лаконичности, компактности значительного объема информации, автономности и последовательной форме организации материала таблица восполняет словесный эллипс, обеспечивает обозримость, выразительность и наглядность» [3]. В конце каждой из трех книг приводятся таблицы, с помощью которых читатель может систематизировать сведения, рассыпанные по страницам романа. Также приведенные таблицы позволяют извлечь сведения, не включенные непосредственно в текст, но важные для формирования полной картины романских событий: состав каждой из пяти групп, статус отдельных персонажей (вожаков), способности некоторых обитателей Дома в плане их перемещений на его Изнанку (ходыки, прыгуны), судьба подростков после Выпуска (ушедшие в Наружность, на Другую сторону, перешедшие на другой круг и т.д.).

4-я	3-я ПТИЦЫ	2-я КРЫСЫ	6-я ПСЫ	1-я ФАЗАНЫ
Смелой XX	Стервятник J	Рыжий А	Черный А	Джин Н
Сфинкс Н	Дракон Н	Викинг Н	Филин Х	Профессор Н
Табакс J	Ангел Х	Мертвец XX	Крючок Н	Ниф Н
Лорд XX	Дронг Н	Зебра Х	Гном А	Нуф Н
Горбач Х	Конь А	Гибрид А	Валет XX	Наф Н
Македонский ?	Бабочка Х	Мартышка А	Волосач А	Плакса Х
Лэри А	Дорогуша Н	Микроб Н	Лавр ---	Кусака Н
Курильщик Н	Гупи Н	Дикобраз А	Кролик Н	Сип Н
Толстый Х	Пузырь А	Падала Н	Прыщ А	Хомяк Н
	Красавица Х	Хохотун Н	Москит А	Кит Н
	Слон Х	Белобрюх Н	Соня XX	Писюн ---
	Фигус Х	Крошка Н	Генофонд А	Пирожок ---
	Куст Х	Зелень Н	Разберусь ---	Хлюп ---
		Копун Х	Лопотун Н	Писюн Х
		Фитиль ---	Фара ---	
			Тишедедь Н	
			Ушан ---	
			Поих ---	
			Рикша Н	
			Мещочник Н	
			Ласточка Х	
		Соломон Н		

НАРУЖНОСТЬ
Ушли в Наружность — Н
Уехали на автобусе — А
Те, кого забрали еще до Ночи Сказок — ---

ДРУГАЯ СТОРОНА
Ушли на Другую Сторону (Спящие) — Х
Ушли целиком — XX
Переместились на другой круг — ...

Рис. 2. Таблица, приведенная в конце первой книги.

Характеристика табличной формы представления информации, данная Е.А. Должич относительно научного текста, релевантна и тексту художественному: «благодаря лаконичности, компактности значительного объема информации, автономности и последовательной форме организации материала таблица восполняет словесный эллипс, обеспечивает обозримость, выразительность и наглядность» [3]. Кроме того, поскольку таблица обычно используется для оформления точных, объективных данных ее использование в художественном тексте создает при восприятии последнего иллюзию

строгости, истинности, документальности.

Проведенное исследование показало, что роман М. Петросян «Дом, в котором...» отличается высокая степень представленности в нем различных параграфемных средств, за счет которых формируется уникальный визуальный облик текста. Разнообразие использованных в романе параграфемных средств (курсив, наклонный шрифт, разрядка, имитация рукописного текста, капитализация, интерлиньяж, плоскостное варьирование текста, таблицы) является естественным результатом и отражением протекающих в современном русском языке процессов, таких как усиление личностного начала, либерализация языка, стремление к языковой игре и вариативности. «Visual rhetoric can be a source of creativity and expression of individuality. It can reflect a unique style, views, ideas, and expressions of the author» [\[12\]](#). Шрифтовое и плоскостное варьирование становятся «графической риторикой» [\[6\]](#) или «визуальной риторикой» [\[11\]](#), призванной более точно интерпретировать фактуальную и концептуальную информацию, содержащуюся в тексте.

Библиография

1. Абдуазизова, Д. А. Анализ паралингвистических средств в художественном тексте // O'zbekistonda xorijiy tillar. – 2022. – № 5 (52). – С. 96-108.
2. Абдуллаева, З. М. Паралингвистика как важнейший компонент социокультурной компетенции // Вестник науки и образования. – 2021. – № 17 (120). Часть 2. – С. 57-59.
3. Должич, Е. А. Лингвистические и паралингвистические средства в научной коммуникации // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 1 (78). – С. 114-116. EDN: UQYOPK
4. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 488 с. EDN: RUSOUC
5. Ковынева, И. А. Голофрастические конструкции с точки зрения их структуры // Вестник Тамбовского университета. – 2007. – Вып. 4. – С. 31-34.
6. Кричевский, В. Типографика в терминах и образах. – Тула: Власта, 2010. – Т. 1. – 144 с.
7. Рябова, М. Ю. Параграфемные средства экспрессивности в англоязычном дискурсе моды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, вып. 2. – С. 453-457.
8. Стройков, С. А. Анализ элементов параграфематики англоязычного электронного гипертекста // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3. – С. 187-192. EDN: VYWWJB
9. Хоцкина, О. В., Ланкина, Д. С. Особенности употребления метаграфемных средств в различных типах речевых актов англоязычных блогов // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. – № 87. – С. 127-145. – DOI: 10.17223/19986645/87/7. EDN: HZTEKK
10. Чой, Чжи Ен. Способы передачи чужой речи и тип художественного повествования (на материале рассказа А. П. Чехова "Скрипка Ротшильда") // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. редакторы В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – С. 89-98.
11. Alim, M. M., & Rahim, R. S. A. Visual Rhetoric in Visual Communication: Theory and Concepts in Public Service Announcements Advertising Campaign // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. – 2021. – Vol. 11, no. 6. – P. 765-777.
12. Popova, N. V., Halstyan, V. S., Halstyan, Y. S. Visual and digital rhetoric: the experience of comprehension // The Journal of V N Karazin Kharkiv National University Series Philosophy Philosophical Peripeteias. – 2023. – P. 42-48.

13. Kazantseva, A. M., & Izanloo, Hasan. Paragraphemic Means in Advertising for Children and Teenagers // Utopía y Praxis Latinoamericana. – 2020. – Vol. 25, no. Esp. 12. – P. 432-437. – DOI: 10.5281/zenodo.4280196. EDN: PIRUDO

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают параграфемные средства в романе Мариам Петросян «Дом, в котором...». Отмечается, что «принципы построения современного текста (такие как интермедиальность, аллюзивность, ризоматичность, поликодовость, коллажность и т.д.) проявляют себя в различных лингвистических и паралингвистических феноменах, одним из которых является параграфемика». Актуальность работы аргументируется тем, что «художественное осмысление постоянно меняющейся действительности (событий, процессов, человека, межличностных отношений), требует новых форм представления результатов такого осмысления», «несмотря на немалую изученность проявлений параграфемных средств в художественных текстах, осмысление нового (свежего) материала представляется весьма актуальным», «изучение современных текстов с позиций параграфемики позволит более полно представить многообразие параграфемных средств и их функций».

Теоретической основой исследования обоснованно явились труды таких ученых, как Е. А. Должич, В. Кричевский, З. М. Абдуллаева, М. Ю. Рябова, С. А. Стройков, О. В. Хоцкина, Д. С. Ланкина, Д. А. Абдуазизова, Чжи Ен. Чой, М. М. Alim, R. S. A. Rahim и др., посвященные вопросам паралингвистики; особенностям употребления мета- и параграфемных средств; анализу паралингвистических средств в художественном тексте и пр. Библиография включает 13 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако в тексте отсутствуют ссылки на большинство источников, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые упоминаются! в тексте статьи».

Методология исследования определена поставленной целью (выявление и анализ параграфемных средств на материале романа Мариам Петросян «Дом, в котором...») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; методы структурного и дискурсивного анализа, а также собственно интертекстуальный анализ, предполагающий изучение межтекстового взаимодействия, выявление роли паралингвистических средств в выражении концептуального смысла вторичного текста на основе его связи с текстом-источником.

В ходе исследования подробно рассмотрены и проанализированы разнообразные параграфемные средства (курсив, наклонный шрифт, разрядка, имитация рукописного текста, капитализация, интерлиньяж, плоскостное варьирование текста, таблицы), за счет которых формируется уникальный визуальный облик романа М. Петросян «Дом, в котором...». Делается обоснованный вывод о том, что использование в романе параграфемных средств «является естественным результатом и отражением протекающих в современном русском языке процессов, таких как усиление личностного

начала, либерализация языка, стремление к языковой игре и вариативности».

Теоретическая и практическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с теоретическими положениями паралингвистики и параграфемии. Полученные результаты могут использоваться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по лингвистике текста, паралингвистике; в спецкурсах, посвященных современной русской литературе и пр.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Параграфемные средства в романе М. Петросян «Дом, в котором...», представленной к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования», несомненно рассматривается актуальная черта литературы постмодернизма, а именно стилистический потенциал графики. Подспудно автор касается творчества Мариам Сергеевны Петросян, армянской художницы, написавшей данный роман на русском языке. Здесь возникают сомнения – а писательство ли это или графоманство, иными словами, насколько репрезентативен данный практический материал для научной публикации, с условием того, что теоретические выкладки иллюстрируются только данным фактическим материалом?

Целью данного исследования является выявление и анализ параграфемных средств на материале романа Мариам Петросян «Дом, в котором...». Анализ какой? (стилистический? литературоведческий?).

Собственно, доминантой в работе является рассмотрение курсива, который, исходя из статьи, является основным в творчестве рассматриваемого прозаика. В связи с этим возникает вопрос – насколько научен вывод высокоуважаемого автора статьи о том, что цитирую: «Проведенное исследование показало, что роман М. Петросян «Дом, в котором...» отличается высокая степень представленности в нем различных параграфемных средств, за счет которых формируется уникальный визуальный облик текста».

О стилистических функциях курсива писали в своих работах И.В. Арнольд, В. Кухаренко; а также в ряде статей и диссертаций, о которых нет упоминания в статье (например, Глазкова «Шрифтовое варьирование...», д.к.н., Лежнева «Шрифтовое варьирование...»; или «Графика как один из стилистических приемов...» и др.), а также ряд публикаций о креолизованном тексте.

Далее автор, отходя от темы курсива, пишет о том, что «К топографическим особенностям произведения М. Петросян относится и табличная форма представления информации». Примеры отсутствуют. Поэтому недоумение вызывает заглавие статьи – так о курсиве (стилистический потенциал курсива в романе...) пишет автор или дает обзор типичных параграфемных средств? Какова их частотность в романе, насколько они типичны для данного произведения (единичный случай не может считаться типичным). Автор не приводит в статье указания какое издание книги анализируется (к тому, что во всех

прочих типографских вариантах схожее графическое обрамление?).

Если говорить в общем, автор не уделяет должного внимания стилистическому потенциалу графики в рассматриваемом романе, выводы довольно посредственны. Так, в заключении автор снова цитирует работы и ссылается на иных исследований, хотя, по нашему разумению, заключение должно резюмировать проведенную работу самого автора и в сжатой форме представлять научные результаты. Непонятно нам упоминание в заключительной части работы диссертации, которая отсутствует в библиографии (Крыжановская В. А. Эргони́мы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты: дис... канд. филол. наук. Краснодар, 2017. 241 с.). Вообще в библиографии мало собственно фундаментальных исследований, таких как диссертации и монографии по данной тематике.

Считаем, что работа требует уточнения в части библиографии, названия (в зависимости от целей работы), стилистически более глубокого анализа предлагаемых параграфемных средств, после чего, она может быть повторно рассмотрена на предмет публикации в научном журнале.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Целью рецензируемой статьи является анализ параграфемных средств на материале романа Мариам Петросян «Дом, в котором...». Параграфемика, действительно, достаточно интересный предмет изучения, хотя и работ в указанном русле как теоретического, так и практического порядка достаточно. Но, автор выбирает для анализа текст, который еще был рассмотрен с позиций указанной формации. Исследователь отмечает, что «художественное осмысление постоянно меняющейся действительности (событий, процессов, человека, межличностных отношений), требует новых форм представления результатов такого осмысления. Поэтому, несмотря на немалую изученность проявлений параграфемных средств в художественных текстах, осмысление нового (свежего) материала представляется весьма актуальным». Выбор текста мотивирован: «в романе «Дом, в котором...» представлен широкий диапазон шрифтового варьирования. Одним из самых частотных средств при этом является курсив, выполняющий в тексте различные функции. Курсивом выделяются фрагменты текста, инородные основному тексту в жанровом плане. Исповедь одного из героев (Македонского), сказки, которые рассказывают друг другу персонажи во время Самой Длинной Ночи, дневник Курильщика, инструкция Табаки (правила поведения для переселенца), песни, которые слушают и поют герои романа, стихотворения разнообразят текст не только в содержательно, но и визуально. Графическая (визуальная?) коллажность, разнородность, гетерогенность текста отражает разнообразие форм, в которых может протекать речемыслительная деятельность человека». Помимо называния / нахождения параграфем в указанном романе, автор работы определяет и их функции, что немаловажно для полноценного раскрытия темы. Иллюстративный фон достаточен, примеры, на мой взгляд, удачны: «чужая речь, всплывающая в памяти персонажа, отличается от собственной внутренней речи наличием кавычек: «Лось засмеялся и сказал, что он преувеличивает. «Они прекрасно знают, что такое Наружность и как она выглядит. Они выезжают в летние санатории каждый год. Они с удовольствием смотрят фильмы». Термины, понятия, которые используются в ходе анализа введены в оборот верно: Также, основной текст (описывающий настоящие события) и интермедийный (описывающий, казалось бы,

события прошлого) чередуются друг с другом. Естественная последовательность изложения события (когда прошедшее предшествует настоящему) нарушена. Такое чередование «обычного» и наклонного текстов является специфической супраграфемной особенностью «Дома» и позволяет интерпретировать ее как аргумент в защиту тезиса о том, что в романе представлена концепция нелинейного течения времени (события, раскрывающиеся в интермедиях, происходят параллельно с событиями, описываемыми в основном тексте)». Методология оценки художественного текста соотносится с рядом новейших наработок, противоречия не выявлены. Пиктографические вставки дают возможность наочно увидеть как Мариам Петросян использует параграфемику в своем произведении. Стил ь работы соотносится с научным типом: «К топографемным особенностям произведения М. Петросян относится и табличная форма представления информации. «Таблица – разновидность условно-графической наглядности... Благодаря лаконичности, компактности значительного объёма информации, автономности и последовательной форме организации материала таблица восполняет словесный эллипс, обеспечивает обозримость, выразительность и наглядность». Работе присуща общая логика раскрытия проблемы; цель исследования, на мой взгляд, достигнута. Тема статьи соотносится с одной из рубрик журнала, общие требования издания учтены. Выводы созвучны основной части. В финале отмечено, что «проведенное исследование показало, что роман М. Петросян «Дом, в котором...» отличается высокая степень представленности в нем различных параграфемных средств, за счет которых формируется уникальный визуальный облик текста. Разнообразие использованных в романе параграфемных средств (курсив, наклонный шрифт, разрядка, имитация рукописного теста, капитализация, интерлиньяж, плоскостное варьирование текста, таблицы) является естественным результатом и отражением протекающих в современном русском языке процессов, таких как усиление личностного начала, либерализация языка, стремление к языковой игре и вариативности» и т.д. Думаю, что материал можно использовать в рамках изучения ряда гуманитарных дисциплин. Рекомендую статью «Параграфемные средства в романе М. Петросян «Дом, в котором...» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шкляева П.Д., Чикина Е.Е. Семиотическое изучение предлога *on* в современном английском языке //

Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74099 EDN: BHGIVE URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74099

Семиотическое изучение предлога *on* в современном английском языке

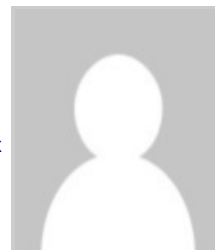
Шкляева Полина Денисовна

ORCID: 0009-0006-7932-5335

ассистент; кафедра иностранных языков профессиональной коммуникации; Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
магистр; кафедра второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам;
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

600001, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Офицерская, д. 1а к. 1, кв. 56

✉ polinashklyeva1709@gmail.com

Чикина Елена Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-3000-7804

доктор филологических наук

доцент; кафедра второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам;
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

✉ despoyna@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74099

EDN:

BHGIVE

Дата направления статьи в редакцию:

14-04-2025

Аннотация: Исследование посвящено семиотическому анализу предлога *on* в современном английском языке, охватывая его семантические, синтаксические и прагматические характеристики в контексте сложных знаковых систем. Материалом послужили данные корпусов British National Corpus (BNC) и Corpus of Contemporary

American English (COCA), а также словарей Oxford и Cambridge, что позволило выявить закономерности употребления *on* в разнообразных контекстах: пространственных, временных, абстрактных и причинно-следственных связях. Анализ показал, что семантика *on* зависит от сочетаемости с существительными, глаголами и прилагательными, а его прагматическая функция часто связана с передачей логических или культурно-специфических отношений. Комплексный подход к данным корпусной лингвистики и лексикографических источников выявил многозначность *on*, обусловленную контекстуальными и когнитивными факторами, что подтверждает его роль как ключевого элемента в структурировании англоязычного дискурса. Основными методами исследования, обусловленными необходимостью выявления семантических, синтаксических и прагматических особенностей реализации предлога *on*, являются семантический, контекстуальный и прагматический анализ. Кроме того, для обработки материала привлекались табличный, обобщающий, описательный и ретроспективный методы. К основным выводам исследования относится выявление базового компонента семантики предлога *on* – постулирование временного или пространственного контакта с объектом. Этот базовый компонент сохраняется во всех видах реализации языкового знака *on* – в его иконической, индексальной и символической формах. Вторично-ассоциативные ментальные схемы, возникающие на основе базового компонента семантики *on* реализуются в семиотическом пространстве сложных знаков идиом и фразовых глаголов. Авторы выявляют следующие вторичные семантические модели: циклического действия, максимального предела близости к какому-либо состоянию или событию, достижения максимально возможного потенциала, непрерывного продолжающегося действия, активации чего-либо / перевода в рабочее состояние, максимально оптимальной локализации субъекта. Функционирование языкового знака *on* в качестве частицы при фразовом глаголе, предлога и наречия показывает его способность образовывать в рамках сложных знаков отношения семантической парадигматики, синтаксической парадигматики и нарративной синтактики соответственно. Контрастивное сравнение предлога *on* с предлогами, способными участвовать в образовании сходных синтаксических конструкций способно выявлять его языковые и прагматические пресуппозиции.

Ключевые слова:

семиотика, семантика, прагматика, синтактика, английский язык, предлог, языковой знак, ментальная схема, парадигматика, пресуппозиция

Введение

В рамках когнитивной лингвистики предлоги рассматриваются как языковые единицы, кодирующие пространственные отношения между сущностями, которые затем расширяются на абстрактные области посредством концептуальных метафор и схем образа. Такой подход позволяет систематически объяснить полисемию предлогов.

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью *on* в формировании пространственных, временных и метафорических смыслов, что способствует углублению понимания полисемии в когнитивной лингвистике и коммуникативных стратегий носителей языка. Объектом исследования является предлог *on* в контексте его употребления в корпусах современного английского языка (British National Corpus, Corpus of Contemporary American English), а предметом – его семантические, прагматические и синтаксические характеристики, включая его полисемию и

семиотические функции.

Цель исследования заключается в выявлении семантических, прагматических и синтаксических особенностей функционирования предлога *on* в современном английском языке с применением семиотического подхода. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Провести семиотический и семантический анализ значений *on* на основе корпусных данных.
2. Выявить пространственные, временные и вторично-ассоциативные значения *on* в различных контекстах.
3. Сравнить употребление *on* с предлогами *in* и *at* для уточнения их семантических и прагматических различий.
4. Описать синтаксическую роль *on* в составе фразовых глаголов, идиом и свободных словосочетаний.

Новизна исследования заключается в комплексном применении семиотического подхода к анализу *on*, что позволило систематизировать его индексальные, иконические и символические функции, а также подробно описать его синтаксическую вариативность в современных корпусах.

В большинстве мировых языков предлоги, несмотря на их небольшой формальный объём, играют существенную роль в организации синтаксических связей и обеспечении точности выражения мысли. Как отмечает Сирик М. А. [7], предлоги функционируют как незаменимые связующие звенья, определяя отношения между объектами, действиями и явлениями. Ханapieва А. Х. и Маллаева З. М. [8] обращают внимание на то, что посредством предлогов создаётся сложная система смысловых связей, что подтверждается и анализом в работах Жуковой А. О. [3]. Их исследования подчеркивают прагматические аспекты употребления предлогов, акцентируя их роль в коммуникативных стратегиях, что особенно важно для анализа предлога *on* в различных контекстах. При этом различные авторы, включая Егорову В. и Задобровскую О. [15] указывают, что английские предлоги часто трактуются как пространственные модификаторы движения, а Чон Э. [16] и Маканбет З. [17] демонстрируют их роль в формировании семиотического пространства фразовых глаголов. Эти ученые предложили кросс-лингвистические подходы, сравнивая функционирование предлогов с аналогичными предлогами в других языках, что обогатило понимание их универсальных и специфичных черт. В исследовании Заима М. и Тахара Х. [18] подчёркивается, что ментальные схемы, актуализирующиеся при употреблении фразовых глаголов, базируются на пространственно-кинетическом опыте носителей языка, что дополняется представлением Арнхайма Р. [19] о ментальных ассоциациях, выходящих за рамки непосредственно воспринимаемого. Арнхайм рассматривал предлоги как знаки, способные передавать культурно-исторические смыслы, что особенно актуально для семиотического анализа *on*.

Особую значимость приобретает предлог *on*, охватывающий широкий спектр значений – от конкретных пространственных отношений до абстрактных понятийных категорий. По мнению Байшевой Г. Г. и Гурина В. В. [1] многозначность *on* обуславливается историческим развитием английского языка, в ходе которого он конкурировал с такими предлогами, как *in*, *at*, *to*, *against*. Они исследовали функционально-семантические особенности предлогов, выделяя их роль в создании связности текста и выражении

пространственных и абстрактных отношений, а также прослеживая как он приобрел временные и метафорические значения. В работах Жуковой А. О. [3] и Гречухиной З. Р. [2] подчёркивается, что семиотический подход позволяет рассматривать он не только как функциональную языковую единицу, но и как знак с культурно-историческим наполнением, что открывает возможности для глубокого анализа его функционирования в коммуникативном процессе. М. А. Калюга [4] в своей работе акцентировала внимание на синтаксических функциях предлогов, анализируя их взаимодействие с глаголами в сложных конструкциях, а М. Р. Адизова [20] исследовала влияние региональных и стилистических факторов на выбор предлогов в речи. Эти исследования дают прочную основу для анализа особенностей функционирования предлога он. Цель данного исследования заключается в выявлении семантических, прагматических и синтаксических особенностей функционирования предлога он в современном английском языке.

Методы исследования

Настоящее исследование основывается на семиотической методологии, рассматривающей язык как систему знаков, где каждая единица передаёт определённое значение и выполняет свою функцию. Анализ опирается на корпусные данные British National Corpus [11] и Corpus of Contemporary American English [10], что позволило выявить реальные примеры употребления он в различных контекстах. Оксфордский [13] и Кембриджский [12] словари, а также другие авторитетные источники, например, работы Thompson D. [14] использовались для определения вариативности значений предлога он.

Исследование включает семиотический и семантический анализ, в ходе которого предлог он рассматривается как знак, смысл которого варьируется в зависимости от контекста. Прагматический анализ, о котором свидетельствуют работы Молчановой А. С. и Николашиной Е. А. [6], позволяет проследить функциональное использование он в конкретных коммуникативных ситуациях. Кроме того, при анализе использованы табличный, описательный и ретроспективный методы, что способствовало систематизации полученной информации и её наглядному представлению.

Обсуждение результатов исследования

Исторический анализ показывает, что предлог он имеет древнеанглийские корни и развивался параллельно с такими предлогами, как in, at, to и against. Лутфуллина Г. Ф. и Савинов С. С. [5] указывают, что на ранних этапах формирования языка он использовался для обозначения поверхностного контакта, однако с течением времени его значение расширилось до обозначения абстрактных состояний. Таким образом, в высказывании «The book is on the table» предлог он не только указывает на физическое положение предмета, но и подразумевает наличие конкретной опорной поверхности, как отмечают Калюга М. А. [4] и Сирик М. А. [7].

Также исследование выявило, что он обладает функцией визуализации положения объектов, создавая ментальную картинку, что также отмечено в работах Ханapieвой А. Х. и Маллаевой З. М. [8], а также Davies M. [10]. В примере «The train is traveling on the tracks» он не только фиксирует местоположение поезда, но и иллюстрирует линейное движение, что подчёркивается в исследованиях Жуковой А. О. [3] и Ходжагельдыева Б. Д. с Шуруповой О. С. [9]. В свою очередь, в примере «The picture is on the wall» наблюдается иконическое изображение: стена представляется как плоскость, а картина

занимает на ней определённое место – это подтверждается выводами Гречухиной З. Р. [2].

Функция символа проявляется, например, в выражении «to be on duty», где он обозначает не физическое присутствие, а состояние или процесс, что подчёркивают работы Заима М. и Тахара Х. [18] и Байшевой Г. Г. с Гурином В. В. [1].

Для наглядного представления результатов исследования были составлены таблицы, отражающие типологию ментальных схем, семантико-прагматические особенности и синтаксические функции предлога on. Таблица 1 демонстрирует типы ментальных схем, связанных с on. В пространственной схеме (например, «The book is on the table») on обозначает контакт с поверхностью; в временной схеме (например, «We will meet on Monday») – конкретную точку на временной шкале; а во вторично-ассоциативной схеме (например, «He is on duty») – переносное значение, связанное с состоянием или процессом.

Таблица 1. Типология ментальных схем в семантике предлога on

Подвид	Пример использования	Форма выражения	Смысловая нагрузка
Пространственная схема	The book is on the table.	Контакт с поверхностью	Описывает прямое соприкосновение объекта с какой-либо поверхностью
	He lives on an island.	Расположение на объекте или месте	Указывает на территориальную принадлежность или нахождение сверху
	They walked on the grass.	Движение по поверхности	Демонстрирует движение по плоскости, без ухода вглубь
Временная схема	We will meet on Monday.	Конкретный день или дата	Указывает точку на временной шкале
	The show is on at 8 pm.	Событие определённый момент	Сообщает о конкретном временном промежутке или моменте
Вторично-ассоциативная схема	A book on history.	Предмет обсуждения или темы	Отражает содержание, посвящённое какой-либо тематике
	He is on duty.	Состояние или процесс	Определяет принадлежность к определённому виду деятельности
	She is on the phone.	Использование коммуникационных средств	Подразумевает «нахождение» в процессе разговора

Включение («в том числе») символических значений on проясняется при рассмотрении примеров из реального употребления. Так, во фразе The train is traveling on the tracks мы видим, что on не только показывает местоположение, но также обеспечивает визуализацию движения вдоль чётко обозначенной линии. Присутствует наглядная ментальная картина: поезд «идёт» строго в пределах рельсов, а on связывает объект «поезд» с линией «пути» в единую схему направленного перемещения.

Аналогичный пример можно наблюдать в предложении The picture is on the wall, где on формирует образ соприкосновения вертикальной плоскости (стена) и объекта (картина).

В таблице 2 представлены семантико-прагматические особенности использования *on* в устойчивых выражениях, таких как идиомы («*on and off*», «*on cloud nine*») и фразовые глаголы («*carry on*», «*turn on*», «*count on*»).

Таблица 2. Семантико-прагматические особенности использования *on*

Форма выражения	Пример	Семантика	Вторичные ментальные схемы
Идиомы	<i>on and off</i>	«время от времени»	Сравнивается с переключателем, переходящим из состояния «вкл» в «выкл» и обратно
	<i>on the verge of</i>	«на грани, на пороге события»	Сигнализирует о критической близости к достижению чего-либо
	<i>on cloud nine</i>	«на седьмом небе от счастья»	Создаёт метафору «максимально высокой точки»
Фразовые глаголы	<i>carry on</i>	«продолжать, не останавливаться»	Указывает на безостановочное действие
	<i>turn on</i>	«включать»	Ассоциируется с процессом активации (запуск устройства или состояния)
	<i>count on</i>	«полагаться на кого-то, рассчитывать на что-то»	Показывает локализацию доверия или зависимости на воображаемой «поверхности»

При этом каждая цитата сопровождается указанием фамилии автора, высказавшего соответствующую мысль, что позволяет избежать обобщённых ссылок в конце абзаца. Таблица 3 иллюстрирует синтаксические особенности функционирования *on* в составе сложных языковых единиц: как части фразового глагола (например, «*He turned the light on*»), так и самостоятельного предлога (например, «*The book is on the table*») или наречия (например, «*Go on, tell me more!*»).

Таблица 3. - Синтактика *on* в составе сложных языковых единиц

Часть речи	Пример	Синтаксическое взаимодействие	Семиотические особенности
Фразовый глагол	<i>He turned the light on.</i>	<i>on</i> входит в глагольную конструкцию, задавая дополнительное значение «включения»	<i>on</i> участвует в создании отдельной семантической единицы (« <i>turn on</i> » в значении «включить»), формирует образ активации
Предлог	<i>The book is on the table.</i>	указывает на пространственный контакт в рамках свободного словосочетания	<i>on</i> придаёт фразе идею «соприкосновения» объекта с поверхностью
Наречие	<i>Go on, tell me more!</i>	выступает в качестве частицы, побуждающей к действию «продолжить»	<i>on</i> функционирует как компонент мотивации к действию или перехода к следующему шагу

Сравнительный анализ употребления *on* с предлогами *in* и *at* выявляет, что несмотря на кажущуюся взаимозаменяемость, они имеют различия в значениях. Например, *in*

подчёркивает включённость в коллектив или внутреннюю принадлежность («in the team», «in the list»), в то время как он указывает на формальное членство или позиционирование («on the team», «on the list»). Такие различия подробно описаны в работах Молчановой А. С. и Николашиной Е. А. [6] и подтверждаются исследованиями британских и американских корпусов [10, 11].

Таблица 4. Контекстуальные особенности on по сравнению с in и at

Контрастивная пара	Форма выражения	Специфика семантики
on/in	on/in the team	in подчёркивает включённость в коллектив как часть единого целого, on в некоторых контекстах создаёт образ «нахождения в составе» более формально
	on/in the list	on the list чаще воспринимается как позиционирование себя в перечне, in the list – как «среди» перечисленных элементов
on/at	on/at the station	on the station может употребляться в североамериканском варианте, подразумевая нахождение на территории вокзала; at the station указывает точное местоположение в узком смысле
	on/at the weekend	on the weekend более характерно для американского английского, at the weekend – для британского; оба описывают временной промежуток, но оттенки восприятия могут быть разными

В результате становится ясно, что on играет многокомпонентную функцию, одновременно участвуя в создании пространственных, временных и вторично-ассоциативных смыслов. Он способен задействовать визуальный опыт говорящего (упрощённая картина с линиями и поверхностями), формировать метафорические значения (on duty – «на службе» в переносном смысле «в процессе выполнения обязанностей») и служить элементом синтаксических конструкций, где он может переключаться из предлога в наречие или фразовую частицу.

Выводы

Проведённый анализ свидетельствует о том, что предлог on сохраняет свою древнюю основу, связанную с идеей «контакта» или «поверхности», но при этом обрёл широкую сеть метафорических и символических значений. Его многозначность проявляется в пространственных, временных и вторично-ассоциативных употреблениях, а корпусные исследования подтверждают высокую активность on в устных и письменных жанрах современного английского языка.

Семиотический подход даёт возможность рассматривать on как единицу, обладающую индексальными (прямое указание на местоположение), иконическими (формирование наглядных образов контакта или движения) и символическими (фиксация абстрактных состояний и процессов) функциями. Каждая из этих функций раскрывается через конкретные синтаксические и прагматические модели: фразовые глаголы, идиоматические выражения, свободные словосочетания.

Кроме того, сопоставление on с in и at позволяет выявить важные пресуппозиции и уточнить границы их употребления. На выборе предлога часто сказываются такие факторы, как речевой регистр, региональные нормы, контекст и стилистические предпочтения говорящих.

Понимание описанных семиотических свойств *on* представляет значительный интерес для дальнейших исследований в сфере когнитивной лингвистики и теории знака, поскольку позволяет глубже проникать в механизмы формирования значений, а также точнее описывать механизм взаимодействия грамматических и лексических элементов в английском языке. Расширение методики, использованной для анализа *on*, применительно к другим предлогам, способно дать новые перспективы для классификации их полисемии и особенностей функционирования в речи.

Проведённое исследование демонстрирует, что предлог *on* в современном английском языке обладает сложной полисемией. Его базовое значение, связанное с контактированием с поверхностью, расширяется за счёт включения временных, метафорических и символических смыслов. Как показывают Байшева Г. Г. и Гурин В. В. [1], а также Лутфуллина Г. Ф. и Савинов С. С. [5], на историческом этапе *on* конкурировал с другими предлогами, однако эволюция языка привела к его широкому распространению в различных контекстах.

Семиотический подход позволяет рассматривать *on* как знак, обладающий индексальными, иконическими и символическими функциями. Индексальная функция реализуется в указании на конкретное положение (например, «The book is on the table»), иконическая – в создании наглядного образа движения или контакта (например, «The train is traveling on the tracks»), а символическая – в обозначении состояния или процесса (например, «to be on duty»). Наряду с этим, анализ синтаксических конструкций показывает, что *on* может выступать как самостоятельный предлог, как часть фразового глагола или даже как наречие, что подчёркивают исследования Жуковой А. О. [3] и Гречухиной З. Р. [2].

Сопоставление *on* с предлогами *in* и *at* выявляет тонкие различия в их употреблении, что подтверждается анализом корпусных данных и лексикографическими сравнениями как отмечено в работах Молчановой А. С. и Николашиной Е. А. [6]. Таким образом, изучение предлога *on* позволяет глубже понять механизмы формирования смысловых связей в языке, а также расширить представление о взаимодействии лингвистических единиц в процессе коммуникации.

Библиография

1. Байшева Г. Г., Гурин В. В. Многозначность английских предлогов // Академическая публицистика. 2019. № 11. С. 243-251. EDN: WNDLHD.
2. Гречухина З. Р. Взаимодействие значения предлога и контекста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 106-116. DOI 10.18384/2310-712X-2021-1-106-116. EDN: EZDQPB.
3. Жукова А. О. К проблеме исследования многозначности предлогов (на материале английского языка) // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. А. А. Куляшова. 2022. № 2(60). С. 112-117.
4. Калюга М. А. Применение когнитивной лингвистики при объяснении употребления иностранных предлогов // Вестник ВятГУ. 2021. № 4. С. 79-87.
5. Лутфуллина Г. Ф., Савинов С. С. Выражение категории предшествования предлогами и союзами в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 2. С. 496-502. DOI: 10.30853/phil20240071. EDN: AAASXM.
6. Молчанова А. С., Николашина Е. А. Особенности восприятия предлогов места в английском и русском языках // Актуальные вопросы изучения иностранного языка в вузе. 2021. С. 244-247. EDN: MEMMNP.
7. Сирик М. А. Роль предлогов в английском языке // Modern science. 2019. № 6-1. С. 72-

77.

8. Ханapieва А. Х., Маллаева З. М. Функционально семантический анализ пространственных предлогов английского языка // *Мировая наука*. 2020. № 7 (40). С. 131-134. EDN: GBMLBI.
9. Ходжагельдыев Б. Д., Шурупова О. С. К проблеме английских предлогов // *Современный английский язык в лингвистическом, филологическом и лингводидактическом аспектах*. 2020. С. 47-51. EDN: SMUAVI.
10. Davies M. *The Corpus of Contemporary American English (COCA): 1 billion words, 1990-2022* [Электронный ресурс]. 2024. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>.
11. British National Corpus. Version 4.0 [Электронный ресурс]. Oxford: Oxford University Press, 2007. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.
12. McIntosh C. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 1856 с.
13. *Oxford Dictionary of English*. New ed of 2 revised. Oxford: Oxford University Press, 2005. 2112 с.
14. Thompson D. *Oxford Russian Dictionary: Russian-English/English-Russian*. 4th revised ed. Oxford: Oxford University Press, 2007. 1322 с.
15. Егорова В., Задобриwская О. Container Scheme-Image and Its Types: English Phrasal Verbs of Cognitive Activity // *SibScript*. 2023. № 25. С. 433-440.
16. Чон Э. Phrasal Verbs with "Around" and "About" as a Grammatical Pattern // *Korean Journal of English Language and Linguistics*. 2024. Т. 24. С. 62-85.
17. Маканбет З. Linguistic Features of Phrasal Verbs in English // *Eurasian Science Review An International Peer-Reviewed Multidisciplinary Journal*. 2024. 2(6). С. 723-732.
18. Заим М., Тахар Х. The Role of Image Schemas in Interpreting English Phrasal Verbs: A Philosophical and Linguistic Perspective // *Pioneer: Journal of Language and Literature*. 2024. 16(1). С. 63-79.
19. Арнхайм Р. *Visual Thinking*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2020. 345 с.
20. Адизова М. The Role of Phrasal Verbs in Phraseology // *Middle European Scientific Bulletin*. 2021. № 2. С. 20-24. DOI: 10.47494/mesb.2021.2.157. EDN: ZTAZCV.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают семантические, прагматические и синтаксические особенности функционирования предлога *on* в современном английском языке. Актуальность работы обусловлена возросшим интересом лингвистической науки к семантической стороне языковых явлений и к проблематике предлогов, играющих существенную роль в организации синтаксических связей и обеспечении точности выражения мысли, а также недостаточной разработанностью теории многозначных предлогов. Как отмечают автор(ы), «особую значимость приобретает предлог *on*, охватывающий широкий спектр значений – от конкретных пространственных отношений до абстрактных понятийных категорий», что обосновывает выбор предлога *on* в качестве объекта изучения.

Теоретической основой исследования выступили научные труды по многозначности английских предлогов, их функционально-семантическому анализу, взаимодействию значения предлога и контекста таких российских и зарубежных ученых, как З. Р. Гречухина, Г. Г. Байшева, В. В. Гуриwн, М. А. Калюга, А. Х. Ханapieва, З. М. Маллаева, А.

О. Жукова, М. Р. Адизова, Арнхайм, З. Маканбет, Э. Чон и др. Библиография статьи насчитывает 20 источников, в т.ч. лексикографических, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. В дальнейшем не рекомендуем автору(ам) апеллировать в выводах к другим исследованиям, так как в этом случае непонятно авторство полученных результатов («Сопоставление *оп* с предлогами *in* и *at* выявляет тонкие различия в их употреблении, что подтверждается анализом корпусных данных и лексикографическими сравнениями (см. работы Молчановой А. С. и Николашиной Е. А. [6])»).

Методологическую базу исследования составили методы словарной выборки и компонентного анализа, сопоставительный метод, прагматический («позволяет проследить функциональное использование предлога *оп* в конкретных коммуникативных ситуациях»), табличный, описательный и ретроспективный методы («что способствовало систематизации полученной информации и её наглядному представлению»), семиотический и семантический анализ («в ходе которого предлог *оп* рассматривается как знак, смысл которого варьируется в зависимости от контекста») и др. Выбор методов оправдан и соответствует цели и задачам работы. Анализ опирается на корпусные данные British National Corpus и Corpus of Contemporary American English, что позволило выявить реальные примеры употребления предлога *оп* в различных контекстах. Оксфордский и Кембриджский словари, а также другие авторитетные источники использовались для определения вариативности значений предлога *оп*.

В ходе исследования рассмотрены семантико-прагматические и контекстуальные особенности предлога *оп*, типология его ментальных схем и синтаксические функции. Для наглядного представления полученных результатов составлены соответствующие таблицы. Сформулированы выводы о том, что предлог *оп* «играет многокомпонентную функцию, одновременно участвуя в создании пространственных, временных и вторично-ассоциативных смыслов. Он способен задействовать визуальный опыт говорящего, формировать метафорические значения и служить элементом синтаксических конструкций, где может переключаться из предлога в наречие или фразовую частицу»; «изучение предлога *оп* позволяет глубже понять механизмы формирования смысловых связей в языке, а также расширить представление о взаимодействии лингвистических единиц в процессе коммуникации».

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в развитие общей теории «категории предлога» и проблемы многозначности предлогов. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по семасиологии, теории языка, лексикологии и лексикографии.

Стиль работы отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию, логика исследования четкая. Однако объем рукописи слишком мал для раскрытия темы, особенно в теоретической части: обзор научной литературы по теме представлен очень сжато.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В качестве методов используются семиотический, семантический и прагматический анализ, дополненный табличным, описательным и ретроспективным методами.

при анализе использованы табличный, описательный и ретроспективный метод.

Материалом для исследования послужили корпуса современного английского языка.

В основной части автор последовательно доказывает развитие у предлога 'on' новых, то есть первоначально отсутствующих, абстрактных значений, связанных с движением и процессом. Приводятся также примеры контрастивных пар предлогов из парадигмы предлогов места ('in' и 'at').

Автор выделяет помимо пространственного значения временное и вторично-ассоциативное. Подчеркивается, что предлог 'on' способен задействовать визуальный опыт говорящего (упрощённая картина с линиями и поверхностями), формировать метафорические значения и служить элементом синтаксических конструкций, где он может переключаться из предлога в наречие или фразовую частицу.

В результате такого комплексного анализа автор делает вывод о том, что «предлог on в современном английском языке обладает сложной полисемией. Его базовое значение, связанное с контактированием с поверхностью, расширяется за счёт включения временных, метафорических и символических смыслов». При этом с точки зрения семиотики постулируется, что «семиотический подход позволяет рассматривать on как знак, обладающий индексальными, иконическими и символическими функциями. Индексальная функция реализуется в указании на конкретное положение, иконическая – в создании наглядного образа движения или контакта, а символическая – в обозначении состояния или процесса. Наряду с этим, анализ синтаксических конструкций показывает, что on может выступать как самостоятельный предлог, как часть фразового глагола или даже как наречие».

Автор последовательно доказывает свои утверждения ссылками на обширную теоретическую базу, а также иллюстрирует выводы примерами, поэтому данные, полученные в ходе исследования, можно считать достоверным.

Стиль статьи научный, информация представлена объективно, выводы обоснованы результатами исследования.

Объём статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные исследования по данной теме.

Однако, автор недостаточно четко очертил цель и задачи исследования, а также не упомянул предмет, объект, актуальность и новизну исследования.

Таким образом, можно заключить, что статья «Семиотическое изучение предлога on в современном английском языке» представляет собой научно-исследовательскую работу, которая вносит вклад в изучение когнитивной лингвистики и современного английского языка. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования» после добавления указанных выше недостающих разделов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования рецензируемой статьи является предлог «on» в контексте его употребления в корпусах современного английского языка, предметом – «его семантические, прагматические и синтаксические характеристики, включая его

полисемию и семиотические функции». На мой взгляд, тема работы интересна, дискуссионна; актуальность исследования «обусловлена ключевой ролью *on* в формировании пространственных, временных и метафорических смыслов, что способствует углублению понимания полисемии в когнитивной лингвистике и коммуникативных стратегий носителей языка». Автор работы обозначает, что «цель исследования заключается в выявлении семантических, прагматических и синтаксических особенностей функционирования предлога *on* в современном английском языке с применением семиотического подхода». Считаю, что методологическая основа труда современна, конструктивна, обдуманна. В целом статьи соотносится с жанром научного изыскания, базовые требования учтены. Стоит признать, что новизна работы «заключается в комплексном применении семиотического подхода к анализу *on*, что позволило систематизировать его индексальные, иконические и символические функции, а также подробно описать его синтаксическую вариативность в современных корпусах». Автору удалось фактически систематизировать имеющийся опыт, обобщить и высветить собственно свой взгляд на проблему. Считаю, что вариант аргументаций верен; ссылки и цитации даются в объективном, точно формате. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «В большинстве мировых языков предлоги, несмотря на их небольшой формальный объём, играют существенную роль в организации синтаксических связей и обеспечении точности выражения мысли. Как отмечает Сирик М. А. [7], предлоги функционируют как незаменимые связующие звенья, определяя отношения между объектами, действиями и явлениями», или «Особую значимость приобретает предлог *on*, охватывающий широкий спектр значений – от конкретных пространственных отношений до абстрактных понятийных категорий. По мнению Байшевой Г. Г. и Гурина В. В. [1] многозначность *on* обуславливается историческим развитием английского языка, в ходе которого он конкурировал с такими предлогами, как *in*, *at*, *to*, *against*. Они исследовали функционально-семантические особенности предлогов, выделяя их роль в создании связности текста и выражении пространственных и абстрактных отношений, а также прослеживая как *on* приобрел временные и метафорические значения» и т.д. Наличного текста достаточно для раскрытия темы; работе присуща выверенная логика наррации, термины / понятия, используемые в ходе исследования, унифицированы. Фактических примеров достаточно: «Сравнительный анализ употребления *on* с предлогами *in* и *at* выявляет, что несмотря на кажущуюся взаимозаменяемость, они имеют различия в значениях. Например, *in* подчёркивает включённость в коллектив или внутреннюю принадлежность («*in the team*», «*in the list*»), в то время как *on* указывает на формальное членство или позиционирование («*on the team*», «*on the list*»)». Удачно, на мой взгляд, наработанный опыт обобщен в виде таблиц (визуальный план). Автор приходит к выводу, что «предлог *on* сохраняет свою древнюю основу, связанную с идеей «контакта» или «поверхности», но при этом обрёл широкую сеть метафорических и символических значений. Его многозначность проявляется в пространственных, временных и вторично-ассоциативных употреблениях, а корпусные исследования подтверждают высокую активность *on* в устных и письменных жанрах современного английского языка» и далее. Думаю, материал может быть активно применен в ходе изучения английского языка, при этом перспективно исследование функционирования предлога «*on*» в речи и далее. Основная цель работы достигнута, задачи решены. Рекомендую статью «Семиотическое изучение предлога *on* в современном английском языке» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зенединова С.Н., Долгополова Л.А. Модальные и полумодальные глаголы в немецком новостном тексте //

Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.73972 EDN: BFDBCI URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73972

Модальные и полумодальные глаголы в немецком новостном тексте

Зенединова Сание Наримановна

аспирант; кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации; Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295000, Россия, респ. Крым, г. Симферополь, ул. Лютфие Софу 21

✉ z.saniye.n@gmail.com

Долгополова Лилия Анатольевна

ORCID: 0000-0003-1327-2454

доктор филологических наук

зав. кафедрой; кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации; Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295044, Россия, респ. Крым, г. Симферополь, ул. Бастионная, д. 41

✉ Lilian2000@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.73972

EDN:

BFDBCI

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2025

Аннотация: Статья посвящена выявлению специфики функционирования модальных и полумодальных глаголов в медийных текстах. Предметом исследования являются структурно-семантические особенности модальных и полумодальных глаголов современного немецкого языка. Объектом исследования являются глаголы, выражающие модальность. Материалом для исследования послужила статья центрального новостного веб-портала немецкой вещательной организации ARD

Tagesschau, опубликованная 04.03.2025 г. Задачи исследования: установить состав модальных глаголов, участвующих в создании текста; определить виды модальных и полумодальных глаголов; выявить структурные и семантические особенности модальных и полумодальных глаголов; установить их роль в создании модальности новостного текста в целом. Авторы подробно рассматривают семантические возможности глаголов *sollen*, *wollen*, *müssen*. Особое внимание уделяется функционированию полумодальных глаголов *brauchen* и *scheinen*. Теоретической базой интерпретации модальности послужили работы немецких лингвистов Г. Хельбига и И. Буши, авторского коллектива редакции Дуден и др. Отметим также работу Е. В. Боднарук, посвященную систематизации значений и областей употребления модальных глаголов немецкого языка. Методы, используемые при написании работы: интертекстуальный и концептуальный анализ. Материалом исследования является новостной текст веб-портала. Новым является выявление специфики функционирования и выбора глаголов для создания модальности текста. Выявлено участие в новостном тексте всех глаголов, которые традиционно причисляются к модальным в современном немецком языке. Установлено, что, согласно, семантике текста в целом, в нем чаще всего употребляются глаголы с деонтической модальностью необходимости *müssen* и со значением намерения *wollen*. В структурном плане отмечено употребление модальных глаголов *müssen*, *dürfen*, *können* в форме *Konjunktiv Präsens* со значением необходимости, предположения и невозможности. В предложениях с глаголом *müssen* выявляется реализация деонтического значения. Выявлено употребление глагола *brauchen* в модальном значении в сочетании с субстантивированным глаголом, что свидетельствует о расширении его синтагматики.

Ключевые слова:

модальность, модальные глаголы, полумодальные глаголы, объективная модальность, деонтическая модальность, субъективная модальность, эвиденциальная модальность, модальность текста, новостной текст, медийный текст

Введение

Модальность на протяжении развития научной мысли была и остается объектом различных дисциплин, в первую очередь, логики, философии, психологии, языкознания и др. В лингвистике модальность является одной из наиболее сложных категорий в виду своей неоднозначности. Перевод модальности в междисциплинарное понятие дает возможность ее более широкой интерпретации. В то же время, трансформация условий коммуникации способствует изменению языковых средств выражения, в том числе и своего отношения к происходящему.

В лингвистике модальность рассматривают как отношения, которые складываются между субъектом предложения и действием, выраженным инфинитивом (объективная / деонтическая модальность) или отношения говорящего к выраженному субъектом и инфинитивом высказыванию (субъективная модальность) [\[9, с. 273-274\]](#).

Историческую эволюцию модальности можно увидеть в развитии языковых систем на протяжении веков. В Древней Греции модальность в первую очередь выражалась через маркеры настроения, которые указывали на отношение говорящего к действию или состоянию, описанному в предложении. Эти маркеры настроения были тесно связаны с глагольными формами, позволяя говорящим передавать нюансы возможности,

необходимости или неопределенности.

По мере развития языков модальность начала охватывать более широкий спектр значений и функций. Так, в средневековой латыни модальные глаголы появились как отдельная категория, предоставляя говорящим более эффективный способ выражения своих взглядов и убеждений. Этот сдвиг обеспечил большую гибкость и точность в передаче модальности, проложив путь к развитию современных грамматических структур.

Во второй половине прошлого века внимание ученых было сосредоточено на исследовании неоднородности модальности. Было установлено, что модальность может быть представлена в виде бинарной (объективная / субъективная; эпистемическая / неэпистемическая и др.) или трехчленной оппозиции (алетическая / эпистемическая / деонтическая), что значительно расширило представление ученых о природе модальности, многообразии средств ее вербализации.

Сегодня в фокусе изучения феномена модальности находятся вопросы ее видов [\[4\]](#), средств выражения [\[5\]](#). Модальность анализируется в рамках отдельных языков [\[2\]](#), на материале различных текстов [\[3; 4\]](#). Появление электронной формы коммуникации стало толчком к изучению реализации модальности в цифровой среде [\[5; 6; 8\]](#).

Цель данной статьи – установление структурно-семантических особенностей употребления модальных и полумодальных глаголов немецкого языка в новостном тексте веб-портала.

Методология

Теоретической базой интерпретации модальности послужили работы немецких лингвистов Г. Хельбига и И. Буши [\[9\]](#), авторского коллектива редакции Дуден [\[11\]](#) и др. Отметим также работу Е. В. Боднарук, посвященную систематизации значений и областей употребления модальных глаголов немецкого языка [\[1\]](#).

Практическая часть исследования базируется на материале текста „*Wie die SPD den Neustart wagen will*“ центрального новостного веб-портала немецкой вещательной организации ARD Tagesschau [\[14\]](#), опубликованного 04.03.2025 и информирующего о последствиях выборной кампании для правящей партии СДПГ.

Исследование и результаты

Известно, что модальность может принимать различные значения и толкования в зависимости от контекста, в котором она используется. Она позволяет выражать широкий спектр отношений, включая возможность, необходимость, способность, разрешение и волю. Однако средства выражения модальности могут различаться в разных языках и даже в разных диалектах одного и того же языка.

Современный немецкий язык располагает 6 традиционными модальными глаголами; глаголами, тяготеющих к модальным, как *lassen*, *heißen* и др., и полумодальными глаголами, известными также как квазимодальные слова [\[15, с. 261\]](#), модифицированные глаголы [\[11\]](#) и др. Количество полумодальных глаголов немецкого языка в различных исследованиях колеблется от 3 до 80 [\[7\]](#).

Модальные глаголы участвуют в выражении объективной (первичное значение) и

субъективной модальности (вторичное значение). Их участие при выражении субъективной модальности в отличие от объективной модальности ограничено в морфосинтаксическом плане: глаголы *sollen* и *wollen* находятся в форме *Präsens* и *Präteritum Indikativ Aktiv*, а глагол *dürfen* – *Präteritum Konjunktiv* [9].

Рассмотрим особенности употребления модальных и полумодальных глаголов в немецком новостном тексте.

Модальные глаголы. В современных лингвистических работах, посвященных модальным глаголам немецкого языка, наиболее спорным является вопрос о сохранении модального значения у глаголов *sollen* 'быть должным, обязанным' и *wollen* 'хотеть' для обозначения будущего времени.

Отметим, что сочетание глаголов *sollen*, *wollen* и частично *müssen* 'быть должным, вынужденным' с инфинитивом для выражения будущего времени характерно для всех германских языков. В большинстве современных германских языков (английский, голландский, шведский) формы с этими модальными глаголами подверглись грамматикализации и утратили модальный оттенок. В исландском, как и в древнегерманских языках, специальная форма для будущего времени отсутствует. Для ее выражения употребляются конструкции с оттенками допущения или обязательности.

В анализируемом тексте конструкции с модальным глаголом *wollen* функционируют со значением субъективного модального будущего, напр., *Wie die SPD den Neustart wagen **will*** 'Как СДПГ намеревается начать все с начала', где *wollen* выражает намерение / желание осуществить деятельность в ближайшем будущем. Необходимость действия в будущем выражено также и в примере *Zusätzlich zu dieser Aufarbeitung **will** die Partei auch einen Prozess starten, der die SPD inhaltlich neu aufstellen **soll*** 'В дополнение к этой разработке партия также намерена начать процесс, который **призван** / **должен** существенно перестроить СДПГ'. Глагол *sollen* выражает модальность со значением побуждения к действию в будущем.

В примере *Der Prozess **soll** in einen Parteitagsbeschluss münden* 'Процесс должен завершиться / завершится принятием решения партийного съезда'; *Starten **soll** dieser Prozess mit einem vorgezogenen Parteitag noch vor der Sommerpause* 'Этот процесс **должен** начаться / **начнется** с проведения внеочередного съезда партии еще до летних каникул'. Как мы видим, *sollen* реализует значение субъективного модального будущего с дополнительным значением необходимости, обусловленной логическим логическим развитием события.

Конструкции с глаголами *wollen* и *sollen* обладают также эвиденциальным значением, передавая речь другого лица [9]. В тексте нами выявлен единичный случай употребления глагола *wollen* с указанием на источник сведений о происходящем: *Dafür **will** man laut Papier die Entwicklung der vergangenen Jahre durch eine Kommission aufarbeiten lassen, zu der auch externe Expertise hinzugezogen werde* 'Для этого, **согласно документу**, комиссии, в состав которой также будут включены внешние эксперты, **следует** проанализировать развитие за последние годы'. Эвиденциальное значение *wollen* усиливает выражение *laut Papier* 'согласно документу'.

В предложениях с глаголом *müssen* выявляется реализация им деонтического значения. При этом модальный глагол сочетается с инфинитивом в форме *Indikativ Präsens*: *Die SPD **muss** Verantwortung in einer möglichen schwarz-roten Koalition übernehmen und gleichzeitig das Wahlergebnis aufarbeiten* 'СДПГ должна взять на себя ответственность в

возможной черно-красной коалиции и одновременно проанализировать результаты выборов'. Использование *müssen* придает высказыванию наибольшую степень уверенности говорящего в достоверности и обладание им достоверной информации [1, с. 74].

Форма *Konjunktiv Präsens* глагола *müssen* часто употребляется для реализации его эвиденциального значения [13]. Однако, в анализируемом новостном тексте *müssen* в указанной форме выражает долженствование с семантическим оттенком побуждения «следует»: *Die Seele der Partei müsse sich eigentlich erstmal erholen, heißt es immer wieder von Sozialdemokraten* 'На самом деле душе партии **необходимо** / **следует** сначала восстановиться, о чем постоянно говорят социал-демократы'.

В деонтическом значении используются также формы *Konjunktiv Präsens* и других модальных глаголов, как, напр., *dürfe* и *könne*: *Dieser dürfe keine reine Selbstbeschäftigung sein, sondern müsse der Partei "Fenster und Türen öffnen, um Impulse aus der Gesellschaft aufzunehmen"* 'Это не **может** быть самозанятостью в чистом виде, а **должно** «открывать окна и двери для партии, чтобы она **могла** принимать импульсы от общества»'; *Am Ende könne eine neue Grundsatzprogrammatik entstehen. Ziel müsse es sein, soziale Politik im 21. Jahrhundert zu formulieren* 'В конце **может** появиться новая базовая программа. Цель **должна** состоять в том, чтобы сформулировать социальную политику XXI века'. Как мы видим, в приведенных примерах реализуется значение *необходимости*, обусловленное логическим развитием события (*müsse*), *предположения* (*könne*) и *невозможности* (*dürfe*).

Отметим единичный случай употребления глагола *lassen*: *Dafür will man laut Papier die Entwicklung der vergangenen Jahre durch eine Kommission aufarbeiten lassen, zu der auch externe Expertise hinzugezogen werde* 'Для этого, согласно документу, комиссии, в состав которой также будут включены внешние эксперты, **следует** проанализировать развитие за последние годы'. По наблюдениям М. Фритца, в современном немецком языке инфинитивные конструкции с *lassen* функционируют в двух значениях: 1) действия, реализуемого при условии отсутствия препятствия со стороны субъекта ('позволяют') и 2) действия, не реализуемого без вмешательства субъекта [12, с. 134-137]. В нашем случае глагол *lassen* придает высказыванию значение необходимости участия субъекта в реализации действия, что соответствует второму типу значения по М. Фритцу.

Полумодальные глаголы. Наиболее распространенными в современном немецком языке среди полумодальных глаголов являются *versprechen*, *scheinen*, *drohen*, *pflügen*, *vermögen* и др. По семантике, грамматическим признакам и особенностям функционирования им отводят место между модальными и полнозначными глаголами. С модальными глаголами их сближает способность выражать модальное значение, связанное с оценкой адресанта действия / состояния субъекта высказывания:

Das Wetter verspricht schön zuwerden.

- Das Wetter wird **sicher** schön > **Ich bin sicher**, dass das Wetter schön wird.

'Я **уверен**, что погода будет хорошей'.

Появление конструкций с полумодальными глаголами вызвано расширением глагольной парадигмы модальности: эти конструкции усиливают субъективную модальность путем фокусирования внимания на отношении говорящего описываемым событиям или субъекту.

В анализируемом тексте отмечено два случая использования полумодальных глаголов *brauchen* и *scheinen*. Глагол *brauchen* в современном немецком языке употребляется как полнозначный со значением 'нуждаться в чем-либо / ком-либо' и модальном значении как синоним глагола *müssen* 'долженствовать / быть необходимым'. При этом он, как правило, сочетается с инфинитивом с формантом *zu*. Считается, что семантически *brauchen* во втором значении полностью интегрирован в систему модальных глаголов [13]. В анализируемом тексте *brauchen* употребляется как простое глагольное сказуемое с дополнением в винительном падеже: *Man **brauche** nun ein umfassendes Verständnis dafür, wo und wie man seit 2021 die Bürgerinnen und Bürger verloren, wo man in der Vorbereitung und Umsetzung der Kampagne Fehler gemacht habe und welche gesellschaftlichen Veränderungen die SPD in die Defensive bringen* 'Необходимо полное понимание того, где и как утрачены избиратели с 2021 года, где допущены ошибки при подготовке и проведении кампании и какие социальные изменения защитят СДПГ'. С формальной точки зрения мы имеем дело с полнозначным глаголом *brauchen*, поскольку именно в этом значении при нем сохраняется дополнение в винительном падеже. Однако, мы допускаем, что *brauchen* реализует деонтическую модальность с оттенком необходимости, вызванной логическим развитием события. В пользу этого факта свидетельствует глагольный характер дополнения *Verständnis* (субстантивированная форма глагола *verstehen*). *Man brauche nun ein umfassendes Verständnis* легко трансформируется в *Man braucht nun umfassend zu verstehen* без утраты основного смысла и где модальность глагола *brauchen* является очевидной.

Scheinen также употребляется в современном немецком языке как полнозначный и модальный глагол. По мнению Г. Дивальд конструкция с *scheinen* 'казаться', где *scheinen* соответствует фразе "*ich vermute, das...*" 'я допускаю, что...', имеет наибольшую степень грамматикализации среди всех полумодальных глаголов [10, с. 91].

Вхождение *scheinen* в группу модальных глаголов со значением субъективной модальности становится возможным благодаря его семантической структуре, в состав которой входит сема визуального восприятия объекта высказывания, что дает основание с его помощью оценивать предмет высказывания. В тексте *scheinen* употребляется дважды: в заголовке подраздела: *Weg in die Opposition **scheint** ausgeschlossen* 'Путь в оппозицию, **по-видимому**, исключен' и в самом тексте: *Die Stimmung in der SPD **scheint** nach dem desaströsen Wahlergebnis bei der Bundestagswahl eher reif für die Opposition* 'Настроения в СДПГ после катастрофических результатов выборов в Бундестаг **выглядят** более зрелыми для оппозиции'. Во втором случае мы имеем дело с полнозначным глаголом *scheinen*, а в первом случае *scheinen* выступает как модальный глагол со значением вероятности выполнения определенного действия.

Выводы

Таким образом, в немецком новостном тексте отмечается широкое употребление всех видов модальных глаголов, глагола *lassen*, а также двух полумодальных глаголов *brauchen* и *scheinen* для выражения объективной и субъективной модальности. Чаще всего в тексте встречаются модальные глаголы *wollen* со значением намерения и *müssen* для выражения деонтической модальности со значением необходимости, которая возникает в результате логического развития описываемого события.

Для выражения деонтической модальности используются также формы *Konjunktiv Präsens* глаголов *müssen*, *dürfen*, *können* со значением необходимости (*müssen*), предположения (*können*) и невозможности (*dürfen*).

Глаголы *lassen*, *brauchen* и *scheinen* также участвуют для оформления модальности со значением *необходимости* (*lassen*, *brauchen*) и *вероятности* (*scheinen*). Глагол *brauchen* в модальном значении сочетается с субстантивированным глаголом, что свидетельствует о расширении его синтагматики.

Отмечен также единичный случай передачи источника информации при содействии модального глагола *wollen* в Präsens Indikativ.

В целом функционирование модальных и полумодальных глаголов соответствует прагматике анализируемого новостного медийного текста, где речь идет о реакции СДПГ на негативные для партии результаты выборов и действиях, которые следует / необходимо ей проводить. В создании текстовой модальности указанные нами глаголы играют ключевую роль.

Библиография

1. Боднарук Е.В. Модальные глаголы в современном немецком языке: систематизация значений // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817). С. 66-78. EDN: CDNLNH.
2. Высоцкая И.В. Специфика категории модальности в "деловом письме" (на материале англо- и немецкоязычной деловой коммуникации) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 170-174. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.36. EDN: OKYITS.
3. Девина О.В. Авторская модальность в художественных текстах XXI века // Филологические науки. 2022. № 4. С. 112-120.
4. Дреева Д.М. Оптативная модальность в публицистическом дискурсе // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 1. С. 197-209. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-18. EDN: QKRSMJ.
5. Кукса И.Ю. Модальные конструкции в цифровой коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 45-58.
6. Ляпон М.В. Модальность в контексте искусственного интеллекта // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2024. № 1. С. 123-138.
7. Мерзлякова Н.П. Проблема классификации модальных глаголов в современном немецком языке // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. 2007. № 5 (2). С. 123-130.
8. Романова Т.В. Модальность и оценка в социальных сетях // Коммуникативные исследования. 2023. № 3. С. 67-82.
9. Хельбиг Г., Буша И. Немецкий язык. Глагол. Формы, семантика, синтаксис / Сост. и перев. с немецкого Т.Ю. Ирмияева. Москва: Ridero, 2021. 283 с.
10. Diewald G. Scheinen-Probleme: Analogie, Konstruktionsmischung und die Sogwirkung aktiver Grammatikalisierungskanäle // Müller R., Reis M. (Hrsg.) Modalität und Modalverben im Deutschen. Linguistische Berichte. Sonderheft 9. Hamburg: Buske, 2001. S. 87-110.
11. Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / [hrsg. und bearb. von Günther Drosdowski in Zusammenarbeit mit Peter Eisenberg und anderen]. [5., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1995. 864 S.
12. Fritz M. Grammatik und Semantik der Infinitivkonstruktionen von neuhochdeutschen lassen // Der Infinitiv im Deutschen / J. F. Marillier, C. Rozier (Hg.). Tübingen: Stauffenburg, 2005. S. 133-146.
13. GRAMMIS. URL: <https://grammis.ids-mannheim.de/systematische-grammatik/1552>
14. Tagesschau. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/spd-mitglieder-neuaufstellung-100.html>
15. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim: Duden, 1993. 1111 S.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают модальные и полумодальные глаголы в немецком новостном тексте. Актуальность работы не вызывает сомнения и связана с теоретическим и практическим значением изучения категории модальности и средств ее выражения в языках: модальность является одной из центральных категорий языкознания, категорией, выражающей отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение содержания высказывания к действительности. В то же время модальность содержит такой большой круг значений, что возникает необходимость более тщательного их изучения, в том числе в цифровой среде: «трансформация условий коммуникации способствует изменению языковых средств выражения, в том числе и своего отношения к происходящему».

Теоретической базой научной работы послужили фундаментальные и актуальные труды по вопросам категории модальности в языках; проблемам систематизации значений и областей употребления модальных глаголов в немецком языке; модальности в цифровой коммуникации и т. п. таких отечественных и зарубежных исследователей, как Е. В. Боднарук, И. В. Высоцкая, О. В. Девина, Н. П. Мерзлякова, И. Ю. Кукса, Т. В. Романова Gerhard Helbig, Fritz Mauthner, Gabriele Diewald, Harald Weinrich и др. Библиография статьи составляет 15 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена целью («установление структурно-семантических особенностей употребления модальных и полумодальных глаголов немецкого языка в новостном тексте веб-портала») и поставленным задачам и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения; сопоставительный анализ; методы дискурсивного и когнитивного анализа. Практическая часть работы базируется на материале текста „Wie die SPD den Neustart wagen will“ центрального новостного веб-портала немецкой вещательной организации ARD Tagesschau, опубликованного 04.03.2025.

В ходе исследования проведен качественный, количественный и критический анализ особенностей употребления модальных и полумодальных глаголов в немецком новостном тексте, что позволило автору(ам) сформулировать выводы относительно широкого употребления всех видов немецкий модальных глаголов в цифровом новостном дискурсе и заключить, что «функционирование модальных и полумодальных глаголов соответствует прагматике анализируемого новостного медийного текста, где речь идет о реакции СДПГ на негативные для партии результаты выборов и действиях, которые следует / необходимо ей проводить».

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключаются в его вкладе в изучение репрезентации категории модальности в немецком языке, в определении специфики функционирования модальных и полумодальных немецких глаголов в цифровой коммуникации, а также в возможности использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка, в спецкурсах по проблемам модальности и др.

Представленный в рукописи материал имеет четкую, логически выстроенную структуру.

Во введении обоснована проблема, сформулирована цель исследования. В разделе «Методология» охарактеризованы теоретическая и эмпирическая база работы. «Исследование и результаты» включает обсуждение особенностей употребления модальных и полумодальных глаголов в немецком новостном тексте.

Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Долгополова Л.А., Аджигельдиева Л.Э. Онимы в фильмонимах США 1920 г // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74256 EDN: CJRYTZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74256

Онимы в фильмонимах США 1920 г.

Долгополова Лилия Анатольевна

ORCID: 0000-0003-1327-2454

доктор филологических наук

профессор, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295044, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Бастионная, 41, оф. –

✉ lilian2000@mail.ru

Аджигельдиева Ление Эльдаровна

соискатель; филологический факультет, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295015, Россия, респ. Крым, г. Симферополь, Учебный пер. 8

✉ ablyakimovalenie@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74256

EDN:

CJRYTZ

Дата направления статьи в редакцию:

28-04-2025

Аннотация: Статья посвящена выявлению специфики функционирования имен собственных в названиях кинофильмов США, произведенных в 1920 году. Предметом исследования являются структурные, семантические и функциональные особенности имен собственных. Объект исследования составляют онимы английского языка. Материалом для исследования послужил список фильмов американских кинокомпаний 1920 года и опубликованный на электронном ресурсе List of American films of 1920. Задачи исследования: установить основные виды бионимов и абιονимов, участвующих в

создании киноназвания; определить и охарактеризовать виды антропонимов и топонимов; выявить структурные и семантические особенности женских и мужских имен, ойконимов, годонимов и др.; установить специфику функционирования фильмонима с участием онима. Авторы подробно рассматривают причины употребления онима в составе киноназвания. Особое внимание уделяется функционированию привычных для американского кинозрителя антропонимов и топонимов, а также прецедентных онимов в фильмонимах. Теоретическую базу исследования составляют основные положения в области ономастики А. В. Суперанской, В. И. Супрун. раскрывающих лингвистический статус онимов, критерии их классификации. Для рассмотрения особенностей фильмонимов привлекались работы Ю. Н. Подымовой, В. Е. Анисимова, А. В. Зубаревой. В работе применялись структурно-семантический метод и метод функционального анализа. Впервые материалом исследования являются названия кинопродукции США 1920 года; новым является выявление специфики функционирования и выбора имени собственного для создания фильмонима. Выявлено участие в киноназваниях преимущественно онимов американского происхождения, а также использование них одних и тех же имен и структур, что является свидетельством неустойчивого характера процесса образования фильмонимов в тот период. Установлено, что самыми распространенными именами в фильмонимах являются привычные на тот момент антропонимы Мэри, Роза, Джимми, Джек; топонимы Нью-Йорк и Бродвей. Выявлена зависимость структурного типа фильмонима от определенного вида онима. Установлено, что в виде словоформы используются исключительно антропонимы, в то время как топонимы чаще образуют словосочетания, где они выступают в роли определения.

Ключевые слова:

оним, фильмоним, антропоним, топоним, годоним, ойконим, референтная функция, аттрактивная функция, бионим, абиионим

Введение

Кино уже свыше ста лет является одним из самых массовых видов искусства, влияние которого на формирование мировоззрения общества очень велико. Любой кинопродукт сочетает в себе качества различных художественных направлений: литературы, искусства, театра и музыки, тем самым представляя большой интерес для филологических исследований. Особое положение в этом контексте занимает название фильма, которое, с одной стороны, служит ключевым фактором при выборе фильма для просмотра, с другой стороны, является залогом коммерческого успеха [\[4, с. 32\]](#). Создание имени кинопродукта – творческий процесс, в котором принимают участие различные специалисты, что позволяет рассматривать его как междисциплинарный объект исследования, где переплетаются лингвокультурологические, исторические, прагматические и другие аспекты.

Повышенный интерес к изучению кинозаголовка способствовал появлению специального термина *фильмоним* для его обозначения. Этот термин ввела Е. В. Кныш, рассматривая фильмоним как высказывание, репрезентирующее ситуацию, смоделированную фильмом, ее вербально закодированный образ [\[5\]](#).

В современных лингвистических исследованиях особое внимание уделяется локализации и социокультурной адаптации фильмонима [\[1; 2; 7\]](#), его лингвокультурологическим

различиям [6]. В то же время актуальным остается изучение структурно-семантических и функциональных особенностей кинозаголовка в диахронии, что позволяет установить специфику создания имени в различные исторические периоды.

Цель данной статьи – выявление особенностей функционирования онимов в названиях фильмов США, произведенных в 1920 г.

Методология

Теоретическую базу исследования составляют работы в области ономастики А. В. Суперанской [9]; В. И. Супрун [10], в которых содержатся фундаментальные знания о природе имен собственных и возможных критериях их классификации.

Учитывались также основные положения, представляющие интерпретации лингвистического статуса фильмонимов Ю. Н. Подымовой [8], В. Е. Анисимова, А. С. Борисовой и Г. Р. Консона [1], А. В. Зубаревой [3], где фильмонимы представлены как особый вид идеонимов, выполняющие номинативную, рекламную, аттрактивную и воздействующую функции.

Практическим материалом исследования послужил *Список американских фильмов 1920 года*, включающий 567 киноназваний и представленный на электронном ресурсе *List of American films of 1920*, URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_American_films_of_1920 [11].

Выбор материала определяется следующими причинами: 20-е годы прошлого века традиционно считают расцветом американского кино. В этот период создавалась мощная американская кинопромышленность, выпускающая до 800 кинокартин в год. Каждому новому фильму требовалось свое индивидуальное название, которое бы, с одной стороны, отсылало к содержанию фильма, с другой стороны, привлекало большое количество кинозрителей. Синхронный срез особенностей использования имен собственных в кинозаголовках 1920 года позволит установить историко-культурные условия выбора онимов для названия в период становления процесса создания фильмонимов как массового явления.

Исследование и результаты

Фильмонимы как особый вид онимов представляют собой искусственно созданные, выдуманные имена, которые согласно А. В. Суперанской делятся на имена, употребляющиеся в реальной жизни наряду с естественными, сложившимися именами (новые личные имена, искусственные фамилии и др.) и на имена книжные (названия произведений, имена героев и пр.) [9, с. 30].

Именованье кинопродукта, как правило, происходит осознанно и связано, с одной стороны, с отсылкой к содержанию фильма, с другой стороны, намерением побуждения интереса к нему. Первая тенденция в именовании проявляется в том, что фильмоним может указывать на *объект, место происходящих событий, время происходящих событий* или включать одновременно несколько семантических компонентов [8]. Вторая тенденция реализуется в выборе средств создания имени, среди которых встречаются различного рода переосмысления, оксюмороны, заимствования, антитезы, игра слов и др. [6, с. 59-60]. Использование онимов в киноназваниях может быть вызвано обеими тенденциями, поскольку имя указывает, как правило, на объект/субъект, место событий или способствует созданию эмоционально-оценочного эффекта.

В названиях кинопродукции США 1920 года они представлены достаточно широко: из 567 фильмонимов имена собственные встречаются в 97 случаях, что составляет примерно 17 % от общего количества. Предварительный анализ показывает, что в фильмонимах представлены как бионимы в виде антропонимов (женские и мужские имена, фамилии, этнонимы), так и абиионимы (различного вида топонимы). Рассмотрим подробнее особенности их функционирования.

Имена женские. Чаще всего в фильмонимах встречается имя *Mary* 'Мэри': *In Walked Mary* 'Прогулка Мэри', *Mary Ellen Comes to Town* 'Мэри Эллен приезжает в город', *Mary's Ankle* 'Лодыжка Мэри', *Merely Mary Ann* 'Просто Мэри Энн', *Up in Mary's Attic* 'На чердаке у Мэри'. Мэри – одно из христианских имен, произошедшее, предположительно, от древнеегипетского "mry" 'любимая, возлюбленная'. В англоязычной, в том числе американской культуре это женское имя было и остается одним из самых распространенных. В фильмонимах оно сочетается с другими женскими именами, как *Эллен: Mary Ellen* или *Энн: Mary Ann*. Кроме того, в повседневной жизни часто использовались уменьшительно-ласкательные варианты *Молли* и *Полли*, которые также встречаются в киноназваниях того времени: *Molly and I* 'Молли и я', *Polly of the Storm Country* 'Полли из страны штормов', *Polly With a Past* 'Полли с прошлым', *Pollyanna* 'Полианна'. В последнем случае имя *Полли* является компонентом сложного имени, вторая часть которого – оним *Анна*. Во всех анализируемых фильмах имя *Мэри* и его производные носит главная героиня, вокруг которой разворачиваются драматические или комедийные события. Выбор этого имени для фильмонима можно объяснить его высокой частотностью, а также стремлением представить героиню как обычную девушку, живущую по соседству, и тем самым создать эффект реальности происходящего. В этом случае данное имя усиливает аттрактивную функцию фильмонима, подчеркивая тот факт, что события фильма могут произойти с любой жительницей США.

Также часто встречается имя *Роза* и его производные: *Lady Rose's Daughter* 'Дочь леди Роуз', *The Shadow of Rosalie Byrnes* 'Тень Розали Бирнс', *The Sins of Rosanne* 'Грехи Розанны', *What Happened to Rosa* 'Что случилось с Розой'. Фильмоним *Lady Rose's Daughter* основан на самом популярном романе 1903 года миссис Хамфри Уорд с аналогичным названием. В остальных фильмах имя *Роза* указывает на главную героиню, переживающую драматическую ситуацию. Это имя также было достаточно распространено в США, особенно среди католиков.

Среди популярных в начале XX века женских имен в фильмонимах встречаются также *Пэгги*: *All of a Sudden Peggy*, *Дженни: Jenny Be Good* 'Дженни, будь хорошей', *Пэт: Flying Pat* 'Летающая Пэт', *Пруденс: Away Goes Prudence* 'Прощай, Пруденс'. Эти имена преимущественно выполняют референтную функцию, указывая на главную героиню фильма.

Среди прецедентных имен встречаются часто используемые в художественных произведениях, которых легли в основу сценария фильма: *Bonnie May* 'Бонни Мэй (по роману 1916 г. Луиса Доджа)', *Even as Eve* 'Даже как Ева' (по рассказу Роберта У. Чемберса «Сияющая группа»), *The Courage of Marge O'Doone* 'Отвага Мардж О'Дуан' (по мотивам романа Джеймса Оливера Кервуда), *Mrs. Temple's Telegram* 'Телеграмма миссис Темпл' (по бродвейской пьесе Фрэнка Уайтта с одноименным названием), *Nurse Marjorie* 'Медсестра Марджори' (по одноименной пьесе Исраэля Зангвилла) и др.; имена героев сказок, библейских сюжетов и мифов: *Cinderella's Twin* 'Близнец Золушки', *A Modern Salome* 'Современная Саломея', *A Sister to Salome* 'Сестра Саломеи'.

Функционирование фамилий женских персонажей сопровождается сочетанием с

гоноративами мисс или миссис: *Alias Miss Dodd* 'Псевдоним мисс Додд', *The Frisky Mrs. Johnson* 'Резвая миссис Джонсон', *Miss Hobbs* 'Мисс Хоббс', *Notorious Miss Lisle* 'Печально известная мисс Лайл', *The Notorious Mrs. Sands* 'Печально известная миссис Сэндс', *Young Mrs. Winthrop* 'Юная миссис Уинтроп' и др.

Среди мужских имен чаще всего встречаются *Джимми / Джим*: *Alias Jimmy Valentine* 'Псевдоним Джимми Валентайн', *If Only Jim* 'Если бы только Джим', *Call Me Jim* 'Зови меня Джимом'; *Джек*: *Jack Straw* 'Джек Стро', *Daredevil Jack* 'Сорвиголова Джек'. В этом списке только два фильма располагают прецедентными именами: *Alias Jimmy Valentine* снят по одноименной пьесе Пола Амстронга, в основу которого лег рассказ О. Генри «Восстановленная реформация» 1903 г., *Call Me Jim* основан на романе Джозайи Гилберта Холланда «Севеноукс: история наших дней», опубликованного в 1917 г. Оба имени также относятся к популярным мужским именам в англоязычной культуре.

Среди распространенных имен того времени в американских фильмах используются *Andy*: *Alarm Clock Andy* 'Будильник Энди', *George*: *Fixed by George* 'Исправлено Джорджем', *Hutch*: *Honest Hutch* 'Честный Хатч' и др. Герои этих фильмов показаны как обычные граждане США, попадающие в различные непривычные ситуации.

В роли прецедентных антропонимов употребляются имена героев известных произведений: *Huckleberry Finn* 'Гекельберри Финн' (по мотивам произведения Марка Твена «Приключения Гекельберри Финна» 1884 г.), *Dr. Jekyll and Mr. Hyde* 'Доктор Джекилл и мистер Хайд' (по повести Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» 1886 г.), *The Mark of Zorro* 'Знак Зорро' (по рассказу Джонстона Маккалли «Проклятие Капистрано» 1919 года), *The Revenge of Tarzan* 'Месть Тарзана' (по книге Эдгара Райса Берроуза «Тарзан. Приемный обезьян» 1912 г.). Встречаются также случаи использования христианского имени *St. Anthony*: *The Sins of St. Anthony* 'Грехи святого Антония'; мифологического имени *Cupid*: *Cupid the Cowpuncher* 'Купидон-ковбой'.

Что касается фамилий, то они в отличие от женских фамилий, употребляются либо с именем: *Jack Straw* 'Джек Стро', *Alias Jimmy Valentine* 'Псевдоним Джимми Валентайн', *Felix O'Day* 'Феликс О'Дей', либо с указанием профессии: *Captain Swift* 'Капитан Свифт'. При этом гоноративы полностью отсутствуют.

Отметим также наличие экзотических мужских имен, напр., *The Brand of Lopez* 'Брэнд Лопеса' (об испанском матадоре Васко Лопесе), *Li Ting Lang* 'Ли Тин Ланг' (по мотивам рассказа «Ли Тин Ланг, китайский джентльмен» 1916 г.).

Среди этнонимов встречаются указание на регион происхождения героя или этническую принадлежность: *The Texan* 'Техасец', *An Arabian Knight* 'Арабский рыцарь', *The Corsican Brothers* 'Корсиканские братья' (по одноименному роману Александра Дюма), *The Luck of the Irish* 'Ирландская удача' (по одноименному роману Гарольда Макграта 1917 г.)

Абионимы в рассматриваемых киноназваниях представлены ойконимами, среди которых дважды упоминается Нью-Йорк: *The New York Idea* 'Нью-Йоркская идея', *While New York Sleeps* 'Пока Нью-Йорк спит'. Топонимами американского происхождения являются также ойконим *Камберленд*: *A Cumberland Romance* 'Роман в Камберленде', названия американских штатов, как *Кентукки*: *The Kentucky Colonel* 'Полковник из Кентукки'; района Нью-Йорка: *A Manhattan Knight* 'Манхэттенский рыцарь'. В списке фильмонимов упоминаются 2 ойконима неамериканского происхождения. Это – Токио: *A Tokyo Siren* 'Токийская сирена' и Стамбул: *The Virgin of Stamboul* 'Стамбульская дева'. В фильмониме *Paris Green* 'Пэрис Грин' действие происходит в Париже, где с главным героем фильма

Лютером Грином происходят определенные события, в результате чего он получает прозвище в *Paris* 'Париж'. Этот оним можно рассматривать одновременно как антропоним, возникший в результате метонимизации ойконима, так и ойконим.

Отметим достаточно частое использование годонимов в киноназваниях, среди которых доминирует *Бродвей: The Broadway Bubble* 'Бродвейский пузырь', *A Broadway Cowboy* 'Бродвейский ковбой', *Broadway and Home* 'Бродвей и дом', *45 Minutes from Broadway* '45 минут от Бродвея'. Это факт связан, скорее всего, с тем, что Бродвей уже в тот момент считался главной театральной улицей США, где формировалась основа американской театральной культуры. Имя этой улицы притягивало к себе всех тех, кто жаждал красивой жизни и, несомненно, способствовало повышенному интересу к кинопродукту.

Кроме Бродвея в фильмонимах упоминаются Нью-Йоркская улица *Авеню А: The Prince of Avenue A* 'Принц с Авеню А', *39-я Восточная улица: 39 East* '39-я Восточная улица'. Отметим также единичное употребление каронима *Эльсинор* в фильме *The Mutiny of the Elsinore* 'Мятеж на Эльсиноре', снятом по роману Джека Лондона «Эльсинорский мятеж» 1914 г.

Что касается структурных особенностей фильмонимов, в которых употребляются имена собственные, то мы выделим следующие виды:

– словоформы. Название фильма может быть представлено одной лексемой-онимом в виде имени: *Babs* 'Бэбс', *Dinty* 'Динти', *Pinto* 'Пинто'; сочетанием «имя + фамилия»: *Bonnie May* 'Бонни Мэй', *Felix O'Day* 'Феликс О'Дей', *Jack Straw* 'Джек Стро' и др.; «гоноратив + фамилия»: *Madame Peacock* 'Мадам Пикок', *Miss Hobbs* 'Мисс Хоббс' «профессия + фамилия» *Captain Swift* 'Капитан Свифт'; *Nurse Marjorie* 'Медсестра Марджори';

- словосочетания, где оним (в основном антропонимы) выступает в значении субъекта обладания: *Alarm Clock Andy* 'Будильник Энди', *The Brand of Lopez* 'Бренд Лопеса'; в роли определения, где преимущественно используются топонимы: *The Broadway Bubble* 'Бродвейский пузырь', *A Broadway Cowboy* 'Бродвейский ковбой', *The Corsican Brothers* 'Корсиканские братья' и др. Выделим также часто используемое словосочетание «детерминатор + антропоним»: *Flying Pat* 'Летающая Пэт', *The Frisky Mrs. Johnson* 'Резвая миссис Джонсон', *Honest Hutch* 'Честный Хатч' и др.

- предложения. Фильмонимы могут иметь форму простого нераспространенного предложения: *Homer Comes Home* 'Гомер идет домой' и *Mary Ellen Comes to Town* 'Мэри Эллиен приезжает в город'. Часто киноназвание имеет форму императива: *Jenny Be Good* 'Дженни, будь хорошей', *Drag Harlan* 'Перетащите Харлана', *Call Me Jim* 'Зови меня Джимом' и др.

Структурные модели словосочетаний могут быть идентичными, несмотря на тот факт, что сами фильмы создавались на различных киностудиях, напр., *Alias Jimmy Valentine* 'Псевдоним Джими Валентайн' (киностудия *Metro Pictures Corporation*) и *Alias Miss Dodd* 'Псевдоним мисс Додд' (киностудия *Universal City Studios LLQ*); *An Arabian Knight* 'Арабский рыцарь' (киностудия *FBO Pictures Corp.*) и *A Manhattan Knight* 'Манхэттенский рыцарь' (киностудия *Fox Film Corporation*), *Notorious Miss Lisle* 'Печально известная мисс Лайли' (киностудия *First National Pictures*) и *The Notorious Mrs. Sands* 'Печально известная миссис Сэндс' (киностудия *FBO Pictures Corp.*).

Выводы

Таким образом, в 20-х годах прошлого века в США формируется киноиндустрия, позволяющая массово выпускать кинопродукцию, что способствовало началу поиска способов именования кинопродукта. Одним из продуктивных средств именования фильмонима на тот момент являлись имена собственные, представленные женскими и мужскими именами, топонимами различного вида. В прагматических целях авторы фильмонимов чаще всего прибегали к использованию повседневных, привычных для американского кинозрителя онимов, среди которых такие антропонимы, как *Мэри, Роза, Джимми, Джек* и др., а также топонимы *Бродвей, Нью-Йорк*. Использовались также хорошо известные прецедентные онимы *Золушка, Купидон, Св. Антоний, Саломея* и др. Онимы встречаются в киноназваниях, снятых по мотивам популярных художественных произведений, как *Гекельберри Финн, Тарзан, Зорро* и др. В этом случае мы имеем дело с воспроизведением библионимов, создаваемых авторами этих книг.

Анализ формы фильмонимов показывает, что их структура в определенной степени зависит от типа онима. Антропонимы могут быть выражены словоформой в виде имени или фамилии. Женские фамилии сочетаются с гоноративами *мисс* и *миссис*, а мужские – с указанием профессии. В словосочетаниях антропонимы функционируют как субъект обладания, в то время как топонимы – определения. Антропонимы в сопровождении с детерминаторами образуют фильмонимы-словосочетания.

В фильмонимах в форме предложения исключительно участвуют антропонимы, при этом наиболее распространенным видом является побудительное предложение. Такой вид предложения всегда направлен на реципиента, что свидетельствует о высокой степени аттрактивности фильмонима.

Суммируя высказанное, подчеркнем, что онимы представляют собой эффективное средство создания фильмонима, прежде всего, в силу своей полифункциональности. Они выполняют, прежде всего, референтную функцию, указывая на главного героя или героиню фильма и место события, и аттрактивную функцию, вызывая определенный интерес у широких слоев общества. Кроме того, привычные и известные антропонимы и топонимы создают эффект близости происходящего на экране, что в свою очередь также способствует повышению заинтересованности зрителя в кинопродукте.

Использование онимов в американских фильмонимах 1920 года показывает, что их использование не отличается большим разнообразием выбора имени и структуры, что сказывается на повторе как самих онимов, так и структурных типов. Кроме того, среди онимов доминируют антропонимы и топонимы, характерные для США. Эти факты, в целом, типичны для начального этапа формирования специфических механизмов образования названий кинопродукции.

Библиография

1. Анисимов В. Е., Борисова А. С., Консон Г. Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 2. С. 435-459.
2. Зинкевич О. В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // Известия СПбГЭУ. 2018. № 3 (111). С. 135-137.
3. Зубарева А. В. Онимы в интернет-коммуникации: новые явления и функции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 120-136. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-120-136 EDN: EAWFQK.
4. Калегина Т. Е. Особенности перевода названий фильмов Голливуда с английского на немецкий и русский языки // Казанский лингвистический журнал. 2019. № 3 (2). С. 30-57. EDN: UPJXNH.

5. Кныш Е. В. Наименование кинофильмов как объект ономастики // Актуальные вопросы русской ономастики. Сборник научных трудов. 1988. С. 106-111.
6. Корнейчук Т. А. Названия российских и латиноамериканских кинофильмов: сопоставительный аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 3. С. 57-63. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/3/57-63> EDN: JHHZQX.
7. Лебедева А. А., Новикова М. Г. Особенности реализации социокультурологической и прагматической адаптации при переводе: дискурсивно-коммуникативный подход // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 2. С. 84-97.
8. Подымова Ю. Н. Фильмонимы: семантический аспект // Филологический вестник. Научный и образовательный журнал. 2002. № 4. С. 168-170.
9. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: URSS, 2023. 366 с.
10. Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия ВГПУ. 2011. № 8. С. 133-138.
11. List of American films of 1920. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_American_films_of_1920.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена функционированию онимов в названиях фильмов США, произведенных в 1920 г. Предмет исследования достаточно актуален: язык кино требует глубокого анализа, так как в нем отражаются активные процессы, происходящие в языке на том или ином этапе; язык кино также оказывает влияние и на литературно-языковую норму, и на общественный вкус зрителей; «создание имени кинопродукта – творческий процесс, в котором принимают участие различные специалисты, что позволяет рассматривать его как междисциплинарный объект исследования, где переплетаются лингвокультурологические, исторические, прагматические и другие аспекты». Эмпирической базой работы послужил список американских фильмов 1920 года, включающий 567 киноназваний. Выбор материала вполне обоснован: 20-е годы прошлого века считают расцветом американского кино (выпускалось до 800 кинокартин в год).

Теоретической базой исследования явились работы по проблемам ономастики, семантическому аспекту фильмонимов, лингвокультурной локализации кинозаголовков таких российских исследователей, как А. В. Суперанская, В. И. Супрун, Е. В. Кныш, О. В. Зинкевич, В. Е. Анисимов, А. С. Борисова, Г. Р. Консон, А. В. Зубарева, А. А. Лебедева М. Г. Новикова и др. Библиография насчитывает 11 источников, что в целом представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методологическую базу исследования составили сопоставительный, описательный, функциональный, прагматический методы, метод компонентного анализа, сравнительно-исторический метод, комплексный лингвистический анализ. Выбор методов оправдан и соответствует цели работы.

В ходе исследования проведен качественный, количественный и критический анализ структурно-семантических и функциональных особенностей кинозаголовков 1920 года («В названиях кинопродукции США 1920 года онимы представлены достаточно широко:

из 567 фильмонимов имена собственные встречаются в 97 случаях, что составляет примерно 17 % от общего количества»). Формулируются выводы о том, что «онимы представляют собой эффективное средство создания фильмонима, прежде всего, в силу своей полифункциональности»; онимы «выполняют референтную функцию, указывая на главного героя или героиню фильма и место события, и аттрактивную функцию, вызывая определенный интерес у широких слоев общества»; «привычные и известные антропонимы и топонимы создают эффект близости происходящего на экране, что в свою очередь также способствует повышению заинтересованности зрителя в кинопродукте» и др.

Теоретическая и практическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с ономастикой и структурно-семантическими и функциональными особенностями фильмонимов. Синхронный срез особенностей использования имен собственных в кинозаголовках 1920 года позволил установить историко-культурные условия выбора онимов для названия в период становления процесса создания фильмонимов как массового явления.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Уфимцев А.Е. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как точка опоры // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74034 EDN: CIWWHI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74034

Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как точка опоры

Уфимцев Александр Евгеньевич

ORCID: 0009-0004-9788-5550

независимый исследователь

660122, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Транзитная, 48, кв. 32

✉ ufimtzev@inbox.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74034

EDN:

CIWWHI

Дата направления статьи в редакцию:

09-04-2025

Аннотация: Предметом исследования является биоэссенциально-детерминистическая парадигма как причина трансформации языкознания в психолингвистику. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма понимается как антропоцентрическая в широком смысле. Более подробно биоэссенциально-детерминистическая парадигма описана в журнале «Филология: научные исследования» №2 (2025). Целью исследования является осмысление факта трансформации языкознания в психолингвистику вследствие принятия биоэссенциально-детерминистической парадигмы в языкознании. Трансформация носит метафорический характер. Теоретическая значимость исследования заключается в философском осмыслении языкознания и психолингвистики. Практическая значимость исследования заключается в перспективе развития междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований. Кроме того, данное исследование показывает возможные направления дальнейшей научной работы, что может пониматься как теоретическая и практическая значимость. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки биоэссенциально-детерминистической парадигмы. Использовались: метод анализа научной литературы,

метод абстрагирования, абдуктивный, дескриптивный и сравнительно-сопоставительный методы. Методы абстрагирования и абдукции позволили выделить и описать трансформации предела системного структурализма в предел биоэссенциального детерминизма: языкознания в психолингвистику и языкознания в психологию. Сопоставлены мнения различных учёных о парадигмах в языкознании, общим является признание антропоцентричности в языке. Исследование проведено в области философии науки (филологии). Научная новизна данного исследования заключается в осмыслении роли биоэссенциально-детерминистической парадигмы при трансформации языкознания в психолингвистику. Научная новизна заключается в отсутствии подобных исследований. Термин биоэссенциально-детерминистическая парадигма введён в предыдущем статье журнала "Филология: научные исследования" №2 (2025). Автор приходит к следующим выводам. Предел системного структурализма есть языкознание, предел биоэссенциального детерминизма есть психология. Языкознание и психолингвистика – разные науки, имеющие общее начало: совокупность языка как абстрактной знаковой системы и речи как конкретного живого процесса в различных сочетаниях. Автор описывает ряд трансформаций, выведенных методом абстрагирования: 1) трансформация по типу часть целого становится иным целым: переход языкознания в психолингвистику; 2) трансформация по типу часть одного целого становится другим целым: биоэссенциальный детерминизм в чистом виде есть психология; 3) при обеих трансформациях причина свершилась позже следствия – осознание причины наступает после случившегося следствия. Данные метаморфозы можно объяснить увеличением роли хаоса и естественными закономерностями развития науки.

Ключевые слова:

парадигма, смена парадигм, антропоцентрическая парадигма, антропоцентризм, биоэссенциально-детерминистическая парадигма, биоэссенциальный детерминизм, системно-структурная парадигма, системный структурализм, языкознание, психолингвистика

Введение

Данная статья продолжает исследования, опубликованные в журнале «Философская мысль» №№ 9 и 10 (2024) и №1 (2025), и в журнале «Филология: научные исследования» №2 (2025). В статьях, опубликованных в журнале «Философская мысль», описаны системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы в трансдисциплинарном ключе. В статье, опубликованной в журнале «Филология: научные исследования», говорится о биоэссенциально-детерминистической парадигме в лингвистике, понимаемой как антропоцентрическая в широком смысле.

Цель исследования: осмысление факта трансформации языкознания в психолингвистику вследствие принятия биоэссенциально-детерминистической парадигмы в языкознании.

Предметом исследования является биоэссенциально-детерминистическая парадигма (антропоцентрическая парадигма в широком смысле) как причина трансформации языкознания в психолингвистику.

Методы исследования: метод анализа научной литературы, метод абстрагирования, абдуктивный, дескриптивный и сравнительно-сопоставительный методы. Метод анализа

научной литературы использовался при изучении научных работ по теме исследования. Дескриптивный метод применялся для выявления ключевых идей различных работ по теме исследования. Посредством методов абстрагирования и абдукции были сделаны обобщения в виде предела системного структурализма и предела биоэссенциального детерминизма. Кроме того, методы абстрагирования и абдукции позволили выделить и описать парадоксальные трансформации, носящие метафорический характер, – предела системного структурализма в предел биоэссенциального детерминизма – или языкознания в психолингвистику и языкознания в психологию. Сравнительно-сопоставительный метод использовался для сопоставительного анализа пределов системного структурализма и биоэссенциального детерминизма.

Оговоримся сразу, что в данной статье мы следуем не индуктивным или однозначно абдуктивным путём, а скорее дедуктивным: т.е. не выводим из трудов учёных свои заключения – в условиях ли полной ясности, в условиях ли частичной неопределённости, – а опираемся в своих суждениях на мнения учёных, действуя при этом в условиях частичной неопределённости. Поскольку в таком случае ссылки не носят исчерпывающий характер, то они приведены преимущественно в иллюстративных целях. Возможно, данный подход может быть назван подгонкой доказательств под результат – но, с другой стороны, индуктивный метод даёт вероятностные результаты, а дедуктивный – истинные. Как подчёркивает Е. С. Кубрякова: «Именно в лингвистике, где опора на накопленные в ней эмпирические данные особенно важна, велика и опасность полагать, что здесь господствует один индуктивный подход и что лишь факты диктуют определенный способ их представления» [\[1, с. 164\]](#). Тем самым, в данном исследовании реализован не строгий и упорядоченный подход в науке, а хаотический и произвольный – и продолжая описанные в №№ 9 и 10 (2024) и №1 (2025) журнала «Философская мысль» идеи, можно сказать, что методология исследования воплощает биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигму.

Кроме того, принимая во внимание замечание А. А. Залевской и С. И. Тогоевой: «в океане детальных описаний отдельных «концептов» или языковых явлений, к сожалению, теряются попытки теоретически осмысливать не вполне очевидный сиюминутный результат, а общетеоретический потенциал прослеженной особенности, которая может оказаться закономерностью, важной для разработки теории объяснительного типа» (выделение авторское) [\[2, с. 100\]](#), мы считаем данный подход перспективным в век переизбытка информации. Примем во внимание и положения теории Т. С. Куна: наука не развивается кумулятивно, и вместо дальнейшего разрастания нормальной науки есть смысл перейти на новый уровень.

В то же время очевидно, что обилие информации по определённой теме делает перспективным проведение обзорных исследований – что может пониматься как теоретическая и практическая значимость данного исследования, показывающего возможные направления дальнейших научных изысканий.

Кроме того, теоретическая значимость исследования заключается в философском осмыслении языкознания и психолингвистики. Практическая значимость исследования заключается в перспективе развития междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки биоэссенциально-детерминистической парадигмы. Поскольку биоэссенциально-детерминистическая парадигма может рассматриваться как расширенная антропоцентрическая парадигма, то есть смысл описать её биоэссенциальный базис.

Новизна исследования заключается в осмыслении роли биоэссенциально-детерминистической парадигмы (антропоцентрической парадигмы в широком смысле) при трансформации языкознания в психолингвистику.

Структура статьи. В разделе **Что есть парадигма?** описано понимание парадигмы в лингвистике. Показано, что при различных пониманиях парадигмы можно выделить общее. В разделе **Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая парадигмы** описаны системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая парадигмы как две основных парадигмы в лингвистике. В разделе **Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как точка опоры** описана роль биоэссенциально-детерминистической парадигмы в трансформации языкознания в другие науки – психолингвистику и психологию. Показано, что можно понимать психолингвистику и психологию как переход предела системного структурализма в предел биоэссенциального детерминизма (с некоторыми отличиями). В разделе **Заключение** представлены выводы.

Что есть парадигма?

Впервые данный термин появляется в монографии Т. С. Куна «Структура научных революций». Термин является многозначным и имеет общенаучное употребление. В настоящее время есть множество определений парадигмы. Приведём различные понимания парадигмы в лингвистике.

Так, по В. З. Демьянкову, научная парадигма – это образец, которому следуют учёные, при этом выбор образца определяется не только объектом исследования, но и отношениями между учёными [\[3, с. 13\]](#). Исследователь отмечает: парадигмы в науке являются аналогом поколений [\[3, с. 15\]](#). В. З. Демьянков указывает: новая научная парадигма появляется в результате научного переворота, при этом изменяется и концептуализация анализируемых явлений [\[3, с. 15\]](#). Учёный пишет о глобальных и локальных научных революциях, отмечая междисциплинарный характер первых и большую частоту вторых, и описывает междисциплинарный характер глобальных научных революций: «глобальные теории тем более революционны, чем в большей степени позволяют воспарить над нуждами данной научной дисциплины» [\[4, с. 24\]](#).

Е. С. Кубрякова последовательно осмысливает характеристики парадигмы в общенаучном смысле и в лингвистике [\[1\] \[5\]](#). Е. С. Кубрякова пишет: парадигма играет направляющую роль, не столько предлагая новые решения, сколько определяя перспективные пути развития науки [\[1, с. 165-166\]](#). На примере парадигм в лингвистике исследователь отмечает особенности наименования школ, направлений и парадигм: школы характеризуются чаще всего по лидерам (хомскианство, соссорианство), направления – по целям изучения языка (сопоставительное, сравнительно-историческое), а парадигмы «получают разные названия, зависящие от того, какое из выделенных нами ее звеньев оказывается в фокусе внимания представителей данной парадигмы знания» [\[5, с. 10\]](#). Е. С. Кубрякова подчёркивает: название парадигмы обуславливается её целеполаганием, «которое одновременно можно рассматривать и как фиксирующее ключевое понятие данной парадигмы» [\[5, с. 13\]](#).

Суммируя различные понимания парадигмы в научном сообществе, Ц. Ц. Огдонова определяет парадигму как хронологически и культурно обусловленную, гетерогенную динамичную систему представлений о языке, генерирующую и развивающую

определённую концептуальную схему теории языка на базе той или иной философии [\[6, с. 46-47\]](#).

Г. Г. Галич отмечает: принятое многими лингвистами определение парадигмы, основывающееся на теории Т. С. Куна, «однозначно указывает на социально-оценочный статус парадигмы, <...> однако ничего не сообщает о ее собственном внутреннем устройстве» [\[7, с. 298\]](#). Анализируя подходы других учёных и обобщая словарные определения, Г. Г. Галич предлагает своё понимание парадигмы, основывающееся на её принципиальных свойствах: полнота, многокомпонентность и однородность формы компонентов. Осмысливая понятие парадигмы в лингвистике, исследователь пишет: «... речь может идти о более или менее полной, целостной системе научных форм, или, в более привычной терминологии, научных направлений, научных походов или конкретных лингвистических наук, которые и могут являться компонентами той или иной парадигмы» [\[7, с. 299\]](#).

О социальном начале научных парадигм пишет и Ф. М. Березин: «на смену одной парадигмы другой большое влияние оказывают и экстралингвистические факторы (социальные и политические), а также личностные, играющие большую роль в принятии или отклонении той или иной парадигмы. При определении причин смены парадигм необходимо знать и интеллектуальную историю той эпохи, в которой формулировалась та или иная парадигма, тот интеллектуальный климат, который повлиял на становление этой парадигмы. С учетом интеллектуального климата необходимо учитывать даже менталитет ученого, участвующего в формировании парадигмы» [\[8, с. 7\]](#). Тем самым, в становлении парадигмы значимую роль играет не столько собственно внутренняя структура парадигмы как знания о чём-либо, сколько человеческий фактор – как на индивидуальном уровне, так и на общественном вплоть до государственного и надгосударственного.

Итак, при всех различиях в понимании научным сообществом парадигмы в лингвистике можно выделить общие черты. Парадигму можно понимать как концептуально обобщённый, динамично развивающийся свод научных представлений, определяющий развитие науки в научном сообществе. Можно сказать, что парадигма – это не только определённая система правил внутри науки. Парадигма – это призма, это оптика, сквозь которую мы смотрим на мир. Так, любая парадигма в лингвистике – это та оптика, сквозь которую мы смотрим на мир как лингвисты.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая парадигмы

Традиционно в языкознании выделяют системно-структурную и антропоцентрическую парадигмы. В. М. Алпатов последовательно описывает их как противостоящие друг другу подходы [\[9\] \[10\] \[11\] \[12\]](#). Учёный отмечает: спор между этими подходами насчитывает не одну тысячу лет [\[10, с. 208\]](#). Исторически первым исследователь называет антропоцентрический подход [\[9, с. 15\] \[12, с. 14\]](#), и считает, что в настоящее время усиливается роль антропоцентрической парадигмы [\[10, с. 218\]](#).

Однако в языкознании есть и другие парадигмы.

Так, Е. С. Кубрякова рассматривает лингвистические парадигмы XX века: структурализм, генеративизм, когнитивизм и неофункционализм. Е. С. Кубрякова отмечает: внутри каждой из данных парадигм были широко представлены конкурирующие исследовательские программы, в то же время имевшие в своём описании общие

теоретические установки [\[5, с. 8\]](#). Тем самым, конкурируют не только парадигмы – о чём пишет В. М. Алпатов, – но и исследовательские программы внутри парадигм: «рост науки попросту невозможен без существования и сосуществования указанных исследовательских программ» [\[5, с. 8\]](#). Заметим, что В. М. Алпатов характеризует другие парадигмы: генеративную (порождающую) Н. Хомского, функциональную, – как исходящие из антропоцентрической [\[12, с. 15\]](#).

В. З. Демьянков считает абсурдным отвлечение от человеческого фактора в языкознании [\[13, с. 15\]](#). Учёный называет лингвистический структурализм попыткой изучения языка в отрыве от человека, приостановленной в связи со становлением антропоцентрической парадигмы, и понимает использование термина **научная парадигма** как одно из первых проявлений антропоцентричной философии науки [\[13, с. 15-16\]](#). В. З. Демьянков подчёркивает: «общественные науки вообще обречены на политеоретичность, а следовательно, на отсутствие единого парадигматического стандарта» [\[13, с. 35\]](#). Тем самым, плюрализм теорий есть следствие влияния человеческого фактора в науке.

Продолжая идеи В. И. Постоваловой, В. А. Маслова развивает теоантропокосмическую парадигму, понимая её как «новый виток антропоцентрической парадигмы» [\[14, с. 164\]](#). В. А. Маслова утверждает: «язык нужно рассматривать в системе – **язык – человек – Бог – космос – культура**» (**выделение** авторское) [\[14, с. 165\]](#). Тем самым, теоантропокосмическая парадигма в понимании В. А. Масловой – это антропоцентрическая парадигма с определёнными изменениями: признание приоритета Божественного Начала в космической обусловленности бытия человека.

В. И. Карасик определяет сложившиеся парадигмы в лингвистике: коммуникативную, культурно-когнитивную и семиотическую – как базовые векторы языка, выделенные на основе фрактального моделирования функций языка: коммуникация, культура и обозначение соответственно [\[15, с. 37-39\]](#).

Помимо традиционно принятых в научном сообществе сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической парадигм, М. Ч. Чеерчиев выделяет описательно-нормативную, или прагматическую, называя её исторически первичной: «описательно-нормативная парадигма была необходимым условием не только установления правил использования языковых единиц, но и возникновения других научных парадигм» [\[16, с. 452\]](#). Как пишет исследователь, в современном языкознании сосуществуют и продолжают развиваться все четыре парадигмы, а выбор парадигмы зависит от целей и задач исследования, и заключает: «описательно-нормативная парадигма непременно сопровождает каждое исследование, какие бы цели и задачи оно перед собой не ставило» [\[16, с. 453\]](#). Именно в рамках этой парадигмы «составляются прежде всего нормативные грамматики, учебники и учебные пособия, справочники по языкам, а также различного рода словари» [\[16, с. 453\]](#).

Г. Г. Галич развивает интегративную парадигму [\[7\]](#). Исследователь рассуждает: в результате научной революции на рубеже XX и XXI веков на первый план вышли антропоцентрические функциональные исследования языка, а системно-структурные исследования оказались забытыми – тогда как именно фонетические и грамматико-лексические структуры языка являются основой выражения выполняемых языком функций общения и познания, – и делает вывод: понимание функций языка невозможно без понимания структур; тем самым, интегративная парадигма позволит объединить

антропоцентризм и системный структурализм [7, с. 299]. Под термином **интегративная лингвистика** Г. Г. Галич предлагает объединить «самые различные версии комплексных, многоаспектных междисциплинарных исследований» [7, с. 301].

О необходимости междисциплинарного подхода в лингвистике утверждает ряд учёных. Так, Ф. М. Березин пишет о парадигме когнитивной лингвистики, объединяющей языкознание, психологию, неврологию и изучения искусственного интеллекта [8, с. 10] в контексте происходящего поворота «от изучения языка к исследованию речи, что позволяет говорить о формировании *речеведения* как особой области исследования в дополнение к *языкознанию*, занимавшему господствующее положение в филологии XX в.» (курсив авторский) [8, с. 12]. В. В. Глебкин описывает главный методологический посыл своей монографии как «призыв к междисциплинарности» [17, с. 314], и отмечает: «междисциплинарность требует новых подходов в построении методологического каркаса теории, но при этом открывает возможность и для более критического взгляда на уже освоенное дисциплинарное пространство» [17, с. 314]. Идеи интегративности развивает и В. А. Маслова. Так, исследователь теоретически осмысливает явление интегративности, и делает вывод: интегративный подход поможет решить «проблемы взаимосвязи языка и сознания, языка и культуры, языка и ментальности, языка и религии, языка и характера» [18, с. 844]. В. А. Маслова и Е. С. Пивовар рассматривают развитие различных научных дисциплин на современном этапе и их взаимосвязанность, и заключают: чтобы отвечать требованиям времени, лингвистика должна быть междисциплинарной, интегративной [19, с. 136]. Е. С. Кубрякова пишет об интегральной парадигме знания, противоположной генеративизму и являющуюся «функциональной по своей общей направленности, конструктивной по своему духу и диктующей в своей установочной части выходы не только за горизонты традиционной структуральной лингвистики, но и за горизонты той жестко организованной и по преимуществу формализованной концепции языка, какой является генеративная парадигма знания» [1, с. 230]. Исследований в русле интегративности, междисциплинарности в лингвистике множество, и впору писать отдельный обзор. Однако многие из них объединяет идея антропоцентричности языка – в противовес ли, с признанием ли системного структурализма.

Т. Е. Владимирова последовательно развивает металингвистическую парадигму. Так, продолжая идеи М. М. Бахтина, Т. Е. Владимирова пишет о металингвистической парадигме и выражает надежду на разработку металингвистической области исследований – экзистенциальной лингвистики [20, с. 26-29]. Т. Е. Владимирова междисциплинарно анализирует языковую картину мира и описывает экзистенциальную картину бытия как актуальную исследовательскую парадигму [21]. Фрактально осмысливая модель языковой личности с позиций лингвистики, психологии и онтологии, Т. Е. Владимирова утверждает металингвистическую парадигму [22, с. 114-117]. Фактически, Т. Е. Владимирова проводит исследования в русле антропоцентрической парадигмы на междисциплинарном уровне.

Как считает Н. В. Бутылов, традиционно выделяются три парадигмы: сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая, – и называет исторически первичной сравнительно-историческую, поясняя это тем, что «сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка» [23, с. 49]. Исследователь называет идею антропоцентричности языка ключевой в современной

лингвистике [\[23, с. 50\]](#), и заключает: «антропоцентрическая парадигма в лингвистике – это то, с чем нельзя не считаться, даже если исследователь работает в традиционных – системно-структурной и сравнительно-исторической парадигмах» [\[23, с. 51\]](#).

В рамках обобщённого представления пониманий научной парадигмы Ц. Ц. Огдонова пишет: парадигмы выделяются по типу и характеру принятых в них объяснений в рамках той или иной науки, и о разных парадигмах: когнитивной, коммуникативной, лингвокультурологической, социолингвистической и т.д., – можно говорить в случае различия установочно-предпосылочной, предметно-познавательной и процедурной частей научных дисциплин [\[6, с. 46-47\]](#). Развивая идеи В. А. Масловой и И. П. Сусова, Ц. Ц. Огдонова пишет: в лингвистике можно выделить три суперпарадигмы – сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую, при этом сравнительно-историческая парадигма является первой в языкознании; по мнению исследователя, в настоящее время доминирующей является антропоцентрическая парадигма [\[6, с. 47-49\]](#).

Итак, при некоторой общности взглядов есть определённые разногласия между учёными касаясь количества парадигм и времени их появления, однако этот вопрос требует отдельного изучения. Отметим, что такие исследования ведутся: так, Е. С. Кубрякова проводит парадигмальный анализ эволюции лингвистических теорий в XX в. [\[1\]](#), В. В. Глебкин описывает смену парадигм в XX в. от изоляционистских парадигм к антропоцентричной и социокультурной [\[17\]](#).

В целом же, даже учитывая порой противоречивые данные от различных исследователей, можно заметить уже в первом приближении, что есть определённые противоречия между системно-структурной и антропоцентрической парадигмами, тогда как какие-либо существенные противоречия между другими парадигмами сложно обнаружить.

Почему противопоставляются именно системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы?

Возможно, причина в том, что системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы соотносятся как предельно абстрактный мир идей и предельно конкретный наблюдатель – точнее, как наблюдаемая часть предельно абстрактного мира идей и предельно конкретный наблюдатель, осуществляющий рефлексию и саморефлексию.

Кроме того, мы считаем, что системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы, понимаемые как проявления системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм в языкознании, соотносятся как форма и содержание. Системно-структурная парадигма понимается как предел формы, а биоэссенциально-детерминистическая – как предел содержания. Если понимать форму как однозначным образом заданный каркас, в котором реализуется форма, а содержание понимать как некоторую сущностную наполненность, обретающую конкретный вид, то логично вытекает следующее: заданность формальными принципами есть реализация системно-структурной парадигмы, а проявленность внутренней сущности содержания есть реализация антропоцентрической парадигмы. Форма и содержание являются крепко спаянными друг с другом, образуя единое целое, и в то же время противоположными.

Отметим и оппонирующие взгляды. Так, В. Н. Волошинов категорически возражает против рассмотрения формы и содержания отдельно друг от друга: «нельзя отрывать

идеологию от материальной действительности знака» [24, с. 26]. Однако именно дифференцированное рассмотрение формы и содержания позволило в том числе выделить и охарактеризовать системно-структурную и биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигмы.

В качестве оппонирующей назовём и позицию Ц. Ц. Огдоновой. Развивая идеи Е. С. Кубряковой, Ц. Ц. Огдонова замечает: отечественной лингвистике свойственна полипарадигмальность, и антропоцентрическая парадигма выступает в качестве суперпарадигмы, включая в себя множество микропарадигм – антропоориентированных дисциплин интегрального характера: психолингвистика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, прагматическая лингвистика, коммуникативная лингвистика и др., – которые пребывают в проникающем взаимодействии друг с другом [25, с. 70-71]. Отметим, что Ц. Ц. Огдонова понимает психолингвистику как микропарадигму антропоцентрической суперпарадигмы – тогда как мы считаем психолингвистику самостоятельной наукой, а не частью части отдельной науки. С другой стороны, если понимать суперпарадигму как парадигму, выходящую за пределы отдельно взятой науки – т.е. понимать антропоцентризм предельно широко: как биоэссенциально ориентированную область научного знания интегрального характера (над-дисциплину, мета-парадигму), – то психолингвистика действительно соотносится с биоэссенциальным детерминизмом как часть и целое.

Кроме того, отметим, что обращает на себя внимание фрактальность объяснения Ц. Ц. Огдоновой строения лингвистики, выражающаяся в префиксальном способе построения словообразовательной парадигмы термина **парадигма**. Тем самым, идея мета-парадигм, представленная в наших статьях в №№ 9 и 10 (2024) и №1 (2025) журнала «Философская мысль», фактически продолжает идеи фрактального объяснения научного знания.

Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как точка опоры

Итак, антропоцентрическая парадигма является одной из древнейших в языкознании.

Антропоцентрическая парадигма в широком смысле – это биоэссенциально-детерминистическая. Антропоцентризм предполагает изучение языка с позиций человеческого фактора, притом язык – априори человеческий, тогда как биоэссенциальный детерминизм предполагает изучение языка с учётом биологически предопределённых ограничений носителя языка, или рассмотрение языка биоэссенциально детерминированного субъекта познания – т.е. исследование языка любых живых существ с учётом обусловленных их природой ограничений. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма может пониматься как расширенная антропоцентрическая.

Однако посмотрев на мир из языкознания сквозь оптику расширенного антропоцентризма, мы автоматически видим этот мир из психолингвистики. Антропоцентрическая парадигма в языкознании – это та оптика, сквозь которую мы смотрим на мир как лингвисты – и оказываемся психолингвистами. Тем самым, биоэссенциально-детерминистическая парадигма, или антропоцентрическая парадигма в широком смысле, становится той точкой опоры, которая оборачивает языкознание в психолингвистику.

Так часть целого становится не просто целым, а другим целым. Часть целого не просто делает целое другим – в данном случае часть целого выворачивает это целое

наизнанку, делая его принципиально иным.

Иначе говоря, в данных случаях парадигма – это не только некоторая часть науки, это и есть сама наука. Системный структурализм в чистом виде – это языкознание, а биоэссенциальный детерминизм – это психолингвистика.

История науки знает примеры, когда новая парадигма объясняет мир точнее прежней. Так, общеизвестными являются такие примеры: в физике это теория относительности А. Эйнштейна, пришедшая на смену классической механике И. Ньютона, а в астрономии – гелиоцентрическая модель Коперника вместо геоцентрической модели Птолемея. Историки науки могут привести и другие примеры, когда новая парадигма в науке приходила на смену прежней.

Однако в данном случае в языкознании дело обстоит принципиально иначе: новая парадигма не лучше и не точнее объясняет мир, чем прежняя. В данном примере под новой парадигмой понимается антропоцентрическая в широком смысле (т.е. биоэссенциально-детерминистическая), под прежней – системно-структурная, хотя применение эпитетов **новая** и **прежняя** к данным парадигмам является некорректным. Более того, как уже упоминалось, В. М. Алпатов отмечает: исторически первой является как раз антропоцентрическая парадигма [\[9, с. 15\]](#). Системно-структурная и антропоцентрическая парадигма в языкознании в маятниковом ритме сменяют друг друга уже не первую тысячу лет [\[10, с. 208\]](#). Антропоцентрическая парадигма объясняет мир не лучше, чем системно-структурная – она делает это иначе, притом иначе настолько, что мы оказываемся совсем в другой науке: вместо языкознания – в психолингвистике.

Более того: как отмечает М. Ч. Чеерчиев, парадигмы в языкознании сосуществуют одновременно [\[16, с. 453\]](#).

Как пишет Р. М. Фрумкина, и в процессе восприятия речи, и в процессе порождения высказывания возможен выбор одной из двух позиций:

- 1) стремление к объективности,
- 2) ориентация на убедительность.

Р. М. Фрумкина подчёркивает: «Конечно, в принципе любой лингвист хотел бы совместить (1) и (2) — описать то, что "есть" и сделать это "красиво". Надо помнить, однако же, что это разные критерии» [\[26, с. 65\]](#). Эти две позиции одновременно присутствуют в языке как потенциально возможные, но взаимонепереводимые, и в реальность воплощается одна из них. Итак, системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы присутствуют в языке одновременно и не являются сводимыми друг ко другу.

Как отмечалось выше, парадигм в языкознании много: сравнительно-историческая, системно-структурная, антропоцентрическая, описательно-нормативная, семиотическая, коммуникативная и др., – однако ни одна из них не меняет само языкознание, не превращает его в другую науку. Данные парадигмы меняют взгляд на мир, но наблюдатель по-прежнему находится в исходной науке – в языкознании.

В то же время биоэссенциально-детерминистическая парадигма в языкознании действительно является новой – хотя фактически существует столько же, сколько и само языкознание. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как причина трансформации языкознания в психолингвистику – тот случай, когда причина наступает позже следствия – точнее, осознание причины наступает позже случившегося

следствия.

С другой стороны, если мы из психолингвистики уберём весь биоэссенциальный детерминизм, то автоматически попадём в языкознание, а именно – в системный структурализм. Тем самым, языкознание и психолингвистика, как и системный структурализм и биоэссенциальный детерминизм, оказываются крепко спаянными между собою – и кардинально отличающимися. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая парадигмы оказываются невозможными друг без друга – и в то же время принципиально различными.

Отметим, что Р. М. Фрумкина приводит психолингвистику в качестве примера науки с отсутствием устоев в виде построений, которые можно было бы «уподобить (именно уподобить!) "аксиоматике"» [26, с. 57]. Исследователь пишет: «появившись в лингвистике с целью описания языка как психического феномена, психолингвистика в то же время была фактически из неё изгнана. Более того – психолингвистика как наука представляет собой «по преимуществу смесь: либо из доброкачественной психологии и посредственной лингвистики (в США), либо из посредственной психологии и доброкачественной лингвистики (в России). Добавим к этому не всегда грамотные, а часто и просто невежественные штудии, где к невнятной психологии и невнятной лингвистике приложена еще более невнятная культурология или социология. Это позволяло, – кстати, и до сих пор позволяет – пренебрегать уже известными закономерностями всех упомянутых наук» [26, с. 57]. Тем самым, методологическая рефлексия лингвистики и психолингвистики видится необходимой. Возможно, рассмотрение психолингвистики как проявления преимущественно биоэссенциально-детерминистической парадигмы, а языкознания – как проявление преимущественно системно-структурной, при этом понимание обеих наук как междисциплинарно связанных, позволит внести ясность в виде некоего условного фундамента – или, говоря языком Р. М. Фрумкиной, «подобия "аксиоматике"». Фактически, языкознание и психолингвистика – разные науки, однако начало имеют общее: совокупность языка как абстрактной знаковой системы и речи как конкретного живого процесса в различных сочетаниях. Так, Е. Ф. Тарасов определяет объектом лингвистики на современном этапе «процесс производства и восприятия речевых сообщений» – а не язык как абстрактную знаковую систему [27, с. 134]. О переходе к речеведению от языкознания говорит и Ф. М. Березин [8, с. 12]. Заметим, что в отличие от языка, речь является одной из высших психических функций.

Разумеется, трансформация языкознания в психолингвистику носит скорее метафорический, нежели буквальный, характер. Хотя трансформация по типу **часть целого становится иным целым**, являясь парадоксальной, действительно имеет место быть.

Однако нельзя не отметить, что биоэссенциально-детерминистическая парадигма в чистом виде – это скорее психология. Ведь предметом психологии фактически являются биоэссенциально детерминированные субъекты – живые существа, имеющие психофизически обусловленные ограничения. Действительно, языкознание и психология – разные науки, имеющие различные истоки: первая рассматривает язык как знаковую систему, вторая – изучает проявление биоэссенциально обусловленной жизненной сути. Тем самым, происходит ещё одна парадоксальная трансформация: **часть одного целого становится другим целым**; парадигма одной науки становится другой наукой.

При всей кажущейся схожести этих трансформаций есть оттенки различия между ними. В

первом случае мы смотрим на мир из языкознания сквозь биоэссенциально-детерминистическую (антропоцентрическую в широком смысле) парадигму, и автоматически оказываемся в психолингвистике, а во втором мы выделяем из языкознания биоэссенциально-детерминистическую (антропоцентрическую) парадигму, и она оказывается отдельной наукой – психологией.

Так, Ц. Ц. Огдонова заключает: «антропологическая переориентация языкознания свидетельствует о смене приоритетов, о переходе к лингвистике антропоцентрической, предполагающей исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом и социумом» [\[25, с. 70\]](#). А В. М. Алпатов подчёркивает: «Один из вечных споров в истории языкознания заключается в том, как рассматривать объект данной науки: как систему правил или как человеческую деятельность» [\[11, с. 202\]](#). Тем самым, описываемые метаморфозы фактически разрешают данный спор.

Кроме того, парадоксальность данных метаморфоз заключается в том, что и психолингвистика, и психология фактически оформились раньше определения биоэссенциально-детерминистической парадигмы. Следствие свершилось раньше причины – притом в обоих случаях.

Думается, что в истории науки такое нечасто бывает. Хотя, если быть более строгими, то следствие свершилось раньше осознания причины, а не раньше самой причины, – что кажется более логичным и менее парадоксальным.

В качестве оппонирующего – но оппонирующего только в первом приближении! – мнения укажем следующее. Осмысливая психологию и лингвистику в контексте социального познания, Р. М. Фрумкина отмечает: и лингвистика, и психология на современном этапе развития – не некие науки-монолиты, цельные и единые, а каждая из них методологически и эпистемологически противоречиво устроена, сочетая в себе строгую научность и произвольную эссеистику, и имея различия между отдельными направлениями внутри каждой из наук [\[28, с. 128-129\]](#). Исследователь указывает: противоречивость и лингвистики, и психологии обусловлена общей для социальных наук ситуацией разрыва между «множественностью областей, в которых они работают, и отсутствием того, что можно назвать теорией среднего уровня по Мертону» (*курсив авторский*) [\[28, с. 129\]](#), – и добавляет: «Полезно осознать не только отсутствие таких теорий, но прежде всего отсутствие потребности в них» (*курсив авторский*) [\[28, с. 129\]](#). Возможно, парадокс, описанный Р. М. Фрумкиной: отсутствие теорий среднего уровня в лингвистике и психологии является одной из причин противоречивости данных дисциплин, и в то же время отсутствует потребность в создании таких теорий, – является одним из двигателей социальных наук.

Р. М. Фрумкина отмечает: «говорить вообще "о лингвистике" или вообще "о психологии" – это большое упрощение, поскольку мы не можем аккуратно зафиксировать рамки нашего обсуждения» [\[28, с. 129\]](#). Лингвистика и психология в своих крайних пределах могут пониматься как системный структурализм и биоэссенциальный детерминизм. В то же время в действительности каждая из этих наук сочетает в себе как строгую научность, так и произвольную эссеистичность – представляя собою каждая причудливую интерференцию системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической парадигм.

И системно-структурная парадигма, и антропоцентрическая – как в своём сопоставлении, так и по отдельности – являются объектом изучения различными исследователями. Так,

В. М. Алпатов последовательно осмысливает вопросы смены парадигм и развития науки. Учёный обобщает: «развитие науки происходит как противоборство хаоса и его упорядочение: открытие новых фактов увеличивает хаос, создание новых теорий позволяет его преодолевать» [12, с. 14], и делает вывод: «революционные и эволюционные этапы в развитии лингвистики чередуются, и такова закономерность научного развития» [12, с. 15]. Как заключает В. М. Алпатов, наука развивается по спирали: магистральные и маргинальные течения сменяют друг друга [29]. Исследователь отмечает: «в истории науки о языке постоянно идет борьба стремления к строгому изучению объекта по образцу естественных наук и с опорой на наблюдаемые факты и желания рассматривать язык вместе с говорящим на нем человеком с учетом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей» [10, с. 217]. Вместе с тем, хаос и упорядочение, революционные и эволюционные этапы в науке можно объяснить проявлением человеческого фактора – личностными склонностями учёных: одни люди тяготеют к практической деятельности, углубляясь в эмпирику и разрабатывая до них созданные теории, а другие – к теоретическому осмыслению действительности, воспаряя над нею и создавая новые теории; учёт человеческих характеров и склонностей позволяет понять причины развития науки [30, с. 4-5]. В. М. Алпатов отмечает: в настоящее время усиливается роль хаоса [10, с. 218].

Как указывают А. А. Залевская и С. И. Тогоева, при проведении языковых исследований является значимым сочетание знаковой системы языка как абстрактного мира идей и опоры на «изначальной чувственной первоосновы языковой картины мира» [31, с. 62]. По мнению учёных, этой цели могут достичь междисциплинарные исследования, в основе которых лежат не уже имеющиеся теории языка, а качественно новые идеи; исследователи предлагают «отталкиваться от уже полученных результатов для формулирования рабочих гипотез и их проверки доступными методами и приёмами» [31, с. 62]. Тем самым, введение биоэссенциально-детерминистической парадигмы, понимаемой как расширенная антропоцентрическая, видится актуальным и обоснованным.

А. А. Залевская и С. И. Тогоева резюмируют: «главным должно оставаться стремление к целостной картине функционирования языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании и подсознании» [31, с. 62]. Поскольку язык является абстрактной знаковой системой которой пользуются конкретные люди, то при изучении языка и сознания пользующихся им людей следует сочетать системный структурный и биоэссенциально-детерминистический подходы.

Заключение

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая (антропоцентрическая в широком смысле) парадигмы действительно противоположны – при том, что в языкознании существуют и другие парадигмы. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая (антропоцентрическая в широком смысле) парадигмы присутствуют в языке одновременно и являются крепко спаянными друг с другом, образуя единое целое – и в то же время противоположны, взаимонепереводимы и не сводимы друг к другу. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая парадигмы невозможны друг без друга – и в то же время принципиально различны.

Предел системного структурализма есть языкознание, предел биоэссенциального детерминизма (антропоцентризма) – психология. Языкознание и психолингвистика –

разные науки, однако начало имеют общее: совокупность языка как абстрактной знаковой системы и речи как конкретного живого процесса в различных сочетаниях.

Отметим ряд парадоксальных трансформаций:

- трансформация по типу **часть целого становится иным целым**: переход языкознания в психолингвистику – когда мы смотрим на мир из языкознания сквозь биоэссенциально-детерминистическую (антропоцентрическую в широком смысле) парадигму, и автоматически оказываемся в психолингвистике (хотя, разумеется, трансформация языкознания в психолингвистику носит скорее метафорический, нежели буквальный, характер);

- трансформация по типу **часть одного целого становится другим целым**: биоэссенциальный детерминизм в чистом виде суть психология – когда мы выделяем из языкознания биоэссенциально-детерминистическую (антропоцентрическую) парадигму, и она оказывается отдельной наукой – психологией;

- при обеих трансформациях причина свершилась позже следствия – точнее, осознание причины наступает после случившегося следствия: биоэссенциально-детерминистическая парадигма определяется в настоящее время, тогда как и психолингвистика, и психология фактически оформились как науки уже давно.

Биоэссенциально-детерминистическая парадигма в языкознании может пониматься как причина трансформации последнего в психолингвистику. Биоэссенциальный детерминизм, выделенный из языкознания в чистом виде, может пониматься как психология.

Столь причудливые метаморфозы можно объяснить увеличением роли хаоса в настоящее время и естественными закономерностями развития научного знания.

Библиография

1. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144-238.
2. Залевская А. А., Тогоева С. И. Разные ракурсы проблемы взаимодействия языка и культуры // Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании: Коллективная монография / Под общей редакцией А. А. Залевской. Тверь: Тверской государственный университет, 2018. С. 89-106. EDN YLUELB.
3. Демьянков В. З. О поколениях и о научных парадигмах // Вопросы филологии. 2010. № 3(36). С. 9-16. EDN NULPUP.
4. Демьянков В. З. О языковых техниках научных революций // Вопросы филологии. 2015. № 1(49). С. 21-34. EDN VFPEIV.
5. Кубрякова Е. С. Понятие "парадигма" в лингвистике: Введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сборник научных трудов / Центр гуманитарных научно-информационных исследований, Отдел языкознания; редколлегия: Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 4-14. EDN MWMQBV.
6. Огдонова Ц. Ц. Научная парадигма как ключевое понятие современной науки о языке // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 10. С. 43-49. EDN ZTUDCZ.
7. Галич Г. Г. Научная парадигма интегративной лингвистики // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 4(44). С. 298-302. EDN

ZVHXСQ.

8. Березин Ф. М. О парадигмах в истории языкознания XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 9-25.
9. Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15-26. EDN RGFDKX.
10. Алпатов В. М. Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. № 1(23). С. 198-220. EDN WAYDFZ.
11. Алпатов В. М. Язык – система правил и язык – деятельность // Историческая психология и социология истории. 2018. Т. 11, № 2. С. 202-220. DOI 10.30884/ipsi/2018.02.09. EDN EQZTET.
12. Алпатов В. М. Революции и эволюции в истории науки (на материале лингвистики) // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции, Нижний Новгород, 29 ноября – 01 декабря 2019 года. Нижний Новгород: Общество с ограниченной ответственностью "Красная ласточка", 2019. С. 13-16. DOI 10.24411/9999-036A-2019-00004. EDN TPAZEX.
13. Демьянков В. З. Термин парадигма в "родном" и "чужом" ареалах // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сборник научных трудов / Центр гуманитарных научно-информационных исследований, Отдел языкознания; редколлегия: Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 15-39. EDN MWMQCF.
14. Маслова В. А. "Вперед к Гумбольдту" как доминанта современного состояния науки о человеке и его языке // Студзеньскія рэспубліканскія навуковыя чытанні "Жыццё, аддаанае Слову" (памяці кандыдата філалагічных навук доцента Генадзя Антонавіча Арцямёнка): материалы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, Віцебск, 26 января 2022 года. Віцебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2022. С. 162-165. EDN LBRBGU.
15. Карасик В. И. Моделирование функций языка // Язык и культура. 2022. № 58. С. 29-42. DOI 10.17223/19996195-58-2. EDN FECXVO.
16. Чеерчиев М. Ч. К вопросу о смене парадигм в языкознании // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4(107). С. 451-453. DOI 10.24412/1991-5497-2024-4107-451-453. EDN RDHMKD.
17. Глебкин В. В. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 368 с. (Humanitas). ISBN 978-5-98712-210-4. EDN VMOMGT.
18. Маслова В. А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками – к новым проблемам и направлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 3. С. 823-847. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847. EDN MOMMLM.
19. Маслова В. А., Пивовар Е. С. Монодисциплинарность в гуманитарных науках – тупиковый путь развития науки // Метафизика. 2022. № 3(45). С. 129-137. DOI 10.22363/2224-7580-2022-3-129-137. EDN WAKKVP.
20. Владимирова Т. Е. Металингвистическая парадигма изучения языковой личности // Метафизика. 2012. № 4(6). С. 26-38. EDN TPLCHP.
21. Владимирова Т. Е. Экзистенциальная картина бытия как актуальная исследовательская парадигма // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2(40). С. 41-52. DOI 10.30982/2077-5911-2019-40-2-41-52. EDN UZQGGI.
22. Владимирова Т. Е. Русская языковая личность как объект металингвистики // Метафизика. 2022. № 3(45). С. 114-128. DOI 10.22363/2224-7580-2022-3-114-128. EDN VHZLPX.
23. Бутылов Н. В. К вопросу о смене парадигм в языкознании // Актуальные проблемы

общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков: Сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции, Москва, 15-16 января 2021 года. Том Выпуск 8. Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2021. С. 49-51. EDN GAKSVF.

24. Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Комментарии В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993. 194 с.

25. Огдонова Ц. Ц. Парадигмальный подход к изучению языковой ситуации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 69-76. EDN MTICAD.

26. Фрумкина Р. М. "Теории среднего уровня" в современной лингвистике // Вопросы языкознания. Российская академия наук. Отделение литературы и языка РАН, 1996. М.: "Наука", 1996. № 2. С. 55-67.

27. Тарасов Е. Ф. К проблеме функционирования языка // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3(45). С. 126-136. DOI 10.30982/2077-5911-2020-45-3-126-136. EDN IOCAZG.

28. Фрумкина Р. М. Психология и лингвистика как контексты социального познания // Пути России: проблемы социального познания: Материалы Международного симпозиума, Москва, 03-04 февраля 2006 года. Москва: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2006. С. 128-144. EDN CYBLEB.

29. Алпатов В. М. История лингвистики: мейнстрим и маргиналы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2(870). С. 9-14. DOI 10.52070/2542-2197-2023-2-870-9. EDN GNSEKT.

30. Алпатов В. М. История идей науки и история людей науки // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы Международной научной конференции, Москва, 28-30 октября 2020 года / отв. ред. О. К. Ирисханова. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2020. С. 3-6. EDN OVGBRX.

31. Залевская А. А., Тогоева С. И. Некоторые вопросы общетеоретического потенциала современных исследований языка // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 4. С. 56-66. EDN VNBWIV.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой работы является биоэссенциально-детерминистическая парадигма (антропоцентрическая парадигма в широком смысле) как причина трансформации языкознания в психолингвистику. Проблемный вектор исследования достаточно интересен, он соотносится с одной из рубрик издания. Автор в начале труда отмечает, что «цель исследования: осмысление факта трансформации языкознания в психолингвистику вследствие принятия биоэссенциально-детерминистической парадигмы в языкознании». Считаю, что выверенная цель задает общую логику научной наррации. Методы исследования вариативны, при этом синкретический характер явно является доминантой. На мой взгляд, изучение проблем языка в спектральной интегративной версии всегда является продуктивным. Работа самостоятельна, оригинальна, информативна; характер стиля – научный, академический. Например, «Е. С. Кубрякова последовательно осмысливает характеристики парадигмы в общенаучном смысле и в лингвистике [1] [5]. Е. С. Кубрякова пишет: парадигма играет направляющую роль, не столько предлагая новые решения, сколько определяя

перспективные пути развития науки [1, с. 165-166]. На примере парадигм в лингвистике исследователь отмечает особенности наименования школ, направлений и парадигм: школы характеризуются чаще всего по лидерам (хомскианство, соссюрианство), направления – по целям изучения языка (сопоставительное, сравнительно-историческое), а парадигмы «получают разные названия, зависящие от того, какое из выделенных нами ее звеньев оказывается в фокусе внимания представителей данной парадигмы знания» [5, с. 10]». Как видим, ссылки и цитации даются верно, серьезная правка текста излишня. Тема работы раскрывается последовательно, планомерно; термины и понятия вводятся в текст грамотно. Можно согласиться, что «теоретическая значимость исследования заключается в философском осмыслении языкознания и психолингвистики», «практическая же значимость исследования заключается в перспективе развития междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований». Текст однороден, при этом автор включает т.н. промежуточные выводы для вероятного поддержания диалога с читателем: например, «Итак, при всех различиях в понимании научным сообществом парадигмы в лингвистике можно выделить общие черты. Парадигму можно понимать как концептуально обобщённый, динамично развивающийся свод научных представлений, определяющий развитие науки в научном сообществе. Можно сказать, что парадигма – это не только определённая система правил внутри науки. Парадигма – это призма, это оптика, сквозь которую мы смотрим на мир» и т.д. Удачно, на мой взгляд, систематизированы работы таких ученых как В.З. Демьянков, В.А. Маслова, Е.С. Кубрякова, В.М. Алпатов, В.И. Карасик и т.д. Внимателен автор статьи к каждой фигуре; конструктивная оценка – показатель качества. Не исключается из текста мысль о преемственности развития научной мысли, и это верно: «Т.Е. Владимирова последовательно развивает металингвистическую парадигму. Так, продолжая идеи М.М. Бахтина, Т.Е. Владимирова пишет о металингвистической парадигме и выражает надежду на разработку металингвистической области исследований – экзистенциальной лингвистики...». Думаю, что некоторые положения могут быть развернуты в новых исследованиях, вариант дополнений также, на мой взгляд, стоит оценить положительно. Маркировка наиболее важных понятий дает возможность читателю сконцентрировать взгляд: например, «В. З. Демьянков считает абсурдным отвлечение от человеческого фактора в языкознании [13, с. 15]. Учёный называет лингвистический структурализм попыткой изучения языка в отрыве от человека, приостановленной в связи со становлением антропоцентрической парадигмы, и понимает использование термина НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА как одно из первых проявлений антропоцентричной философии науки...», или «Разумеется, трансформация языкознания в психолингвистику носит скорее метафорический, нежели буквальный, характер. Хотя трансформация по типу часть целого становится иным целым, являясь парадоксальной, действительно имеет место быть» и т.д. Материал удачно использовать при изучении ряда лингвистических дисциплин. Выводы соотносятся с основным блоком; в частности автор указывает, что «биоэссенциально-детерминистическая парадигма в языкознании может пониматься как причина трансформации последнего в психолингвистику. Биоэссенциальный детерминизм, выделенный из языкознания в чистом виде, может пониматься как психология». Библиографический список объемён; тема работы раскрыта, поставленная цель достигнута. Рекомендую статью «Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как точка опоры» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чэнь Ш. Языковая личность российского актера в зеркале самопрезентации (на фоне языковой личности китайского актера) // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.73677 EDN: CHYTDI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73677

Языковая личность российского актера в зеркале самопрезентации (на фоне языковой личности китайского актера)

Чэнь Шань

ORCID: 0009-0003-8856-6673

старший преподаватель; кафедра Русского языка; Синьцзянский университет
аспирант; кафедра Современного русского языка и методики его преподавания; Новосибирский
государственный педагогический университет

630126, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Октябрьский р-н, ул. Вилуйская, 45

✉ 136315281@qq.com

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.73677

EDN:

CHYTDI

Дата направления статьи в редакцию:

13-03-2025

Аннотация: Объектом настоящего исследования является языковая личность российского актёра в самопрезентационной деятельности. Источником материала для исследования выступили тексты жанра интервью из интервью в российских и китайских онлайн-журналах. Единицей анализа в нашей работе является самопрезентационное высказывание, то есть такой отрезок речи, содержащий сведения о личности и личностной сфере говорящего (профессия, семья, работа и т. д.), целью которого является создание имиджа у читателя интервью. Статья посвящена анализу языковой личности российского актера в ракурсе самопрезентационной деятельности, формирования образа говорящего, его имиджа с учетом ценностных ориентаций и способов речевого воздействия на адресата. Выбранный ракурс исследования (самопрезентация) концентрирует внимание на имиджевой функции жанра интервью и дает возможность разработать модель описания профессиональной языковой личности, в которой в центре внимания находятся профессиональные и личностные ценности.

Исследование опирается на трехчастную структуру языковой личности (Ю. Н. Караулов), на теорию стратегий и тактик речевого воздействия (О. С. Иссерс), типологию социальных идентичностей (В. С. Агеев и др.). в работе используются методы контекстуального и стилистического анализа, сопоставительный анализ, элементы статистической обработки языкового материала. Языковая личность российского актера ранее не становилась объектом лингвистического анализа. В данной работе сопоставление самопрезентационных высказываний российских актеров в жанре интервью с аналогичными высказываниями китайских актеров позволило установить, что одни ценности и коммуникативные тактики самопрезентации российских актеров являются универсальными, не зависящими от национальной принадлежности, культурных стереотипов, другие ценности и тактики определяются национально-культурной спецификой носителей языка. На основании анализа мотивационного уровня языковой личности установлено, что российские актеры гораздо охотнее описывают субъективные, ментальные переживания, в то время как китайские актеры чаще сосредотачиваются на объективных и наблюдаемых явлениях действительности. Существенное преобладание косвенных самопрезентационных высказываний над прямыми способами самопрезентации, примерно равное соотношение тактик сокращения дистанции и дистанцирования, преобладание позитивных оценок описываемых явлений над негативными в жанре интервью российских и китайских актеров можно считать универсальными признаками данного типа текста, не зависящими от национально-культурной специфики, национального менталитета.

Ключевые слова:

профессиональная языковая личность, российский актер, китайский актер, русская языковая личность, китайская языковая личность, идентичность, иерархия ценностей, речевая стратегия, самопрезентация, речевые тактики самопрезентации

Понятие «языковая личность» в современной лингвистике, несомненно, принадлежит к числу базовых. До настоящего времени не теряет актуальности определение, данное Ю. Н. Карауловым: языковая личность – это «...любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [\[19, с. 671\]](#). Данная концепция, выделенные характеристики и способности человека задали мощный научный вектор, определив как саму структуру языковой личности (вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационно-прагматический уровни), так и методологию ее исследования. Категория языковой личности явилась решением на запрос о развитии антропоцентрического направления лингвистики, а работа Ю. Н. Караулова дала толчок развитию целому направлению в лингвистике, именуемому лингвистическая персонология [\[17\]](#), или лингвоперсонология [\[9, 13 и др.\]](#). В итоге, как указывает Т. В. Кочеткова, с 1990-х гг. понятие «языковая личность» «...становится стержневым системообразующим филологическим понятием. Большинство исследователей в настоящее время оно оценивается как интегративное, послужившее началом нового этапа в развитии языкознания – антрополингвистики» [\[12, с. 15\]](#). В то же время, несмотря на значительное количество работ, посвященных языковой личности, стоит отметить множество научных лакун разного рода. К таким лакунам можно отнести типологию языковых личностей, вопросы о глубине анализа,

достаточности языкового материала и адекватных лингвистических методах исследования.

Как известно, Ю. Н. Караулов ввел понятие общерусского языкового типа, национальной русской языковой личности, а впоследствии же было разработано множество типологий языковой личности. С. В. Оленев справедливо отмечает, что в зависимости от вектора научных интересов, мы можем говорить о самых разнообразных типах языковой личности: об «авторитарной, маргинальной, литературной, элитарной, диалектной, обаятельной, этнокультурной, гендерной, исторической, словарной, переводящей языковой личности» [\[18, с. 24\]](#). Среди разновидностей языковых личностей в лингвистике была описана профессиональная языковая личность [\[3, 4\]](#). Ученые выделяют следующие основополагающие характеристики профессиональной языковой личности: 1) «деятельность в специальной сфере»; 2) «социальная полифункциональность, понимаемая способность к актуализации нескольких социальных ролей, требующих разной степени освоения мира»; 3) «формирование научной картины мира в процессе образования (обучения)» [\[3, с. 102\]](#). Относительно второй характеристики стоит отметить, что, как показал наш анализ, в современном профессиональном интервью актера им демонстрируются различные стороны его жизни, разные социальные идентичности (принадлежность к виду деятельности, семья, увлечения и т. д.).

В настоящее время в лингвистике получили развернутое описание языковые личности учителя, политика, спортивного комментатора, ученого, а языковая личность российского актера не становилась объектом лингвистического анализа, при этом кино и театр являются важнейшей компонентой культуры и искусства, базой для формирования картины мира носителей языка. В данной работе представляются результаты исследования языковой личности российского актёра на фоне языковой личности китайского актера, поскольку сравнение речевого поведения российских и китайских актеров позволяет полно и адекватно описать языковую картину мира данной профессиональной группы носителей русского языка.

Объектом настоящего исследования является языковая личность российского актёра в самопрезентационной деятельности. Источником материала для исследования выступили тексты жанра интервью, поскольку, как указывает О. С. Иссерс, жанр интервью является эффективным способом создания имиджевых ролей [\[10\]](#).

Единицей анализа в нашей работе является самопрезентационное высказывание. Под высказыванием-самопрезентацией мы будем понимать отрезок речи, содержащий сведения о личности и личностной сфере говорящего (профессия, семья, работа и т. д.), целью которого является создание имиджа у читателя интервью. Основным формальным признаком, который лежит в основе отбора материала наряду с содержательным – это наличие в таком высказывании личных местоимений «я», «мы», а также притяжательных местоимений «мой», «наш» формах. В качестве материала для исследования нами собрано 1741 самопрезентационных высказываний (898 – российских и 843 – китайских актеров) из интервью в российских онлайн-журналах «Театр To Go», «Кино-Театр.ру», «Газета.Ru», «Кино Mail.ru» и китайских онлайн-журналах 南方人物周刊 («Южный еженедельник»), 独家对话 («Эксклюзивный репортаж»), 第一财经 («Китайский бизнес»), 名人面对面 («Лицом к лицу с знаменитостями»), 凤凰卫视《名人面对面》 («SFace – Встреча со знаменитостями») и др.

Цель статьи – описание уровней языковой личности российского актера в

самопрезентационном аспекте на фоне языковой личности китайского актера. *Вербально-семантический уровень языковой личности* предполагает анализ предпочитаемых лексических и грамматических средств языка, отбираемых носителями языка в речевой деятельности. *Когнитивный уровень языковой личности* – это система смыслов в её картине мира. Этот уровень можно назвать тезаурусом языковой личности, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, ценности, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в картину мира. *Прагматический уровень языковой личности* включает в себя цели, мотивы, интересы, творческие потенции человека, его устремления, установки, оценки, проявляющиеся в речевой деятельности. В центре нашего внимания находятся неречевые задачи языковой личности, поскольку, по Е. И. Головановой, «за любыми действиями, поступками той или иной личности, ее отношением к другим людям стоит комплекс присущих индивиду и соответствующей профессиональной субкультуре идей, ценностей, взглядов, потребностей, интересов и убеждений» [5, с. 423]. Кроме того, вербально-семантический и когнитивный уровни языковой личности тесно слиты, и анализ когнитивного уровня вытекает из анализа вербально-семантического уровня, поэтому вначале рассмотрим лексико-тематическое наполнение отобранных самопрезентационных высказываний, а затем, используя прием сравнения высказываний российских и китайских актеров, сделаем выводы о различиях в национальных языковых картинах мира. Анализ прагматического уровня языковой личности будет основываться на выявлении тактик самопрезентации актеров в жанре интервью.

Собранные самопрезентационные высказывания были поделены нами на 12 тем в соответствии с различными видами социальной идентичности: работа/профессия, семья, хобби, образование, характер, здоровье и внешность, возраст, место жительства, умения, привычки/образ жизни, вера/религия, пол (о видах идентичности см., например, в работе В. С. Агеева [1]). Результаты статистического анализа даны в табл. 1.

Таблица 1 – Тематическое распределение самопрезентационных высказываний российских и китайских актеров в текстах интервью

Темы	Российские актеры	Китайские актеры
Работа/профессия	53,90%	49,80%
Семья	14,60%	15,10%
Привычки/образ жизни	6,70%	11,40%
Хобби	6,70%	2,70%
Характер	6,00%	8,70%
Образование	3,70%	1,70%
Место жительства	2,10%	2,20%
Возраст	1,70%	4,30%
Здоровье/внешность	1,20%	1,30%
Пол	1,20%	1,30%
Умения	1,10%	0,80%
Вера/религия	1,10%	0,70%

Профессиональная идентичность представлена в исследованиях Л. Б. Шнейдер [21, 22], S. V. Bentley, K. Peters, S. A. Haslam, K. H. Greenaway [23]. Было установлено, что профессиональная идентичность является неотъемлемой частью личности, представляет собой внутреннее и внешнее соотнесение индивида себя с определенной профессией и

профессиональной группой, включает в себя когнитивные, эмоционально-волевые и поведенческие компоненты, требует осмысления своих профессиональных навыков. Анализ самоидентификационных высказываний российских и китайских актеров позволил установить иерархию ценностей, отраженных в профессиональных интервью, и показал, что актеры разных национальностей одновременно и в чем-то одинаково (универсально), и несколько по-разному отражают различные виды ценностей. Рассмотрим результаты анализа подробнее.

Как в интервью российских, так и китайских актеров лидирующие позиции занимает тема работы (53,9% высказываний в интервью российских актеров и 49,8% – китайских). Анализ лексических профессиональных доминант был представлен нами в статье «Лексико-семантическое поле «кино» в русском языке (на фоне китайского языка)» [\[13\]](#). При этом у российских актёров лидируют вопросы процесса съёмки фильма – 87 высказываний (18 %), героя/персонажа – 78 (16,1 %), карьерного роста – 67 (13,9 %); ср. у китайских актёров: темы «герой/персонаж» – 88 (20,6 %), «профессиональное развитие» – 85 (19,9 %), «карьерный рост» – 72 (16,8 %), «процесс съёмки» – 38 (8,9 %).

Хотя количество высказываний о своих ролях, сыгранных в кино, точнее говоря, об особенностях героев/персонажей в фильмах, соотносимое, примерно одинаковое, по своему содержанию они несколько различаются. Так, российские актеры сосредотачиваются на уникальности своих ролей, герои их фильмов необычные, выдающиеся, например: *Но продюсерам казалось, что именно я должен сыграть Соболева. Это такая компиляция человека, который был бы **начитанным, образованным и культурным, но в то же время мог бы и по роже съездить*** (Иван Колесников); *Мне хотелось бы сыграть какую-то **очень** злобную злодейку* (Мария Мацель); *Я бы так сказала: Алла **необычная обычная** женщина* (Елена Подкаминская). Актеры испытывают сильные чувства, создавая необходимые образы: *Я играю там совсем небольшую роль ангела, но она для меня **невероятно ценная*** (Федор Федотов); *Здорово, что мой персонаж на меня, надеюсь, не похож – у него **довольно мерзкий** характер, и он умудряется сильно портить жизнь окружающим* (Федор Федотов).

Ср. с высказываниями китайских актеров, которые также сосредотачиваются на своем сходстве с героем, но при этом не выдвигают вперед свои эмоции, переживания, например: *我好像只是吃饭、睡觉, 每天一起床化妆, 就变成了另外一个人, 永远活在别人的语境里、别人的世界里、别人的思维里. Казалось, что я просто ем, сплю и наношу макияж, как только просыпаюсь каждый день. Я становлюсь другим человеком, вечно живущим в чужом контексте, чужом мире, чужом сознании* (胡歌 Ху Гэ). Китайские актеры чаще говорят о воздействии своего персонажа на зрителя: *我希望能让观众朋友们在我的身上, 真真切切地感受到李响这个人物的存在. Я хочу, чтобы зрители и друзья действительно почувствовали во мне присутствие этого персонажа* (陈飞宇 Чэнь Фэй Юй). Кроме того, поднимаются производственные вопросы, связанные с национальностью актера: *长期以来, 亚裔演员一直只能拿到刻板或无关紧要的角色. Азиатские актеры долгое время получали только стереотипные или несущественные роли* (杨紫琼 Мишель Йео).

Российские актеры предпочитают говорить о процессе создания фильмов, получая от него удовольствие или страдая от него, а также находя процесс создания фильма очень полезным для своей реальной жизни: *Мне кажется, артист ловит свой определенный кайф, когда он может столкнуться на **съёмочной площадке** с тем, с чем никогда не столкнулся бы в своей реальной жизни* (Никита Павленко); *Каждый раз, **стоя перед камерой**, я всегда решаю свои внутренние проблемы и пытаюсь что-то для себя понять,*

что-то в себе изведать новое (Наталья Щукина). В то время как китайские актеры чаще всего описывают фактические подробности съемки в контексте рассказа о специфике своей работы. Ср.: 我们当时看完剧本觉得这一段稍微平了一些,就在片场和导演一起聊,把自己代入角色,把他们真正想说的话说出来。也就一个小时吧,就把戏对出来了,拍摄的时候也很顺畅,一条就过了。Мы прочитали сценарий и подумали, что он немного плоский, поэтому мы поговорили с режиссером на съемочной площадке, вживаясь в персонажей и говоря то, что они действительно хотели сказать. Нам потребовалось всего около часа, чтобы доработать сцену, а съемки прошли гладко, и мы сняли ее с одного дубля (祖峰 Цзу Фэн).

Тема карьерного роста представлена в интервью российских и китайских актеров одинаково и по количеству (российские – 67 высказываний = 13,9 %, китайские – 72 высказывания = 16, 8%), и по качеству. Прежде всего, безусловно, актеров интересуют признание зрителей или профессиональные премии, ср.: *Работники нашей школьной столовой говорили: «Видели тебя на "России"» (Мария Мацель); Значит, не судьба мне съездить в Канн. Поеду на фестиваль «Улыбнись, Россия» в Тулу. И будет мне там хорошо (Никита Владимиров); 大家能记住我的角色就是我演戏的目的,我相信只要我角色演得好,大家以后就会知道有个演员叫陈雨锶。То, что люди могут запомнить моего персонажа, является целью моей актерской работы, и я верю, что если я буду хорошо играть свою роль, то люди впоследствии узнают, что существует актер по имени Чэнь Юй Сы (陈雨锶 Чэнь Юй Сы); 21年,我所有演的戏都被提名了。В 2021 году меня номинировали за все спектакли, в которых я участвовал (吴越 У Юэ).*

Китайские актеры считают, что для профессионального роста нет возрастных ограничений, действуя по принципу «Живи до старости, играй до старости», например: *艺术创作不以年龄为分界,而是源自对日常生活的敏锐感知,对所处社会始终关注的能力,以及扎实的专业基本功。我想,创作的原动力应该就来自于此。Художественное творчество не делится по возрасту, а проистекает из острого восприятия повседневной жизни, способности постоянно заботиться о своем обществе и солидных профессиональных базовых навыках. Я думаю, что движущая сила творчества должна исходить именно из этого (奚美娟 Си Мэй Цзюань). Важно также отметить, что китайских актеров больше волнует их личная карьера: станут ли они более известными и получат ли большую финансовую выгоду, например: 我跟你说不喜欢赚钱是假的,都是苦出身,都是吭哧吭哧自己一步一步得来的。Это неправда, когда я говорю, что мне не нравится зарабатывать деньги, мы все пришли из простых семей, мы все добивались этого шаг за шагом, пыхтя и отдуваясь (郑恺 Чжэн Кай); 名和利来了,就去接受,但这是大家赋予的,要用更好的表演去回馈。Когда приходят слава и богатство, берите их, но их дарили все, и вы должны отдать их лучшими выступлениями (刘欢 Лю Хуань). Подобные высказывания отсутствуют в интервью российских актеров.*

Также интересно отметить, что российские актеры считают, что кино и театр неразделимы. Например: *Без театра **работа в кино** для меня невозможна (Федор Федотов); В том, почему **кино не сможет заменить театр**, я точно не озвучу что-то новое (Елена Яковлева); В кино у меня небольшой режиссерский опыт, **в театре – больше** (Евгений Цыганов). Театр может просветить людей о жизни, например: На мой взгляд, **театр иногда больше**, чем публицистика, может «включить» людей в смыслы этой жизни (Игорь Скляр). Китайские актеры подчеркивают, что театр и кино сильно отличаются друг от друга: 人艺一直到现在都会对我有影响,因为我觉得戏剧跟电影和电视剧不同,戏剧它是别的形式,当然你要说影视剧这三个都是不可替代的。Народное искусство всегда оказывало и продолжает оказывать на меня влияние, потому что я считаю, что театр отличается от кино и драмы, театр – это другие формы, конечно, кино, телевидение и театр - все эти три направления незаменимы. (徐帆 Сюй Фань).*

При анализе мотивационного уровня языковой личности актера мы будем опираться на

классификацию тактик самопрезентации А. В. Аксеновой, предполагающую широкий, то есть внежанровый, взгляд на эту стратегию. Данная классификация тактик самопрезентации основана на анализе различных жанров, различных коммуникативных условий и включает следующие оппозиции тактик: по отношению к статусу (дистанцирование или сокращение дистанции), по знаку формируемого отношения (позитивные или негативные), по способу выражения (прямые или косвенные), по направленности (внешние или внутренние) [2, с. 109-114]. Рассмотрим указанные типы тактик на нашем материале.

1. По способу выражения (прямая или косвенная самопрезентация). Прежде всего стоит понимать, что самопрезентация личности (то есть представление информации о себе окружающим) может быть выражена прямо или косвенно. Ср. анализ прямых, косвенных и скрытых самоидентификаций в работе М. А. Лаппо [14]. Синтаксическими моделями прямого выражения являются такие типы предложений, которые буквально отвечают на вопросы *Кто я? / Кто мы? / Нравится ли мне быть кем-то?* и *Какой я? / Какие мы? / Нравится ли мне быть каким-то?* Например: *Для меня же советские пьесы – современные. Я – дитя СССР, я всё это застал* (Анатолий Смиранин); *У нас такая замечательная профессия, где радуешься встрече со зрителем* (Анатолий Смиранин); *不管是电影还是电视剧, 不管是荧幕还是舞台, 我喜欢的是作为演员本身, 不管任何形式我都愿意尝试. Будь то фильм или телесериал, будь то на экране или на сцене, я люблю быть актером, и я готов попробовать себя в любой форме* (蓝莹莹 Лань Инин).

Количество прямых самопрезентационных высказываний как у российских, так и китайских актеров невелико, в большинстве высказываний используются косвенные способы самопрезентации (92,3 % – в российских, 91,5 % – в китайских интервью). См., например, как А. Смиранин говорит о том, что он известный актер, здесь смысловой акцент смещается на поведение зрителей при случайной встрече («иногда узнают в транспорте») и на переживаемые эмоции («приятно слышать»): *Я бы даже сказал, что 20 лет назад театр «Сфера» был менее известен, а сейчас меня иногда узнают в транспорте как актёра театра «Сфера», приятно слышать хорошие слова!* (Анатолий Смиранин). Или, в высказывании китайского актера, когда говорящий включая себя в профессиональную группу, приписывает ей необходимое поведение, и, конечно, говорит о самом себе, а именно о своих профессиональных умениях: *我认为, 演员要先学会生活, 才能在演每一个角色的时候, 把生活的质感带到角色里. Я думаю, что актеры должны сначала научиться жить, чтобы, играя каждую роль, переносить текстуру жизни в свою роль* (蒋雯丽 Цзян Вэньли).

Таким образом, можно увидеть, что косвенная самопрезентация, включая несоответствие между интенцией и буквальным значением языковых средств, служит определенной коммуникативной задаче: передать положительную самооценку не буквально, а опосредованно, завуалированно, что соответствует этической норме «не хвалить себя».

2. По отношению к статусу (дистанцирование или сокращение дистанции). Профессия актера предполагает особое использование статуса: с одной стороны, он должен быть «не таким, как обычный человек», чтобы вызвать интерес зрителя к своей персоне. По отношению к статусу все интервьюируемые демонстрировали тактики дистанцирования от адресата (в терминологии А. И. Дубских, дивергенции [6]), что можно объяснить той специфической задачей, которую выполняет интервью: его берут у специалиста с целью восполнить некий пробел в знаниях и опыте. Следовательно, адресант часто подчеркивает принадлежность к определенному профессиональному сообществу. С

другой стороны, поклонники также часто нуждаются в том, чтобы их любимый актер был «обычным человеком», таким же, как все другие, тогда привлекается тактика сокращения дистанции, или сближения с адресатом (в терминологии А. И. Дубских, конвергенции [Там же]).

Тактика «дистанцирование» представлена в 56,05 % рассмотренных нами высказываниях российских актеров, тактика «сокращение дистанции» – 41,6 % (нечеткое отношение к дистанции – 0,32 %). Ср. с данными в интервью китайских актеров: «дистанцирование» – 55,4 %, «сокращение дистанции» – 38,7% (нечеткое отношение к дистанции – 2,1 %). Таким образом, различия в представлении себя в соотнесении с другими людьми в сфере актерской деятельности между россиянами и китайцами не являются значительными.

В жанре интервью тактика «дистанцирование» используется с целью укрепления или создания привлекательного образа, подчеркивания достижений, например: *Сегодня мне 80 лет, а фигура сохранилась* (Вячеслав Спесивцев); *我这一生真的是, 老天对我特别好, 给了我一个最喜欢的职业, 又让我能一直从事这个职业. Вся моя жизнь была действительно такой, что Бог был особенно добр ко мне, дал мне одну из моих любимых профессий и позволил мне продолжать эту профессию* (萨日娜 Са Жина). Актеры демонстрируют свою уникальность, отличия от других людей, например: *在我看来, 舒适圈待久了, 人是不会进步的. На мой взгляд, круг комфорта длится долго, люди не прогрессируют* (梅婷 Мэй Тин); *Я часто пою и почти все делаю под музыку. Но на первом месте для меня кино, потом – дубляж, дальше – языки* (Виталия Корниенко).

Тактика «сокращение дистанции» позволяет сохранить внимание и привязанность аудитории, подтверждая значимость актера через связи с другими коллегами и оказываемое воздействие на зрителей, например: **Мы с ним на этом проекте подружились и общаемся с ним.** Он [Дмитрий Павленко] вегетарианец, и у него черный пояс по айкидо (Антон Батырев); *А отклик у зрителя, мне кажется, вызывают истории, которые рассказаны искренне, талантливо и с любовью к людям* (Елена Яковлева); *第一次遇到网络对我的谩骂时, 我整个人都很蒙, 也特别委屈, 一直哭, 一直生气, 想着写一些自己的想法跟大家解释, 直到后来朋友安慰我说, 演员是演角色, 和本人没有关系, 别人骂你说明你塑造角色成功了, 我才逐渐适应. Когда я впервые столкнулась с оскорблениями в Интернете, я чувствовала себя очень растерянной и обиженной. Я все время плакала, все время злилась и думала, как бы всем все объяснить; потом мой друг утешил меня и сказал: «Актеры играют роли, сами актеры тут ни при чем, и когда тебя ругают, это значит, что ты успешно справились со своей ролью», и я постепенно приспособилась к ситуации* (马丽 Ма Ли). В последнем контексте сокращение дистанции выражается в описании себя как обычного человека, с обычными переживаниями, а также в том, что друг (семантика близости) может утешить, поддержать.

3. По знаку формируемого отношения (тактики позитивной или негативной оценки). Доля использования высказываний, сопровождаемых позитивными и негативными оценками, у российских и китайских актеров приблизительно равна. Ср. показатели оценочной семантики: позитивная оценка (66,3% – российские, 68,3 % – китайские актеры), негативная оценка (18,0 % – российские, 16,5 % – китайские актеры), нейтральные высказывания (15,7 % – российские, 15,3 % – китайские актеры). Преобладание позитивных самопрезентаций объясняется спецификой жанра интервью, так как, по Е. А. Ковригиной, макроинтенция интервьюируемого заключается в позитивном позиционировании себя [11, с. 4-5].

И «негативные», и «позитивные» оценки в самопрезентационных высказываниях актеров

касаются своего поведения, характера, отношения к чему-либо, например: 我也很社恐。也不太容易融入到一个团体。Я также ужасно боюсь общения. Мне также нелегко вписаться в группу (白敬亭 Бай Цзин Тин); Мне предложили роль у хороших продюсеров и прекрасного режиссера с отличным сценарием (Антон Батырев); У нас много мрачных и жестких фильмов (Милош Бикович).

4. По направленности (тактики внешней или внутренней направленности). Деление тактик самопрезентации на внешние и внутренние связано с направленностью описания на объективные и наблюдаемые элементы действительности (статус, роль в кино, выражение лица и пр.) или на внутренние, ментальные, субъективные (переживание, отношение, позиция, общеоценочное значение кого-чего-либо).

Российские актеры в жанре интервью гораздо чаще, чем китайские актеры, используют тактику внутренней направленности самопрезентации (ср. 87,1 % у российских и 68,5 % у китайских актеров). При этом соотношение внутренней и внешней направленности одинаковое: о своих эмоциональных переживаниях и российские, и китайские актеры говорят гораздо чаще, чем об объективной действительности. Рассмотрим примеры таких высказываний.

Тактика внутренней направленности высказывания используется, во-первых, для описания целей, планов, например: В дальнейшем я буду по-другому совсем выстраивать политику в отношении карьеры (Евгений Матвеев); 我很喜欢动画片, 有机会还是会配音, 因为这个很有意思。Я очень люблю мультфильмы, и у меня есть шанс все еще их озвучивать, потому что это интересно (姜文 Цзян Вэнь). Во-вторых, для описания мировоззрения, ценностей, например: Я видела, что моя мама счастлива как женщина в том числе из-за этого. Из-за того, что папа много делал, но мало говорил (Мария Аронова). В-третьих, для описания отношений с коллегами, например: Он абсолютно в моем сердце – я увидела [Юрия Хмельницкого] профессионального человека, который четко понимает, чего хочет. Он очень гибок и готов к каждому съемочному дню (Мария Аронова); 当我身边的朋友遇到类似(被造谣)的事的时候, 我愿意为他们挺身而出。Когда мои близкие друзья сталкиваются с чем-то подобным [дезинформацией], я готов выступить за них (董成鹏 Да Пэн).

Напротив, доля высказываний, описывающих ситуацию с объективной, внешней стороны, более чем в два раза выше у китайских актеров (264, что составляет 31,5 %), чем у российских (115 – 12,9 %). При этом стоит отметить, что внешние элементы, какие-либо факты из жизни чаще всего приводятся в контексте внутренних переживаний актера. Например: У меня был чудесный педагог Антон Лещинский, который сейчас преподаёт и в ГИТИСе, и в Щепке, ставит спектакли, работает в Ленкоме и ещё много чем занимается (Анатолий Смиранин); 异乡漂泊的生活也是我成长经历的写照, 为了学习表演, 我背井离乡在南京求学, 后来又辗转北京寻找机会。Жизнь в чужих краях – это тоже отражение моего воспитания. Чтобы изучать актерское мастерство, я покинул родной город и продолжил обучение в Нанкине, а затем переехал в Пекин в поисках новых возможностей (白宇帆 Бай Юй Фань).

Подведем итоги. Сопоставительный анализ самопрезентационных высказываний российских актеров в жанре интервью с аналогичными высказываниями китайских актеров позволил сосредоточиться на когнитивном уровне языковой личности и установить, что тема работы в жанре интервью актера является основной. Этому способствуют как вопросы, заданные актеру, соответствующие целевой направленности изучаемого нами жанра речи, так и профессиональные интересы интервьюируемого. При этом, если в интервью российских актеров на первом месте находится тема процесса съемки фильма, то интервью китайских актеров – тема героя, персонажа тех фильмов, в

которых снимался или снимается в настоящее актер. Безусловно, тема героя/персонажа фильма российских актеров также интересует в максимальной степени (второе место в рейтинге тем), поэтому ее можно считать одинаково важной для актера, независимо от национальной принадлежности. В описании героев фильма китайские актеры сосредоточены на силе воздействия на зрителя, а российские – на своих переживаниях, связанных с ролью. Таким образом, китайские актеры смещают вектор эмоций с себя (говорящего) на зрителя, адресата фильма.

Тема карьерного роста так же одинаково интересует российских и китайских актеров, они одинаково заинтересованы в новых ролях, известности, признании, получении специальных премий. В то же время, китайские актеры несколько более явно заявляют о своем прагматизме, желании большей финансовой выгоды, чем российские актеры.

Анализ мотивационного уровня языковой личности опирался на концепции внежанровой классификации тактик самопрезентации А. В. Аксеновой. На материале значительного корпуса самопрезентационных высказываний были изучены следующие оппозиции тактик: по отношению к статусу (дистанцирование или сокращение дистанции), по знаку формируемого отношения (позитивные или негативные), по способу выражения (прямые или косвенные), по направленности (внешние или внутренние). Установлено, что значимые различия у российских и китайских актеров имеются только в отношении внешней или внутренней направленности при описании тех или иных объектов или явлений. Российские актеры гораздо охотнее описывают субъективные, ментальные переживания, в то время как китайские актеры чаще сосредотачиваются на объективных и наблюдаемых явлениях действительности. Таким образом, 1) существенное преобладание косвенных самопрезентационных высказываний над прямыми способами самопрезентации, 2) примерно равное соотношении тактик сокращения дистанции и дистанцирования, 3) преобладание позитивных оценок описываемых явлений над негативными в жанре интервью российских и китайских актеров можно считать универсальными признаками данного типа текста. Указанные показатели отражают, соответственно, 1) сходные ценности и этические приоритеты в выдвигании своей личности на передний план; 2) сложную, филигранную игру актера с адресатом интервью (зрителем) на предмет сближения или отдаления с ним, формирования привлекательного, интересного, уникального образа актера; 3) функционирование жанра интервью в интернет-пространстве определенного типа, на который оказывает влияние глобализация, а именно смещение в сторону более развлекательного жанра, когда негативные оценки в речи присутствуют, но не занимают существенного места.

Библиография

1. Агеев В. С. Социальная идентичность личности // Социальная психология: хрестоматия / Сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 349-355.
2. Аксенова А. В. Стратегия самопрезентации как средство формирования имиджа в разных видах дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 109-114. EDN: RJZWEN.
3. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с. EDN: UGCGAZ.
4. Бахиева М. Прагматический аспект лексической формы слова // Преимущества и проблемы использования достижений отечественной и мировой науки и технологии в сфере иноязычного образования. 2024. № 1 (1). С. 96-99.
5. Голованова Е. И. Лексикографическое описание языковой личности ученого как лингвистическая проблема // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований:

- сб. статей межд. научно-практич. конф., посвящ. памяти Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой / отв. ред. О. В. Золтнер. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2019. С. 150-154.
6. Дубских А. И. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в масс-медиаальном дискурсе (на материале "звездных" интервью): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014. 22 с. EDN: ZPMYRL.
7. Ду Цзинцзэн, Сунь Юйно. Лингвокультурологические особенности свадебного этикета в русских и китайских обычаях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (219). С. 102-113.
8. Иванова И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 24 с. EDN: ZNYFEX.
9. Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2010. 160 с. EDN: QVTGDJ.
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 284 с. EDN: UFGTFJ.
11. Ковригина Е. А. Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе интернет-интервью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010. 25 с. EDN: QGYLCP.
12. Кочеткова Т. В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Вып. 26. С. 14-25.
13. Лаппо М. А., Чэнь Ш. Лексико-семантическое поле "кино" в русском языке (на фоне китайского языка) [электронный ресурс] // Russian Linguistic Bulletin. 2024. Вып. № 9 (57). URL: <https://rulb.org/archive/9-57-2024-september/10.60797/RULB.2024.57.14>.
14. Лаппо М. А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 28-32. EDN: QCKOAH.
15. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. 435 с.
16. Min Niu. The origin and development of pragmatics as a study of meaning: semiotic perspective // Language and Semiotic Studies. 2023. Vol. 9, no. 1. P. 54-78. DOI: 10.1515/lass-2023-0002 EDN: WWSPIX.
17. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: МГУ, 1996. С. 112-116.
18. Оленев С. В. Динамическое моделирование русской языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 270 с.
19. Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук; гл. ред., Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энцикл.: Изд. дом "Дрофа", 1997. 703 с.
20. Савченко А. П. К вопросу о взаимосвязи языковой личности и вторичной языковой личности // Открытие русского мира: преподавание русского языка как иностранного и общеобразовательных дисциплин в современном образовательном пространстве: Сборник научных статей V Международной научно-практической конференции, Курск, 25-26 мая 2023 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2023. С. 215-220. EDN: OSYUXP.
21. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 128 с. EDN: SWDCQD.
22. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2001. 272 с. EDN: SXONER.
23. Bentley S. V., Peters K., Haslam S. A. and Greenaway K. H. Construction at Work: Multiple Identities Scaffold Professional Identity Development in Academia // Frontiers in

Psychology. 2019. Vol. 10. P. 1-13.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает языковая личность российского актёра в самопрезентационной деятельности. Актуальность работы обусловлена повышенным интересом ученых к языковой личности как к динамичному, развивающемуся феномену и аргументируется тем, что «в настоящее время в лингвистике получили развернутое описание языковые личности учителя, политика, спортивного комментатора, ученого, а языковая личность российского актера не становилась объектом лингвистического анализа, при этом кино и театр являются важнейшей компонентой культуры и искусства, базой для формирования картины мира носителей языка», причем исследование языковой личности российского актёра проводилось на фоне языковой личности китайского актера, «поскольку сравнение речевого поведения российских и китайских актеров позволяет полно и адекватно описать языковую картину мира данной профессиональной группы носителей русского языка».

Теоретическую базу данного исследования обоснованно составили труды по проблемам языковой личности; личностной, социальной, гендерной и профессиональной идентичности; коммуникативной стратегии самопрезентации личности и т.д. таких российских и зарубежных ученых, как О. С. Иссерс, Л. Б. Шнейдер, С. В. Оленев, А. И. Дубских, Е. А. Ковригина, Т. В. Кочеткова, М. А. Лаппо, Ш. Чэнь, Ду Цзинцзэн, Сунь Юйно и др. Библиография статьи насчитывает 23 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена целью («описать уровни языковой личности российского актера в самопрезентационном аспекте на фоне языковой личности китайского актера») и поставленными задачами и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; метод когнитивного анализа, контекстный и статистический анализы, дискурсивный анализ и др. Эмпирической базой работы выступили тексты жанра интервью. Единицей анализа явилось самопрезентационное высказывание, т. е. «отрезок речи, содержащий сведения о личности и личностной сфере говорящего (профессия, семья, работа и т. д.), целью которого является создание имиджа у читателя интервью».

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования установлено, что «профессиональная идентичность является неотъемлемой частью личности, представляет собой внутреннее и внешнее соотнесение индивида себя с определенной профессией и профессиональной группой, включает в себя когнитивные, эмоционально-волевые и поведенческие компоненты, требует осмысления своих профессиональных навыков». Анализ самоидентификационных высказываний российских и китайских актеров показал, что «актеры разных национальностей одновременно и в чем-то одинаково (универсально), и несколько по-разному отражают различные виды ценностей».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы определяется ее вкладом в

изучение профессиональной языковой личности и состоит в проведении анализа языковой личности российского актера в самопрезентационном аспекте. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и вузовских курсах по теории языка, прагмалингвистике и лингвостилистике, социалингвистике и психолингвистике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Го И. Визуальный анализ перспектив развития имплицатуры в Китае и за рубежом на основе библиометрии CiteSpace // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.73498 EDN: CBZGLA
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73498

Визуальный анализ перспектив развития имплицатуры в Китае и за рубежом на основе библиометрии CiteSpace

Го Индун

ORCID: 0009-0006-1235-5783

кандидат филологических наук

аспирант, Восточный институт - Школа региональных и международных исследований;
Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Кампус Двфу, корпус Д, ауд. 913

✉ go.in@dvfu.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.73498

EDN:

CBZGLA

Дата направления статьи в редакцию:

26-02-2025

Аннотация: Предметом исследования является комплексный анализ ключевых тенденций, перспектив развития, актуальных проблем, методологических аспектов и теоретических основ научных исследований в области имплицатуры в рамках лингвистики. В работе под вниманием находятся как китайские, так и зарубежные публикации, так как имплицатура играет важнейшую роль в раскрытии скрытых смыслов в процессе общения, а также в межкультурном взаимодействии. Основными задачами исследования являются: определение динамики научных публикаций в данной сфере, выявление тематических кластеров, которые формируют научный дискурс вокруг имплицатуры, анализ междисциплинарных связей, которые тянутся между различными областями знаний, влияющими на понимание имплицатуры, а также детальное выявление существующих различий между китайской и зарубежной научной традицией в изучении имплицатуры. В работе используются методы библиометрического и визуального анализа литературы с помощью программного обеспечения CiteSpace

(версия 6.4.R1). Научная новизна исследования заключается в выявлении различий между китайской и зарубежной академическими традициями в изучении имплицатуры. В китайской лингвистике доминирует прагматический подход, а зарубежные работы наращивают значимость когнитивно – дискурсивного анализа и расширяют междисциплинарное поле. Результаты показывают, что в Китае исследования имплицатуры сосредоточены в рамках прагматики, а в зарубежных работах охватываются более широкие области, включая когнитивную лингвистику и логическую семантику. В Китае наблюдается спад интереса к имплицатуре после пика в 2008 – 2012 годах, в зарубежных исследованиях сохраняется относительно стабильный интерес, но также есть тенденция к снижению. Для дальнейшего развития предлагается проводить активные экспериментальные исследования, усилить междисциплинарные связи и учитывать культурно – языковую специфику.

Ключевые слова:

имплицатура, лингвистика, библиометрический анализ, визуальный анализ, междисциплинарные связи, перспективы развития, программное обеспечение CiteSpace, когнитивная лингвистика, логическая семантика, междисциплинарное поле

Введение

С развитием цифровой эпохи новые ценности и культурные элементы всё шире проникают в повседневное общение, что вызывает тенденцию к более косвенным способам передачи эмоций и интенций. Во-первых, в сложном социальном контексте люди стремятся избегать недопониманий, выбирая более мягкие языковые средства. Во-вторых, повышение уровня образования способствует развитию способности учитывать контекст общения и эмоции собеседников, что формирует высококонтекстное общество.

Это также привлекло внимание лингвистов, например, к исследованиям в области косвенных речевых актов [\[22\]](#), эвфемизмов, метафор и других стилистических приемов [\[12, 24\]](#), стратегий имплицитной коммуникации [\[23\]](#), а также классификации намёков [\[1, 6\]](#). Однако теория имплицатур П. Грайса играет ключевую роль как одна из методологических основ вышеупомянутых исследований. Посредством анализа нарушений принципа кооперации Грайс систематически раскрыл способы выражения подтекста. Очевидно, что данная теория обладает высокой репрезентативностью в исследованиях косвенных выражений.

Хотя теория имплицатур сохраняет свою значимость, в последние годы их исследования демонстрируют тенденцию к снижению. Это связано, в первую очередь, с тем, что наблюдение за интенциями адресанта крайне затруднительно. Интенции часто глубоко связаны с психоэмоциональным состоянием адресанта, его культурным контекстом и личным опытом, что делает их трудно интерпретируемыми для адресата. Кроме того, проверка понимания со стороны адресата также представляет сложность. Разные люди могут интерпретировать одинаковый имплицитный смысл по-разному, основываясь на собственных когнитивных рамках. Эти трудности привели к застою в исследованиях имплицатур, где практически отсутствуют прорывы в методах и теоретических инновациях.

Можно предположить, что исследования в области имплицатур в их текущем состоянии с трудом соответствуют новым коммуникативным потребностям. Таким образом, изучение

перспектив исследования имплицатур приобретает исключительную актуальность. Это не только позволит преодолеть существующие ограничения в научных исследованиях, но и поможет глубже понять и целенаправленно регулировать механизмы коммуникативного поведения людей в условиях современного общества.

Теоретическая база

Имплицатура является важной концепцией в прагматической лингвистике, впервые выдвинутой американским языковым философом Х.П. Грайсом в 1975 году^[3]. Теория имплицатуры направлена на анализ подразумеваемого значения, выражаемого говорящим в процессе общения, то есть глубоких намерений или информации, выходящих за рамки буквального значения^[9, 10, 11]. Согласно теории Грайса, имплицатура возникает в результате соблюдения или нарушения четырех максим принципа кооперации (принципа количества, принципа качества, принципа релевантности и принципа способа выражения)^[2]. Эти максимы требуют от говорящего предоставлять достаточную информацию, делать истинные утверждения, выдвигать релевантный контент и выражаться ясно и кратко в общении^[7]. Когда говорящий намеренно нарушает эти максимы, слушающий может вывести истинные намерения говорящего путем контекстуальной интерпретации и рассуждений, и это является процессом вывода имплицатуры. Имплицатуру можно разделить на конвенциональную имплицатуру и частную имплицатуру. Конвенциональная имплицатура основана на универсальных правилах принципа кооперации, в то время как частная имплицатура связана с конкретными выводами в определенном контексте^[4].

Изучение имплицатуры не только помогает понять подразумеваемое значение в языковом общении, но и имеет важное значение для таких областей, как преподавание языков, перевод и т.д. Благодаря глубокому пониманию и овладению механизмом вывода имплицатуры люди могут более эффективно преодолевать культурные барьеры, вести плавное межкультурное общение, а также достигать более точной и эффективной коммуникации в процессе передачи информации^[8].

Хотя теория "имплицатура" была предложена ранее, она по-прежнему имеет исследовательское значение. В данной работе мы используем программное обеспечение Cite Space (версия 6.4.R1) в качестве инструмента анализа данных, с целью проанализировать текущий статус исследований в Китае и на Западе. Кроме того, мы нашли данные, подтверждающие направление исследований в данной работе. Cite Space – это программное обеспечение для визуального анализа литературы, разработанное Чэнь Чаомэй, которое можно использовать для анализа и прогнозирования популярных направлений в исследованиях, истории эволюционного развития и тенденций исследований^[13, 14, 15, 20].

Метод исследования

Для сбора данных в качестве источников использовались базы данных CNKI и WOS, а в качестве предметного термина для углубленного поиска – "имплицатура" (会话含义; Implicature). Период сбора данных был установлен как 2000 – 2024 гг. для китайского языка и 2007 – 2024 гг. для английского (с учетом региональной подписки). Тип литературы – "Статья" (文章; article), источники – CSSCI (база данных индексов цитирования китайских общественно-научных статей) и SSCI (база данных индексов цитирования общественно-научных статей). После ручного отбора было получено 228 статей на китайском языке и 269 статей на английском языке. Данные были

импортированы в Cite Space в форматах "Refworks" и "Plain text file", после чего были установлены соответствующие параметры. Временной срез был установлен на 1 год [18], K-значение было установлено на 15, а методы обрезки карты были установлены на Pathfinder, который может сделать вывод более точным (уникальное решение) [16]. Узлы (node) указываются как ключевые слова (关键词; keyword), и после редактирования получается визуализированная схема общих ключевых слов и словосочетаний. Кроме того, мы также провели кластерный анализ ключевых слов и провели статистику количества опубликованных статей за каждый год, чтобы всесторонне обсудить ситуацию исследований имплицатуры в Китае и за рубежом.

Результаты и обсуждение

Визуальный анализ ключевых слов

Анализ ключевых слов обеспечивает представление об актуальном содержании и направлениях развития исследовательской тематики. На основе китайязычных статей (рис.1) установлено, что наиболее часто встречаются «имплицатура (会话含义)», «принцип кооперации (合作原则)» и «прагматика (语用学)». Изменение цвета годичных колец от холодных к более тёплым свидетельствует о неизменной актуальности этих терминов. При этом наблюдаются и относительно новые понятия, такие как «прагматические рассуждения (理论推理)», «теория ассоциаций (关联理论)», «вежливость (礼貌)», которые, хотя и получают некоторое развитие, всё ещё остаются периферийными.

Фильтрация ключевых слов по частотности (>10) и центральности ($>0,1$) [21, 25, 27] позволила выделить четыре наиболее значимых элемента (табл.1). Наибольшая частота и центральность характерны для «имплицатуры», «принципа кооперации» и «прагматики», впервые появившихся в 2000–2002 гг. Между тем «прагматика пост-Грайса (后格赖斯语用学)», фигурирующая с 2008 г., ещё не заняла доминирующей позиции, указывая на то, что китайязычные исследования испытывают «узкое место» в плане расширения теоретических рамок.

Таблица 1: Список совместной встречаемости ключевых слов и словосочетаний с наибольшей частотностью и степенью посредничества (центральностью) китайских данных

Частотность	Степень посредничества	Год	Ключевые слова
59	0.46	2000	会话含义 (имплицатура)
26	0.34	2002	合作准则 (принцип кооперации)
15	0.11	2001	语用学 (прагматика)
11	0.11	2008	后格赖斯语用学 (прагматика пост-Грейс)

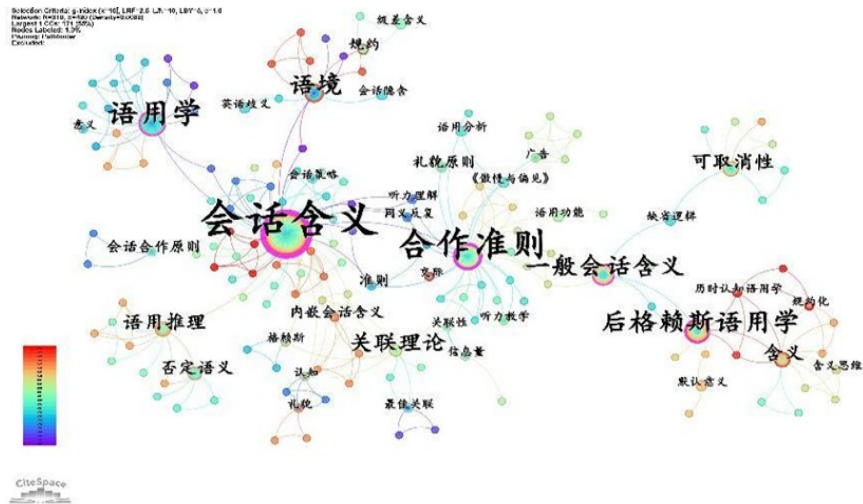

Рис. 1. Визуализированная схема общих ключевых слов и словосочетаний из китаеязычных статей

Мы проанализировали статьи на английском языке по тем же параметрам и составили визуализированную схему общих ключевых слов и словосочетаний из англоязычных статей (рис. 2). В анализе англоязычных статей обнаруживается более широкое тематическое разнообразие. Помимо традиционных терминов («conversational implicature», «scalar implicature», «language», «pragmatics»), возрос интерес к факторам, связанным с когнитивными характеристиками адресата («adults», «children», «comprehension»). Это отражает тенденцию к междисциплинарному синтезу (психолингвистический, социальный аспекты) и смещению фокуса на слушающего. Как видно из табл.2, «comprehension» (понимание) занимает центральное место в сети ключевых слов, что подтверждает растущее внимание к восприятию речи и интерпретации импликатуры адресатом.

Таблица 2: Список совместной встречаемости ключевых слов и словосочетаний с наибольшей частотностью и степенью посредничества (центральностью) из англоязычных статей

Частотность	Степень посредничества	Год	Ключевые слова
14	0.44	2010	Comprehension (понимание)
103	0.43	2007	conversational implicature (импликатура)
19	0.27	2009	Pragmatics (прагматика)
10	0.22	2010	Adults (взрослые)
15	0.21	2010	Children (дети)
28	0.18	2008	Language (язык)
10	0.17	2010	Acquisition (приобретение)
23	0.11	2010	scalar implicature (скалярная импликатура)

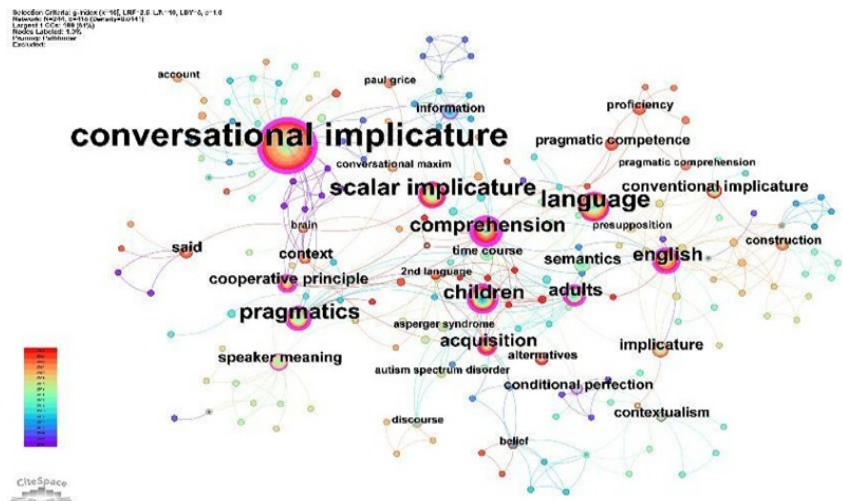

Рис. 2. Визуализированная схема общих ключевых слов и словосочетаний из англоязычных статей

Таким образом, в исследованиях китайской лингвистики имплицатура преимущественно изучается через призму прагматики и принципа кооперации, что ограничивает развитие междисциплинарных подходов и внедрение практических инноваций. В зарубежных исследованиях, напротив, хотя прагматический контекст остаётся центральным направлением зарубежных исследований, всё чаще исследователи начинают обращать внимание на социально-психологические и когнитивные аспекты, связанные с восприятием имплицатуры адресатом. Это демонстрирует постепенный сдвиг фокуса с продуцирования речи на её восприятие.

Кластерный анализ ключевых слов

Графическая схема кластеризации ключевых слов, сгенерированная Citespace, может наглядно отображать конкретное содержание исследований в визуальной форме, помогая нам быстро понять общую структуру и направление той или иной исследовательской области. Согласно визуализированной схеме кластеров ключевых слов и словосочетаний CNKI (рис. 3), модульность Q (Modularity Q) составляет 0,8858 ($Q > 0,3$), средний силуэт (Mean Silhouette) – 0,9391 ($S > 0,7$), поэтому результат кластеризации имеет высокую степень достоверности [5, 19, 26]. Чтобы сделать результаты более репрезентативными, мы также установили алгоритм «Логарифмическая функция правдоподобия» (Log Likelihood Ratio LLR), при этом частота слов (размер) должна быть больше 20 [17], в результате чего была составлена таблица пяти ведущих кластеров (табл. 3).

Кластерный анализ (рис.3, табл.3) китайских работ (CNKI) показал, что, помимо кластера №10 («завершённые ситуации»), все остальные кластеры относятся к сфере прагматики, тесно связанной с имплицатурой. Наиболее значимы группы, включающие «принцип кооперации», «вежливость» и «имплицатуру» как ключевые компоненты исследования. При этом три ведущих кластера имеют частоту упоминания ключевых слов выше 20 и ограничены периодом 2008–2012гг. Это говорит о том, что в китайской научной среде исследования имплицатуры сосредоточены преимущественно в рамках прагматической лингвистики и характеризуются небольшой хронологической вариативностью.

Табл. 3. Список кластеров ключевых слов и словосочетаний CNKI

Среднее	Логарифмическая функция
---------	-------------------------

размер	Силуэт	Среднее (Год)	Логарифмическая функция правдоподобия
37	0.981	2012	会话含义 (Импликатура) (25.92, 1.0E-4); 会话含义理论 (Теория имплицатуры) (7.89, 0.005); 数量名 (Количество имён) (3.93, 0.05); 会话策略 (Стратегии общения) (3.93, 0.05)
31	0.954	2010	合作原则 (Принцип кооперации) (37.04, 1.0E-4); 准则 (Нормы) (9.31, 0.005); 基线 (Базовая линия) (4.63, 0.05); 同义反复 (Синонимический повтор) (4.63, 0.05)
20	0.954	2008	礼貌 (Вежливость) (13.17, 0.001); 认知 (Когниция) (9.43, 0.005); 格赖斯理论 (Теория Грайса) (6.53, 0.05); 礼貌策略 (Стратегии вежливости) (6.53, 0.05); 合作 (Кооперация) (6.53, 0.05)

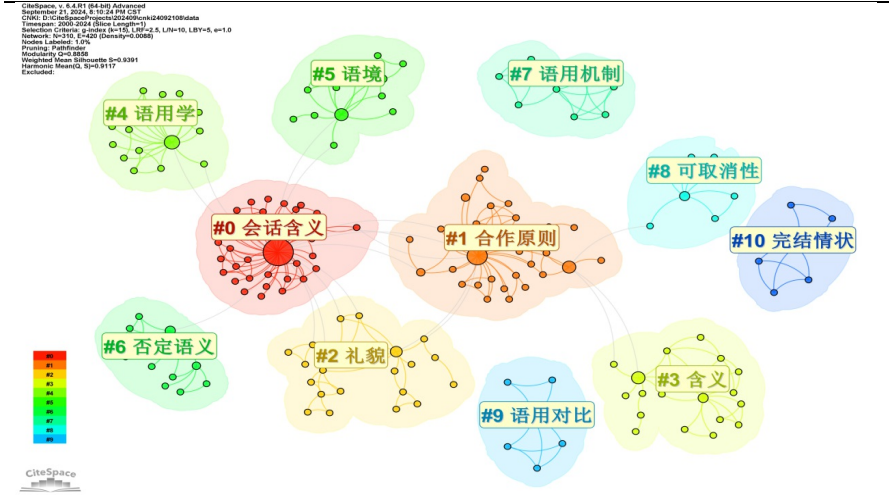

Рис. 3. Визуализированная схема кластеров ключевых слов CNKI

Согласно кластерному анализу англоязычных источников (WOS, рис.4, табл.4), исследования по имплицатуре охватывают более обширный круг дисциплин – от прагматики (conversational implicature, scalar implicature) до когнитивной лингвистики (conjunction fallacy, subjective probability) и логической семантики (indicative conditionals). Сильнейшие кластеры отмечены в 2014г., и преимущественно относятся к прагматике, а начиная с 2015г. набирает обороты когнитивная проблематика. Несмотря на активный рост когнитивного направления, прагматика сохраняет лидирующую роль в зарубежных исследованиях.

Табл. 4. Список кластеров ключевых слов и словосочетаний WOS			
размер	Силуэт	Среднее (Год)	Логарифмическая функция правдоподобия
32	0.985	2014	conversational implicature (11.89, 0.001); implicature (11.14, 0.001); metalinguistic negotiation (4.28, 0.05); propositional attitudes (4.28, 0.05)
			scalar implicature (5.51, 0.05); conversational

29	0.974	2014	scalar implicature (0.92, 0.05); conversational implicature (4.77, 0.05); pragmatic determinants of literal content (4.34, 0.05);generalized conversational implicature (4.34, 0.05)
26	0.956	2014	indicative conditionals (6.86, 0.01); relevance theory (6.86, 0.01); conventional implicature (6.86, 0.01); language (6.21, 0.05); pragmatics (5.08, 0.05)
24	0.858	2017	cooperative principle (8.37, 0.005); sentence conjunction (4.17, 0.05); asymmetric conjunction (4.17, 0.05); second language acquisition (4.17, 0.05)
22	0.985	2015	conjunction fallacy (5.79, 0.05); english-italian (5.79, 0.05); affect (5.79, 0.05); subjective probability (5.79, 0.05); exhaustiveness (5.79, 0.05)

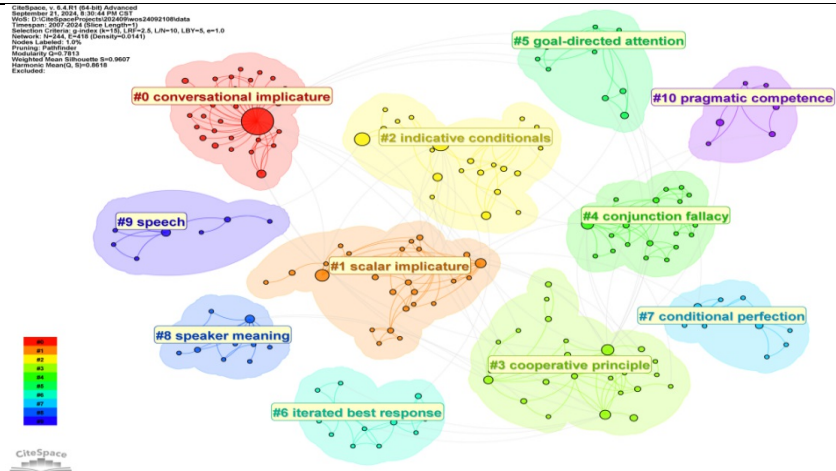

Рис. 4. Визуализированная схема кластеров ключевых слов WOS

Подводя итог, следует отметить, что исследования в Китае сосредоточены преимущественно на прагматических аспектах импликатуры, а их временной диапазон довольно ограничен. В отличие от этого, зарубежные работы характеризуются междисциплинарным подходом, охватывая прагматику, когнитивную лингвистику и логическую семантику. В последние годы в англоязычной среде усиливается интерес к когнитивному подходу, однако прагматическое направление остаётся ведущим.

Статистический анализ количества опубликованных статей по годам

Для выявления общей динамики и современного состояния работ по импликатуе как в Китае, так и за рубежом, была проведена статистическая оценка количества научных статей за период с 2007 по 2024гг. (рис.5). В Китае с 2008г. наблюдается активизация исследований по импликатуе, достигшая трёх пиков (максимум – 24 статьи в 2009г., затем пик в 2012г.– 20 статей). После этого интерес китайских лингвистов к данной теме постепенно снижается, и к 2024 г. количество работ сокращается до четырёх.

В зарубежных исследованиях отмечается более стабильная динамика. В 2014, 2017 и 2022гг. наблюдался значительный подъём интереса к импликатуе, что отчасти связано с усилением синтеза прагматики и когнитивной лингвистики. С 2017по2022гг. ежегодное число публикаций колебалось от 11 до 31, демонстрируя устойчивую востребованность темы. Тем не менее к 2024г. и за рубежом отмечается некоторое снижение (до 14 статей), что свидетельствует о вероятном уменьшении интереса к теме

импликатуры на глобальном уровне.

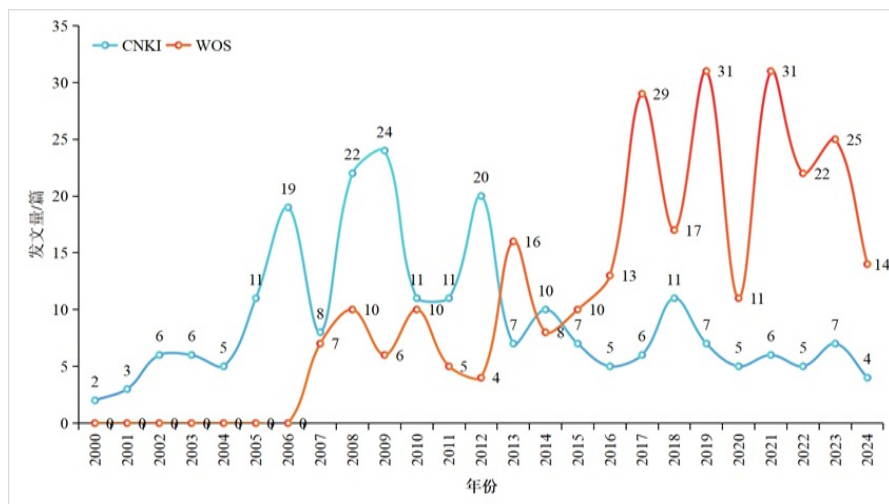

Рис. 5. Схема динамики публикации статей

Можно отметить, что в Китае интерес к импликатуре постепенно снижается. В то же время в западных странах, несмотря на некоторое уменьшение активности, данное направление продолжает демонстрировать относительную стабильность и востребованность. Различия в темпах и характере исследований по импликатуре в китайской и западной научных традициях указывают на значимость дальнейшего анализа концептуальных и методологических подходов к изучению феномена.

Заключение

В результате библиометрического анализа (2000–2024 гг. для китайоязычного корпуса и 2007–2024 гг. для англоязычного) получены следующие основные выводы.

Типология и функциональные особенности импликатур показывают, что в китайской лингвистике основное внимание уделяется прагматической перспективе (принцип кооперации, прагматические механизмы), тогда как в зарубежных работах усиливается акцент на когнитивной лингвистике и логической семантике, что способствует расширению понимания скрытых смыслов речи.

Динамика публикаций и междисциплинарные связи свидетельствуют о том, что в Китае пик интереса к импликатуре пришёлся на 2008–2012 гг., после чего наблюдается заметный спад. В англоязычных исследованиях, напротив, интерес к импликатуре остаётся сравнительно устойчивым, что во многом объясняется широким использованием междисциплинарных подходов (к примеру: психолингвистика, социология). Однако в последние годы зафиксировано некоторое снижение публикационной активности, что может быть связано с насыщением исследовательской базы или переориентацией интереса на смежные темы.

Перспективы дальнейшего развития указывают на необходимость более активных экспериментальных исследований в Китае, а также на усиление междисциплинарных направлений, ориентированных на изучение восприятия импликатуры адресатом. В зарубежной среде, несмотря на частичное снижение публикационной активности, сохраняется междисциплинарный вектор, что обеспечивает относительную стабильность и открывает дополнительные возможности для дальнейшей разработки темы.

Рекомендации заключаются в расширении эмпирической базы исследований за счёт количественных методов (в частности: eye-tracking, нейролингвистических тестов), а также в укреплении междисциплинарных связей, интегрирующих достижения

психолингвистики, когнитивной лингвистики и социологии. Не менее важно учитывать культурно-языковую специфику и сопоставлять китайский и иностранный материалы с точки зрения прагматических норм и стратегий коммуникации. Подобный подход позволит выйти за пределы исключительно лингвистического анализа и будет способствовать развитию прикладных методик в сфере перевода, преподавания языков и межкультурной коммуникации.

Библиография

1. Артёмова И. Ю. Намёк в русском устном межличностном дискурсе: прагматический аспект // дисс. ... к. филол. н. СПб., 2014. с. 8.
2. Власян Н. Р. Проблема разграничения конвенциональных и коммуникативных имплицатур // Вестник ЧелГУ. 2014, № 7, с. 336.
3. Грайс Г. П. Логика и разговор // Коул П., Морган Дж. Синтаксис и семантика (Том 3: Речевые акты). Нью-Йорк: Academic Press, 1975, с. 41-58.
4. Доржиева Д. Ц. Воздействующий потенциал имплицатур в тексте немецкой аналитической статьи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018, № 11-2 (89), с. 334-338.
5. Ирмаян И. Применение алгоритма K-Means для картирования потенциала абитуриентов // TeknoIS: Научный журнал по информационным технологиям и наукам. 2022, № 12(2), с. 139-150.
6. Качалова Н. А. Прагматистические средства выражения намека в политическом дискурсе (на материале русскоязычной и немецкоязычной прессы) // дис. ... к. филол. н. Саратов, 2013. с. 23.
7. Резуненко М. Ф. Нарушение постулатов принципа кооперации в судебно-процессуальном дискурсе // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007, № 39, с. 15.
8. Ситдикова Ф. Б., Сабирова Р. Н. Вывод имплицатуры как условие успешного акта коммуникации // Вестник ВятГУ. 2015, № 10, с. 72-77.
9. Смерчинская А. А. Роль инференции имплицатур в речесмыслительной деятельности // Научные исследования и инновации. 2020, № 1, с. 132-136.
10. Сомова Е. Г. Имплицатуры в рекламном тексте на радио // Культурная жизнь Юга России. 2014, № 4, с. 102-104.
11. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986, с. 95.
12. Табачников Ю. Ю. Хеджирование как одна из стратегий негативной вежливости в немецкой лингвокультуре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. № 1. с. 31-40.
13. Хоу Цзяньхуа, Ху Чжиган. Обзор и перспективы применения программного обеспечения CiteSpace // Современная информация. 2013, 33(4), с. 99-103.
14. Чэнь Юэ, Чэнь Чаомэй и др. Методологические функции знанственной карты CiteSpace // Исследования науки. 2015, 33(2), с. 242-253.
15. Bandara W. и др. Achieving rigor in literature reviews: Insights from qualitative data analysis and tool-support // Communications of the Association for Information systems. 2015, Т. 37, № 1, с. 8.
16. Gou F., Zhai W., Wang Z. Visualizing the landscape of green gentrification: A bibliometric analysis and future directions // Land. 2023, Т. 12, № 8, с. 1484.
17. Hughes V. Sample size and the multivariate kernel density likelihood ratio: how many speakers are enough? // Speech Communication. 2017, Т. 94, с. 15-29.
18. Jian M., Jin D., Wu X. Research hotspots and development trends of international learning cycle model: Bibliometric analysis based on CiteSpace // Heliyon. 2023, Т. 9, № 11.
19. Li B., Pongtornkulpanich A., Chankoson T. Knowledge Mapping to Understand Corporate

Value: Literature Review and Bibliometrics // Journal of Risk and Financial Management. 2024, T. 17, № 2, с. 42.

20. Li W. и др. Chimeric antigen receptor-natural killer (CAR-NK) cell immunotherapy: A bibliometric analysis from 2004 to 2023 // Human Vaccines & Immunotherapeutics. 2024, T. 20, № 1, с. 2415187.

21. Li M. и др. Bibliometric analysis of the research on the impact of environmental regulation on green technology innovation based on CiteSpace // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022, T. 19, № 20, с. 13273.

22. Leech G.N. Semantics(2 edn) // Harmondsworth: Penguin. 1981. с. 426.

23. Lombardi Vallauri, Edoardo, Masia, Viviana. Implicitness impact: Measuring texts // Journal of Pragmatics, 2014. с. 161-184.

24. Tokar Alexander. Metonymic Euphemisms from a Cognitive Linguistic Point of View. // düsseldorf university press. 2015, с. 237-264.

25. Yuan H. и др. Hot Spot and Development Trend of Adaptive Learning in China Based on CiteSpace Software // Frontiers in Educational Research. 2023, T. 6, № 8.

26. Zhong Y. и др. Visualization analysis of research hotspots on structural topology optimization based on CiteSpace // Scientific Reports. 2023, T. 13, № 1, с. 18166.

27. Zhu Q. Visual Measurement Analysis of Domestic Data Governance Research based on CiteSpace // Frontiers in Business, Economics and Management. 2022, T. 4, № 1, с. 1-5.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье представлен визуальный анализ исследований феномена имплицатуры в Китае и за рубежом на основе библиометрии CiteSpace. Актуальность работы аргументируется тем, что «изучение имплицатуры не только помогает понять подразумеваемое значение в языковом общении, но и имеет важное значение для таких областей, как преподавание языков, перевод и т.д. Благодаря глубокому пониманию и овладению механизмом вывода имплицатуры люди могут более эффективно преодолевать культурные барьеры, вести плавное межкультурное общение, а также достигать более точной и эффективной коммуникации в процессе передачи информации». Новизна исследования обусловлена использованием для визуализации и анализа научных тенденций в академической литературе в области теории имплицатуры в Китае и на Западе программного обеспечения CiteSpace (версия 6.4.R1), разработанного профессором Дрексельского университета в США Чэнь Чаомэй, с помощью которого можно подробно проанализировать ключевые слова статей, тем самым выявляя динамику научных изысканий в той или иной области научных и интересов.

Теоретической основой научной работы выступили труды таких российских и зарубежных ученых, как В. Н. Телия, Д. Ц. Доржиева, Ф. Б. Ситдикова, Р. Н. Сабирова, А. А. Смерчинская, W. Bandara, M. Li, H. Yuan, Y. Zhong, Чэнь Юэ, Чэнь Чаомэй, Хоу Цзяньхуа, Ху Чжиган и др., посвященные теории имплицатур и особенностям применения программного обеспечения CiteSpace. Библиография статьи насчитывает 21 источник, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики

предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и статистический методы, когнитивный и библиометрический анализы и др.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) сформулировать выводы о том, что в исследованиях феномена имплицатуры в китайской лингвистике преобладает прагматическая перспектива (принцип кооперации, прагматические механизмы), тогда как в зарубежных работах всё большее значение приобретают когнитивная лингвистика и логическая семантика, что расширяет понимание скрытых смыслов речи. Однако в Китае пик интереса к имплицатуре пришёлся на 2008–2012гг., после чего наблюдается заметный спад. В англоязычных исследованиях, напротив, сохраняется относительно стабильный интерес.

Теоретическая значимость работы очевидна и заключается в описании и обобщении исследований феномена имплицатуры с помощью программного обеспечения CiteSpace. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в теории языка, сравнительной лингвистике, семасиологии, лексикологии, лексикографии.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения тяготеет к научному типу.

Однако текст рукописи нуждается в авторской правке: см «В западных странах, несмотря на небольшое снижение, сохраняется более устойчивая жизнеспособность этого направления», «Суммируя, в Китае исследования имплицатуры по-прежнему концентрируются преимущественно вокруг прагматических вопросов, а их временной диапазон довольно ограничен» и др.

Также рекомендуем расширить объем материала, особенно в вводной части, где представлен собственно теоретический обзор изучаемой проблематики.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи достаточно актуальна, интересна. Автор обращается к анализу имплицатур, при этом вектор рассмотрения вопроса направлен на визуальный анализ, что вполне целесообразно. В начале труда отмечено, что «с развитием цифровой эпохи новые ценности и культурные элементы всё шире проникают в повседневное общение, что вызывает тенденцию к более косвенным способам передачи эмоций и интенций. Во-первых, в сложном социальном контексте люди стремятся избегать недопониманий, выбирая более мягкие языковые средства. Во-вторых, повышение уровня образования способствует развитию способности учитывать контекст общения и эмоции собеседников, что формирует высококонтекстное общество». Считаю, что методология развёрстку проблемы выверена, противоречий в данной части нет. Статья имеет наукообразный вид, стиль соотносится с собственно научным типом; термины / понятия, которые используются в статье, унифицированы. Например, «хотя теория имплицатур сохраняет свою значимость, в последние годы их исследования демонстрируют тенденцию к снижению. Это связано, в первую очередь, с тем, что наблюдение за интенциями адресанта крайне затруднительно. Интенции часто глубоко связаны с психоэмоциональным состоянием адресанта, его культурным контекстом и

личным опытом, что делает их трудно интерпретируемыми для адресата. Кроме того, проверка понимания со стороны адресата также представляет сложность. Разные люди могут интерпретировать одинаковый имплицитный смысл по-разному, основываясь на собственных когнитивных рамках. Эти трудности привели к застою в исследованиях имплицатур, где практически отсутствуют прорывы в методах и теоретических инновациях» и т.д. Материал целостен, работу отличает синкретический тон: теоретическая база достаточно успешно дополняется практическими наработками. Необходимый формат цитаций выдержан, ссылки на труды Г. Грайса, В. Телия и других исследователей демонстрируют хорошую осведомленность автора в предмете исследования. Однако, считаю, что список источников можно подкорректировать, унификация под требования издания должна быть налична. На мой взгляд, примеров в работе достаточно, общая аналитики сведена в графики, рисунки, пиктограммы. Автору удалось раскрыть тему работы, достичь цели исследования. Аргументация общих позиций выверена: «анализ ключевых слов обеспечивает представление об актуальном содержании и направлениях развития исследовательской тематики. На основе китайязычных статей (рис.1) установлено, что наиболее часто встречаются «имплицатура (会话含义)», «принцип кооперации (合作原则)» и «прагматика (语用学)». Изменение цвета годовых колец от холодных к более тёплым свидетельствует о неизменной актуальности этих терминов. При этом наблюдаются и относительно новые понятия, такие как «прагматические рассуждения (理论推理)», «теория ассоциаций (关联理论)», «вежливость (礼貌)», которые, хотя и получают некоторое развитие, всё ещё остаются периферийными». Общие выводы не противоречат основной части: «Подводя итог, следует отметить, что исследования в Китае сосредоточены преимущественно на прагматических аспектах имплицатуры, а их временной диапазон довольно ограничен. В отличие от этого, зарубежные работы характеризуются междисциплинарным подходом, охватывая прагматику, когнитивную лингвистику и логическую семантику. В последние годы в англоязычной среде усиливается интерес к когнитивному подходу, однако прагматическое направление остаётся ведущим». Материал можно использовать в рамках изучения ряда гуманитарных дисциплин. Рекомендую рецензируемую статью «Визуальный анализ перспектив развития имплицатуры в Китае и за рубежом на основе библиометрии CiteSpace» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ермолова К.А. Лексемы ТЕАТР и СЦЕНА в глагольных предложно-падежных формах русского языка // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.73868 EDN: BYFFDD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73868

Лексемы ТЕАТР и СЦЕНА в глагольных предложно-падежных формах русского языка

Ермолова Карина Андреевна

ORCID: 0009-0005-8938-0103

аспирант; кафедра славистики, общего языкознания и культуры коммуникации; Государственный университет просвещения

129075, Россия, г. Москва, Останкинский р-н, ул. Аргуновская, д. 8, кв. 96

✉ car.ermolowa@yandex.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.73868

EDN:

BYFFDD

Дата направления статьи в редакцию:

28-03-2025

Аннотация: В статье рассматриваются смысловые, структурные особенности глагольных предложно-падежных форм с лексемами ТЕАТР и СЦЕНА в русском языке на материале НКРЯ (основной и газетный подкорпусы). В работе оценивается степень частотности глагольных предложно-падежных форм с лексемами ТЕАТР и СЦЕНА, выявляются наиболее распространенные глаголы, которые входят в состав указанных языковых единиц. Актуальность работы состоит в том, что оно находится в парадигме изучения лексической и семантической сочетаемости единиц русского языка. Цель работы состоит в том, чтобы проанализировать семантические особенности предложно-падежных форм лексем ТЕАТР и СЦЕНА в глагольных сочетаниях на материале НКРЯ, определить степень их устойчивости, а также экспрессивно-выразительный потенциал предложно-падежных форм указанных лексем. В результате работы определены частотные, структурные характеристики глагольных предложно-падежных форм с компонентами ТЕАТР и СЦЕНА, а также их роль в профессиональной и обиходной картинах мира носителей русского языка. Методология исследования включает в себя как методы лингвистического и

лексикологического анализа, так и методы статистического анализа, контекстуального и коммуникативного анализа. Научная новизна исследования состоит в том, что оно рассматривает феномен лексической сочетаемости лексем ТЕАТР и СЦЕНА с глагольными предложно-падежными формами на современном этапе развития русского языка. Акцентируется внимание на наиболее частотных моделях сочетаемости. Выявляется роль глагольных сочетаний предложно-падежных форм с лексемами ТЕАТР и СЦЕНА в профессиональной и обиходной языковых картинах мира. Этот аспект отражает специфические особенности лексической системы русского языка. В исследовании осуществляется комплексный анализ данного феномена с обращением к лексикографическим материалам (например, словарю лексической сочетаемости), а также к Национальному корпусу русского языка и его статистическим инструментам для подсчета наибольшего числа вхождений в корпус различных глагольных сочетаний с лексемами ТЕАТР и СЦЕНА.

Ключевые слова:

лексическая сочетаемость, глагольные предложно-падежные формы, сочетаемость лексем ТЕАТР, сочетаемость лексем СЦЕНА, обиходная картина мира, профессиональная картина мира, лексика русского языка, предложно-падежная форма, глагольное сочетание, экспрессивно-выразительный потенциал

Театр не отображающее зеркало,

а увеличивающее стекло.

(В. В. Маяковский)

Введение

Изучение предложно-падежных форм в лингвистике и лексикологии представляет ценность, так как они отражают системный характер принципов выражения языковых смыслов. Восприятие предложно-падежной формы как семантического компонента предложения, текста, языка обуславливается тем, что сочетание предлога с подходящим по структуре существительным формирует новую номинативную единицу – словосочетание, отражающую нормы семантической и лексической сочетаемости языка.

Актуальность исследования состоит в том, что семантика предложно-падежных форм лексем в сочетаниях с глаголами требует дополнительного внимания, поскольку они характеризуются многоплановостью выражаемых смыслов, разной степенью частотности используемых компонентов. Изучение семантического объема предложно-падежных форм на примере сочетаний с лексемами ТЕАТР и СЦЕНА позволяет более точно определить особенности лексико-семантических полей «Театр» и «Сцена» в русском языке. **Цель** исследования заключается в том, чтобы проанализировать семантические особенности предложно-падежных форм лексем ТЕАТР и СЦЕНА в глагольных сочетаниях на материале НКРЯ (основного и газетного подкорпусов), определить степень их устойчивости (если не предполагается работа с коллокациями, то эту задачу ставить не надо), а также экспрессивно-выразительный потенциал предложно-падежных форм лексем ТЕАТР и СЦЕНА. **Задачи** исследования включают в себя: 1) охарактеризовать семантический объем лексем ТЕАТР и СЦЕНА, 2) описать понятие семантической и лексической сочетаемости, охарактеризовать глагольные сочетания, 3) на основании НКРЯ установить частотность употребления предложно-падежных форм лексем ТЕАТР и СЦЕНА в глагольных сочетаниях в основном и газетном подкорпусах, 4)

проанализировать семантические группы глаголов, формирующих сочетания с предложно-падежными формами лексем ТЕАТР и СЦЕНА, 5) выявить и описать экспрессивно-выразительные сочетания, 6) сделать выводы об особенностях употребления глагольных сочетаний с предложно-падежными формами лексем ТЕАТР и СЦЕНА. **Материал** исследования: НКРЯ (основной и газетный подкорпусы), толковые словари русского языка, словарь сочетаемости слов русского языка П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. **Объект** исследования – глагольные сочетания с предложно-падежными формами лексем ТЕАТР и СЦЕНА. **Предмет** исследования представляет собой семантический объем глагольных сочетаний с предложно-падежными формами лексем ТЕАТР и СЦЕНА, с учетом их роли в профессиональной и быденной картинах мира носителей русского языка.

Обсуждение и результаты

Согласно МАС, лексема ТЕАТР имеет следующие значения: «1) Род искусства, художественное отражение жизни посредством драматического действия, осуществляемого актерами перед зрителями (*играть в театре*). 2) Учреждение, организация, занимающиеся устройством представлений (*ставить для театра*). 3) Здание, в котором происходят представления, а также само представление, спектакль (*приходить в театр*). 4) Место, где происходит, разворачивается что-л. (в переносном значении). 5) Совокупность драматических произведений (писателя или литературной школы)» [7]. Семантический объем данной лексемы учитывает как связи театра с художественным искусством, так и место проведения театральных постановок, организацию, которая обеспечивает проведение театральных постановок, совокупность произведений того или иного автора (или коллектива авторов). Данная лексема употребляется и в переносном значении как средство обозначения места, в котором происходят те или иные события (например: *театр военных действий*).

В свою очередь, лексема СЦЕНА в МАС трактуется следующим образом: «1) Специальная площадка, на которой даются театральные представления; театральные подмостки (*выходить на сцену*). 2) Отдельная часть действия, акта театральной пьесы (*участвовать в сцене*). 3) Отдельный эпизод, изображаемый в пьесе, литературном произведении, картине. 4) Ссора, крупный разговор, объяснение (разговорное). 5) Поле деятельности, поприще (в переносном значении)» [7]. Вышесказанным показывается, что семантический объем данной лексемы охватывает как пространство для проведения представлений в театре, так и отдельные элементы спектакля. Кроме того, в разговорной речи данная лексема обозначает ссору, в переносном значении обозначает сферу деятельности человека.

Лексические единицы в речи употребляются в соответствии с принципами их сочетаемости в языке. Как указывает И.М. Кобозева, «сочетаемость слова А – это информация о требованиях, которые предъявляет слово А к слову В, синтаксически связанному со словом А» [5, с. 146]. Ю.Д. Апресян выделяет следующие типы сочетаемости в структуре языка [1, с. 78-83]: 1) морфо-синтаксическую сочетаемость (с влиянием морфо-синтаксических ограничителей на построение сочетаний), например: *выступление на сцене, выход на сцену*, 2) семантическую валентность (под влиянием семантических признаков слова В, синтаксически связанным со словом А, обладающим признаками для замещения определенной семантической валентности), например: *со сцены, начинать представление*, 3) лексическую сочетаемость (дополнительные ограничения на семантическую валентность), например: *театральный актер*, но не *сценический актер*. У.С. Загребина отмечает значительный потенциал использования

методологии корпусной лингвистики для изучения особенностей сочетаемости лексических единиц [\[4, с. 36\]](#).

Категория сочетаемости как таковая подразумевает внимание к уже сложившимся в языке фактам языковой действительности, она проявляется в контексте парадигматической природы языковых единиц как системного феномена [\[6, с. 35\]](#). Потенциал лексемы к созданию сочетаний состоит в ее валентности, которая отражает парадигматическую природу лексической системы языка: «валентность слова есть такое свойство его содержательной стороны (значения), которое позволяет ему иметь при себе определенный набор синтаксических позиций» [\[8, с. 66\]](#). При этом, лексическая сочетаемость напрямую связана и с синтаксисом, они находятся в отношениях соположенности и взаимосвязанности [\[3, с. 62\]](#).

Исходя из вышесказанного, следует уделить особе внимание особенностям предложно-падежных сочетаний как компонента лексико-синтаксической системы языка. Предлоги оформляют подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или в предложении и таким образом выражают отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются [\[12, с. 700\]](#). С семантической точки зрения, предлог имеет лексическое значение. Семантически “пустых” предлогов не бывает [\[12, с. 700\]](#), для определения значения предлога первостепенную роль одновременно играют два фактора: 1) падежная форма присоединяемого предлогом имени, 2) лексическое значение слов. Предлог с падежом или предложно-падежная система представляет собою целостную единицу значения: предлог вместе с падежной формой образует такое единство, которое своей синтаксической функцией в предложении и характером своего значения в принципе не отличается от беспредложного падежа [\[5, с. 201\]](#). Тем самым, один и тот же предлог может сочетаться с одним или большим количеством падежей, меняя при этом свои значения.

Сочетаемость лексических единиц характеризуется и значительным потенциалом в выражении эмоций и оценок [\[15, с. 170\]](#), возможны также и формирования авторских примеров сочетаемости, которые в национальном корпусе имеют единичные вхождения – они отражают специфику авторской картины мира человека [\[11, с. 105\]](#). Сходной точки зрения придерживается О.О. Секиро [\[13\]](#).

Глагольные сочетания при этом представляют собой словосочетания глаголов с отдельными предложно-падежными формами [\[2, с. 153\]](#). Структурное и смысловое многообразие обуславливается валентностью единиц, с которыми предложно-падежные формы сочетаются. Лексемы ТЕАТР и СЦЕНА образуют многочисленные предложно-падежные формы, например: *выйти на сцену, участвовать в спектакле, поступить в театр*. В то же время, проявления категории сочетаемости в данном контексте состоят, например, в следующих примерах: *поставить спектакль, выйти на сцену, но не поставить представление, зайти на сцену*.

В первую очередь, ТЕАТР рассматривается как род искусства и художественное отражение жизни посредством драматической, а также как действие, осуществляемое актёрами перед зрителями. Выделена следующая структура глагольного сочетания с предложно-падежной формой: структура «глагол + предлог + театр» применяется для описания восприятия театра в общественном сознании и профессиональном сообществе (например, с использованием таких лексем как *относиться, спорить, говорить*).

Например: *В конце своего прощального слова он сказал: «...Клянемся **относиться к театру** с той глубокой и священной жертвенностью, с какой относился Станиславский!»* [Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004)]

ТЕАТР трактуется и как учреждение, которое имеет коллектив артистов, помещение для проведения постановок. Структура «глагол + предлог + театр» используется, чтобы показать профессиональную деятельность человека в театре (например, с использованием таких лексем как *в театре, из театра, для театра*). Например: **Для театра** именно публика есть залог живой связи с истоками, с культурной традицией. [Спасительная эстафета игры // «Экран и сцена», 2004.05.06].

Кроме того, ТЕАТР трактуется и как помещение со сценой и зрительным залом, предназначенное для проведения представлений, а также сами спектакли. Структура «глагол + предлог + театр» обозначает действия, которые связаны с перемещениями относительно здания театра, действиями, связанными с театром (например, с использованием таких лексем как *идти в, попасть в, выйти из, подъехать к*) [14, с. 623]. Например: *Как будто окончен спектакль, и надо **выйти из театра** — а куда идти?..* [Дина Рубина. Наш китайский бизнес // «Знамя», 1999].

В свою очередь, лексема СЦЕНА имеет следующие значения и связанные с ними модели глагольных сочетаний с предложно-падежными формами.

В первую очередь, СЦЕНА трактуется как специальная площадка, на которой происходит театральное представление; театральные подмостки. Используется структура «глагол + предлог + сцена», которая обозначает действия актера во время представления, а также действия зрителя (*смотреть, выйти, подняться, находиться, уйти*). Например: *И это был второй повод для меня **уйти со сцены***. [Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)].

Далее, СЦЕНА характеризуется как вид деятельности. Используется структура «глагол + предлог + сцена», которая обозначает связи актера со своим профессиональным поприщем (используются глаголы *играть, выступать, стремиться, попасть, расстаться*). Например: *Луиза стала все реже **играть на сцене** Каменного театра и на других петербургских площадках, предпочитая Дворцовый театр Эрмитажа с партером на шесть рядов кресел*. [Валерий Ярхо. Большие русские гастроли // «Октябрь», 2013].

Наконец, СЦЕНА рассматривается как отдельный эпизод театральной постановки. Структура «глагол + предлог + сцена» обозначает участие актера в сцене или режиссерскую работу над постановкой (с использованием таких глаголов, как, например, *показать, участвовать*) Например: *Я понял, что атака была подготовлена: по плану ни я, ни Кочергин не должны были **участвовать в сцене***. [Владимир Рецептер. Ностальгия по Японии (2000)] [Словарь сочетаемости слов русского языка, 1983, с. 575].

Далее – для характеристики сочетаемости лексем ТЕАТР и СЦЕНА – необходимо перейти к оценке распространенности предложно-падежных форм лексем ТЕАТР и СЦЕНА в НКРЯ и особенностям построения глагольных сочетаний с ними. Для проведения анализа был сформирован следующий алгоритм: 1) определить степень частотности предложно-падежных форм лексем ТЕАТР и СЦЕНА в основном и газетном подкорпусах НКРЯ, 2) определить частотность использования глагольных сочетаний с предложно-падежными формами лексем ТЕАТР и СЦЕНА в основном и газетном подкорпусах НКРЯ, 3) описать поля глаголов с учетом семантики предлогов в составе предложно-падежных форм лексем ТЕАТР и СЦЕНА, 4) выявить глагольные сочетания с предложно-падежными

формами лексем ТЕАТР и СЦЕНА с образностью семантики.

В первую очередь, необходимо представить результаты анализа предложно-падежных форм лексемы ТЕАТР в НКРЯ (Таблица 1).

Таблица 1. Частотные характеристики предложно-падежных форм лексемы ТЕАТР в основном и газетном подкорпусах НКРЯ

Предложно-падежная форма	НКРЯ основной	НКРЯ газетный
в театре	11 731 вхождение, ipm 30,12	19 313 вхождений, ipm 23,69
от театра	350 вхождений, ipm 0,9	423 вхождения, ipm 0,52
из театра	1816 вхождений, ipm 4,66	1582 вхождения, ipm 2,43
к театру	946 вхождений, ipm 4,66	730 вхождений, ipm 0,9
при театре	175 вхождений, ipm 0,45	183 вхождения, ipm 0,22
у театра	239 вхождений, ipm 0,61	680 вхождений, ipm 0,83
за театром	42 вхождения, ipm 0,11	40 вхождений, ipm 0,05
с театром	575 вхождений, ipm 1,48	1074 вхождения, ipm 1,32

Как показывает анализ, наиболее частотными предложно-падежными формами с лексемой ТЕАТР являются «в театре», «из театра», «к театру», «с театром». Они представлены, например, в следующих ЛСВ:

*И по-прежнему играю **в театре**, и по-прежнему невероятно хочу сниматься в кино.* [Елена Голованова. День победы Виктории // «Домовой», 2002.08.04].

*Я решила, что не понравилась, и ушла **из театра** расстроенная.* [Ирина Архипова. Музыка жизни (1996)].

*Но известно, что кроме издательской деятельности Суворин имел особую страсть **к театру**.* [Российская государственная библиотека посвящает свою выставку юбилею Алексея Суворина // РИА «Новости», 2004.09.13].

Прослеживается репрезентация различных семантических аспектов этой лексемы: все выделенные наиболее распространенные предложно-падежные формы характеризуются многозначностью: они обозначают ТЕАТР и как здание, и как профессиональную деятельность, и как учреждение, в зависимости от контекста их употребления.

Были выявлены следующие глагольные сочетания с предложно-падежными формами с лексемой ТЕАТР при анализе НКРЯ.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «в театре» представлены с

использованием следующих глаголов: *работать* (77 случаев), *недооценить* (3 случая), *играть* (89 случаев), *репетировать* (14 случаев), *вырасти* (5 случаев), *выступить* (19 случаев), *видеть* (22 случая), *служить* (38 случаев), *встретить* (6 случаев), *случиться* (8 случаев), *разыскать* (5 случаев), *ожидаться* (3 случая), *обожать* (3 случая), *проработать* (2 случая), *делать* (13 случаев), *говорить* (12 случаев). Они обозначают преимущественно аспекты профессиональной деятельности человека, но также и характеризуют ТЕАТР как здание, в которое приходят зрители, чтобы посмотреть постановку.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «от театра» представлены с использованием следующих глаголов: *требовать* (3 случая), *отлучить* (1 случай), *ждать* (17 случаев), *отойти* (5 случаев), *отличаться* (4 случая), *оторваться* (4 случая), *отъехать* (7 случаев), *получить* (6 случаев), *пойти* (1 случай). Значения этих предложно-падежных форм подразумевают трактовку семантики лексемы ТЕАТР преимущественно как здания, но также и как сферы профессиональной деятельности человека.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «из театра» представлены с использованием следующих глаголов: *уйти* (79 случаев), *бежать* (19 случаев), *выйти* (26 случаев), *переезжать* (2 случая), *уволить* (9 случаев), *выгнать* (9 случаев), *сократить* (2 случая), *приходить* (5 случаев), *ехать* (8 случаев), *вылететь* (2 случая), *вернуться* (6 случаев), *исчезнуть* (5 случаев), *изгнать* (2 случая), *убрать* (3 случая), *идти* (3 случая), *вышвырнуть* (1 случай). Данные формы обозначают ТЕАТР как здание, как профессиональную деятельность и как учреждение.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «к театру» представлены с использованием следующих глаголов: *подходить* (29 случаев), *подъехать* (22 случая), *приблизиться* (23 случая), *идти* (15 случаев), *двинуться* (3 случая), *хлынуть* (3 случая), *охладеть* (6 случаев), *вернуться* (2 случая), *отправить* (3 случая), *свернуть* (6 случаев), *заковылять* (1 случай), *прикоснуться* (4 случая), *относиться* (8 случаев), *приспосабливаться* (2 случая). Выделенные глагольные формы обозначают ТЕАТР как здание, а также и как сферу профессиональной реализации человека (например, *прикоснуться*).

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «при театре» представлены с использованием следующих глаголов: *оставить* (2 случая), *строить* (4 случая), *создать* (4 случая), *числиться* (10 случаев), *иметься* (2 случая). Преобладающей семой этой группы глагольных сочетаний является 'сфера профессиональной деятельности человека'.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «у театра» представлены с использованием следующих глаголов: *стоять* (31 случаев), *встретиться* (28 случаев), *появиться* (20 случаев), *остановиться* (5 случаев), *высадить* (4 случая), *произойти* (3 случая), *проститься* (5 случаев), *отнимать* (1 случай). В этой группе преобладает понимание ТЕАТРА как здания, объекта городской застройки.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «за театром» представлены с использованием следующих глаголов: *свернуть* (5 случаев), *следить* (6 случаев), *закрепить* (5 случаев), *оставаться* (2 случая), *сохранить* (3 случая). В этой группе сочетаний распространены единицы со значениями 'профессиональная сфера деятельности' и 'здание'.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «с театром» представлены с использованием следующих глаголов: *встретиться* (5 случаев), *сравнивать* (4 случая), *приехать* (5 случаев), *знакомиться* (6 случаев), *связаться* (4 случая), *происходить* (19

случаев), *оставаться* (7 случаев), *выезжать* (6 случаев), *выступить* (3 случая), *поехать* (4 случая), *сталкиваться* (2 случая), *сотрудничать* (3 случая), *сдружиться* (1 случай), *гастролировать* (7 случаев), *прощаться* (4 случая), *расстаться* (2 случая), *повезти* (2 случая). Ключевую роль в этой группе глагольных сочетаний играет сема 'театр как сфера профессиональной деятельности человека'.

Приведенное распределение показывает, какие именно глаголы играют ключевую роль в каждой из рассмотренных предложно-падежных форм в глагольных словосочетаниях в репрезентации концепта ТЕАТР.

В Таблице 2 представлено распределение глагольных сочетаний с предложно-падежными формами с лексемой ТЕАТР по представленности в речи.

Таблица 2. Распределение глагольных сочетаний с предложно-падежными формами с лексемой ТЕАТР

Предложно-падежная форма	Глаголы в речи профессионалов театра	Глаголы в речи зрителей	Глаголы в литературной и публицистической речи
в театре	<i>работать, недооценить, играть, репетировать, вырасти, служить, встретить, обожать, проработать, делать, говорить</i>	<i>играть, выступать, видеть, говорить</i>	<i>играть, выступать, видеть, случиться, разыскать, ожидать, встретить, делать</i>
от театра	<i>требовать, отлучить, ждать, оторваться, получить, пойти</i>	<i>ждать, отойти, оторваться, отъехать</i>	<i>отойти, отличаться, отъехать</i>
из театра	<i>уйти, бежать, переезжать, уволить, выгнать, вылететь, вернуться, исчезнуть, изгнать, убрать, идти, вышвырнуть</i>	<i>выйти, приходить, ехать</i>	<i>уйти, выйти, уволить, выгнать, сократить, ехать, убрать</i>
к театру	<i>подъехать, приблизиться, идти, двинуться, охладеть, вернуться, отправить, заковылять, прикоснуться, относиться</i>	<i>подходить, подъехать, идти, свернуть</i>	<i>подходить, подъехать, приблизиться, идти, хлынуть, охладеть, свернуть, относиться</i>

	<i>приспосабливаться</i>		
при театре	<i>оставить, создать, числиться</i>	-	<i>строить, создать, иметься</i>
у театра	<i>появиться</i>	<i>стоять, встретиться, появиться</i>	<i>стоять, встретиться, остановиться, высадить, произойти, проститься, отнимать</i>
за театром	<i>следить, закрепить</i>	<i>свернуть</i>	<i>свернуть, следить, закрепить, оставаться, сохранить</i>
с театром	<i>встретиться, приехать, знакомиться, связаться, происходить, оставаться, выезжать, выступить, поехать, сталкиваться, сотрудничать, сдружиться, гастролировать, прощаться, расстаться, повезти</i>	<i>сравнивать, гастролировать</i>	<i>сравнивать, знакомиться, происходить, сотрудничать, гастролировать</i>

По результатам, представленным в Таблице 2, можно говорить о том, что наиболее многочисленны и разнообразны глаголы в составе глагольных сочетаний с предложно-падежными формами с лексемой ТЕАТР в речи профессионалов театра и в публицистической речи. В речи зрителей прослеживается наименьшее количество глагольных вариантов при формировании словосочетаний с предложно-падежными формами.

Необходимо также рассмотреть и образные, выразительно-экспрессивные выражения, сформированные за счет глагольных сочетаний с падежно-предложными формами с лексемой ТЕАТР.

Еще одна причина: я вырос в Театре музыкальной комедии. [Юлия Кантор. Владимир Галузин, оперный певец: «Турандот» -- лучшее, что сделал Пуччини» // «Известия», 2002.07.25]. Данное образное выражение формируется на основе метафорического использования глагола «вырасти», он показывает, что адресант все детство провел в театре, и это сформировало его личность.

Наконец, все узнают, что я ни дня не служил в Театре оперетты и не был мужем Татьяны Шмыги. [Федор Чеханков: Ненависть меня разрушает // «Витрина читающей России», 2002.09.13]. Выражение «служить в театре» характеризуется устойчивостью,

оно обозначает факт профессиональной занятости в театре.

Тогда объясните мне, почему он не сделал попытки **бежать из театра**, когда начался переполох? [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]. В этом случае глагол «бежать» употреблен в переносном значении и обозначает желание завершить театральную карьеру.

Решив повторить ее в Шатле, привезли и декорации, которые легко разбирались и могли **«переезжать» из театра в театр**. [Ирина Архипова. Музыка жизни (1996)]. Метафора этого глагольного сочетания состоит в использовании единица «переезжать» в переносном значении, как инструмента для обозначения смены труппы.

Толпа **хлынула к театру**, обычному месту сборищ. [Андрей Сидорин. Забыть Герострата // «Зеркало мира», 2012]. Этот пример характеризуется образностью за счет метафорического использования глагола «хлынула»: он показывает, что к театру подошло слишком большое количество людей.

У меня такое странное, но такое отчетливое ощущение, что я **охладела к театру**, понимаешь? [Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)]. За счет переносного значения глагола «охладеть» делается акцент на том, что человек утратил интерес к театру.

Далее необходимо охарактеризовать результаты анализа предложно-падежных форм лексемы СЦЕНА в НКРЯ. Результаты представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Частотные характеристики предложно-падежных форм лексемы СЦЕНА в основном и газетном подкорпусах НКРЯ

Предложно-падежная форма	НКРЯ основной	НКРЯ газетный
на сцене	12 316 вхождений, ipm 31,62	25 302 вхождения, ipm 31,04
в сцене	817 вхождений ipm 2,1	694 вхождения ipm 0,85
со сцены	2417 вхождений ipm 6,21	5129 вхождений ipm 6,29
от сцены	168 вхождений ipm 0,43	305 вхождений ipm 0,37
из сцены	28 вхождений, ipm 0,07	32 вхождения, ipm 0,04
к сцене	472 вхождения, ipm 1,21	634 вхождения, ipm 0,78
при сцене	20 вхождений, ipm 0,05	6 вхождений, ipm 0,01
под сценой	35 вхождений, ipm 0,09	72 вхождения, ipm 0,09
через сцену	88 вхождений, ipm 0,23	41 вхождение, ipm 0,05
у сцены	50 вхождений ipm	209 вхождений ipm 0,26

на сцене	со сцены, при сцене	со сцены, при сцене
	0,13	

Сопоставительный анализ показывает, что наиболее частотными предложно-падежными формами с лексемой СЦЕНА являются следующие: «на сцене», «со сцены», «в сцене», «к сцене».

Они представлены, например, в следующих ЛСВ:

*Что произошло **на сцене**, что произошло в зале — никому неинтересно.* [Северная сказка // «Экран и сцена», 2004.05.06]; *Могу прилететь в город и через пару часов уже стоять **на сцене**.* [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // «100% здоровья», 2003.01.15]

*Имперский принцип непрозрачности власти наглядно показан **в сцене**, когда Горсвет создает свой невидимый антикризисный штаб по борьбе с воронкой в первой попавшейся квартире типизированных лохов-обывателей.* [А. В. Цветков. После прочтения уничтожить (2009)].

*И поэтому возникает такое чувство, что ваш голос звучит **со сцены** уже много-много лет...* [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // «100% здоровья», 2003.01.15]; *Список образцов тканей, представленных Рогожиными на выставке, можно хоть **со сцены** декламировать — столько в нем неизъяснимой прелести.* [М. Б. Бару. Второй сон Любви Александровны // «Волга», 2015]

*Вечером поехала в театр, чтобы примериться **к сцене**, где на другой день предстояло танцевать «Больную розу» на вечере памяти Фернана Леже.* [Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)].

Семантический объем выделенных наиболее распространенных сочетаний показывает, что единицы «на сцене», «со сцены», «к сцене» обозначают СЦЕНУ как площадку, на которой проводится представление, в то время в единице «в сцене» СЦЕНА рассматривается как эпизод произведения, пьесы, которая ставится в театре.

Далее, следует охарактеризовать особенности формирования глагольных сочетаний с предложно-падежными формами лексики СЦЕНА.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «на сцене» представлены с использованием следующих глаголов: *происходить* (78 случаев), *играть* (55 случаев), *делать* (6 случаев), *увидеть* (7 случаев), *быть* (12 случаев), *существовать* (9 случаев), *смотреть* (5 случаев), *видеть* (6 случаев), *отметиться* (2 случая), *стоять* (6 случаев), *состояться* (21 случай), *появиться* (15 случаев), *идти* (19 случаев), *поставить* (24 случая), *плакать* (2 случая), *мелькать* (5 случаев), *дурачиться* (4 случая), *бесноваться* (1 случай), *выступать* (42 случая), *проработать* (6 случаев), *работать* (12 случаев), *выглядеть* (8 случаев), *репетировать* (3 случая), *суетиться* (2 случая), *отмолотить* (1 случай), *жить* (7 случаев), *доказывать* (7 случаев), *кривляться* (5 случаев), *крутиться* (4 случая), *петь* (6 случаев), *изобразить* (5 случаев). В этих сочетаниях СЦЕНА рассматривается как площадка, на которой проводится театральное представление.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «в сцене» представлены с использованием следующих глаголов: *быть* (10 случаев), *выглядеть* (5 случаев), *указывать* (2 случая), *блеснуть* (2 случая), *присутствовать* (3 случая), *плакать* (7 случаев), *показать* (8 случаев), *видеть* (3 случая), *отражать* (2 случая), *проявляться* (1 случай), *подниматься* (1 случай). В этой группе глагольных сочетаний СЦЕНА имеет

значение 'эпизод пьесы'.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «со сцены» представлены с использованием следующих глаголов: *сойти* (92 случая), *уйти* (16 случаев), *произнести* (17 случаев), *(не) сходить* (16 случаев), *скрыться* (2 случая), *сказать* (20 случаев), *показать* (8 случаев), *прозвучать* (15 случаев), *звучать* (12 случаев), *обращаться* (5 случаев), *слышаться* (4 случая), *выпихивать* (2 случая), *исчезнуть* (6 случаев), *свалиться* (4 случая), *доноситься* (3 случая), *декламировать* (4 случая), *читать* (6 случаев), *прогонять* (1 случай), *удаляться* (2 случая), *исполнять* (10 случаев), *выступать* (7 случаев), *видеть* (4 случая), *говорить* (6 случаев). Данная группа глагольных сочетаний обозначает сцену как площадку для проведения театральных представлений.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «от сцены» представлены с использованием следующих глаголов: *отказаться* (3 случая), *отделять* (3 случая), *отвернуться* (1 случай), *идти* (1 случай), *отвлекаться* (1 случай), *отступить* (2 случая), *шарахнуться* (1 случай), *отойти* (2 случая), *устать* (2 случая), *зависеть* (2 случая), *уйти* (2 случая), *отсечь* (2 случая). В семантике этих глагольных сочетаний СЦЕНА описывается как площадка, на которой играют актеры в театре.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «из сцены» представлены с использованием следующих глаголов: *изъять* (2 случая), *вырасти* (1 случай), *родиться* (1 случай), *заимствовать* (2 случая). В этой группе глагольных сочетаний СЦЕНА имеет значение 'эпизод пьесы'.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «к сцене» представлены с использованием следующих глаголов: *подойти* (24 примера), *спуститься* (6 случаев), *броситься* (5 случаев), *выскочить* (4 случая), *прилегать* (3 случая), *пойти* (8 случаев), *подскочить* (2 случая), *повернуться* (3 случая), *вернуться* (2 случая), *стекаться* (3 случая), *обернуться* (2 случая), *выйти* (3 случая), *потащить* (1 случай), *шествовать* (2 случая), *пробираться* (2 случая), *отступить* (1 случай), *приблизиться* (2 случая), *примериться* (2 случая), *протолкнуться* (1 случай), *направиться* (3 случая), *бежать* (1 случай), *ринуться* (2 случая), *тянуться* (2 случая). Эта группа глагольных сочетаний характеризуется тем, что в них СЦЕНА рассматривается как часть театра, как площадка для проведения представления в театре.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «при сцене» представлены с использованием следующих глаголов: *присутствовать* (10 случаев), *плакать* (2 случая), *смеяться* (2 случая). В этих глагольных сочетаниях СЦЕНА рассматривается как часть театрального представления.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «под сценой» представлены с использованием следующих глаголов: *стоять* (5 случаев), *сидеть* (3 случая), *найти* (2 случая), *шуршать* (1 случай), *поместить* (1 случай). В семантике этих глагольных сочетаний СЦЕНА описывается как площадка, на которой играют актеры в театре.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «через сцену» представлены с использованием следующих глаголов: *бежать* (4 случая), *сказать* (5 случаев), *пойти* (4 случая), *идти* (3 случая), *мчаться* (2 случая), *пройти* (10 случаев), *лететь* (1 случай). Данная группа глагольных сочетаний обозначает сцену как площадку для проведения театральных представлений.

Глагольные сочетания с предложно-падежной формой «у сцены» представлены с использованием следующих глаголов: *появиться* (2 случая), *задержаться* (2 случая),

стоять (11 случаев), произойти (4 случая), толпиться (3 случая), оказаться (2 случая), выстроиться (1 случай), танцевать (4 случая), кричать (2 случая), прыгать (2 случая), собраться (4 случая). Эти глагольные сочетания объединены тем, что СЦЕНА в них обозначает площадку для проведения театрального представления.

В Таблице 4 представлено соотношение глагольных сочетаний с предложно-падежными формами лексики СЦЕНА по представленности в речи.

Таблица 4. Распределение глагольных сочетаний с предложно-падежными формами с лексемой СЦЕНА

Предложно-падежная форма	Глаголы в речи профессионалов театра	Глаголы в речи зрителей	Глаголы в литературной и публицистической речи
на сцене	происходить, играть, делать, существовать, стоять, состояться, появиться, поставить, мелькать, дурачиться, выступать, проработать, работать, репетировать, суесться, жить, доказывать, кривляться, крутиться, изобразить	происходить, увидеть, смотреть, видеть, появиться, плакать, выступать, выглядеть, петь, бесноваться	происходить, увидеть, быть, смотреть, отметить, стоять, состояться, идти, поставить, мелькать, выступать, проработать, отмолотить, кривляться, петь
в сцене	быть, указывать, блеснуть, присутствовать, показать, отражать, подниматься	плакать, видеть	быть, выглядеть, блеснуть, плакать, показать, проявляться
со сцены	сойти, уйти, произнести, скрыться, сказать, показать, обращаться, выпихивать, исчезнуть, свалиться, декламировать, удаляться, исполнять, говорить	произнести, прозвучать, звучать, слышаться, доноситься, читать, исполнять, видеть	сойти, (не) сходить, сказать, звучать, обращаться, исчезнуть, свалиться, читать, прогонять, исполнять, выступать, говорить

от сцены	отказаться, отделять, отвлекаться, устать, зависеть	отступить, отойти,	отвернуться, отделять, идти, шарахнуться, уйти, отсечь
из сцены	изъять, вырасти, родиться, заимствовать	-	заимствовать
к сцене	броситься, выскочить, вернуться, потащить, примериться,	подойти, пойти, обернуться, выйти, бежать, ринуться, тянуться	подойти, броситься, выскочить, прилегать, пойти, подскочить, повернуться, стекаться, обернуться, шестьствовать, пробираться, отступить, приблизиться, протолкнуться, направиться, ринуться
при сцене	присутствовать	присутствовать, плакать, смеяться	присутствовать
под сценой	стоять, сидеть, шуршать, поместить		стоять, найти,
через сцену	сказать, пойти, лететь	идти,	бежать, пойти, идти, мчаться, пройти
у сцены	стоять	стоять, оказаться	появиться, задержаться, произойти, толпиться, оказаться, выстроиться, танцевать, кричать, прыгать, собраться

На основании результатов исследования, представленных в Таблице 4, прослеживается закономерность, которая состоит в наибольшем разнообразии глаголов при формировании глагольных словосочетаний с предложно-падежными формами. Это отражает особенности быденной и профессиональной картин мира.

Далее, необходимо охарактеризовать экспрессивно-выразительное глагольные сочетания с предложно-падежными формами лексики СЦЕНА.

*Шесть мужчин и женщин, **беснующихся на сцене** под музыку Стравинского, держат зал*

в напряжении все 45 минут спектакля. [Эльмар Гусейнов. Балалайка и трусы. Парижские театральные премьеры: новое прочтение русской классики // «Известия», 2001.12.24]. Глагол «бесноваться» характеризуется экспрессивностью и эмоциональностью, он формирует яркий и выразительный образ, описывающий особенности авторской театральной постановки.

*Лихие эстрадники с дипломами врачей Лившиц и Ливенбук, растворившиеся в далях забвения, однажды **отмолотили на сцене** стих Чуковского «Муха-цокотуха»...* [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019]. Глагол «отмолотить» характеризуется образностью, он образован посредством метафорического переноса от молотбы для описания экспрессивного и нарочито четкого исполнения театральной сцены.

*И неплохо получалось! Умел **кривляться на сцене**. Тоже получалось.* [Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015]. Глагол «кривляться» характеризуется экспрессивностью значения, он применяется как средство описания актерства с негативными коннотациями в публицистическом тексте.

*С одной стороны, история показывает, что император был обречен: вопрос стоял лишь о том, при каких обстоятельствах наш самодержец **сойдет со сцены**, — и, надо отдать ему должное, Николай сделал это наиболее достойно.* [Вера Краснова, Павел Кузенков. Романовы: империя верных // «Эксперт», 2014]. Глагольное сочетание «сойти со сцены» характеризуется образным метафорическим значением, оно обозначает завершение срока властных полномочий политика (в приведенном примере - императора).

Таким образом, были рассмотрены особенности формирования глагольных сочетаний с предложно-падежными формами лексем ТЕАТР и СЦЕНА. В ходе работы было установлено, что в НКРЯ наиболее частотными предложно-падежными формами с лексемой ТЕАТР являются «в театр» (со значениями «место проведения постановок», «труппа»), «из театра» (со значениями «место проведения постановок», «труппа»), «к театру» (со значением «место проведения постановок»), «с театром» (со значением «труппа»), с лексемой СЦЕНА – конструкции «на сцене» (со значениями «сцена как место проведения театральной постановки», «сцена как театр»), «со сцены» (со значением «сцена как место проведения театральной постановки», в метафорическом значении), «в сцене» (со значением «сцена как часть театральной постановки»), «к сцене» (со значениями «сцена как место проведения театральной постановки», «сцена как театр»). Кроме того, были выявлены различия в лексической сочетаемости глагольных сочетаний с предложно-падежными формами с лексемами ТЕАТР и СЦЕНА в зависимости от адресанта (профессионала театра, зрителя, публициста / писателя), что отражает особенности репрезентации смыслов, связанных с театром и сценой, в коммуникации, а также показывает отличительные особенности профессиональной и обыденной картин мира.

Библиография

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974. 366 с. EDN: PWFJRV.
2. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. Москва: Языки славянских культур, 2022. 483 с.
3. Гончаренко И.Г. Корпусные данные в разработке учебных словарей сочетаемости // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 2. С. 55-68. EDN: DWCXSZ.
4. Загребина У.С. Возможности использования национального корпуса русского языка в диахронических исследованиях лексической сочетаемости прилагательных // Нурғалиевские чтения-XII. Астана: Мастер ПО, 2023. С. 34-37. EDN: QANXVU.
5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. Москва: ЛЕНАНД, 2014. 349 с.

6. Котелова Н.З. Избранные работы. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. 275 с.
7. MAC. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.
8. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 166 с. EDN: VJGWIT.
9. Мухин М.Ю. Статистические методы в филологии и авторская сочетаемость слов // Стратегические ориентиры современного образования. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 91-93. DOI: 10.26170/Kso-2020-117. EDN: HZUCSF.
10. НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/>.
11. Панкова И.М. К вопросу о лексической сочетаемости существительных с глаголами (на материале текстов лекций) // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2023. № 3(22). С. 104-108. EDN: WNQVIE.
12. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 2. Синтаксис. Москва: Наука, 1980. 709 с.
13. Секиро О.О. Лексическая сочетаемость с прилагательным органический в публицистике И.С. Аксакова: органический порок и органическая фальшь // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. № 3. С. 293-303. DOI: 10.30842/26583755202011. EDN: JRRQWG.
14. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1983. 689 с.
15. Стародубцева Н.А. Специфика лексической сочетаемости глаголов эмоционального состояния в региональной художественной прозе // Научный диалог. 2020. № 6. С. 162-177. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-162-177. EDN: LLKYIE.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают лексемы «театр» и «сцена» в глагольных предложно-падежных формах русского языка. Актуальность работы аргументируется тем, что «семантика предложно-падежных форм лексем в сочетаниях с глаголами требует дополнительного внимания, поскольку они характеризуются многоплановостью выражаемых смыслов, разной степенью частотности используемых компонентов. Изучение семантического объема предложно-падежных форм на примере сочетаний с лексемами «театр» и «сцена» позволяет более точно определить особенности лексико-семантических полей «театр» и «сцена» в русском языке». Материалом исследования послужили основной и газетный подкорпусы Национального корпуса русского языка, толковые словари русского языка, словарь сочетаемости слов русского языка П. Н. Денисова, В. В. Морковкина.

Теоретической основой исследования выступили как фундаментальные, так и актуальные труды таких ученых, как Ю. Д. Апресян, А. В. Бондарко, И. М. Кобозева., Н. З. Котелова, В. В. Морковкин, О. О. Секиро, И. Г. Гончаренко, У. С. Загребина, И. М. Панкова, Н. А. Стародубцева и др., посвященные вопросам лексической семантики, категоризации в системе грамматики, лексической сочетаемости и т. д. Библиография статьи насчитывает 15 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методологическую базу исследования составили описательный, функциональный, прагматический, сопоставительный, статистический методы, метод словарной выборки, метод

компонентного анализа, комплексный лингвистический анализ. Выбор методов оправдан и соответствует цели («проанализировать семантические особенности предложно-падежных форм лексем «театр» и «сцена» в глагольных сочетаниях на материале Национального корпуса русского языка, определить степень их устойчивости, а также экспрессивно-выразительный потенциал предложно-падежных форм лексем «театр» и «сцена») и задачам работы.

В ходе исследования определен семантический объем изучаемых лексем; описаны понятия семантической и лексической сочетаемости; охарактеризованы глагольные сочетания; на основании Национального корпуса русского языка установлена частотность употребления предложно-падежных форм изучаемых лексем в глагольных сочетаниях в основном и газетном подкорпусах; проанализированы семантические группы глаголов, формирующих сочетания с предложно-падежными формами данных лексем; выявлены и описаны экспрессивно-выразительные сочетания; сделаны выводы об особенностях употребления глагольных сочетаний с предложно-падежными формами лексем «театр» и «сцена». Промежуточные результаты исследования представлены в таблицах «Частотные характеристики предложно-падежных форм лексемы «театр» в основном и газетном подкорпусах НКРЯ», «Распределение глагольных сочетаний с предложно-падежными формами с лексемой «театр», «Частотные характеристики предложно-падежных форм лексемы «сцена» в основном и газетном подкорпусах НКРЯ», «Распределение глагольных сочетаний с предложно-падежными формами с лексемой «сцена».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключается в том, что полученные результаты вносят вклад в изучение предложно-падежных форм, семантической и лексической сочетаемости слов русского языка и могут быть использованы как в дальнейших исследованиях, так и в вузовских курсах по теории языка, лексикологии, семасиологии и др.

Стиль работы отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию, логика исследования четкая. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шигуров В.В., Шигурова Т.А., Пулов Е.В. Функционирование словоформы «век» в зоне ядерных / периферийных существительных и гибридных структур // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.73978 EDN: BYQLRB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73978

Функционирование словоформы «век» в зоне ядерных / периферийных существительных и гибридных структур

Шигуров Виктор Васильевич

ORCID: 0000-0002-4898-6484

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

✉ shigurov@mail.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна

ORCID: 0000-0002-5342-8471

доктор культурологии

профессор; институт национальной культуры; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, г. Саранск, ул. Серова, д. 3, кв. 12

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

Пулов Евгений Викторович

ORCID: 0000-0002-1946-9760

кандидат филологических наук

доцент; Филологический факультет; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430021, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Волгоградская, 33, кв. 74

✉ puool@yandex.com

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.73978

EDN:

BYQLRB

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2025

Аннотация: Актуальность работы определяется возрастающим интересом лингвистов к проблеме качественной характеристики высказываний и их фрагментов, а также необходимостью дальнейшего изучения принципов взаимодействия лексического и грамматического в структуре языковых единиц, вовлекающихся в речи в разные транспозиционные процессы, в том числе в адвербиализацию. Цель работы – исследование механизма градуальной транспозиции беспредложных форм именительного и винительного падежей существительных в класс наречий. В центре внимания – ядерные, периферийные субстантивные словоформы, гибриды, синтезирующие признаки взаимодействующих при ступенчатой адвербиализации существительных. На примере словоформы «век» рассмотрены стадии и признаки транспозиции существительных в подкласс аспектуально-темпоральных наречий. Материалом для исследования послужили контексты из Национального корпуса русского языка и собственные примеры авторов статьи, иллюстрирующие стадийный характер адвербиализации беспредложных форм существительных. При исследовании применялись общенаучные, общелингвистические и специальные методы (сравнение, обобщение; описательный метод, оппозиционный, дистрибутивный и трансформационный, лингвистический эксперимент), позволившие комплексно охарактеризовать исследованные стадии окачества словоформы "век". В работе впервые показаны этапы и признаки транспозиции именительного и винительного падежей существительного в аспектуально-темпоральные наречия. Выявлено, что в зоне ядра исходной части речи субстантивная словоформа «век» концентрирует полный набор дифференциальных признаков существительных. В зоне периферии начинается ее движение в сторону наречий, что проявляется, в частности, в фиксировании типов употребления морфологических форм падежа и числа, в появлении адвербиальной семантики, прежде всего на уровне членов предложения. Установлено, что в сфере гибридных структур словоформа «век» совмещает примерно в равной пропорции свойства взаимодействующих существительных и наречий. Делается вывод о том, что при употреблении словоформы «век» в зонах периферии существительных и гибридности не происходит нарушения смыслового тождества исходной лексики. Последний этап собственно грамматической адвербиализации данной словоформы связывается с зоной периферии наречий. Обосновывается мысль о выходе словоформы «век» из семантической зоны исходной лексики на стадии ядерных наречий. Приведенные наблюдения над стадийным характером адвербиализации существительных без предлогов могут быть использованы в разработке проблемы функциональной и функционально-семантической транспозиции существительных с предлогами в разные подклассы адвербиальной лексики.

Ключевые слова:

русский язык, грамматика, транспозиция, стадия, существительное без предлога, наречие, зона переходности, ядро, периферия, гибрид

1. Вводные замечания

Важнейшей задачей транспозиционной грамматики русского языка является

комплексное исследование механизма ступенчатой транспозиции языковых единиц в сфере частей речи и межчастеречных разрядов безлично-предикативных и вводно-модальных слов и выражений, продуцирующего в речи синкретичные структуры, которые позволяют лаконично, но многогранно, емко представлять информацию (см., напр.: [1; 3; 4; 8, с. 9–25; 18, с. 38–48; 19, с. 19–32; 22, с. 177–191]). Типы взаимодействия слов и словоформ в грамматическом строе языка рассматривали в рамках теории транспозиции (трансляции, конверсии, деривации, трансформации и проч.) ведущие российские и зарубежные исследователи (см.: [2; 5; 6, с. 52–58; 7, с. 57–71; 13; 14, с. 78–80; 15, с. 25–38; 20; 21]). Актуальность исследования проблемы адвербиализации существительных как в динамическом, так и в статическом аспектах обусловлена повышенным вниманием ученых к феномену качественной характеристики событий и их элементов (см., напр.: [10; 11; 16; 17]). В связи с недостаточной изученностью механизма функциональной и функционально-семантической адвербиализации беспредложных форм падежей существительных важно исследовать причины, семантические и морфологические предпосылки, синтаксические условия, признаки (изменения в адвербиализующихся субстантивных образованиях на уровне лексической и грамматической семантики, морфологических категорий и парадигм, морфемной структуры, синтагматических особенностей и др.), стадии адвербиализации и предел; взаимодействие частей речи и межчастеречных семантико-синтаксических разрядов в структуре языковых единиц, эксплицирующих разные степени адвербиализации, в том числе при пересечении процесса адвербиализации с процессами прономинализации, партикуляции, предикативации и модалации. Новизна работы состоит в том, что в ней на примере словоформы *век* показаны этапы и признаки собственно грамматической и лексико-грамматической транспозиции субстантивов в аспектуально-темпоральные наречия.

Цель работы – описание особенностей употребления существительных в формах именительного и винительного падежей без предлогов при экспликации разных этапов транспозиции в аспектуально-темпоральные наречия. Объект анализа – словоформы, обнаруживающие при адвербиализации ту или иную степень отхода от существительных и приближения к наречиям. Предмет рассмотрения – этапы, признаки и предел адвербиализации субстантива *век*. Материал исследования – контексты употребления ядерных, периферийных существительных и наречий, а также гибридных структур из «Национального корпуса русского языка» (далее: [НКРЯ])^[9]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>, а также собственные примеры авторов статьи. Достоверность выводов обеспечивается применением таких методов исследования, как описательный, структурно-семантический, дистрибутивный, трансформационный, лингвистический эксперимент. Применение методики оппозиционного анализа позволило обосновать отнесение типовых контекстов употребления словоформы *век* к разным стадиям адвербиализации.

2. Результаты и обсуждение

Исследование механизма адвербиальной транспозиции разных падежных форм существительных без предлогов показывает, что в данный процесс вовлекается сравнительно небольшая группа существительных в формах именительного, винительного и творительного падежей, выражающих темпоральные и аспектуально-темпоральные отношения. Речь идет о наречиях типа *зимой, весной, летом, осенью; утром, вечером, днем, ночью; вчора, вчера; век* и нек. др.

Их адвербиализация в современном языке представлена разными стадиями,

зафиксированными в типовых контекстах. Можно выделить среди них словоформы, эксплицирующие ядерные наречия типа *вечор, вчера (была гроза)*, периферийные наречия вроде *зимой, весной, утром (отправиться в поход)*, а также адвербиализованные словоформы, представляющие зоны периферии (*век не виделись ≈ 'очень долго'*) и ядра наречий (*век не забуду ≈ 'никогда'*). Значение ограниченной длительности свойственно существительным *капелька, крошечка, чуточка*, вовлеченными в форме беспредложного винительного падежа в процесс функционально-семантической адвербиализации: *капельку задержаться, чуточку опоздать, крошечку вздремнуть*.

Ср. контексты употребления лексико-грамматических омонимов – существительного (1) и наречия (2):

(1) *Не растерялась синичка, зачерпнула клювом еще **капельку** волшебной воды, на грудь Деду Морозу брызнула* [М. Москвина, Сергей Седов. Пришел на Землю Дед] [НКРЯ];

(2) *Спасибо. Я тут постою **капельку*** [О. Сульчинская. От мира до кругозора // «Октябрь», 2003] [НКРЯ].

Функционально сближаются с ними адвербиальные выражения, обозначающие как длительность какого-либо периода (*целый час, весь день* и т.п.), так и повторяемость действия через определенные промежутки времени (*каждую секунду, каждый час* и др.). На начальной стадии адвербиализации находятся, на наш взгляд, формы винительного падежа *год, час, месяц, неделю* и нек. др., одиночно употребляемые в функции обстоятельства времени (длительности).

В дальнейшем мы сосредоточим внимание на ступенчатом характере адвербиализации субстантивной словоформы *век*. Исследование условий ее функционирования свидетельствует о том, что эта словоформа способна демонстрировать разные этапы транспозиции в подкласс аспектуально-темпоральных наречий. Примечательно то, что одни из этих этапов находятся в пределах семантической зоны исходного существительного, в то время как последний этап, напротив, связан с нарушением лексемного тождества и образованием не только грамматического, но и лексического омонима. Покажем на примере словоформы *век* разные стадии адвербиализации существительных в формах именительного и винительного падежей. Данные стадии (этапы) закреплены за типовыми контекстами и соотносятся с определенными звеньями на шкале переходности, иллюстрирующими, соответственно, зоны ядра существительных [С(ущ)] (3), периферии существительных [С(ущ) н(ареч)] (4), гибридных, субстантивно-адвербиальных образований [с(ущ) н(ареч.)] (5), периферии наречий [с(ущ) Н(ареч)] (6) и ядра наречий [Н(ареч)] (7). Ср.:

(3) *Двадцать первый **век** незаметно сменил двадцатый **век*** (≈ 'столетие');

(4) *Этот миг длился, казалось, **целый век*** (≈ 'очень долго, всегда');

(5) *Ученые **век** мучались над решением этой проблемы* (≈ 'столетие, очень долго');

(6) *Мы с тобой уже **век** не виделись* (≈ 'очень долго');

(7) ***Век** будешь помнить мою доброту* (≈ 'постоянно' всегда').

2.1 Зона ядерных существительных

Ядерное существительное *век* отчетливо проявляет свои частеречные признаки в первичных синтаксических функциях подлежащего (8) и дополнения (9):

(8) *Кавалергарда **век** не долог, и потому так сладок он...* [М. Баконина. Девять граммов пластила (2000)]; *Во втором фрагменте тенор поет о том, что лягушка рождается весной, а умирает зимой и **век** ее короток, живет она в болоте* [С. Спивакова. Не всё (2002)] [НКРЯ];

(9) *Деревенские избы, огородики, сараюшки доживали свой **век**, сжатые огромным наступлением камня и асфальта* [В. Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989] [НКРЯ].

Субстантивную природу *век* оттеняют адъективные слова типа *двадцатый, наш, свой*, согласующиеся с существительным в категориях рода, числа и падежа. Например:

(10) *Я считаю, что наша задача – не дать ребенка в руки этих псевдопедагогов, которые утверждают, что **наш век** требует от человека только жестокости* [А. Гулина. Слух к чужой боли // «Богатей» (Саратов), 2003.09.11] [НКРЯ]; ***Двадцатый век** делал ставку на сильную личность, твердую волю, на героя* [А. Кушнер. Почему они не любили Чехова? // «Звезда», 2002] [НКРЯ]; ***Русский двадцатый век** любит повторять те предсказания, что сделали о нем мыслители и пророки России в веке девятнадцатом, – Гоголь, Чаадаев, Белинский, Достоевский* [В. Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989] [НКРЯ]; *Он уважал **свой век**, считал его значительным, ценным для истории, кроме того, он чувствовал лично себя как бы ответственным перед будущим* [Д. Гранин. Месяц вверх ногами (1966)] [НКРЯ].

Грамматические значения мужского рода, единственного числа и именительного или винительного падежа у словоформы *век* представлены нулевой морфемой (флексией), которая противопоставлена в общей парадигме слова звуковым морфемам; ср.: *век, века, веку* и т.п. Комплексная падежно-числовая парадигма ядерного существительного включает 12 словоформ. Способ ее присловной подчинительной связи с адъективными словами – согласование (*двадцатый век*), с зависимыми формами косвенных падежей – управление или падежное примыкание (*век скоростей*). Рассматриваемое существительное входит в подклассы нарицательных, неодушевленных и абстрактных (по семантике) / конкретных (по грамматическим характеристикам) слов; ср., например, его изменяемость по категории числа (*век / века*) и сочетаемость с количественными числительными (*два, три века*).

Ядерная словоформа *век* передает лексические значения: 1. 'Промежуток времени в сто лет; столетие' (11); 2. 'Период времени, характеризующийся чем-либо' (12); 3. 'Жизнь, период существования кого-, чего-либо' (13) [\[12, с. 146\]](#):

(11) *Сплошь старые, деревянные, а некоторые даже вовсе крепкие, как и величественная колокольня под золотой луковицей, которая вместе с верхушкой купола церкви и косами плакучих ив уже второй **век** зеркально дрожит в ленивых водах тихой реки* [А. Русских. Направо пойдешь... налево пойдешь // «Ковчег», 2015] [НКРЯ];

(12) ***Век** настоящих живых птичек в фотографических камерах был недолог* [М. Бару. «Не пишется проза, не пишется» // «Волга», 2011]; *Золотой **век** правого руля в России уже позади* [В. Авченко. Правый руль (2009)] [НКРЯ];

(13) *Они поселились в дальней, забытой, покинутой литовской деревне, где их не мог уже достать царский гнев, и здесь тихо и мирно коротали свой **век** в мыслях и молитвах о погибшем князе...* [Л. Чарская. Царский гнев (1909)] [НКРЯ].

Идея длительности временного периода ('столетие'), обозначаемого существительным *век*, может быть усилена лексическими средствами, в частности при помощи наречия *еще*:

(14) *Между тем **еще век** назад в умах господствовала совершенно иная оппозиция: Старый Свет и Новый Свет, представлявшаяся и самоочевидной, и сущностно глубокой* [М. Соколов. Сила океана // «Эксперт», 2015].

2.2 Зона периферийных существительных

К зоне периферийных существительных относится словоформа *век* в фиксированных грамматических формах именительного или винительного падежа и единственного числа, употребляемая облигаторно в сочетании с адъективными распространителями (чаще – с определительным местоимением-прилагательным *весь* и прономинализированным прилагательным *целый*) в значениях 'очень долго', 'постоянно', 'всегда'. Выражения типа *целый век / весь век* выступают при этом в качестве синтаксически нечлененных словосочетаний, выступающих в функции обстоятельства времени (длительности) при глаголах в финитной и инфинитивной формах, реже – в форме адвербиализующегося деепричастия. Сами определительные местоимения-прилагательные (*весь, целый век*), указывая на полноту охвата временного периода, актуализируют идею длительности. Например:

(15) *Так будем **целый век** маяться да у моря погоды ждать...* [Б. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было (1918)]; *Я презираю Ньюшку, ненавижу Володьку, в особенности их вместе, только Сильвестра люблю, он и Володьку вытащил из такого позора, что тому бы **весь век не отмыться*** [Ф. Кнорре. Каменный венок (1973)] [НКРЯ]; *Что ж ей, **весь век** в избушке **жить**?* [Ю. Поляков. Любовь в эпоху перемен (2015)] [НКРЯ]; *Только вот как забыть, когда кругом столько крови и грязи, что за **целый век не расхлебать**?* [Ю. Дружников. Виза в позавчера (1968-1997)] [НКРЯ]; *...Дождище льет, вроде бы **целый век не переставая*** [В. Астафьев. Печальный детектив (1982-1985)] [НКРЯ]; *И к тому же **целый век не был** он на родной стороне* [В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 5 (1983)]; *«Я **целый век не вышивала**, – воскликнула она, – ты из меня сделал ленивицу»* [В. Жаботинский. Самсон Назорей (1916)] [НКРЯ].

Наличие согласуемых слов препятствует утрате словоформой *век* категориальных признаков существительного – семантики предмета и средств ее экспликации: категорий рода, числа и падежа; флексий в морфемной структуре слова; отнесенности к разрядам нарицательных, неодушевленных и абстрактно-конкретных слов, да и в целом сдерживает в таком контексте дальнейшее продвижение существительного *век* по направлению к наречиям длительности. Ср. контекст употребления отсубстантивного наречия:

(16) ***Век** не был на родной стороне* (≈ 'очень долго').

2.3 Зона гибридных структур

Гибрид *век* занимает промежуточное положение между существительными и наречиями, демонстрируя примерное равновесие свойств взаимодействующих при адвербиализации частей речи. Для него характерно абсолютное употребление, т.е. без зависимых адъективных и субстантивных распространителей, в адвербиальных значениях 'очень долго', 'всегда', 'постоянно', 'никогда'. В смысловой структуре гибрида *век* совмещаются указанные адвербиальные значения со значением существительного. Например:

(17) Люди **век** искали эликсир молодости ('столетие' и 'очень долго').

Для гибридов этого типа характерна двойственность семантико-грамматических признаков. С существительными их сближают такие признаки, как семантика предмета; категории рода (в форме мужского рода), числа (в фиксированной форме единственного числа), падежа (в фиксированной форме винительного падежа); значения подклассов нарицательных, неодушевленных, отвлеченных (по семантике) и конкретных (по грамматическим свойствам) существительных. К наречным относятся такие характеристики гибридов, как категориальная семантика признака признака (вторичного признака), функция обстоятельства длительности, неизменяемость, примыкание как способ присловной связи с главным компонентом словосочетания (*век искали*). Приведем пример с гибридом *век* из Национального корпуса русского языка:

(18) «Чужим, – говорит, – хлебом **век не проживешь**, за чужую спину не спрячешься» [П. Бажов. Широкое плечо (1948)] [НКРЯ] (≈ 'жизнь' / 'очень долго').

Дальнейшее движение гибридной словоформы *век* по направлению к наречиям связано с зонами периферии и ядра производной части речи. Периферия отсубстантивных наречий эксплицируется словоформами, утратившими категориальные признаки существительных, а именно: семантику предмета, набор категорий рода, числи падежа, сочетаемость с адъективными и присубстантивными распространителями и др. Сохранилось у таких наречий лишь лексическое значение исходной лексемы, что заставляет трактовать периферийное наречие в качестве особого, адвербиального типа употребления (пример 6). Ядерное наречие *век* демонстрирует продвижение словоформы к центру наречий, выступающих уже в статусе не только грамматического, но и лексического омонима по отношению к исходному существительному (пример 7).

3. Заключение

Исследование семантико-грамматических свойств словоформы *век*, эксплицирующих начальные стадии ее адвербиальной транспозиции и зону гибридных, промежуточных образований, свидетельствует об определенной динамике в изменении ее категориальных признаков. Она постепенно ослабляет свою субстанциальную природу, употребляясь в фиксированных формах именительного или винительного падежа и единственного числа, утрачивая в зоне периферии существительных способность употребляться в первичных синтаксических функциях подлежащего и дополнения и становясь обстоятельством длительности. В зоне гибридности у нее появляется способность использоваться без зависимых слов в адвербиальном значении. Гибрид характеризуется двойственностью семантико-грамматических свойств, примерным равновесием признаков взаимодействующих на этой стадии адвербиализации существительных и наречий. На этапе периферии и ядра наречий словоформа *век* выступает в качестве функционального или функционально-семантического омонима по отношению к исходной субстантивной словоформе.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Библиография

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Баудер А.Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982. 184 с.
4. Калечиц Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи: (межкатегориальные связи). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 160 с.
5. Кравцов С.М. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 170 с.
6. Кубрякова Е.С., Кизюкевич А.А. Некоторые особенности процесса транспозиции прилагательных в существительные со словообразовательной точки зрения // Продуктивность, частотность и валентность деривационных моделей. Владивосток, 1988. С. 52-58.
7. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57-71.
8. Мельчук И. Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и У-ни] и ВЗЯТЬ [и У-нуть] // Русский язык в научном освещении. 2023. № 2. С. 9-25.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 01.04.2025).
10. Панков Ф.И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия: на материале категории адвербиальной темпоральности. М.: МАКС Пресс, 2008. 448 с.
11. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.
12. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой ; 2-е изд. испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 1: А-Й. 698 с.
13. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
14. Лукин М.Ф. Переход частей речи или их субституция? // НДВШ. Филологические науки. 1982. № 2. С. 78-80.
15. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и "наивная" картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25-38.
16. Филипенко М.В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003. 304 с.
17. Циммерлинг А.В. От интегрального к аспективному. М.: СПб.: Нестор-История, 2021. 652 с.
18. Шигуров В.В. Функционально-семантический тип транспозиции причастий в предикативы: ступени, признаки, предел // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 38-48.
19. Шигуров В.В. Степени и предел адвербиальной транспозиции существительных в русском языке (на материале образований с семантикой времени года и суток) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 19-32.
20. Eichinger L.M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen, 1982. 241 p.
21. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
22. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. Т. 97. № 25. С. 177-191.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают этапы, признаки и предел адвербиализации субстантива «век». Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью механизма функциональной и функционально-семантической адвербиализации беспредложных форм падежей существительных: «важно исследовать причины, семантические и морфологические предпосылки, синтаксические условия, признаки (изменения в адвербиализующихся субстантивных образованиях на уровне лексической и грамматической семантики, морфологических категорий и парадигм, морфемной структуры, синтагматических особенностей и др.), стадии адвербиализации и предел; взаимодействие частей речи и межчастеречных семантико-синтаксических разрядов в структуре языковых единиц, эксплицирующих разные степени адвербиализации, в том числе при пересечении процесса адвербиализации с процессами прономинализации, партикуляции, предикативации и модалации».

Теоретической основой исследования выступили труды таких российских и зарубежных ученых, как В. В. Бабайцева, В. В. Шигуров, А. Я. Баудер, Е. П. Калечиц, Е. С. Кубрякова, А. А. Кизюкевич, М. Ф. Лукин, А. Б. Пеньковский, Ф. И. Панков, Ежи Курилович, Шарль Балли, Люсьен Теньер, Ludwig Eichinger, Pavol Stekauer и др., посвященные вопросам русской семантики; структурному синтаксису, лексической и синтаксической деривации, различным аспектам частеречной переходности в языках и т. п. Библиография статьи насчитывает 22 источника, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методологическую базу исследования составили описательный, структурно-семантический, дистрибутивный, трансформационный, функциональный, прагматический методы, лингвистический эксперимент. Применение методики оппозиционного анализа позволило автору(ам) обосновать отнесение типовых контекстов употребления словоформы «век» к разным стадиям адвербиализации. Выбор методов оправдан и соответствует цели («описать особенности употребления существительных в формах именительного и винительного падежей без предлогов при экспликации разных этапов транспозиции в аспектуально-темпоральные наречия») и задачам работы. Материалом исследования послужили контексты употребления ядерных, периферийных существительных и наречий, а также гибридных структур из «Национального корпуса русского языка».

В ходе исследования проведен анализ теоретического материала и его практическое обоснование, подробно рассмотрено функционирование словоформы «век» в зоне ядерных / периферийных существительных и гибридных структур. Изучение семантико-грамматических свойств словоформы «век», эксплицирующих начальные стадии ее адвербиальной транспозиции и зону гибридных, промежуточных образований, показало определенную динамику в изменении ее категориальных признаков. Отмечено, что в зоне гибридности у нее появляется способность использоваться без зависимых слов в адвербиальном значении. Гибрид характеризуется двойственностью семантико-грамматических свойств, примерным равновесием признаков взаимодействующих на этой стадии адвербиализации существительных и наречий. На этапе периферии и ядра наречий словоформа «век» выступает в качестве функционального или функционально-семантического омонима по отношению к исходной субстантивной словоформе.

Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие теории частей речи, функциональной грамматики и грамматической стилистики и заключается в том, что изучены этапы и признаки собственно грамматической и лексико-

грамматической транспозиции субстантивов в аспектуально-темпоральные наречия (на примере словоформы «век»). Практическая ценность работы определяется возможностью использования полученных результатов в вузовских курсах по морфологии и словообразованию современного русского языка; по грамматической стилистике и современным языковым процессам и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стил ь изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зырянова И.П. Политкорректность в выступлениях политического и государственного деятеля Дональда Трампа // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.70696 EDN: CBQVKM
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70696

Политкорректность в выступлениях политического и государственного деятеля Дональда Трампа

Зырянова Ирина Петровна

ORCID: 0000-0002-6676-0390

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков и русской филологии, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург)

622030, Россия, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57, оф. 308

✉ zyryanovairena@gmail.com

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.70696

EDN:

CBQVKM

Дата направления статьи в редакцию:

10-05-2024

Аннотация: Объектом настоящей работы является категория политкорректности, под которой понимается культурная, поведенческая и языковая тенденция, призванная найти новые лексические выражения с целью избегания создания конфликта и оскорбления чувств различных социальных групп. Данный вопрос вызывает широкий интерес среди отечественных и зарубежных лингвистов, что обуславливает актуальность данного направления исследования. Предметом исследования являются особенности выражения данной категории в выступлениях американского политического и государственного деятеля Дональда Трампа, опубликованные в американской прессе и на личной странице социальной сети Twitter. В результате проведенного исследования определены следующие тематические группы лексики: социальная, гендерная, профессиональная, политическая, национальная, этическая, физическая. Каждая из представленных групп изучена с точки зрения наличия политически корректных и

некорректных высказываний. Для изучения явления политкорректности применялись следующие методы: описательный метод, метод сплошной выборки, метод классификации, метод дискурсивного анализа, метод статистической и типологической обработки полученных данных. Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Несмотря на то, что явление политкорректности является мейнстримом в общественной и политической жизни США, а также важной категорией в политическом дискурсе, ее выражение определяется личностными характеристиками политических и государственных деятелей. Материал исследования показывает, что с одной стороны, высказывания Дональда Трампа являются подавляюще неприемлемыми в рамках политического дискурса (38% зафиксированных единиц являются политкорректными и 62% непolitкорректными), но с другой стороны, отвечают требованиям главной функции политического дискурса – персуазивной и представляются яркой, убедительной иллюстрацией его позиции, что, безусловно, выделяет его среди других политических и государственных деятелей США. Настоящее исследование вносит определенный вклад в методику изучения явления политкорректности. Так, предлагается проведение анализа на основе выделения тематических групп лексики и изучение того, как они представлены с позиции выражения политкорректности.

Ключевые слова:

политический дискурс, политическая корректность, политический лидер, Дональд Трамп, политический дискурс США, толерантность, речевая толерантность, нетолерантность, политкорректный язык, оценка

В XX возникает новый феномен – «политическая корректность». Новое явление, возникшее в США, распространилось и на другие страны, представляя собой уникальную языковую и культурную категорию.

«Политкорректность» происходит от английского «political correctness». Этот термин представляет собой завуалированную игру, отличающуюся проявлением абсолютной вежливости, в которой происходит замена одного слова другим, которое не задевает чувства слушателя [\[1, с. 3\]](#).

Эквивалентом данного понятия может служить neutral language – язык, свободный от слов и выражений, способных задеть чувства людей, которые объединены по расовому, национальному критерию, либо/и имеющие возрастные, физические или половые особенности.

Под данным явлением подразумевается также желание отразить в речи позитивное отношение к жертвам дискриминации. Так, Д. Е. Циммер призывает перестать употреблять в своей речи любые определения, которые могут обидеть и унижить жертв дискриминации, напомнить им о «недостатках» [\[2, с. 133\]](#).

Так или иначе политкорректность ассоциируется с использованием в языке речевых оборотов, которые помогают избегать всего того, что могло бы быть оскорбительным.

О. Ф. Иванова считает, что исследуемое явление получило свое выражение в следующих сферах:

1) расовая политкорректность (цвет кожи, разрез глаз и т. д.). В английском языке:

African-American, Native American.

2) гражданская политкорректность. В английском языке: migrant worker, guest worker сменились на migrant laborer;

3) этническая политкорректность. В английском языке: Asian, Latino;

4) социальная политкорректность. В английском: deprived сменилось на poor, rich на comfortably situated;

5) профессиональная политкорректность. В английском: automobile mechanic сменилось на automobile engineer, engine redesigner, vehicular consultant;

6) этическая политкорректность. В английском языке: addiction сменилось на substance abuse;

7) физическая политкорректность. В английском языке: old, elderly сменилось на golden-ager, mature, midsentence, an older person, senior, third age;

8) гендерная политкорректность. В английском языке: postman сменилось на mail carrier;

9) умственная политкорректность. В английском языке: the disabled, the handicapped, the impaired сменилось на physically challenged, people with disabilities, the mentally handicapped;

О. Ф. Иванова считает, что данные примеры свидетельствуют о распространении политкорректной лексики, которая является «сдерживающим фактором, предотвращающим открытые выражения мыслей и чувств в обществе, которые могут послужить поводом к возникновению различного рода конфликтов» [\[3, с. 8-10\]](#).

С. Г. Тер-Минасовой понимает под политкорректностью «мощную культурно-поведенческую и языковую тенденцию, которая отличается стремлением поиска новых способов лексического выражения вместо тех, которые способны обидеть окружающих людей привычной языковой бестактностью в отношении расы, пола, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида человека и др.» [\[4, с. 6\]](#).

Исследуемое понятие имеет междисциплинарный характер, что позволяет рассматривать его со следующих позиций:

1) с точки зрения культуры и социума. Политкорректность является системой взаимосвязанных либеральных воззрений, которые защищают равноправие всех членов общества. Она должна устранять укоренившиеся в обществе отрицательные стереотипы в отношении к определенным социальным группам и должна формировать новую культуру поведения, позволяющую избегать конфликтов в межличностном и межкультурном общении

2) с точки зрения языка. Политкорректность является концепцией, согласно которой язык необходимо освободить от всех слов и выражений, которые несут оскорбительную или унижительную человеческое достоинство функцию. Она способна создать для людей, ведущих диалог, оптимальную стратегию речевого поведения в конфликтных ситуациях. При этом политическая корректность стремится защитить дискриминируемые объекты средствами языка [\[5, с. 29\]](#).

Таким образом, мы можем говорить о том, что политкорректность как языковая категория представляет комплекс языковых норм, необходимых для устранения оскорблений и

унижений человека независимо от его индивидуальных признаков. Обладает следующими категориальными признаками: интегральный признак и дифференциальный признак. Культурная категория представляет собой стереотипы, символы, эталоны и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры, которые характеризуют носителей определенного языка. Поэтому когда мы говорим о категории культуры, мы говорим о «категория национальной культуры».

Феномен политкорректности вызывает широкий интерес как отечественных, так и зарубежных лингвистов [\[6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22\]](#). Нам представляется интересным и актуальным изучение феномена политкорректности в речи политиков, представляющих страну на мировой арене.

Целью настоящего исследования является изучение данной категории в выступлениях политического и государственного деятеля США Дональда Трампа, «объявившего войну» политической корректности, не смотря на ее актуальность в современном политическом дискурсе.

Материалом исследования послужили 100 единиц (не)политически корректных высказываний, зафиксированных в различных интервью, во время предвыборных дебатов, а также тексты, размещенные на его личной странице социальной сети Twitter.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Дональд Джон Трамп (англ. Donald John Trump) – 45-ый президент США, от Республиканской партии. Британская газета Financial Times включила Трампа в опубликованный ей список из 50 человек, «определивших облик десятилетия». [\[23\]](#) Его часто называют «неполиткорректным политиком», а манеру речи – вульгарной, что является не только свойством его личности, но и секретом успеха.

Участвуя в предвыборной гонке на пост президента США Д. Трамп уловил настроения избирателей, сделав главным лозунгом своей кампании фразу «Let's make America great again» – Давайте вновь сделаем Америку великой. Затем он объявил крестовый поход против политкорректности: «I think the big problem this country has is being politically correct»

В американской прессе широко обсуждается отношение Дональда Трампа к политкорректности. Несрайн Малик в своей статье «Если Дональд Трамп хочет вежливости, почему он ругает политкорректность?» в The Guardian демонстрирует отношение общественности к Дональду Трампу как к политику словами: «Disparate incidents of opposition to Trump and his regime are being collapsed into a single story: a pouty, entitled and bad-loser left is abandoning civility, and in doing so inciting hatred and violence». – Отдельные случаи противостояния Трампу и его режиму сводятся в единое утверждение: левый, надутый и неудачник, отказывающийся от вежливости и при этом разжигающий ненависть и насилие (перевод наш). Так же он отмечает, что это все лишь циничная политическая оценка его противников, и что проблема политкорректности существовала задолго до того как Д. Трамп стал президентом. [\[24\]](#).

Вышесказанное обусловило наш интерес к исследованию категории политкорректности в политической карьере Дональда Трампа как президента США.

Нами были проанализированы высказывания, интервью, предвыборные дебаты и речи,

множество выступлений Трампа и его личный твиттер. Как результат, материалом настоящего исследования стали 100 высказываний Д. Трампа. Анализ практического материала позволил выявить ряд групп, в рамках которых мы зафиксировали проявление политкорректности или ее нарушение. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Соотношение (не)политкорректных высказываний в выступлениях Дональда Трампа.

Сфера	Всего, %	Процентное соотношение внутри сферы, %
Гендерная	30	100
Политекорректные		40
Неполитекорректные		60
Этическая	23	100
Политкорректные		21
Неполиткорректные		79
Расовая	13	100
политкорректные		39
неполиткорректные		61
Религиозная	11	100
политкорректные		54
неполиткорректные		46
Профессиональная	8	100
политкорректные		50
неполиткорректные		50
Гражданская	7	100
политкорректные		28
неполиткорректные		72
Социальная	5	100
политкорректные		60
неполиткорректные		40
Физическая	3	100
политкорректные		33
неполиткорректные		67
Итого	100	

Самая многочисленная группа связана с гендерной политкорректностью, она составляет 30%, куда мы включили лексику и высказывания связанные с сексуальными меньшинствами, правами женщин, гендерной принадлежностью (gay person, LGBT, bitch, bimbo). Следующая группа – это этическая политкорректность, она составляет 23%. В эту группу мы включили оскорбления, табуированную и просторечную лексику (titans, loser, fucking, clown). Расовая политкорректность составляет 13%. Здесь мы выделили высказывания связанные с национальностью (Swedish, Arab, blacks, colour). Религиозная политкорректность составляет 11%. Здесь мы выделили высказывания связанные с названиями религий и их представителей, высказывания связанные с терроризмом (jihadist, Muslims, ISIS, Islamophobia). Категория профессиональная политкорректность составляет 8%, куда вошли высказывания связанные с сексизмом в профессиональной сфере (Ambassador, police officer, congressman, fireman). Гражданская политкорректность насчитывает 7% высказываний, куда относятся высказывания связанные с миграцией и мигрантами (illegal alien, migrant, illegal immigrant, coyote).

Социальная политкорректность составляет 5%. Здесь представлены выражения, изображающие различия в материальном положении граждан и их статусом (*rich, poor, racist*). Категория физической политкорректности составляет всего 3% и включает выражения связанные с зависимостями (*drug addict, crack*).

Далее проанализируем выявленные группы, каждая из которых представлена в свою очередь политически корректными и некорректными выражениями.

Гендерная политкорректность (30%).

Политкорректные выражения (40%)

If Hillary Clinton can't *satisfy* her husband, what makes her think she can satisfy America? (<https://twitter.com>) – политкорректное слово с нейтральным значением, но делает эту фразу вульгарной.

Every single American will have the opportunity to realize *his or her* fullest potential (<https://edition.cnn.com>) – эти притяжательные местоимения являются политкорректными, и указывают при этом на половую принадлежность в языке.

26,000 unreported *sexual assaults* in the military – only 238 convictions (<https://www.daytondailynews.com>) – первое словосочетание – это политкорректное высказывание, относится к юридической лексике.

Sexual orientation would be meaningless (<https://abcnews.go.com>) – политкорректное словосочетание, связанное с сексуальной ориентацией.

One in three women are *sexually assaulted* on the dangerous trek up through Mexico (<https://www.washingtonpost.com>) – политкорректное высказывание, относится к юридической лексике.

Hillary Clinton can never claim to be a friend of the *gay community* as long as she continues to support immigration policies that bring Islamic extremists into our country and who suppress women, gays and anyone else who doesn't share their views or values (<https://www.citylab.com>) – политкорректное словосочетание, связанное с сексуальной сферой.

This time, the terrorist targeted our *LGBT* community. As your President, I will do everything in my power to protect our *LGBT* citizens from the violence and oppression of a hateful foreign ideology (<https://www.washingtonpost.com>) – политкорректная аббревиатура, связанная с сексуальными меньшинствами.

After consultation with my Generals and military experts, please be advised that the US Government will not accept or allow *Transgender* individuals to serve in any capacity in the U.S. Military (<https://twitter.com>) – политкорректное слово, ассоциирующееся с сексуальными меньшинствами.

If a *gay person* can be a doctor or a lawyer or a teacher or take another position of responsibility, why can't they serve this country in the military? (<https://abcnews.go.com>) – политкорректное словосочетание для людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Beauty and elegance, whether in a woman, a building, or a work of art, is not just superficial or something pretty to see (www.thehypertexts.com/) – выделенные слова являются политкорректными и имеют нейтральную стилистическую окраску, но в данном высказывании они относятся как к женщинам, так и к другим неодушевленным

предметам, что является сексизмом.

As your president, I will do everything in my power to protect our *LGBTQ* citizens from the violence and oppression of a hateful foreign ideology (<https://www.brainyquote.com/>) – политкорректная аббревиатура, связанная с сексуальными меньшинствами.

Неполиткорректные выражения (18%)

Here tonight are two *fathers* and two *mothers* (<https://thehill.com>) – оба слова являются неполиткорректными с точки зрения американской культуры (в США все слова, указывающие на половую принадлежность, являются неполиткорректными).

It must be a pretty picture. You dropping to your knee (<https://twitter.com>) – неполиткорректное и сексистское высказывание, унижающее женское достоинство. Неуместно в политическом дискурсе.

Fox viewers give low marks to *bimbo* Megyn Kelly will consider other programs! (<https://twitter.com>) – неполиткорректная лексическая единица, относится к табуированной лексике, унижает женское достоинство.

The person who came up with the expression «*the weaker sex*» was either very naive or had to be kidding (<https://www.washingtonpost.com>) – выделенное словосочетание является оскорбительным и унижающим женское достоинство (с точки зрения американской культуры). Неуместно в политическом дискурсе.

Grab them by the pussy (<https://www.nytimes.com>) – неполиткорректное и сексистское высказывание, унижает женское достоинство и выглядит как призыв к сексуальному насилию над женщинами.

A person who is very *flat-chested* is very hard to be a 10 (<https://www.nytimes.com>) – неполиткорректное высказывание, связанное с физическими недостатками, является вульгаризмом.

Does she have a *fat ass*? Absolutely (<https://www.nytimes.com>) – неполиткорректное словосочетание, связанное с внешностью людей.

I like kids. I mean, I won't do anything to take care of them. I'll supply funds and she'll take care of the kids. It's not like I'm gonna be walking the kids down Central Park (<https://www.nytimes.com>) – неполиткорректное высказывание, которое нарушает права женщин и является оскорбительным для борцов за женские права.

I did try and *fuck* her... I moved on her like a bitch, but I couldn't get there (<https://www.urbanedjournal.org>) – неполиткорректное слово, вульгаризм, неуместно в политическом дискурсе.

- *Do you believe in punishment for abortion – yes or no – as a principle?*

- *The answer is there has to be some form of punishment.*

- *For the woman?*

- *Yeah, there has to be some form* (<https://www.urbanedjournal.org>) – Этот вопрос, так же, как и ответ на него, являются неполиткорректными, так как нарушают женские права с точки зрения международного права. К тому же в США был принят закон «о запрете абортов».

While Bette Midler is an extremely *unattractive woman*, I refuse to say that because I always insist on being politically correct (<https://www.tatler.com/>) – данное словосочетание является неpolitкорректным, оно оскорбляет женское достоинство и является вульгаризмом.

By the end of her speech she looked like a *Snowman*! (<https://twitter.com/>) – выделенное слово является неpolitкорректным с точки зрения американской культуры, поскольку речь идет о женщине, мы можем сказать, что это сексизм.

She is weak and possibly a *bitch*. An actual *bitch* (www.thehypertexts.com/) – слово с заниженной стилистической окраской, оскорбляющее женское достоинство неуместное в политическом дискурсе.

Women manipulate men with just a twitch of their eye-or perhaps another body part. Women have even cheated the devil (www.thehypertexts.com/) – все высказывание является неуместным в политическом дискурсе, так как отрицательно характеризует женщин и является сексистским.

Women.... *You have to treat them like shit* (www.thehypertexts.com/) – сексистское высказывание, неуместное в политическом дискурсе.

Such a *nasty woman* (<https://www.latimes.com/>) – слово с заниженной стилистической окраской, сексизм.

She probably – maybe *she wasn't allowed to have anything to say* (<https://www.thoughtco.com/>) – высказывание неуместное в политическом дискурсе, так как выражает пренебрежительное отношение к женщинам.

I don't think Ivanka would do that, although she does have a very nice figure. I've said if Ivanka weren't my daughter, perhaps I'd be dating her (<https://www.thoughtco.com/>) – высказывание является неуместным в политическом дискурсе, так как Д. Трамп говорит о своей дочери в контексте отношений, которые ограничены законодательствами многих стран мира.

Этическая политкорректность (23%).

Политкорректные выражения (21%)

Represented in this room are some remarkable citizens from all over the world – you are national leaders, business *titans*, industry *giants*, and many of the brightest minds in many fields (<https://www.upi.com/>) – оба слова являются политкорректными и относятся к деловой лексике.

Hillary Clinton wants to be America's Angela Merkel, and you know whata *disaster* this massive immigration has been to Germany and the people of Germany. (<https://abcnews.go.com/>) – слово является политкорректным и нейтральным по значению.

She was a *disaster*, totally unfit for the job (<https://edition.cnn.com/>) – слово является политкорректным и нейтральным по значению, но данному выражению придает оттенок просторечия и пренебрежения.

Неpolitкорректные выражения (79%)

Good work by General Kelly for quickly firing that *dog* (<https://twitter.com/>) – в данном

контексте значение выделенного слова носит оскорбительный характер.

We are not in a trade war with China, that war was lost many years ago by the *foolish*, or *incompetent*, people who represented the US (<https://twitter.com>) – оба слова являются неpolitкорректными.

The problem with banker Jamie Dimon running for President is that he doesn't have the aptitude or «*smarts*» & is a *poor public speaker* & *nervous mess* – otherwise he is wonderful (<https://twitter.com>) – выделенные слова и словосочетания являются вульгаризмами и неуместны в политическом дискурсе.

Why are we having all these people from *shithole* countries coming here (<https://www.shortlist.com/>) – грубое выражение, использующееся в разговорной речи, неуместно в политическом дискурсе.

I'm so tired of this politically correct *crap* (<https://www.politico.com/>) – неpolitкорректное и грубое выражение, имеющее разговорную стилистическую окраску, неуместно в политическом дискурсе.

So please get your *asses* out tomorrow and vote (<https://www.washingtonpost.com>) – неpolitкорректное и грубое слово, относится к табуированной лексике, неуместно в политическом дискурсе.

He's a champ. I love him defending me on television, he is a *bulldog*. He doesn't give a *damn* – boom, boom, boom, point after point. Right? He's a champ (<https://factba.se>) – первое выделенное слово является политкорректным, даже когда речь идет о человеке. Второе слово относится к нецензурным словам и является табуированным, неуместно в политическом дискурсе.

The Democrats now have decided whether they will continue defrauding the public with ridiculous *bullshit* (<https://twitter.com>) – неpolitкорректное выражение, жаргонизм, неуместен в политическом дискурсе.

This guy Cordray is a *bad guy*, he's not a good person, he's hurt a lot of people (<https://factba.se>) – словосочетание является жаргонизмом, что неуместно в политическом дискурсе.

It is generation of sanctimonious, sensitive, supercilious *snowflakes* (<https://www.chronicle.com>) – нейтральное по значению слово, но в данном контексте приобретает оттенок пренебрежительности и презрения.

Show me someone without an ego, and I'll show you a *loser* (<https://www.washingtonpost.com>) – жаргонизм, неуместный в политическом дискурсе.

Why would Kim Jong-un insult me by calling me «*old*», when I would never call him «*short and fat*»? (<https://www.vox.com>) – оба слова являются неpolitкорректными, т.к. описывают физическое состояние человека.

Hillary is not tough enough to face Russian president Vladimir Putin or ISIS. She is a lying *bitch* (www.thehypertexts.com/) – слово с заниженной стилистической окраской, ругательство неуместное в политическом дискурсе.

So many of the great men and women of the FBI have been hurt by these *clowns* and *losers* (<https://twitter.com>) – первое слово стилистически нейтральным, но делает высказывание вульгарным. Второе слово – это жаргонизм, неуместный в политическом

дискурсе.

An «extremely credible source» has called my office and told me that Barack Obama's birth certificate is a *fraud* (<https://www.tatler.com/>) – вульгаризм, неуместный в политическом дискурсе.

These are *foolish* people. We have a lot of foolish people (<https://www.chronicle.com>) – слово является политкорректным и имеет нейтральную стилистическую окраску.

Why is he protecting *Crooked* Hillary, Comey, McCabe, Lisa Page & her lover, Peter S, and all of his friends on the other side? (<https://twitter.com>) – слово с заниженной стилистической окраской, неуместное в политическом дискурсе.

Greatest *Witch Hunt* in the History of our Country! NO COLLUSION *Border Coyotes, Drug Dealers* and *Human Traffickers* are treated better (<https://twitter.com>) – первое словосочетание является политкорректным фразеологизмом, в значении: доведения до абсурда преследования инакомыслящих. Следующие словосочетания не являются политкорректными. Второе словосочетание является оскорбительным, третье и четвертое связаны с криминальной лексикой.

[...] In the meantime we can't get a *fucking* school in Brooklyn (<https://edition.cnn.com>) – это слово относится к табуированной лексике, неуместно в политическом дискурсе.

Sorry losers and *haters*, but my IQ is one of the highest - and you all know it! (<https://edition.cnn.com>) – жаргонизм, неуместный в политическом дискурсе.

Расовая политкорректность (13%).

Политкорректные выражения (39%)

Nearly Four in ten *African-American* children are living in poverty (<https://edition.cnn.com>) – политкорректное словосочетание, употребляющееся жителями США для обозначения чернокожих американцев.

And *Hispanic-American* unemployment has also reached the lowest levels in history (<https://thehill.com>) – политкорректное словосочетание, используемое для жителей Латинской Америки.

But I want to do things that haven't been done, including fixing and making our inner cities better for the African-American citizens that are so great and for the *Latinos*, Hispanics, and I look forward to doing it (<https://www.citylab.com>) – выделенная лексическая единица является политкорректной и обозначает жителей Латинской Америки.

Maduro is not a *Venezuelan* patriot, he is a *Cuban* puppet (<https://www.theguardian.com>) – оба слова являются политкорректными, первое используется для обозначения жителей Венесуэлы, второе – Кубы.

When was the last time anybody saw us beating, let's say *China*, in a trade deal? (<https://www.washingtonpost.com>) – первое слово является политкорректным обозначением для страны Китай или для ее жителей.

Неполиткорректные выражения (61%)

I will build a great, great wall on our southern border, and I will make *Mexico* pay for that wall (<https://www.washingtonpost.com/>) – политкорректное обозначение страны Мексика и ее жителей.

Criminals and unknown *Middle Easterners* are mixed in (<https://www.cnn.com>) – политкорректное словосочетание для обозначения народов Ближнего Востока.

I mean, I don't notice *Swedish* people knocking down the World Trade Center (<https://medium.com>) – неpolitкорректное обозначение жителей Швеции.

I will not rest until children of every *color* in this country are fully included in the American Dream (<https://edition.cnn.com>) – неpolitкорректное обозначение, которое использовалось для наименования меньшинств, имеющих другой цвет кожи, подвергавшихся дискриминации в США.

She sees communities of *color* only as votes and not as human beings (<https://thehill.com>) – неpolitкорректное слово, которое использовалось для обозначения меньшинств, имеющих другой цвет кожи и подвергавшихся дискриминации.

There were people that were cheering on the other side of New Jersey where you have large *Arab* populations (<https://medium.com>) – неpolitкорректное обозначения для жителей Ближнего востока.

I have a great relationship with the *blacks* (<https://www.washingtonpost.com>) – неpolitкорректная лексическая единица для чернокожих жителей США.

I had great relationship with the *Hispanic* – we had a lot of *Hispanics* in the school actually from different countries, Venezuela, from Brazil, and they all played soccer, and I was on the soccer team, and I developed great relationships with them (<https://www.brainyquote.com>) – неpolitкорректное слово для обозначения испаноговорящих людей или жителей Латинской Америки.

Религиозная политкорректность (11%).

Политкорректные выражения (54%)

I am proud to be a *Christian*.... (<https://www.thoughtco.com>) – слово является политкорректным и обозначает последователей Христианской веры.

Well, you're right about *Islamophobia*, and that's a shame. And we have to be sure that *Muslims* come in and report when they see something going on (<https://www.vox.com>) – первое слово обозначает вид ксенофобии в отношении ислама, термин считается политкорректным, так как признан международным правом. Второе слово является политкорректным и обозначает последователей ислама.

They could be *ISIS* (<https://www.vox.com>) – политкорректная аббревиатура, признанная международным правом для обозначения «Исламского государства Ирака и Ливии».

The United Kingdom is trying hard to disguise their massive *Muslim problem* (<https://medium.com>) – политкорректное словосочетание с отрицательным оттенком значения с точки зрения «Запада», так как оно связано с международной политикой.

There's a sickness. They're sick people. And the *Muslims* can help us figure out the answer (<https://medium.com>) – политкорректное обозначение последователей исламской религии.

Every *jihadist* who conducted a lethal attack inside the United States since 9/11 was a citizen or legal resident (<https://www.newyorker.com>) – политкорректный термин,

пришедший к нам из Исламской религии, сегодня этот термин все чаще употребляют в отношении воинов ИГИЛ.

Неполиткорректные выражения (46%)

A *radical Islamic terrorist* targeted the nightclub not only because he wanted to kill Americans, but in order to execute gay and lesbian citizens because of their sexual orientation (<https://www.citylab.com>) – словосочетание является неполиткорректным, так как речь идет «о радикальных исламских террористах», с точки зрения политологии мы говорим о политической идеологии, а не об исламе как религии.

Our president doesn't want to use the term [...] «*radical Islamic terrorism*» (<https://www.vox.com>) – неполиткорректное словосочетание, так как подразумевает связь терроризма и ислама как религии.

Another terrorist attack in London...These *animals* are crazy and must be dealt with through toughness and strength! (<https://twitter.com>) – неполиткорректное и расистское слово.

There is a *Muslim problem in the world*, and you know it and I know it (<https://medium.com>) – это неполиткорректное словосочетание, сейчас становится политкорректным, уже не только на Западе, но и по всему миру.

We are importing *radical Islamic terrorism* into the West through a failed immigration system (<https://www.newyorker.com>) – неполиткорректное словосочетание, так как подразумевает связь терроризма и ислама как религии.

Профессиональная политкорректность (8%).

Политкорректные выражения (50%)

Law officers have been shot or killed in recent days in Georgia, Missouri, Wisconsin, Kansas, Michigan and Tennessee (<https://www.washingtonpost.com>) – политкорректное обозначение профессии, не содержащее в себе гендерных различий.

The number of *police officers* killed in the line of duty has risen by almost 50% compared to this point last year (<https://www.washingtonpost.com>) – политкорректное обозначение профессии, направленное на борьбу с сексизмом.

Libya is in ruins, and our *Ambassador* and his staff were left helpless to die at the hands of savage killers (<https://www.washingtonpost.com>) – политкорректное обозначение профессии, направленное на борьбу с сексизмом в языке.

Yeah well, believe it or not I had a great relationship with *Chancellor* Merkel (<https://abcnews.go.com>) – политкорректное обозначение профессии, направленное на борьбу с сексизмом в языке.

Неполиткорректные выражения (50%)

With us tonight is one of the toughest people ever to serve in this House, a guy who took a bullet, almost died, and was back to work three-and-a-half months later, the legend from Louisiana, *Congressman* Steve Scalise (<https://thehill.com>) – неполиткорректное и сексистское обозначение профессии, так как используется суффикс -man.

Everything I do in life is framed through the view of a *businessman*. (<https://www.brainyquote.com>) – неполиткорректное и сексистское обозначение профессии, так как используется суффикс -man.

I was down there, and I watched our police and our *firemen*, down on 7-Eleven, down at the World Trade Center, right after it came down (<https://www.urbanedjournal.org>) – неpolitкорректное обозначение профессии, так как используется суффикс -man.

So funny to watch Schumer groveling. He called for the firing of bad *cop* James Comey many times – UNTIL I FIRED HIM (<https://twitter.com>) – неpolitкорректное выражение, является жаргонизмом.

Гражданская политкорректность (7%).

Политкорректные выражения (28%)

Last month, 20,000 *migrant* children were illegally brought into the United States, a dramatic increase (<https://www.washingtonpost.com>) – политкорректное выражение, связанное со сменой места проживания.

Parents like Laura Wilkerson and Michelle Root and Sabine Durden and Jamiel Shaw whose children were killed by *illegal immigrants* (<https://thehill.com>) – политкорректное словосочетание, обозначающее нелегальных иммигрантов.

Неpolitкорректные выражения (72%)

These children are used as *human pawns* by *vicious coyotes* and *ruthless gangs* (<https://www.washingtonpost.com>) – первое слово является политкорректным, следующие выделенные словосочетания являются неуместными в политическом дискурсе, так как носят заниженную стилистическую окраску.

In the last two years, ICE officers made 266,000 arrests of *aliens* with criminal records, including those charged or convicted of 100,000 assaults, 30,000 sex crimes, and 4,000 violent killings (<https://www.washingtonpost.com>) – грубое и расистское высказывание, обозначающее мигрантов, неуместное в политическом дискурсе.

America's heart broke the day after Christmas when a young police officer in California was savagely murdered in cold blood by an *illegal alien*, just came across the border (<https://www.vox.com>) – неpolitкорректное обозначение для нелегальных иммигрантов, является расизмом.

In California, an air force veteran was *raped*, *murdered*, and *beaten* to death with a hammer by an *illegal alien* with a long criminal history. (<https://www.daytondailynews.com>) – первые три выделенных слова являются неpolitкорректными и обозначают способы ухода из жизни, имеют заниженную стилистическую окраску; второе выделенное словосочетание является неpolitкорректным расизмом.

Социальная политкорректность (5%).

Политкорректные выражения (60%)

You know the funny thing; I don't get along with *rich* people. I get along with the middle class and the poor people better than I get along with the rich people (www.brainyquote.com) – политкорректное слово, так как имеет нейтральную стилистическую окраску, использующееся для характеристики экономического положения индивида или социальной группы.

The beauty of me is that I'm very *rich* (www.brainyquote.com) – политкорректное слово,

имеет нейтральную стилистическую окраску и характеризует экономическое положение индивида или социальной группы.

I'm the least *racist* person you have ever interviewed (<https://www.washingtonpost.com>) – политкорректное выражение, имеющее стилистически-нейтральный оттенок значения.

Неполиткорректные выражения (40%)

They've allowed millions of low-wage workers to compete for jobs and wages against *the poorest* Americans (<https://thehill.com>) – неполиткорректная характеристика экономического положения индивида или социальной группы.

I want our *poor* to have their chance to rise (<https://thehill.com>) – неполиткорректная характеристика людей с низким экономическим положением.

Физическая политкорректность (3%).

Политкорректные выражения (32%)

More Americans will die from *drugs* this year than were killed in the entire Vietnam war (<https://www.vox.com>) – само слово является политкорректным, но имеет значения, с заниженной стилистической окраской.

Неполиткорректные выражения (67%)

You come out, you are a *drug addict* with this *crap* (<https://www.voanews.com>) – оба слова являются неполиткорректными (физическая зависимость).

And they're gonna come through the *cracks* (<https://www.urbanedjournal.org>) – выделенная лексическая единица является неполиткорректным жаргонизмом.

ВЫВОДЫ

Итак, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что политкорректность как языковая категория предполагает следование определенным языковым нормам с целью устранения возможности оскорбить или унижить человека. Исследуемый феномен имеет интегральный признак (корректное отношение к расе, нации, полу, состоянию физического и ментального здоровья, вероисповеданию и пр.) и дифференциальный признак, выражающийся в запрете на проявление любой стигматизации. Политкорректность как культурная категория подразумевает стереотипы, символы, эталоны и другие проявления национальной культуры, характеризующие ее представителей.

Политическая корректность является важной категорией в политическом дискурсе, но ее проявление окрашено личностными характеристиками политических и государственных деятелей.

Анализ выявленных особенностей употребления политкорректных и неполиткорректных единиц в речи бывшего американского президента Дональда Трампа, позволяет заключить, что он не является политкорректным политиком, поскольку 38% высказываний Дональда Трампа являются политкорректными и 62% неполиткорректными. В его речи зафиксирована высокая частотность обращений к разговорной, вульгарной лексике. Данный факт позволяет охарактеризовать бывшего президента США как излишне прямолинейного политика. Его высказывания являются неприемлемыми, в определенных моментах табуированными в рамках политического

дискурса с одной стороны, но с другой стороны отвечают требованиям главной функции политического дискурса персуазивной и представляются яркой, убедительной иллюстрацией его позиции, что, безусловно, выделяет его среди других политических и государственных деятелей США.

Далее представляется перспективным провести сравнительный анализ полученных данных с особенностями реализации данной категории в речи других государственных деятелей и изучить ее прагматический потенциал.

Библиография

1. Гуманова Ю. Л. Политическая корректность как социокультурный процесс (на прим. США): автореф дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М., 1999. 24 с.
2. Zimmer D. E. Deutsch und anders – die Sprache im Modernisierungsfieber / D. E. Zimmer. Hamburg, 1998.
3. Иванова О. Ф. Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2004. 181 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.,: Слово/SLOVO, 2000.
5. Шляхтина Е. В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах: дис. канд. филолог. наук: 10.02.19. Ярославль, 2009. 213 с.
6. Бондаренко А. В. К вопросу о политкорректности в британской, американской и в российской прессе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 654. С. 20-30.
7. Данчук О. В. Политкорректность: языковая репрезентация социальных групп (на материале газеты The Guardian) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 10 (153). С. 164-170.
8. Дьяченко И. А. Язык политкорректности как объект современных лингвистических исследований // Язык и культура. 2014. № 13. С. 45-50.
9. Иванова О.Ф. Политкорректность в России // Вестник Евразии. 2002. С. 62-71.
10. Карпухина Т.П., Кузнецова Н.В. Феномен политкорректности в современном западном политическом дискурсе: начало конца новой либеральной идеологии. Хабаровск, 2018. 226 с.
11. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Политкорректность в британском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №10-1 (76). С. 111-114.
12. Кондакова Е. А., Принципалова О. В. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 2. С. 143-156.
13. Кузнецова Н. В. Современные тенденции развития политкорректности во французском политическом дискурсе: градуированный характер политкорректности / неполиткорректности, разные степени их проявления // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 5. С. 129-134.
14. Лакофф Р. Т. Вербальная агрессия vs. Политкорректность // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 69-74.
15. Лукавченко И. М. «Особенности многословных эвфемизмов в языке политкорректности» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. № 552. С. 187-192.
16. Майба В.В. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2016. 107 с.
17. Романова Т. В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 39-49.

18. Чигашева М. А. Гендерная политкорректность в немецком языке (на материале публичных выступлений политических деятелей) // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 3 (23). С. 72-79.
19. Daniels Anthony. Medical correctness // The New Criterion. January, 2017. Vol. 35. № 5. P. 29.
20. Garcia Laleña. Mirrors and Windows // Black Lives Matter at NYC Schools. 2018. – Режим доступа: <https://blmedu.wordpress.com/2018/01/31/mirrors-and-windows-by-lalena-garcia/>. – (дата обращения: 14 марта 2024).
21. Gibson Caitlin. How 'politically correct' went from compliment to insult // Washington Post. 2016. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/how-politically-correct-went-from-compliment-to-insult/2016/01/13/b1cf5918-b61a-11e5-a76a-0b5145e8679a_story.html?utm_term=.19da582509e3 – (дата обращения: 3 марта 2024).
22. Schwartz, H. S.. Political correctness and the destruction of social order. Springer International Publishing AG. 2016.
23. Financial Times. Fifty people who shaped the decade – Режим доступа: <https://on.ft.com/379oWw7>. – (дата обращения: 15 марта 2024).
24. Malik N. If Donald Trump wants civility, why does he trash political correctness? // The Guardian., 2018. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jul/01/donald-trump-civility-political-correctness> (дата обращения 20 марта 2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Самое понятие и феномен «политкорректность» в принципе не так новы. Термин «политкорректность» происходит от английского «political correctness». «Он представляет собой завуалированную игру, отличающуюся проявлением абсолютной вежливости, в которой происходит замена одного слова другим, которое не задевает чувства слушателя». Вариант контакта в рамках подобного явления, несомненно, характерен для политики. Как отмечает автор, «так или иначе политкорректность ассоциируется с использованием в языке речевых оборотов, которые помогают избегать всего того, что могло бы быть оскорбительным», на мой взгляд, с этим стоит согласиться. Думаю, что явление «политкорректности» конечно же, стоит рассматривать ситуативно, что и сделано в рецензируемой статье. Материал удобен для чтения, восприятия; исследование логически оправдано, выверено. Методологический подход оценки «политкорректности» в выступлениях Д. Трампа не противоречит базовым современным принципам. Автор старается полновесно проанализировать данную языковую категорию, это и является новизной рецензируемого труда. Суждения по ходу работы фактически точны: например, «таким образом, мы можем говорить о том, что политкорректность как языковая категория представляет комплекс языковых норм, необходимых для устранения оскорблений и унижений человека независимо от его индивидуальных признаков. Обладает следующими категориальными признаками: интегральный признак и дифференциальный признак. Культурная категория представляет собой стереотипы, символы, эталоны и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры, которые характеризуют носителей определенного языка. Поэтому когда мы говорим о категории культуры, мы говорим о «категория национальной культуры» и т.д. Объем исследованного языкового материала достаточен: «нами были проанализированы высказывания, интервью, предвыборные дебаты и речи, множество

выступлений Трампа и его личный твиттер. Как результат, материалом настоящего исследования стали 100 высказываний Д. Трампа. Анализ практического материала позволил выявить ряд групп, в рамках которых мы зафиксировали проявление политкорректности или ее нарушение». Удачно автор использует формат визуала – это таблицы, обобщение результатов следует репрезентировать именно так. Стиль сочинения соотносится с научным типом, термины / понятия используются в режиме унификации. Примеры даны в полном объеме, должный комментарий сделан: «Nearly Four in ten African-American children are living in poverty (<https://edition.cnn.com>) – политкорректное словосочетание, употребляющееся жителями США для обозначения чернокожих американцев. And Hispanic-American unemployment has also reached the lowest levels in history (<https://thehill.com>) – политкорректное словосочетание, использующееся для жителей Латинской Америки. But I want to do things that haven't been done, including fixing and making our inner cities better for the African-American citizens that are so great and for the Latinos, Hispanics, and I look forward to doing it (<https://www.citylab.com>) – выделенная лексическая единица является политкорректной и обозначает жителей Латинской Америки. Maduro is not a Venezuelan patriot, he is a Cuban puppet (<https://www.theguardian.com>) – оба слова являются политкорректными, первое используется для обозначения жителей Венесуэлы, второе – Кубы» и т.д. Формальные требования издания учтены, корректура как таковая излишня. Цель работы в принципе достигнута, аналитическая оценка «политкорректных и неpolitкорректных единиц в речи Д. Трампа» дана верно. Материал может быть использован в рамках изучения ряда дисциплин гуманитарной направленности. В выводах отмечено, что «анализ выявленных особенностей употребления политкорректных и неpolitкорректных единиц в речи бывшего американского президента Дональда Трампа, позволяет заключить, что он не является политкорректным политиком, поскольку 38% высказываний Дональда Трампа являются политкорректными и 62% неpolitкорректными. В его речи зафиксирована высокая частотность обращений к разговорной, вульгарной лексике. Данный факт позволяет охарактеризовать бывшего президента США как излишне прямолинейного политика. Его высказывания являются неприемлемыми, в определенных моментах табуированными в рамках политического дискурса с одной стороны, но с другой стороны отвечают требованиям главной функции политического дискурса персуазивной и представляются яркой, убедительной иллюстрацией его позиции, что, безусловно, выделяет его среди других политических и государственных деятелей США». Список библиографических источников, которые использованы при написании работы, объемён. Считаю, что рецензируемая статья «Политкорректность в выступлениях политического и государственного деятеля Дональда Трампа» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Англоязычные метаданные

Features of female images in the "Shahnameh" by the Persian poet Firdowsi and in the Nart epic

Radandish Parvane

PhD in Philology

Senior Lecturer; Faculty of Foreign Languages and Literature; University of Tehran Senior Lecturer; University of Tehran

Kargar Shomali str., Faculty of Foreign Languages and Literature, Tehran University, Office 229, Tehran, 1439813164, Iran

✉ radandish@ut.ac.ir

Moradi Maryam

PhD in Philology

Teacher; Department of Russian Language and Literature; University named after Allame Tabataba'i

19979-67556, Iran, Tehran, the Capital, Hag-Talab Gharbi street, Allame Tabataba'i Jonubi, Pol-e Modiriat

✉ m.moradi@atu.ac.ir

Beigi Mohsen

PhD in Philology

Independent researcher

1439813164, Iran, Tehran, Pardis blvd. Khalij Fars, Safir, sq. B2

✉ mohsenbeigisat@yahoo.com

Abstract. This article analyzes the image of women in Shahnameh by Ferdowsi and the Nart Epic, which, imbued with the culture, beliefs, and worldview of the Iranian and Ossetian peoples, are not only narratives of wars and heroic bravery but also reflections of societal consciousness. These works present female characters who occupy a central role, embodying profound contradictions: they are portrayed as celestial beings worthy of reverence or as symbols of sin and exile. Women in these epics are not merely lovers and mothers but also strong-willed individuals whose actions drive the plot and shape its dramatic tension. The study aims to examine the distinctive depiction of women in both epics. Female characters display wisdom, nobility, and virtue, and their high social status—often linked to aristocratic or heroic lineage—affords them respect and influence. Figures such as wives, sisters, and mothers of heroes are portrayed as educators and supporters, highlighting their pivotal roles in the narrative structure. Although constrained by limited rights and subject to male authority—an aspect that might invite modern critique—this portrayal reflects the patriarchal norms of the era. The image of women as passive participants or objects of male pleasure arises from entrenched cultural traditions. However, many female characters transcend these limitations, demonstrating remarkable strength of character and moral integrity. In conclusion, Shahnameh and the Nart Epic portray complex and multifaceted female figures whose significance profoundly shapes the narrative. These epics thus offer rich material for exploring social and cultural history. In both works, women are not merely figures in the shadows of heroes but independent worlds, embodying the music of destiny and the voice of history. Their stories, which balance contradiction and grandeur, remain enduring symbols of memory and the splendor of the past.

Keywords: comparative analysis, the consciousness of the Ossetian society, images, the consciousness of the Iranian society, social values, negative, positive, woman, Ossetian Nart epic, Shahnameh

References (transliterated)

1. Akbari A., Masikh-far F. Rassmotrenie razmerov i polozheniya zhenshchiny v Shakhname Firdousi // Zhurnal iranskikh issledovaniy kermanskogo Universiteta Bakhonar. 2016. T. 4, № 28. S. 49-70.
2. Ali-Nagi Kh. Analiz kharaktera i roli zhenshchin v rasskazakh Shakhname // Nauchnyi zhurnal "Zhenshchina i kul'tura". 2011. T. 3, № 9. S. 59-81.
3. Bekulova K. B. Rol' i mesto zhenskikh arkhетipov v geroicheskom epose "Narty" (na primere obraza Satanei) // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept". 2016. T. 15. S. 1036-1040. EDN: VVEHNN.
4. Britaeva A. B. Funktsional'naya struktura zhenskogo prostranstva v nartovskom epose // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7800> (data obrashcheniya: 09.02.2021). EDN: TODRXN.
5. Ismailova M. V. Zhenskie obrazy nartiady // Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 3. S. 135-143.
6. Mokhazab Z. Istoriy zhenshchin-Shakhname. Tegeran: Kul'turnyi tsentr, 1995. S. 58.
7. Noruzi M. Sopostavitel'nyi analiz obraza zhenshchin v persidskikh i russkikh starinnykh proizvedenii // Material po mezhdunarodnoi konferentsii Novye podkhody k gumanitarnym naukam v 21 tysyacheletii. 2017. 26 fevralya. Rasht. S. 13.
8. Libedinskii Yu. Osetinskie nartskie skazaniya. Per. s osetinskogo. M.: Menedzher, 2010. S. 503.
9. Pakniya M. Po povodu zhenshchiny v Shakhname // Zhurnal zhenskikh issledovaniy. 2006. T. 4, № 2. S. 111-141.
10. Pakniya M. Rudabe i Sudabe. Tegeran: Universitetskoe izdatel'stvo Alzakhra, 2009. S. 108.
11. Randzhbar A. Intellekturnye privlekatel'nosti Firdousi. Tegeran: Amirkabir, 1990. S. 462.
12. Sandzhari S. Rol' zhenshchiny v starinnoi literature i v iranskikh mifakh // Nauchnyi zhurnal "Zhenshchina i kul'tura". 2011. T. 2, № 7. S. 35-46.
13. Tadevosyan T. V. Semanticheskie paralleli fol'klornykh arkhетipov: Russkie byliny i osetinskii nartskii epos: Monografiya. Vladikavkaz: FGBUN Sev.-Oset. In-t gum. I sots. Issled., 2013. S. 146.
14. Khalegi-Motlag Dzh., Firdousi A. Shakhname (v 8 t.). Tegeran: Tsentr Bol'shoi Islamskoi Entsiklopedii, 2010.
15. Khalegi-Motlag Dzh. Epos. Sopostavitel'naya fenomenologiya georicheskoi poem. Tegeran: Tsentr Bol'shoi Islamskoi Entsiklopedii, 2013. S. 215.
16. Khashemi M. Pozitsiya zhenshchiny v "Shakhname" Firdousi // Zhurnal znaniy. 1990. S. 27-28.
17. Khidzhazi B. Obzor polozheniya zhenshchiny s antichnoi epokhi do kontsa pravleniya dinastii Sasanidov. Tegeran: Gaside-sara, 2006. S. 314.
18. Shogi A. Blagorodnyi Firdousi. Tegeran: Izd. Ofog, 1971. S. 417.
19. Eslami-Nodushan M. A. Zhizn' i smert' bogatyrei v Shakhname. Tegeran: Avitsenna, 1970. S. 434.

20. Yusefi G. Kh. List'ya na vetru. Tegeran: Toos, 1997. S. 1-15.
21. Yakhagi M. Dzh., Firdosi A. Shakhname Firdousi (po materialam moskovskoi versii). Meshkhd: Sokhan Gostar, 1991. S. 668-1050.

Features of the artistic style in the works of P. A. Oiunsky

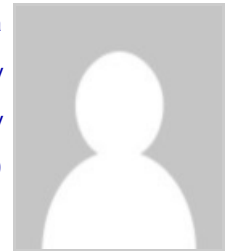
Savinova Gul'nara Egorovna

PhD in Philology

Senior Researcher, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

677009., Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, F. popova str., 16, building 3, sq. 40

✉ savgul6767@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the features of the artistic style in the works of P. A. Oiunsky. The object of the research is the writer's stories "The Fox and the Badger," "The Argument," "Is it Reality or a Dream?!", "How a Yakut Transformed into an Evil Spirit." The author examines the stylistic features of the texts in detail. The work presents an analysis of the stylistic techniques used by the writer. The aim of the research is to identify the characteristics of the author's style in P. Oiunsky's works. To achieve this goal, the following tasks were addressed: to identify the details of the author's style; to determine the main artistic techniques. Attention is focused on the details of the author's intent: the creation of traditional images and their functioning; interpretations and transformations of folklore motifs that become fundamental to the entire plot and the work as a whole. Special attention is paid to the influence of folklore traditions on the writer's creative method, which continues both traditional and innovative techniques. The methodological aspects of the problem of the interaction between literature and folklore consist of the works of A. N. Veselovsky, U. B. Dalgat, V. Ya. Propp, V. A. Semenov, V. B. Okorokova, and Yu. G. Khazankovich. Descriptive method, observation method, and stylistic analysis method were applied to identify the stylistic specifics and to generalize the results of the research on P. Oiunsky's works. The traditions of oral folk creativity are an "organic component" of the artistic world of the Yakut writer P. A. Oiunsky in the early 20th century. The main conclusions of the conducted research are: the use of techniques of oral folk creativity, Yakut heroic epic olonkho (proverbs, linguistic repetitions, constant epithets, etc.); the application and adaptation of plots from fairy tales, fairy tale elements; the use of techniques characteristic of oral folk creativity – such as grotesque, fantasy, satire, and allegory. The novelty of this work lies in the fact that this study for the first time identifies and describes the features of the artistic style in P. Oiunsky's stories. The work reveals the influence of folklore on the disclosure of the author's intention. P. Oiunsky's stories present a holistic traditional worldview of the Yakut people in the early 20th century.

Keywords: author's style, stylistic technique, stylistic devices, artistic text, reworking of the plot, borrowing, fairy tale, story, folklore, characters

References (transliterated)

1. Baltymova M. R. Nekotorye voprosy tipologii fol'klorizma (na materiale proizvedenii Gabita Musrepova) // Filologicheskoe obrazovanie v period detstva. 2023. № 30. S. 98-104. EDN: CYUDRQ.
2. Burtsev A. A. P. A. Oiunskii i mirovaya literatura // Olonkho v mirovom epicheskom prostranstve: nasledie P. A. Oiunskogo: sb. tezisov po mater. Mezhd. Nauchn. konf.

- Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2018. 228 s.
3. Gubareva M. A. Mifologiya i fol'klor kak istoki putevoi prozy // *Sovremennoe eseninovedenie*. 2024. № 1(68). S. 83-87. EDN: OQZSLZ.
 4. Danchinova M. D. Arkhetipichnost' ustnoi prozy buryat (na primere shamanskikh snovidenii) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2023. T. 16, № 9. S. 2707-2711. DOI: 10.30853/phil20230419. EDN: TZBYLH.
 5. Zhelobtsova S. F., Khazankovich Yu. G., Zhelobtsov F. F. Poetika literaturnoi skazki v proze narodov Yakutii // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018. № 4 (82). Ch. 2. Tambov: Gramota. S. 236-241. DOI: 10.30853/filnauki.2018-4-2.5. EDN: YWNLCO.
 6. Kremneva N. P. Zhanr skazki v tvorchestve A. S. Pushkina // *Original'nye issledovaniya*. 2023. T. 13, № 8. S. 65-70. EDN: EVOALS.
 7. Kryaklina T. F. Osnovnye napravleniya i formy vzaimodeistviya traditsionnykh i natsional'nykh khudozhestvennykh kul'tur (na materiale narodov Sibiri) // *Aktual'naya kul'tura*. 2023. № 2. EDN: TUOTAC.
 8. Revenko A. I. Fol'klornye motivy v tvorchestve N. V. Gogolya // *Problemy etnokhudozhestvennoi kul'tury i ee potentsial v obrazovatel'noi srede: Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati uchenogo, pedagoga, khudozhnika N. K. Shabanova. Kurskii gosudarstvennyi universitet, 25-26 aprelya 2024. Kursk: Kurskii gos. un-t, 2024. S. 537-541. EDN: MILASB.*
 9. Sorokina V. V. Esteticheskie eksperimenty sovremennoi russkoi prozy: "roman-skazka" i "stikhotvorenie v proze" // *Stephanos*. 2023. № 4(60). S. 7-17. DOI: 10.24249/2309-9917-2023-60-4-7-17. EDN: VEPFRG.
 10. Anikin V. P. Russkaya narodnaya skazka. M.: Prosveshchenie, 1977. 208 s.
 11. Dalgat U. B. Literatura i fol'klor. M.: Nauka, 1981. 303 s.
 12. Leiderman-Lipovetskii M. N. Poetika literaturnoi skazki (Na materiale rus. lit. 1920–1980-kh gg.). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1992. 183 s.
 13. Propp V. Ya. Fol'klor i deistvitel'nost'. Izbr. stat'i [Sost., red., predisl. i primech. B. N. Putilova]; [AN SSSR, In-t vostokovedeniya]. M.: Nauka, 1976. 325 s.
 14. Semenov V. A. Fol'klornye syuzhety i motivy v tvorchestve P. A. Oiunskogo / Otv. red. N. V. Emel'yanov; AN SSSR. Yakut. filial Sib. otd-niya. In-t yazyka, literatury i istorii. Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1966. 76 s.
 15. Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yta / AN Respubliki Sakha (Yakutiya), Institut gumanitarnykh issledovaniy; pod obshchei redaktsiei P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2012. 627 s.
 16. Struktura volshebnoi skazki / Ros. gos. gumanit. un-t. In-t vyssh. gumanit. issled.; Otv. red. S. Yu. Neklyudov. M.: RGGU, 2001. 232 s. (Traditsiya, tekst, fol'klor: tipologiya i semiotika).
 17. Skazki russkikh pisatelei [Dlya detei / Sost., vstup. st., s. 3-22, i komment. V. P. Anikina]. M.: Pravda, 1985. 670 s.
 18. Khudyakov I. A. Verkhoyanskii sbornik: yakutskie skazki, pesni, zagadki i poslovitsy, a takzhe russkie skazki i pesni, zapisannye v Verkhoyanskom okruge I. A. Khudyakovym / [podgot., avt. predisl. A. V. Sleptsova]. Irkutsk; [Batagai]: izd. na sredstva I. M. Sibiryakova, 1890, [2008]. 207 s.
 19. Oiuunuskai P. A. Talylybyt aiymn'ylar: Ys tomnaakh: kepseenner, sehenner, p'esalar, akhtyy / Rossiya naukalaryn akad., Sib. otd-nie Sakha sirineegi salaata; Tyl, lit., ist. in-ta. D'okuuskai: Bichik, 1993. T. 2. 441 s.

20. Oiuunuskai P. A. Talylybyt aiymn'ylar: ikki tomnaakh: khohoonnor, poemalar, tylbaastar, dramaticheskai aiymn'ylar, kepseenner, sehenner, akhtyylyar, ystatyialar / SSSR naukalaryn akad., Sib. otd-nie Sakha sirineegi fil., Tyl, lit., istoriya in-ta. Yakutskai: Sakha sirineegi kinige izd-vota, 1975. T. 1: [kiirii tyl avt. prof. A. E. Mordinov]. 1975. 438 s.

The specifics of creolized text in VTB Bank commercials based on works of Russian literature: "Dowerless girl", "Mumu"

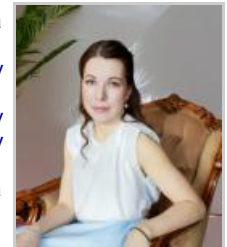
Dvorak Elena Yur'evna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Journalism, Media Communications and Advertising; A.S. Griboyedov Moscow University

66A Zeleny ave., Novogireevo district, Moscow, 111396, Russia

✉ elenadvorak22@yandex.ru

Grinberg Tat'yana Eduardovna

Doctor of Philology

Professor; Faculty of Journalism; A.S. Griboyedov Moscow University

66A Zeleny ave., Novogireevo district, Moscow, 111396, Russia

✉ elisabeta.astra@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the structural, species features of the creolized text of video advertising based on the transformation of plots of Russian literature ("Dowry", "Mumu") and their interpretation in the context of modern economic realities. The object of the study is the creolized text in the bank's commercials from the cycle: "VTB is a classic!" The authors consider in detail such aspects of the topic as the transformation of the source code in the creolized text, emphasize its importance as a means of multimodal transmission of information that enhances the emotional and cognitive impact on the audience. Particular attention is paid to the analysis and methods of interaction of semiotic signs (based on the second trichotomy of Charles Pierce: iconic sign and symbol) within the creolized text. Their contribution to the structure and general understanding of the advertising message is emphasized. Research methods include: semiotic analysis, content analysis, systematically studying the content of the selected advertising videos, identifying typological, iconic, visual components; cultural analysis, which studies the integration of Russian literary plots into advertising, their impact on the audience; multimodal analysis, which considers the interaction of textual and audiovisual elements to build multilayered messages. The main conclusions of the study are the proof of the identity of the concepts of creolized and polycode text due to the integration of various media formats (linguistic, audiovisual), which makes it universal in transmitting multilayered messages, and allows it to be effectively used for advertising and communication purposes. This combination creates a message with several hidden layers, which enhances the emotional impact of advertising and makes it more convincing. A special contribution of the authors to the research of the topic is the highlighting of the two-dimensionality of the composition in the videos ("Dowry", "Mumu"), which forms culturally relevant associations with the brand. Accordingly, the use of plots from Russian classics in video advertising increases the degree of audience trust in the company. The novelty of the study lies in identifying semiotic links within the creolized text, creating on their basis an advertising space in which the transformation of iconic and symbolic signs occurs, which has

not been studied before. The interaction of the original plot with modernity within semiotic links forms complex, fascinating narratives, increasing interest in advertising and creating a more attractive image of the bank in the eyes of the consumer.

Keywords: semiotic connections, iconic sign, symbol, advertising, promotional video, polycode text, creolized text, ambiguity, creolization, semiotics

References (transliterated)

1. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya: kollektivnaya monografiya. M.: Vysshaya shkola, 1990.
2. Lotman Yu. M. Lyudi i znaki // V kn.: Lotman Yu. M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2010. S. 610.
3. Teoriya znakov Ch. Pirsya // Stenfordskaya entsiklopediya filosofii. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.82a44bd8-67f8768c-580f8807-74722d776562/https/plato.stanford.edu/entries/peirce-semiotics/ (data obrashcheniya: 05.04.2025).
4. Semiotika. Ikonicheskii znak (ili ikonichnost') // URL: <https://libq.ru/articles/semiotika/ikonicheskij-znak-ili-ikonichnost/> (data obrashcheniya: 06.04.2025).
5. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov). M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2003. 128 s. EDN: YWOTPL.
6. Voroshilova M. B. Metodologiya, metody i metodika analiza kreolizovannogo teksta // Evolyutsiya lingvisticheskoi ekspertizy: metody i priemy / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, N. B. Ruzhentseva. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2017. S. 125-199.
7. Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. M.: Knizhnyi dom "LIBRO-KOM", 2009. 248 s. EDN: ZFQAKN.
8. Lotman Yu. M. Khudozhestvennaya priroda russkikh narodnykh kartinok // Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva / Predisl. S. M. Danielya, sost. R. G. Grigor'va. SPb.: Akademicheskii proekt, 2002. 543 s.
9. VTB - Reklama Bespridannitsa // URL: <https://rutube.ru/video/7dc82d666e92f68ce92b0cd6999c1331/> (data obrashcheniya: 07.04.2025).
10. Elina E. A. Semiotika reklamy. M.: "Dashkov i K", 2013. 136 s.
11. VTB - Reklama Mumu // URL: <https://rutube.ru/video/b51f947d05e6d030c4f356c6eac96f43/> (data obrashcheniya: 08.04.2025).
12. Grigor'eva V. S. Reklamnyi diskurs cherez prizmu kognitivnykh dominant ego organizatsii // Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2020, № 4. S. 283-297. EDN: BKHZWP.

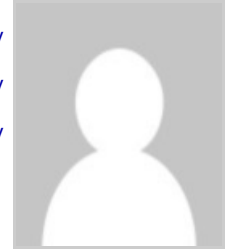
Decoding the implicit in the Chinese folk tale "How the Old Man Moved the Mountain"

Doctor of Philology

Associate Professor, Higher School of Russian Philology, Pacific State University

136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia, Khabarovsk Territory

✉ ulius-viktori@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to decoding the subtext in the Chinese folk tale "How the Old Man Decided to Move the Mountain," describing the duality of the tale: the explicit and implicit layers. Special attention is paid to the symbolism of the tale and its metaphorization. The object of the study is the stylistics of decoding as a method of interpreting a literary text based on a nationally oriented methodology in Russian as a foreign language classes. The subject of the research is the category of implicitness as hidden semantics in the Chinese folk tale. The author has chosen the semantic-stylistic method of analysis. The household tale "How the Old Man Decided to Move the Mountain" is considered an effective educational didactic material in Russian language classes as a foreign language. Methodological recommendations are provided to promote engaging and effective learning of the Russian language using a nationally oriented methodology. The study is based on analytical, descriptive, and semantic-stylistic methods. The analysis is built on the principles of historicism and taking into account the national culture in which the text was created. The relevance of the theme raised in the article is due to the fact that the stylistics of decoding as a method of interpreting a literary text is currently of great importance, especially in classes of Russian language using a nationally oriented methodology. The novelty of the research lies in the fact that for the first time a philological analysis of the Chinese folk tale "How the Old Man Decided to Move the Mountain" has been carried out for the purpose of its application in educational contexts at the mid B1 I certification level. The analysis integrates with the methodology of guided reading aimed at a qualitative perception and understanding of the text at all its levels. Decoding the implicit layer of the text leads to the conclusion that in this ancient Chinese tale is embodied the dream of the common people about scientific and technological progress, about the possibility of overcoming powerful nature, and that human perseverance and labor can move mountains. The tale is metaphorically condensed to a phraseological expression and a precedent statement that contains two opposing meanings: "Yugong moved the mountains" and "The foolish old man moves the mountains," since variations of the tale with different subtexts can be found in Chinese folklore: moving mountains - boldly and commendably, moving mountains - foolishly and in vain.

Keywords: nationally oriented approach, symbolism, phraseological units, metaphorization, exploratory reading, folklore, Chinese folk tale, subtext, decoding, implicit layer

References (transliterated)

1. Abdrazakova G.Sh. Vyrazhenie konnotativnogo i denotativnogo znachenii v kontsepte "gora" // Vestnik KRSU. 2022. T. 22. № 2. S. 58-62. DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-2-58-62. EDN: IGMGXB.
2. Alefirenko N.F. Frazeologiya i paremiologiya. Moskva: Flinta, Nauka, 2009. 344 s. EDN: SDQJVH.
3. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znachenii: otsenka, sobytie, fakt. Moskva: Nauka, 1988. 341 s.
4. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 905 s. EDN: YLAWAR.

5. Akhmatova M.A. Kontsept gora v karachaevo-balkarskom nartskom epose // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya: Elektronnyi zhurnal*. 2015. № 2-3. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=23510> (data obrashcheniya: 13.04.2025).
6. Bereza E.V. Osnovnye funktsii 3 de (的, 得, 地) v sovremennom kitaiskom yazyke // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2022. № 4 (56). S. 120-130. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-4/120-130. EDN: GQXVVK.
7. Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' [Elektronnyi resurs]. URL: <https://bkrs.info/> (data obrashcheniya: 22.04.2025).
8. Bobrysheva I.E. Uchet natsional'nykh lingvometodicheskikh traditsii v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu kitaiskikh uchashchikhsya v usloviyakh russkoi yazykovoi sredy (nachal'nyi etap): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Moskva: IRYa, 1996. 19 s.
9. Baryshnikova G.V., Dubinina I.I. Leksicheskie sredstva dekodirovaniya implitsitno vyrazhennykh emotsii // *Filologicheskie nauki, Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2016. № 12 (66): v 4 ch. Ch. 4. S. 76-79. EDN: XELSCL.
10. Borzova T.A., Li Khuei. Spetsifika opisaniya kategorii prostranstva v kitaiskoi yazykovoi kartine mira (na materiale frazeologizmov kitaiskogo yazyka) // *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023. T. 15, № 2. S. 164-177. DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2023-2/164-177. EDN: GBKQZC.
11. Brat'ya Lyu. Kitaiskie narodnye skazki. Moskva: Gos. izd-vo detskoj lit-ry MP RSFSR, 1955. 96 s.
12. Voitsekhovich I.V. Prakticheskaya frazeologiya sovremennogo kitaiskogo yazyka. Moskva: AST: Vostok-Zapad, 2007. 509 s. EDN: QTMHJL.
13. Gotlib O.M., Mu Khuain. Kitaisko-russkii frazeologicheskii slovar'. Okolo 3500 vyrazhenii. 2-e izd., stereotip. Irkutsk: Izd-vo "Irkutskii gosudarstvennyi universitet", 2019. 596 s.
14. Implitsitnost' v yazyke i rechi / pod red. E.G. Borisovoi, Yu.S. Martem'yanova. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 200 s.
15. Kan Inan'. Metodika obucheniya russkoi predmetnoi i bytovoi kul'turno-spetsificheskoi leksike v kitaiskoi auditorii (uroven' B1-C1): avtoref. diss... kand. ped. nauk. Moskva: "Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina", 2022. 23 s.
16. Kosteva V.M., Syfan' Ch. Osnovnye kharakteristiki kitaiskoi i russkoi frazeografii // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2022. Vyp. 7 (862). S. 49-55. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_7_862_49. EDN: PWVTGW.
17. Krasnokutskaya N.V. Realizatsiya printsipa ucheta rodnogo yazyka v uchebnikakh russkogo yazyka dlya inostrantsev // *Rusistika*. 2020. T. 18. № 3. S. 342-358. DOI: 10.22363/2618-8163-2020-18-3-342-358. EDN: GGFCZP.
18. Li Li, Li Shutszin'. Otrazhenie natsional'no-kul'turnogo aspekta v kitaiskikh i russkikh frazeologizmakh // *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2018. T. 37, № 4. S. 542-583.
19. Luzareva V.O. Ispol'zovanie skazok na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo // *Obrazovanie i vospitanie*. 2025. № 4 (56). S. 14-16. URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/288/10056/> (data obrashcheniya: 14.04.2025). EDN: AYRKVU.
20. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. Moskva: Akademiya, 2001. 182 s. EDN: UKCOEJ.
21. Medvedeva T.S., Medvedeva D.I. Reprezentatsiya kontsepta gora v russkoi lingvokul'ture i ego analogov v bolgarskoi i serbskoi lingvokul'turakh // *Vestnik*

- Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya. 2019. T. 29. Vyp. 6. S. 933-941. DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-933-941. EDN: TZSUUU.
22. Mutyleva A.A. Sravnitel'nyi analiz klassifikatsii frazeologicheskikh edinit v russkom i kitaiskom yazykakh // Molodoi uchenyi. 2024. № 13 (512). S. 217-273.
 23. Nester N.V. Obuchenie izuchayushchemu chteniyu na materiale kitaiskoi narodnoi skazki "Zheltyi aist" // Natsyynal'ny kharaktar i sposaby yago žvasablennya ŷ kul'tury i move va ŷmovakh mul'tsikul'turnaga asyaroddzya: elektron. sb. materialov mezhdunar. nauch. konf., Polotsk, 19-20 noyabrya 2020 g. / Polotskii gosudarstvennyi universitet; red. kol.: N. V. Nester [i dr.]. Novopolotsk, 2022. S. 100-104. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://elib.psu.by/handle/123456789/32361> (data obrashcheniya: 31.03.2025). EDN: OQBSME.
 24. Propp V.Ya. Russkaya skazka (Sobranie trudov V.Ya. Proppa) / pod red. S.Yu. Rasskazova. Moskva: Labirint, 2000. T. 4. 416 s.
 25. Sal'nikov A.S. Kontsept "gora" v kurdskoj lingvokul'ture // Gumanitarnye issledovaniya. 2009. № 3 (31). S. 71-77. EDN: KXTRKP.
 26. Semenova I.V. Natsional'no-orientirovannyi podkhod v obuchenii RKI kitaiskikh studentov (obuchenie leksike i grammatike nauchnogo stilya rechi) // Epokha nauki. 2017. № 12. S. 83-86. DOI: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-83-86. EDN: ZXRDDD.
 27. Sun' Yu. Uchet kognitivno-psikhologicheskikh kharakteristik kitaiskikh uchashchikhsya pri obuchenii russkoj grammatike // Samarskii nauchnyi vestnik. 2020. T. 9. № 1 (30). S. 283-288. DOI: 10.17816/snv202091312. EDN: WUCNDE.
 28. Teliya V.N. Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinit. Moskva, 1986. 144 s.
 29. Trinadtsat' smel'chakov vruchnuyu sdela li gornyi tunnel' i izmenili zhizn' tseloi derevni // Ridus. URL: <https://gochina.ru/blog-dlya-puteshestvennikov/dostoprimechatelnosti-kitaya/tunnel-guolyan-opasnaya-gornaya-doroga-v-kitae/> (data obrashcheniya: 31.03.2025).
 30. Tsibernaya O.F., Lazareva A.A. Perevod frazeologicheskikh vyrazhenii v politicheskom diskurse Kitaya // Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki. Chelyabinsk: ChGU, 2020. № 3. S. 60-68.
 31. Shoeva D.Kh. Kitaiskie frazeologizmy v sovremennoi kitaiskoi literature na primere romana Yui Khua "Zhit'" // Gumanitarnyi nauchnyi vestnik. 2020. № 6. S. 258-264. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/06/Shoeva.pdf> (data obrashcheniya: 15.04.2025). DOI: 10.5281/zenodo.3946562. EDN: KJUOAJ.
 32. Yuisufu A. Natsional'no-orientirovannyi podkhod k formirovaniyu grammaticheskikh navykov russkoj rechi kitaiskikh studentov (uroven' A2): dis. ... kand. ped. nauk. Sankt-Peterburg: SPbGU, 2023. 322 s. EDN: LRBD OG.
 33. Yakovenko T.I. Implitsitnyi smysl onima v tekste: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu: RnD GU, 2013. 18 s. EDN: ZOSRKF.
 34. Barthes R. Denotation and connotation / The communication theory reader / edited by P. Copley. London and New York: Routledge, 1996. 506 p.
 35. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 256 p.
 36. Thibodeau P.H., Hendricks R.K., Boroditsky L. How linguistic metaphor scaffolds reasoning // Trends in cognitive sciences. 2017. 21 (11). P. 852-863.

The use of original case forms of nouns in the speech of

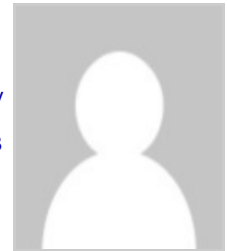
Chinese students learning Russian as a foreign language (against the background of the natural way of language learning)

Cao Shuopeng

Postgraduate student; Faculty of Philology; St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, Universitetskaya nab., 7-9-11B

✉ st120897@student.spbu.ru

Abstract. The object of the study is the psycholinguistic factors of using the base forms of nouns in the Russian speech of Chinese language speakers. For the first time, an analysis is undertaken of the functioning of the nominative singular forms in various grammatical meanings in the speech of Chinese language speakers against the background of similar errors made by monolingual Russian-speaking children in the early stages of ontogenesis. The author proposes a formal classification of the substitution of forms of various cases for the nominative case, examines the persistence of such violations depending on whether the case form performs structural and semantic functions, analyzes the dependence of erroneous choices on the grammatical meaning of the form, and discusses types of object and subject meanings in which the base forms appear in the speech of Chinese language speakers and Russian-speaking children. The material is extracted through a random sampling method from written assignments of students at the China University of Petroleum (Qingdao) and St. Petersburg University, as well as from the "Russian Language Corpus of HSE RLC" (144 forms). The analysis employs descriptive, comparative, and error analysis methods. It concludes that in the written speech of Chinese students, forms that coincide with the base ones are used instead of forms of all cases, including in prepositional-case constructions. Some errors are linked to grammatical overgeneralization, manifested in the occasional formation of genitive plural forms and accusative singular and plural forms of animate and inanimate nouns. A significant contribution is considered to be the identification of error causes common to children and non-native speakers: difficulties in mastering the structural meanings of grammatical forms in quantitative-nominal and negative constructions, and the gradual development in the interlanguage of the individual of ways to express various shades of subjective (subject of state, joint action, or possession) and objective meanings (object-debilitative, mediative, etc.). The novelty of the research lies in identifying the mechanisms of simplification of the grammatical system of the foreign language being acquired, which involves simplified structuring of constructions with the meanings of cause and purpose, mixing of control forms with synonymous verbs, and indistinction of locative and directive meanings. The results obtained can be used to refine the understanding of strategies for mastering both native and foreign languages, as well as in developing teaching methodologies for the Russian language for Chinese language speakers.

Keywords: case value, prepositional-case construction, Russian as a foreign language, speech errors, ontolinguistics, language acquisition, frozen form, interlingual interference, grammatical supergeneralization, simplification

References (transliterated)

1. Tseitlin S. N., Kruglyakova T. A. Padezhnaya sistema v protsesse osvoeniya russkogo yazyka kak pervogo i vtorogo // *Rusistika*. 2024. T. 22. № 1. S. 135-149.

doi:10.22363/2618-8163-2024-22-1-135-149 EDN: QTISXN.

2. Leont'ev A. A. Vladenie i ovladenie yazykom // Problemy izucheniya bilingvizma. Kniga dlya chteniya / Sost. T. A. Kruglyakova. SPb.: Zlatoust, 2014. S. 149-166.
3. Ovchinnikova I. G. K probleme spetsifiki oshibok v sluchae estestvennogo bilingvizma: sopostavlenie rechi russko-ivrit bilingvov s materialami Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka // Sotsio-i psikholingvisticheskie issledovaniya. 2011. № 15. S. 168-181. EDN: TCFLRF.
4. Protasova E. Yu., Myaki M., Rodina N. M. Eksperimental'noe issledovanie osvoeniya russkikh padezhei det'mi-bilingvami v Finlyandii // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy. 2017. T. XIII. № 3. S. 774-787.
5. Bar-Shalom E. G., Zaretsky E. Selective attrition in Russian-English bilingual children // International Journal of Bilingualism. 2008. No. 12 (4). P. 281-302. doi:10.1177/1367006908098572 EDN: MYKSGJ.
6. Ringblom N., Karpova S. V. Osobennosti narrativov dvuyazychnykh detei v Shvetsii i na Kipre // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2018. № 189. S. 141-153. EDN: YSFVVJ.
7. Galkina E. V., Krasnoshchekova S. V. Tipichnye oshibki v rechi detei-doshkol'nikov v usloviyakh russko-kirgizskogo bilingvizma // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2024. № 2. T. 22. S. 93-103. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-2-93-103 EDN: ZVEONF.
8. Korchik L. S. Rabota nad grammaticheskoi temoi "Imya sushchestvitel'noe" v kitaiskoi auditorii // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2013. № 4. S. 117-123. EDN: RRWSRD.
9. Lukmanova R. R., Utrobina A. A., Van Ts. Mezh'yazykovaya interferentsiya – prichina narusheniya normy inostrannogo yazyka (na primere kitaisko-russkogo bilingvizma) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 7 (43). S. 1-6. doi:10.18454/RULB.2023.43.2 EDN: JZIMCD.
10. Lyu Ts. Problema klassifikatsii grammaticheskikh oshibok v rechi kitaiskikh studentov-filologov // Prepodavatel' KhKhI vek. 2013. T. 1. № 2. S. 195-199.
11. Shchelokova A. A. Tipichnye grammaticheskie oshibki v russkoi rechi kitaiskikh obuchayushchikhsya // Kontsept. 2019. № 9. S. 261-273. doi:10.24412/2304-120X-2024-11168.
12. Shchelokova A. A. Vliyanie lingvisticheskogo sinkretizma na formirovanie konstruktivnoi oshibki v rechi inostrantsa // Gumanitarnye issledovaniya, pedagogika i psikhologiya. 2020. № 3. S. 72-81. doi:10.24412/2712-827X-2020-3-72-81 EDN: YNTQSK.
13. Tseitlin S. N. K postroeniyu grammatiki promezhutochnogo yazyka // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy. 2015. T. XI. № 1. S. 515-538. EDN: VHHDR.
14. Gridina T. A. Ontolingvistika: Yazyk v zerkale detskoj rechi. Ucheb. posobie. M.: Flinta, 2013. 152 s.
15. Zalevskaya A. A. Vvedenie v teoriyu uchebnogo dvuyazychiya: uchebnik dlya magistrantov. Tver': Tver. gos. un-t, 2016. 269 s. EDN: YFIQXN.
16. Tseitlin S. N. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi. M.: Znack, 2009. 362 s. EDN: RWKCTL.
17. Chzhao S. Kratkoe issledovanie yavleniya okameneniya v promezhutochnom yazyke i psikhologicheskogo kognitivnogo mekhanizma promezhutochnogo yazyka // Inostrannye yazyki i prepodavanie inostrannykh yazykov. 2006. № 3. S. 19-21. [赵萱. 中介语石化现象与中介语心理认知机制浅探 / 外语与外语教学. 2006. № 3. 19-21] (In Chinese).

18. Chzhan S. Kognitivnoe issledovanie yazykovogo okameneniya // Inostrannye yazyki. 2000. № 4. S. 19-20. [张雪梅. 语言石化现象的认知研究 / 外国语. 2000. № 4. 19-20] (In Chinese).
19. Lepskaya N. I. Rechevoe razvitie rebenka. (Ontogenez rechevoi kommunikatsii). M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1997. 152 s.
20. Voeikova M., Savickiene I. The Acquisition of the first case oppositions by a Lithuanian and a Russian child // Wiener Linguistische Gazette. 2001. No. 67/69. P. 168-188. (In English).
21. Gvozdev A. N. Voprosy izucheniya detskoj rechi. M., 1961; SPb.: "Detstvo-press", 2007. 472 s.
22. Ionova N. V. Semanticheskie funktsii padezhnykh form i predlozhno-padezhnykh konstruksii imeni sushchestvitel'nogo v rechi detei doskol'nogo vozrasta: Diss. ... kand. filol. n. Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, 2007. 145 s. EDN: NOSYFZ.
23. Voeikova M. D. Stanovlenie imeni: Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoi morfologii russkogo yazyka. M.: Fond "Razvitiya fundamental'nykh lingvisticheskikh issledovanii", 2015. 352 s.
24. Voeikova M. D. Foneticheskie i grammaticheskie osobennosti russkogo soglasovaniya: vzglyad ontolingvista // Rusistika bez granits. 2019. T. 3. № 1. S. 20-28. EDN: VOMFQO.
25. Ufimtseva N. V. Yazykovoe soznanie – obraz mira – yazykovaya kartina mira // Voprosy psikholingvistiki. 2015. № 24. S. 115-119. EDN: TXIXBP.
26. Chzhan S., Sergeeva N. N. Tipichnye oshibki v podgotovlennoi ustnoi rechi kitaiskikh studentov pri izuchenii russkogo yazyka // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2019. № 6. S. 120-125. doi:10.26170/po19-06-16 EDN: XFEGRF.
27. Yao Ts. Trudnosti usvoeniya kitaitkami russkikh predlozhno-padezhnykh form s prostranstvennym znacheniem // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2015. № 3. S. 73-78.
28. Ryko A. I. Detstvo Khomy: dnevnik nauchnykh nablyudenii. SPb.: ILI RAN, 2018. 288 s.
29. Mrazek R. K voprosu o funktsiyakh bespredlozhnogo tvoritel'nogo padezha // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Praha: Státní pedagogické nakladatelství Praha, 1960. Vol. 9. № 8. P. 41-52.
30. Nikitina E. N. Konstruksii s imenitel'nym i tvoritel'nym predikativnym v russkom yazyke (k probleme vzaimodeistviya grammaticheskikh kategorii) // Voprosy yazykoznanii. 2011. № 6. S. 3-28. EDN: OPRGOD.
31. Kruglyakova T. A. Osvoenie sposobov vyrazheniya instrumental'nogo znacheniya v rechi russkoyazychnogo rebenka // Russkaya grammatika v dialoge nauchnykh shkol, napravlenii, metodov. Sbornik nauchnykh statei / Red.: E. S. Sheremet'eva, E. A. Starodumova, A. A. Anisova. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2022. S. 271-278. doi:10.24866/7444-5403-6 EDN: OTMORP.
32. Tseitlin S. N. Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi. M.: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 2000. 240 s. EDN: RTRLGJ.

Trasformation of phraseological units in English and Russian advertising texts

Abstract. This article is dedicated to the study of transformed phraseological units in English and Russian advertising texts. Researchers pay particular attention to the role of phraseological units as language units capable of influencing consumers and their desire to purchase products. In this work the author discusses such notions as phraseological unit and advertising text. Special attention is paid to the term of transformed phraseological unit which refers to the intentional modification of a phraseological unit to enhance the expressiveness and vividness of advertising texts. During the analysis the following types of transformation of phraseological units in advertising texts are identified: substitution, embedding, expansion, and truncation. The material for the study include 100 phraseological units selected from advertisements of hygiene products, cosmetics, sweets and tourist services. The research methodology is based on the works of the following scholars: 1) L. V. Voronina, L. G. Feshchenko, and T. V. Akimova concerning the features and functions of advertising texts; 2) A. V. Kunin, T. V. Akimova, N. P. Soboleva and E. V. Kulikova regarding the definition of phraseological units and their structural and semantic changes. The scientific novelty of this work lies in the analysis of various methods of transforming phraseological units used in advertising texts in English and Russian. In English and Russian advertising texts phraseological units with various transformations are frequently used; they add emotionality, effectiveness and brightness to the advertisements. Transformed phraseological units help producers attract customers' attention, as the phraseological units themselves are recognizable and understandable. With certain changes they emphasize the uniqueness of a specific product or service. During the analysis of English and Russian advertising texts containing phraseological units we identified the following common transformations of phraseological units: substitution, embedding, expansion, and truncation. Transformed phraseological units in advertising texts can exert emotional influence on people due to their recognizability and closeness to the culture of a particular nation.

Keywords: figurativeness, linguistic means, truncation, expansion, embedding, substitution, transformation, advertising slogan, advertising text, phraseological unit

References (transliterated)

1. Ponomareva I.V. Motivatsionnye osobennosti reklamnogo teksta // *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2021. № 11 (113). S. 181-185. DOI: 10.23670/IRJ.2021.113.11.157. EDN: FZMMHF.
2. Feshchenko L.G. Reklamnyi tekst: razgranichenie ponyatii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2003. № 26. S. 113-116.
3. Akimova T.V. Frazeologizmy v reklamnom tekste // *Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova*. 2013. № 6. S. 201-202. EDN: UJWCTR.
4. Voronina L.V. Tekstovye edinitsy s semantikoï tseli v kommunikativnom prostranstve reklamy // *Kommunikativnye issledovaniya*. 2020. № 3. S. 582-595. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(3).582-595. EDN: RZLHSQ.
5. Zhdanova E.Yu. Reklamnyi tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya // *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 2-1 (32-1). S. 82-85. EDN: TYCPFJ.

6. Dvoynina E.V. Frazeologicheskie vyrazheniya kak sredstvo usileniya attraktsii zagolovkov reklamnykh ob'yavlenii (na materiale angloyazychnoi tamozhennoi pressy) // Rossiiskii sotsial'no-gumanitarnyi zhurnal. 2020. № 2. S. 255-267. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1015. EDN: QDDZVW.
7. Amiri L.P. "Frazeologizatsiya" reklamnogo prostranstva, ili igra s lingvokul'turnym soznaniem potrebiteli reklam // Izv. Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. 2012. № 3. S. 19-25. EDN: PMYKRB.
8. Kunin A.V. Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka. Dubna: Feniks, 1996.
9. Red'ko G.V. Frazeologizmy kak yazykovaya universal'iya, otrazhayushchaya natsional'nuyu kul'turu naroda // Vestnik AGU. 2019. № 1 (232). S. 100-105.
10. Ganieva F.F. Frazeologicheskie edinitsy kak ob'ekt issledovaniya v trudakh otechestvennykh issledovatelei // Lingua mobilis. 2015. № 1. S. 38-47. EDN: UMVPCT.
11. Soboleva N.P. Vliyanie osobennostei konteksta na okkazional'noe ispol'zovanie frazeologicheskikh edinit v reklamnykh sloganakh k fil'mam // Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura. 2015. № 2. S. 155-163.
12. Savchenko L.V. Semanticheskie transformatsii frazeologicheskikh edinit v reklamnykh sloganakh // Evraziiskii Soyuz Uchenykh. 2016. № 7-2 (28). S. 64-66.
13. Trushina M.D. Transformatsiya ustoichivykh vyrazhenii v reklame // Vestnik nauki. 2021. № 7 (40). S. 21-30. EDN: OTTJBT.
14. Kulikova E.V. Reklamnyi tekst: lingvisticheskie priemy vyrazitel'nosti // Vestnik NNGU. 2009. № 6-2. S. 276-282.

Connotative meanings of ergonyms: analysis of linguistic and cultural connotations of restaurant names in St. Petersburg

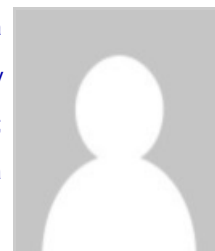
Shchukina Kira Alexandrovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language and Teaching Methods; St. Petersburg State University;

7-9-11 Universitetskaya Embankment, Vasileostrovsky district, Saint Petersburg, 199034, Russia

✉ k.shukina@spbu.ru

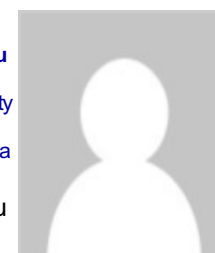

Li Shu

Postgraduate student; Faculty of Philology; St. Petersburg State University

7-9-11 Universitetskaya Embankment, Vasileostrovsky district, Saint Petersburg, 199034, Russia

✉ st121878@student.spbu.ru

Abstract. The article presents a linguocultural analysis of the connotative meanings of ergonyms in St. Petersburg, particularly the names of restaurants and cafes. The subject of the study is the connotative meanings of ergonyms in St. Petersburg. The object consists of 800 names of restaurants and cafes in the city of St. Petersburg, selected through a continuous sampling method from open internet sources. The purpose of the study is to identify the connotative meanings in the names of restaurants in St. Petersburg from the perspective of linguoculturology. The research is aimed at analyzing how ergonyms reflect the cultural, historical, and social aspects of the city, as well as their role in shaping identities in the context of globalization. The material for the study consisted of the names of 800 restaurants and cafes in St. Petersburg, collected from internet resources. The following

methods were applied: descriptive method, continuous sampling method for collecting ergonyms, classificatory analysis to highlight 5 categories of connotative meanings, quantitative counts, and linguocultural interpretation of the connotative meanings of ergonyms. The scientific novelty lies in the systematic analysis of the connotative meanings of ergonyms as a key element of the linguistic picture of the city of St. Petersburg, revealing the connection between nomination, cultural memory, and contemporary sociocultural processes. For the first time, a detailed interpretation of the connotative meanings of ergonyms in St. Petersburg was conducted across five categories. The results showed that the largest category was "Globalization and Intercultural Synthesis" (289 instances), reflecting the adaptation of borrowed elements to the local culture. The category "Gastronomic Pragmatics and Specificity" (183 instances) minimizes cognitive load. The categories "Historical and Cultural References," "Contemporary Cultural Trends and Social Identity," and "Natural Images and Regional Features" are represented in similar numbers (119, 116, and 93 instances respectively). The study confirms that the ergonyms of St. Petersburg shape the "linguistic map" of the city, activating historical, cultural, natural, and gastronomic aspects.

Keywords: Linguoculturology, linguocultural analysis, urbanonymy, cultural connotations, Connotation, connotative meanings, restaurant names, commercial names, ergonym, Saint Petersburg

References (transliterated)

1. 惠慧. 俄汉语动物词文化内涵差异对比研究 // 当代教育实践与教学研究. 2017. S. 186-187. (Khuei Khuei. Sopostavitel'nyi analiz kul'turnoi konnotatsii zoonimov v russkom i kitaiskom yazykakh // Sovremennaya obrazovatel'naya praktika i pedagogicheskie issledovaniya. 2017. S. 186-187.)
2. 刘建权. 成都市现代商业街区语言景观生态研究-以春熙路商圈为例 // 文化学刊. 2024. № 11. S. 198-203. (Lyu Tszyan'tsyuan'. Ekologiya yazykovogo landshafta sovremennykh kommercheskikh raionov Chendu: na primere torgovoi ulitsy Chun'silu // Kul'turologiya. 2024. № 11. S. 198-203.)
3. Restorany Sankt-Peterburga [Elektronnyi resurs] // URL: https://www.tripadvisor.ru/Restaurants-g298507-St_Petersburg_North-western_District.html (data obrashcheniya: 10.02.2025)
4. N.N. Kislitsyna, V.Yu. Gulyaeva. Tipologiya konnotativnoi leksiki // Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i tsivilizatsii. 2018. № 1-2 (21-22). S. 135-143. EDN: WOKKEN
5. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Yazykoznanie. M., 1998.
6. Teliya V.N. Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinit. M.: Nauka, 1986.
7. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Lingvostranovedcheskaya teoriya slova. M.: Russkii yazyk, 1980. EDN: PGWRSR
8. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2001. EDN: UKCOEJ
9. 吴国华. 析谈俄语词的文化伴随意义的特点 // 解放军外语学院学报. 1991. № 6. S. 28-32. (U Gokhua. Osobennosti kul'turnoi konnotatsii russkoi leksiki // Vestnik Instituta inostrannykh yazykov NOAK. 1991. № 6. S. 28-32.)
10. 余小如. 浅谈“词汇伴随意义” // 中国俄语教学. 1992. № 1. S. 7-9. (Yui Syaozhu. K voprosu o konnotativnom znachenii leksiki // Russkii yazyk v Kitae. 1992. № 1. S. 7-9.)
11. 孔鑫颖. 文化语言视域下曲阜街巷道路名称研究. // 牡丹江大学学报. 2025. № 3. S. 50-63. (Kun Sin'in. Issledovanie nazvanii ulits Tsyuifu v aspekte kul'turnoi lingvistiki // Vestnik Mudan'tszyanskogo universiteta. 2025. № 3. S. 50-63.)

12. 程雨涵. 徽州村名文化内涵调研 // 文化综合. 2023. № 45. S. 131-133. (Chen Yuikhan'. Kul'turnaya konnotatsiya derevenskikh toponimov Khueichzhou // Kul'turnyi sintez. 2023. № 45. S. 131-133.)
13. Vedeneeva E.V. Fiktonimy i mifonimy kak baza dlya formirovaniya gorodskogo ergonimikona // Studia Humanitatis. 2024. № 1. S. 1-14. EDN: SMZZHZ
14. Pitina S.A. Gibridizatsiya v ergonimakh // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2018. № 1 (411). S. 60-64. EDN: YNELKE
15. O proiskhozhdenii nazvaniya Terioki [Elektronnyi resurs] // URL: <https://terijoki.spb.ru/f3/viewtopic.php?t=4906&ysclid=m8x6mp1dvd917023415> (data obrashcheniya: 15.03.2025)
16. 惠慧. 俄汉语植物词文化内涵差异对比研究 // 当代教育实践与教学研究. 2017. S. 238-239. (Khuei. Sopostavitel'nyi analiz kul'turnoi konnotatsii fitonimov v russkom i kitaiskom yazykakh // Sovremennaya obrazovatel'naya praktika i pedagogicheskie issledovaniya. 2017. S. 238-239.)
17. Barvinok-znachenie simvoliki [Elektronnyi resurs] // URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-periwinkle-symbolize.html> (data obrashcheniya: 15.03.2025)
18. Legendy o barbarise [Elektronnyi resurs] // URL: <https://dzen.ru/a/ZqsglrCf6hUKSE8t> (data obrashcheniya: 15.03.2025)
19. Tolkovy slovar' Ushakova [Elektronnyi resurs] // URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/persona> (data obrashcheniya: 15.03.2025)
20. Gizatulina A.F. Lingvokul'turologicheskie aspekty v lingvisticheskom analiza // Molodoi uchenyi. 2018. № 16 (202). S. 329-331. EDN: XNLYAP

Culture of anglicisms application in the student media space

Murugova Elena Valerievna

Doctor of Philology

Professor; Department of Integrative and Digital Linguistics; Don State Technical University

344082, Russia, Rostov-on-Don, Bratskiy lane, 39, A, 17 sq.

✉ murugovaelena@yandex.ru

Dmitrieva Kseniya Dmitrievna

Student; Department of Scientific and Technical Translation and Professional Communication; Don State Technical University

1 Gagarin St., Rostov-on-Don, 344003, Russia

✉ kseniya.dmitrieva.04@mail.ru

Karpenko Mariya Gennadievna

Student; Department of Scientific and Technical Translation and Professional Communication; Don State Technical University

1 Gagarin St., Rostov-on-Don, 344003, Russia

✉ kima.kim53@mail.ru

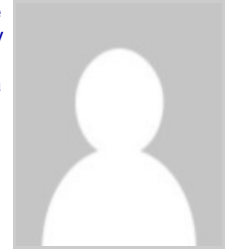

Mahonina Elizaveta Alekseevna

Student; Department of Scientific and Technical Translation and Professional Communication; Don State Technical University

1 Gagarin St., Rostov-on-Don, 344003, Russia

✉ ml143673@gmail.com

Petrova Anastasiya Georgievna

Student; Department of Scientific and Technical Translation and Professional Communication; Don State Technical University

1 Gagarin St., Rostov-on-Don, 344003, Russia

✉ nastyapetrova182005@gmail.com

Abstract. The translinguistic research paradigm contributes to the study of specific aspects of social interaction among multilingual language users. The multimodal and multisensory nature of language is manifested in language varieties including geographical, social, age or gender varieties. Human beings in the process of language contacts are very conscious of the relationship between race, nation and community on the one hand and language on the other, and the discrepancies between boundaries in linguistic structural terms and in socio-cultural and ideological terms. The object of the study is anglicisms used by the students of Don State Technical University in the media space from the point of view of highlighting their lexico-semantic characteristics and functioning. The aim of the research is to study the main trends in the use of anglicisms by students in social student networks. On the basis of the conducted online survey of 360 students of DSTU we tested hypotheses about the reasons and main trends in the use of anglicisms, the influence of students' specialization on their use in speech. The respondents' answers were divided into the following categories: 1) the most frequent anglicisms; 2) meanings of words; 3) spheres of application; 4) violation of the linguistic norm; 5) reasons for their usage; 6) prospects. We collected both quantitative and qualitative data, including surveys and observations. The results of the research indicate the tendency of frequent usage of direct borrowings and calques from English related to the sphere of "Internet" usage. Multilingual learners freely incorporate Anglicisms into their speech to overcome differences, discrepancies, inconsistencies and ambiguities in communication, manipulating them for strategic benefits when necessary. The use of anglicisms in the speech of the youth does not depend on their belonging to a professional community, with the exception of jargon and professional slang.

Keywords: translinguistic research, runglish, calques, direct borrowing, student community, contact linguistics, social networks, anglicisms, media space, youth

References (transliterated)

1. Schaefer S. J. Anglicisms in German media: Exploring catachrestic and non-catachrestic innovations in radio station imaging // *Lingua*. 2019. V. 221. P. 72-88.
2. Díaz J. A. R. The semantics and functions of anglicisms and germanisms in present-day advertising written peninsular Spanish: A comparison // *Lebende Sprachen*. 2019. No. 64(1). P. 23-46.
3. Gritsenko E.C. English as a Meaning-making Resource in Russian-based Professional Communication // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. Volume 236. P. 174-180.

4. Baidrakhmanov D., Doszhan G. Historical and Sociolinguistic Aspects of Use of Anglicisms in the Kazakh Language // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Volume 190. P. 346-352.
5. Schaefer S. J. Stylistic functions of anglicisms in German radio // *English Today*. 2024. P. 1-5.
6. Tatsioka Z. English loanword use in Greek online women's magazines: The construction of the female identity // *English Today*. 2023. 39(4). P. 281-296.
7. Francis N. Research on bilingual language processing and how languages are represented in the mind // *Cognitive Development*. 2024. Volume 70. 101442.
8. Litcofsky K. A., Tanner D., van Hell J. G. Effects of language experience, use, and cognitive functioning on bilingual word production and comprehension // *International Journal of Bilingualism*. 2016. 20(6), 666.
9. Wang W. Insertional code-switching as interactional resource in Mandarin–English bilingual conversation // *International Journal of Bilingualism*, 2024.
10. CHAN B. H-S. English in Hong Kong Cantopop: language choice, code-switching and genre // *World Englishes*. 2009. Volume 28 (1). P. 107-129.
11. Poplack S. Code Switching: Linguistic // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. 2015. P. 918-925.
12. Zhiganova A. V. The Study of the Perception of Code-switching to English in German Advertising // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. Volume 236. P. 225-229.
13. Sanei T. Globalization, linguistic markets, and nuanced identity performances: Farsi-English code-switching in Iran. *International // Multilingual Research Journal*. 2022. 16(2). P. 163-180.
14. Li Wei Translanguaging as a Practical Theory of Language // *Applied Linguistics*. 2018. Volume 39(1). P. 9-30.
15. Cook A. A typology of lexical borrowing in Modern Standard Chinese // *Lingua Sinica*. 2018, 4(1), 6.
16. García O., Otheguy R. Plurilingualism and translanguaging: commonalities and divergences. // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2019. 23(1). P. 17-35.
17. Chan B. H.-S. Translanguaging or code-switching?: Reassessing mixing of English in Hong Kong Cantonese // *Chinese Language and Discourse*. 2022. 13(2). P. 167-196.
18. Nefedova F., Polyakov O.G. Set Expressions Borrowed from English into German and Russian: Direct Loans or Calques? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Volume 200. P. 83-86.
19. Zorina A.V. Anglitsizmy v sovremennom russkom yazyke (na primere internet – leksiki) // *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. 2018. T. 1, № 2(1). C. 5-14.
20. Chigina N.V., Desyatova D.V. Anglitsizmy v sovremennom russkom yazyke // *Simvol nauki*. 2016. №10 (3). C. 92-94.
21. Tishchenko L.S. Zaimstvovanie inostrannykh slov v russkom yazyke // *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 2017. № 1. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://human.snauka.ru/2017/01/18688>.
22. Marshev L. Skol'ko anglitsizmov v russkom yazyke? [Elektronnyi resurs]. URL: <https://proza.ru/2020/01/03/1763>.
23. Shenaeva O.V. Runglish v yazykovoi srede sovremennoi Rossii // *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 2013. № 7-1. C. 53-55.

24. Brokgauz F., Efron I. *Illyustrirovannyi entsiklopedicheskii slovar'*. M.: Eksmo, 2006.
25. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii*. Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, 2006. – 4-e izd., dopolnennoe.
26. Breiter M. A. *Anglitsizmy v russkom yazyke: istoriya i perspektivy: Posobie dlya inostrannykh studentov-rusistov*. Vladivostok: Dialog-MGU. 1997.
27. D'yakov A.I., Skvoretskaya E.V. Suffiks -ing zavoevyvaet svoi pozitsii v russkom slovoobrazovanii // *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2013. № 4. S. 180-186.
28. Google Ngram Viewer [Elektronnyi resurs]. URL: <https://books.google.com/ngrams>
29. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (ruscorpora.ru), po sostoyaniyu na 08.06.2024 g.

Analyzing the image of women at war in Russian literature of the XIX century

Ma YUe

Master's Degree; Institute of Literature and Regional Geography, Xinjiang Pedagogical University

150,000, China, Heilongjiang Province, Harbin City, Nangang District, Dacheng Street No. 140, Longdian Garden, Building A, House 603

✉ 841989314@qq.com

TSa Vei

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Foreign Languages; Xinjiang Pedagogical University

14-3-1401 Guanyuan St., Urumqi, Shuimogou District, Xinjiang Uygur Autonomous Region, China, 830017

✉ 554535896@qq.com

Abstract. The subject of the research is the portrayal of women in war in 19th-century Russian literature. The objects of the research are female characters in the works of L.N. Tolstoy, A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, and N.V. Gogol. The author examines various aspects of the topic, such as the multifaceted roles of women, their symbolic significance, and the impact of war on their social status and value systems. Particular attention is paid to the evolution of female images in the context of military conflicts, their transformation from traditional keepers of the hearth to active participants in historical events. This article analyzes the portrayal of women in war in 19th-century Russian literature, exploring the multifaceted roles of female characters and their symbolic significance during times of upheaval. The study employs methods of comparative analysis, psychological and symbolic approaches. The author uses historical and cultural context to interpret female images in war. The research reveals that women in war are not only keepers of the hearth but also courageous, independent individuals embodying the national spirit. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive analysis of female images in war, which allows us to identify their role not only as secondary characters but also as symbols of national spirit and historical memory. The study emphasizes that female characters become an important part of the national historical narrative, symbolizing resilience, sacrifice, and moral strength in the face of wartime upheavals. The analysis helps to understand the evolution of societal perceptions of women in the 19th century, their awareness of their own identity, and the impact of war on their social status and value systems. Women in war are not only supporters of men but also an essential part of national memory and historical narrative.

Keywords: symbolic significance, psychological analysis, social status, tragedy, national spirit, self-identification, female image, war, Russian literature, XIX century

References (transliterated)

1. Ablaeva N.K. Nравstvenno-filosofskaya problema v tvorchestve L.N. Tolstogo (na primere romana "Voyna i mir") // Journal Of Scientific Research, Modern Views And Innovations. 2024. T. 1, № 1. S. 24-27.
2. Bel'skaya A.A. Smyslovaya nagruzka zapakha v kontekste obraza glavnoi geroini romana I.S. Turgeneva "Nakanune" // Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2016. T. 1, № 70. S. 66-73.
3. Goncharova I.A., Pisemskii A.F. Zhenskie obrazy v proizvedeniyakh. 2013. S. 23.
4. Go Tszzyvei. Analiz romanticheskogo obraza Natashi v "Voine i mire" // Molodye literatory. 2018. № 26. S. 92-93.
5. Dzhons-Blei K. Zhenshchiny i voyna v indoevropeskom mire // Stratum: struktury i katastrofy. 1997. S. 67-72.
6. Kornev I.A. [Rabota v sbornike] // Vesennii shkol'nyi marafon. Sbornik issledovatel'skikh rabot VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii shkol'nikov. 2019. S. 47-58.
7. Kovaleva M.Yu. Russkie geroini v romanakh Kh'yu Seimura Uolpola: v oreole obrazov Fedora Mikhailovicha Dostoevskogo // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. S. 95.
8. Myshkovskaya L. O masterstve pisatelya. M.: Sovetskii pisatel', 1967. S. 234.
9. Piskunova N.V., Porshneva A.S. "Dzhein Eir" i "Turgenevskie devushki": maskulinnoe i feminnoe nachalo v zhenskikh obrazakh russkoi i angliiskoi literatury XIX veka // Mirovaya literatura v kontekste kul'tury. 2011. № 6. S. 62-65. EDN: PFIQMX.
10. Sun' Zhuntsyu. Lyubovnye vzglyady Natashi Rostovoi v "Voine i mire" // Sovremennaya literatura. 2023. № 41. S. 22-24.
11. Khusnutdinova M.S. Sistema zhenskikh obrazov v romanakh Yakuba Zankieva. 2010. S. 3.
12. Chen' Tsyant'. Obraz zhenshchiny v russkoi literature XIX veka // Kitaiskii etnograficheskii obzor. 2024. № 13. S. 10-12.
13. Shilova I.S. Zhenshchina v voine // Ustnaya istoriya. 2006. S. 111.
14. Yudina N.A., Dagbaeva S.B. Psikhologicheskaya gotovnost' k issledovatel'skoi deyatel'nosti u pedagogov dopolnitel'nogo obrazovaniya: strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki // Psikholog. 2024. № 6. S. 40-53. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72786 EDN: YFBWAB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72786

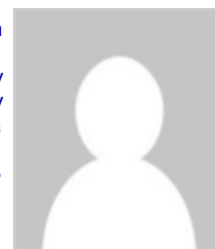
Systematization of ideas about Latin American Baroque in the works of Emilio Carilla.

Peshkov Dmitrii Igorevich

Senior Lecturer; Institute of Foreign Languages; Moscow International University
Senior Lecturer; Institute of Foreign Languages; Moscow City Pedagogical University
Lecturer; Institute of Hotel Business and Tourism; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

125183, Russia, Moscow, Bolshaya Akademicheskaya str., 73, 1, 273, sq. 273

✉ Demetrioalso1982@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the contribution of Argentine philologist Emilio Carilla in the systematization of baroque concepts in Latin America: it examines the influence of the Dominican cultural scholar Pedro Enriquez Ureña on him, as well as Carilla's perception of the emerging baroque theories in Latin America, through which their authors clarified the specificity of the Latin American world. Between the publication of Carilla's work "Baroque Literature and the Colonial Environment" (1969) and his next book, only three years passed, but during this time the very field of representations of baroque in Latin America radically changed. While in his first book Carilla attempted to build a system of representations of Latin American baroque, starting from the baroque as a historical style, just three years later, considering the growing popularity of baroque concepts that interpreted baroque as a timeless aesthetic phenomenon, such systematization seemed incomplete. In his book "Baroque Literature in Latin America" (1972), the Argentine scholar divided Latin American authors associated with baroque aesthetics into two conditional groups: the first included writers who perceived baroque as a local phenomenon linked to the colonial period, while the second consisted of those who saw baroque as a special, timeless phenomenon that played a key role in the cultural formation of Latin America. In writing this article, the author based the work on the use of cultural-historical and comparative methods. The scientific novelty of this article lies in the analysis of the works of the little-known Argentine literary critic Emilia Carilla in the context of the growing interest in ideas related to the reinterpretation of representations of baroque phenomena in the history of literature. The novelty of Carilla's approach was that in his works related to baroque, he attempted to develop the views of his teacher Pedro Enriquez Ureña and connect them with baroque theories that considered baroque as the foundational basis for the cultural formation of Latin America. Based on Carilla's works, conclusions can be drawn about the great diversity of approaches to the problem of baroque in Latin America. The value of Carilla's works also lies in the fact that, not being an apologist for any baroque theory, he sought to provide a detailed overview of them.

Keywords: a universal phenomenon, The colonial period, The New World, Latin American literature, periodisation of baroque concepts, A. Carpentier, J. Lesama Lima, Emilio Carilla, P. Enriquez Ureña, ideas about the Baroque

References (transliterated)

1. Thomas L.-P. Le lyrisme et la préciosité cultistes en Espagne. Halle-Paris: Max Niemeyer - Honoré Champion, 1909. 191 p.
2. Thomas L.-P. Gongora et le Gongorisme considéré dans leurs rapports avec le Marinisme. Paris: Honoré Champion, 1911. 203 p.
3. Alonso D. Góngora y América // Revista de las Españas. Madrid, 1927. P. 317-323.
4. Antología poética en honor de Góngora // Revista de Occidente. Madrid, 1927. 1. P. 8-220.
5. Borges J.L. Para el centenario de Góngora // Martín Fierro. Buenos Aires, 1927. T. 4, № 41. P. 1.
6. Carilla E. Literatura barroca y ámbito colonial // Thesaurus. Tomo XXIV. Sentyabr' - Dekabr' 1969. № 3. Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1969. P. 417-425.
7. Lesama Lima Kh. Zacharovannaya velichina. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2012. 496 s.
8. Karpent'er A. Problematika sovremennogo latinoamerikanskogo romana // Pisateli Latinskoi Ameriki o literature. Moskva: Raduga, 1982. S. 30-53.
9. Carilla E. La literatura barroca en Hispanoamérica. New York: Anaya Book Company,

1972. 209 p.

10. Salaverría J.M. Vida de Martín Fierro. Madrid: Espasa Calpe, 1934. 240 p.

11. Wagner de Reyna A. Destino y vocación de Iberoamérica. Madrid: Cultura Hispánica, 1954. 124 p.

12. Uslar Pietri A. Breve historia de la novela hispanoamericana. Caracas-Madrid: EDIME, 1974. 183 p.

Japanese Aesthetics of Death in the Works of V. Pelevin

Gong Anping

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9-11B

✉ gap0921liza@yandex.ru

Abstract. In the works of Viktor Pelevin, Japanese characters commit suicide under the influence of a unique Japanese aesthetics of death, where death symbolizes beauty and honor. The formation of this idea about death is closely related to the spirit of Bushido, the philosophy of Zen Buddhism, and Japanese aesthetics. This article examines the role of the aesthetics of death in the artistic world of Pelevin based on an analysis of plots in which the protagonist dies. The materials of the study are the works of Viktor Pelevin that are directly related to the Japanese aesthetics of death: "Chapayev and Void" (1996), "A Guest at the Bon Festival" (part of the book "DPP (HH)", 2003), and "Duel" (part of the book "Transhumanism Inc.", 2021). The subject of the research is the Japanese motifs of death in the writer's prose. The study employed intertextual and comparative analysis methods to identify philosophical subtexts and their sources. The scientific novelty of this research lies, firstly, in the detailed examination of the deaths of Pelevin's Japanese characters and their motives. Secondly, the Japanese aesthetics of death in the selected materials had not been fully revealed, and this study conducted additional intertextual analysis to it and defined its place in Pelevin's prose. As a result of the research, it was established that in the actions and words of Pelevin's Japanese characters, aesthetic ideas that best express the Japanese character unconsciously penetrate. The spirit of Bushido and the Japanese aesthetics of death provide these characters with the opportunity for poetic self-destruction; however, its description is usually ironic in nature. The function of contemplation and spiritual practice for the Japanese characters is most often to serve as a contrast to the true path of enlightenment.

Keywords: Mono no aware, Yukio Mishima, philosophy, enlightenment, aesthetics of death, zen buddhism, bushido, Victor Pelevin, seppuku, Emptiness

References (transliterated)

1. Benedikt R. Khrizantema i mech: model' yaponskoi kul'tury / Per. s angl. 2-e izd. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2013. 256 s.
2. Inadzo N. Busido: kodeks chesti samuraya / Per. s angl. A. Zaitseva. M.: AST; Kladez', 2023. 192 s.
3. Kodeks busido. Khagakure. Sokrytoe v listve. M.: Eksmo, 2004. 432 s.
4. Kobzev A. I. Uchenie Van Yanmina i klassicheskaya kitaiskaya filosofiya. M.: Nauka, 1983. 358 s. EDN: ZQSQDB

5. Misima Yu. Golos dukhov geroev / Vystup. st., sost. per. s yap. A. G. Fesyuna. M.; SPb.: Letnii sad, 2002. 252 s.
6. Misima Yu. Ispoved' maski / Per. s yap. G. Chkhartivshili. SPb.: Azbuka, 2002. 240 s.
7. Miller V. I. Transgumanizm kak yavlenie sovremennoi kul'tury (na primere tvorchestva V. Pelevina) // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023. № 5. S. 89-93. DOI: 10.24158/fik.2023.5.12 EDN: FFQQMZ
8. Mikhailova Yu. D. Motoori Norinaga: Zhizn' i tvorchestvo. M.: Nauka, 1988. 192 s.
9. Morris A. Blagorodstvo porazheniya: Tragicheskii geroi v yaponskoi istorii / Per. s angl. A. G. Fesson. M.: Serebryanye Niti, 2001. 392 s.
10. Pelevin V. O. Dialektika Perekhodnogo Perioda iz Niotkuda v Nikuda: Izbrannye proizvedeniya. M.: Eksmo, 2003. 384 s.
11. Pelevin V. O. Chapaev i Pustota. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022. 352 s.
12. Fisser M. V. de. Drevnii buddizm v Yaponii / Perevod: A. G. Fesyun. M.: Serebryanye niti, 2016. 472 s.
13. Trubnikova N. N. Sutra ob ullambane, propovedannaya Buddoi. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Urabon.htm> (data obrashcheniya: 01.05.2024).

Paragraph-related means in M. Petrosyan's novel "The House Where..."

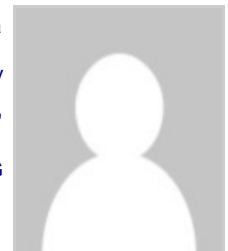
Ekonomova Aleksandra Dmitrievna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Philology, Moscow Financial and Industrial University 'Synergy'

125190, Russia, Moscow, Leningradsky str., 80 G

✉ aleksabondareva@yandex.ru

Abstract. Active searches for solutions to relevant communicative tasks lead to the emergence of new ways of linguistic expression of statements, as well as to a reconsideration of existing methods, filling them with new meaning. The principles of constructing a modern text (such as intermediality, allusiveness, rhizomaticity, polycody, collagism, etc.) manifest themselves in various linguistic and paralinguistic phenomena, one of which is paragraph semantics. The subject of the study is the paragraph semantic means in M. Petrosyan's novel "The House in Which..." as methods of graphic variation of text: punctuation (singraphomics), font (supraphraphics), and planar (topographic) variation. Paragraph semantic means, complementing the verbal component of the written text, are designed to more accurately encode the meaning of the statement in the process of its generation and decode it in the process of perception. The main methods used in this work are descriptive methods, including : observation of paralinguistic material, its systematization, and interpretation. The material was collected using a continuous sampling method. The conducted research showed that M. Petrosyan's novel "The House in Which..." is characterized by a high degree of representation of various paragraph semantic means, through which a unique visual appearance of the text is formed. The diversity of paragraph semantic means used in the novel (italics, bold font, spacing, imitation of handwritten text, capitalization, line spacing, planar variation of text, tables) is a natural result and reflection of the ongoing processes in modern Russian language, such as an increase in personal initiative, language liberalization, and a desire for linguistic play and variability. Paragraph semantic means perform various functions in artistic works: they mark changes in genre and narrative register, provide access to the sphere of memories and/or emotions of the character, denote prosodic characteristics of speech, and

emphasize the polyphony of the work and its intertextuality.

Keywords: graphic rhetoric, idiolect, line spacing, capitalization, oblique font, italic, topography, supragraphy, syngraphy, paragraphemic tools

References (transliterated)

1. Abduazizova, D. A. Analiz paralingvisticheskikh sredstv v khudozhestvennom tekste // O'zbekistonda xorijiy tillar. – 2022. – № 5 (52). – S. 96-108.
2. Abdullaeva, Z. M. Paralingvistika kak vazhneishii komponent sotsiokul'turnoi kompetentsii // Vestnik nauki i obrazovaniya. – 2021. – № 17 (120). Chast' 2. – S. 57-59.
3. Dolzhich, E. A. Lingvisticheskie i paralingvisticheskie sredstva v nauchnoi kommunikatsii // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 1 (78). – S. 114-116. EDN: UQYOPK
4. Zhrebilo, T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – 5-e izd. – Nazran': Pilgrim, 2010. – 488 s. EDN: RUSOUC
5. Kovyneva, I. A. Golofrasticheskie konstruksii s tochki zreniya ikh struktury // Vestnik Tambovskogo universiteta. – 2007. – Vyp. 4. – S. 31-34.
6. Krichevskii, V. Tipografika v terminakh i obrazakh. – Tula: Vlasta, 2010. – T. 1. – 144 s.
7. Ryabova, M. Yu. Paragrafemnye sredstva ekspressivnosti v angloyazychnom diskurse mody // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2021. – T. 14, vyp. 2. – S. 453-457.
8. Stroikov, S. A. Analiz elementov paragrafemiki angloyazychnogo elektronnoho giperteksta // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2016. – № 3. – S. 187-192. EDN: VYWWJB
9. Khotskina, O. V., Lankina, D. S. Osobennosti upotrebleniya metagrafemnykh sredstv v razlichnykh tipakh rechevykh aktov angloyazychnykh blogov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2024. – № 87. – S. 127-145. – DOI: 10.17223/19986645/87/7. EDN: HZTEKK
10. Choi, Chzhi En. Sposoby peredachi chuzhoi rechi i tip khudozhestvennogo povestvovaniya (na materiale rasskaza A. P. Chekhova "Skripka Rotshil'da") // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sbornik statei / otv. redaktory V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. – Moskva: MAKSPress, 2000. – Vyp. 14. – S. 89-98.
11. Alim, M. M., & Rahim, R. S. A. Visual Rhetoric in Visual Communication: Theory and Concepts in Public Service Announcements Advertising Campaign // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. – 2021. – Vol. 11, no. 6. – P. 765-777.
12. Popova, N. V., Halstyan, V. S., Halstyan, Y. S. Visual and digital rhetoric: the experience of comprehension // The Journal of V N Karazin Kharkiv National University Series Philosophy Philosophical Peripeteias. – 2023. – P. 42-48.
13. Kazantseva, A. M., & Izanloo, Hasan. Paragraphemic Means in Advertising for Children and Teenagers // Utopía y Praxis Latinoamericana. – 2020. – Vol. 25, no. Esp. 12. – P. 432-437. – DOI: 10.5281/zenodo.4280196. EDN: PIRUDO

Semiotic study of the preposition "on" in contemporary English.

Shklyueva Polina Denisovna

Assistant; Department of Foreign Languages of Professional Communication; Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov
Master's degree; Department of Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages;
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

600001, Russia, Vladimir region, Vladimir, Officer st., 1a room 1, sq. 56

✉ polinashklyueva1709@gmail.com

Chikina Elena Evgen'evna

Doctor of Philology

Associate Professor; Department of the Second foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages;
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

87 Gorky Street, Vladimir, 600000

✉ despoyna@mail.ru

Abstract. The study is dedicated to the semiotic analysis of the preposition "on" in modern English, covering its semantic, syntactic, and pragmatic characteristics in the context of complex sign systems. The material consists of data from the British National Corpus (BNC) and the Corpus of Contemporary American English (COCA), as well as from the Oxford and Cambridge dictionaries, allowing for the identification of patterns in the usage of "on" across diverse contexts: spatial, temporal, abstract, and causal relationships. The analysis revealed that the semantics of "on" depends on its collocation with nouns, verbs, and adjectives, while its pragmatic function is often related to conveying logical or culturally specific relationships. A comprehensive approach to the data from corpus linguistics and lexicographic sources identified the polysemy of "on," which is influenced by contextual and cognitive factors, confirming its role as a key element in structuring English discourse. The main research methods, necessitated by the need to identify the semantic, syntactic, and pragmatic features of the preposition "on," include semantic, contextual, and pragmatic analyses. Additionally, table, summarizing, descriptive, and retrospective methods were used to process the material. The main findings of the study include the identification of the core component of the semantics of the preposition "on" – the postulation of a temporal or spatial contact with an object. This core component is preserved in all types of realization of the linguistic sign "on" – in its iconic, indexical, and symbolic forms. Secondly associative mental schemes arising from the core component of the semantics of "on" are manifested in the semiotic space of complex signs of idioms and phrasal verbs. The authors identify the following secondary semantic models: cyclical action, maximum proximity to a certain state or event, achieving maximum potential, continuous ongoing action, activation of something / transitioning to a working state, and optimal localization of the subject. The functioning of the linguistic sign "on" as a particle in a phrasal verb, a preposition, and an adverb demonstrates its ability to form, within the framework of complex signs, relationships of semantic paradigmatics, syntactic paradigmatics, and narrative syntax, respectively. A contrastive comparison of the preposition "on" with prepositions that can participate in the formation of similar syntactic constructions can reveal its linguistic and pragmatic presuppositions.

Keywords: presupposition, paradigmatics, mental schema, linguistic sign, preposition, English language, syntactics, pragmatics, semantics, semiotics

References (transliterated)

1. Baisheva G. G., Gurin V. V. Mnogoznachnost' angliiskikh predlogov // Akademicheskaya

- publitsistika. 2019. № 11. S. 243-251. EDN: WNDLHD.
2. Grechukhina Z. R. Vzaimodeistvie znacheniya predloga i konteksta // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2021. № 1. S. 106-116. DOI 10.18384/2310-712X-2021-1-106-116. EDN: EZDQPB.
 3. Zhukova A. O. K probleme issledovaniya mnogoznachnosti predlogov (na materiale angliiskogo yazyka) // Vesnik Magileŭskaga dzyarzhaynaga ŭniversiteta im. A. A. Kulyashova. 2022. № 2(60). S. 112-117.
 4. Kalyuga M. A. Primenenie kognitivnoi lingvistiki pri ob'yasnenii upotrebleniya inostrannykh predlogov // Vestnik VyatGU. 2021. № 4. S. 79-87.
 5. Lutfullina G. F., Savinov S. S. Vyrazhenie kategorii predshestvovaniya predlogami i soyzuzami v angliiskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 17, № 2. S. 496-502. DOI: 10.30853/phil20240071. EDN: AAASXM.
 6. Molchanova A. S., Nikolashina E. A. Osobennosti vospriyatiya predlogov mesta v angliiskom i russkom yazykakh // Aktual'nye voprosy izucheniya inostrannogo yazyka v vuze. 2021. S. 244-247. EDN: MEMMNP.
 7. Sirik M. A. Rol' predlogov v angliiskom yazyke // Modern science. 2019. № 6-1. S. 72-77.
 8. Khanapieva A. Kh., Mallaeva Z. M. Funktsional'no semanticheskii analiz prostranstvennykh predlogov angliiskogo yazyka // Mirovaya nauka. 2020. № 7 (40). S. 131-134. EDN: GBMLBI.
 9. Khodzhael'dyev B. D., Shurupova O. S. K probleme angliiskikh predlogov // Sovremennyi angliiskii yazyk v lingvisticheskom, filologicheskom i lingvodidakticheskom aspektakh. 2020. S. 47-51. EDN: SMUAVI.
 10. Davies M. The Corpus of Contemporary American English (COCA): 1 billion words, 1990-2022 [Elektronnyi resurs]. 2024. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>.
 11. British National Corpus. Version 4.0 [Elektronnyi resurs]. Oxford: Oxford University Press, 2007. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.
 12. McIntosh C. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 1856 s.
 13. Oxford Dictionary of English. New ed of 2 revised. Oxford: Oxford University Press, 2005. 2112 s.
 14. Thompson D. Oxford Russian Dictionary: Russian-English/English-Russian. 4th revised ed. Oxford: Oxford University Press, 2007. 1322 s.
 15. Egorova V., Zadobrivskaya O. Container Scheme-Image and Its Types: English Phrasal Verbs of Cognitive Activity // SibScript. 2023. № 25. S. 433-440.
 16. Chon E. Phrasal Verbs with "Around" and "About" as a Grammatical Pattern // Korean Journal of English Language and Linguistics. 2024. T. 24. S. 62-85.
 17. Makanbet Z. Linguistic Features of Phrasal Verbs in English // Eurasian Science Review An International Peer-Reviewed Multidisciplinary Journal. 2024. 2(6). S. 723-732.
 18. Zaim M., Takhar Kh. The Role of Image Schemas in Interpreting English Phrasal Verbs: A Philosophical and Linguistic Perspective // Pioneer: Journal of Language and Literature. 2024. 16(1). S. 63-79.
 19. Arnkhaim R. Visual Thinking. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2020. 345 s.
 20. Adizova M. The Role of Phrasal Verbs in Phraseology // Middle European Scientific Bulletin. 2021. № 2. S. 20-24. DOI: 10.47494/mesb.2021.2.157. EDN: ZTAZCV.

Modal and semi-modal verbs in German news text

Zenedinova Sanie Narimanovna

Postgraduate student; Department of Linguistics and Intercultural Communication; Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295000, Russia, Rep. Crimea, Simferopol, Lutfie Sofu str. 21

✉ z.saniye.n@gmail.com

Dolgopolova Liliya Anatol'evna

Doctor of Philology

Head of the Department; Department of Linguistics and Intercultural Communication; Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295044, Russia, Rep. Crimea, Simferopol, Bastionnaya str., 41

✉ Lilian2000@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to identifying the specifics of the functioning of modal and semi-modal verbs in media texts. The subject of the study is the structural and semantic features of modal and semi-modal verbs in modern German. The object of the study is verbs that express modality. The material for the research is an article from the news web portal of the German broadcasting organization ARD Tagesschau, published on March 4, 2025. The research tasks are: to establish the composition of modal verbs involved in text creation; to determine the types of modal and semi-modal verbs; to identify the structural and semantic features of modal and semi-modal verbs; to establish their role in creating modality in news text as a whole. The authors examine in detail the semantic possibilities of the verbs *sollen*, *wollen*, and *müssen*. Special attention is given to the functioning of the semi-modal verbs *brauchen* and *scheinen*. The theoretical basis for the interpretation of modality includes the works of German linguists H. Hellwig and I. Bush, the editorial team of Duden, and others. We also note the work of E. V. Bodnaruk, which is dedicated to the systematization of the meanings and areas of use of modal verbs in the German language. The methods used in writing the work include intertextual and conceptual analysis. The material of the study is a news text from the web portal; the novelty lies in revealing the specifics of the functioning and selection of verbs for creating the modality of the text. It is established that all verbs traditionally classified as modal in modern German are present in the news text. It has been found that, according to the overall semantics of the text, the verbs with deontic modality of necessity *müssen* and the intention verb *wollen* are most frequently used. Structurally, the use of modal verbs *müssen*, *dürfen*, and *können* in the form of Konjunktiv Präsens with the meanings of necessity, assumption, and impossibility is noted. In sentences with the verb *müssen*, its deontic meaning is realized. The use of the verb *brauchen* in the modal meaning in combination with a substantive verb is identified, indicating an expansion of its syntagmatics.

Keywords: media text, news text, text modality, evidential modality, subjective modality, deontic modality, objective modality, semi-modal verbs, modal verbs, modality

References (transliterated)

1. Bodnaruk E.V. Modal'nye glagoly v sovremennom nemetskom yazyke: sistematizatsiya znachenii // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2019. Vyp. 1 (817). S. 66-78. EDN: CDNLNH.

2. Vysotskaya I.V. Spetsifika kategorii modal'nosti v "delovom pis'me" (na materiale anglo- i nemetskoyazychnoi delovoi kommunikatsii) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2019. T. 12. Vyp. 7. S. 170-174. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.36. EDN: OKYITS.
3. Devina O.V. Avtorskaya modal'nost' v khudozhestvennykh tekstakh XXI veka // Filologicheskie nauki. 2022. № 4. S. 112-120.
4. Dreeva D.M. Optativnaya modal'nost' v publitsisticheskom diskurse // Filologicheskii klass. 2023. T. 28. № 1. S. 197-209. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-18. EDN: QKRSMJ.
5. Kuksa I.Yu. Modal'nye konstruksii v tsifrovoy kommunikatsii // Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya. 2024. № 1. S. 45-58.
6. Lyapon M.V. Modal'nost' v kontekste iskusstvennogo intellekta // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. 2024. № 1. S. 123-138.
7. Merzlyakova N.P. Problema klassifikatsii modal'nykh glagolov v sovremennom nemetskom yazyke // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2007. № 5 (2). S. 123-130.
8. Romanova T.V. Modal'nost' i otsenka v sotsial'nykh setyakh // Kommunikativnye issledovaniya. 2023. № 3. S. 67-82.
9. Khel'big G., Busha I. Nemetskii yazyk. Glagol. Formy, semantika, sintaksis / Sost. i perev. s nemetskogo T.Yu. Irmiyaeva. Moskva: Ridero, 2021. 283 s.
10. Diewald G. Scheinen-Probleme: Analogie, Konstruktionsmischung und die Sogwirkung aktiver Grammatikalisierungskanäle // Müller R., Reis M. (Hrsg.) Modalität und Modalverben im Deutschen. Linguistische Berichte. Sonderheft 9. Hamburg: Buske, 2001. S. 87-110.
11. Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / [Hrsg. und bearb. von Günther Drosdowski in Zusammenarbeit mit Peter Eisenberg und anderen]. [5., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1995. 864 S.
12. Fritz M. Grammatik und Semantik der Infinitivkonstruktionen von neuhochdeutschen lassen // Der Infinitiv im Deutschen / J. F. Marillier, C. Rozier (Hg.). Tübingen: Stauffenburg, 2005. S. 133-146.
13. GRAMMIS. URL: <https://grammis.ids-mannheim.de/systematische-grammatik/1552>
14. Tagesschau. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/spd-mitglieder-neuaufstellung-100.html>
15. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim: Duden, 1993. 1111 S.

Onyms in the film titles of the USA in 1920

Dolgoplova Liliya Anatol'evna

Doctor of Philology

Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

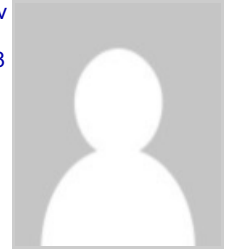
295044, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bastionnaya str., 41, of. –

✉ lilian2000@mail.ru

Adzhigel'dieva Lenie El'darovna

Postgraduate student, Faculty of Philology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi

Abstract. The article is dedicated to identifying the specifics of the functioning of proper names in the titles of films from the USA produced in 1920. The subject of the study includes structural, semantic, and functional features of proper names. The object of the study consists of English language onymic units. The material for the research is based on the list of films from American film companies in 1920, published on the electronic resource "List of American films of 1920." The research tasks are to identify the main types of bionyms and abionyms involved in creating film titles; to define and characterize the types of anthroponyms and toponyms; to reveal the structural and semantic features of male and female names, oikonoms, and godonyms; and to establish the specifics of the functioning of filmonyms involving onymic units. The authors examine in detail the reasons for the use of onymic units in film titles. Special attention is given to the functioning of familiar anthroponyms and toponyms for American film viewers, as well as precedent onymes in filmonyms. The theoretical basis of the research consists of the main provisions in the field of onomastics by A. V. Superanskaya and V. I. Suprun, which reveal the linguistic status of onymes and the criteria for their classification. The works of Yu. N. Podymova, V. E. Anisimov, and A. V. Zubareva were consulted to address the features of filmonyms. The study employs structural-semantic and functional analysis methods. For the first time, the material of the study consists of titles of US film productions from 1920; the novelty lies in revealing the specifics of the functioning and choice of proper names for creating filmonyms. The study found that film titles mainly feature onymes of American origin, as well as the use of the same names and structures, indicating the unstable nature of the process of forming filmonyms during that period. It was established that the most common names in filmonyms are familiar anthroponyms of that time such as Mary, Rose, Jimmy, Jack; and toponyms New York and Broadway. A dependence of the structural type of filmonyms on a certain type of onyme has been identified. It was determined that only anthroponyms are used in the form of word forms, while toponyms more often form phrases where they serve as definitions.

Keywords: reference function, oikonym, godonym, toponym, anthroponym, attractive function, filmonym, onym, bionym, abionym

References (transliterated)

1. Anisimov V. E., Borisova A. S., Konson G. R. Lingvokul'turnaya lokalizatsiya kinozagolovkov // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. Russian Journal of Linguistics. 2019. T. 23. № 2. S. 435-459.
2. Zinkevich O. V. Lokalizatsiya kak protsess lingvisticheskoi transformatsii struktury i sodержaniya dinamicheskogo teksta // Izvestiya SPbGEU. 2018. № 3 (111). S. 135-137.
3. Zubareva A. V. Onimy v internet-kommunikatsii: novye yavleniya i funktsii // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2021. № 1. S. 120-136. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-120-136 EDN: EAWFQK.
4. Kalgina T. E. Osobennosti perevoda nazvanii fil'mov Gollivuda s angliiskogo na nemetskii i russkii yazyki // Kazanskii lingvisticheskii zhurnal. 2019. № 3 (2). S. 30-57.

EDN: UPJXNH.

5. Knysh E. V. Naimenovanie kinofil'mov kak ob'ekt onomastiki // Aktual'nye voprosy russkoi onomastiki. Sbornik nauchnykh trudov. 1988. S. 106-111.
6. Korneichuk T. A. Nazvaniya rossiiskikh i latinoamerikanskikh kinofil'mov: sopostavitel'nyi aspekt // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2024. № 3. S. 57-63. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/3/57-63> EDN: JHHZQX.
7. Lebedeva A. A., Novikova M. G. Osobennosti realizatsii sotsiokul'turologicheskoi i pragmaticheskoi adaptatsii pri perevode: diskursivno-kommunikativnyi podkhod // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2023. № 2. S. 84-97.
8. Podymova Yu. N. Fil'monimy: semanticheskii aspekt // Filologicheskii vestnik. Nauchnyi i obrazovatel'nyi zhurnal. 2002. № 4. S. 168-170.
9. Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. M.: URSS, 2023. 366 s.
10. Suprun V. I. Razmyshleniya nad onomasticheskoi terminologiei // Izvestiya VGPU. 2011. № 8. S. 133-138.
11. List of American films of 1920. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_American_films_of_1920.

Bioessential-deterministic paradigm as a point of support

Ufimtsev Aleksandr Evgenevich

Independent researcher

660122, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Transit str., 48, sq. 32

✉ ufimtzev@inbox.ru

Abstract. The subject of the research is the bioessential-deterministic paradigm as a cause of the transformation of linguistics into psycholinguistics. The bioessential-deterministic paradigm is understood as anthropocentric in a broad sense. The aim of the research is to comprehend the the transformation of linguistics into psycholinguistics as a result of the acceptance of the bioessential-deterministic paradigm in linguistics. The transformation is metaphorical in nature. The theoretical significance of the study lies in the philosophical understanding of linguistics and psycholinguistics. The practical significance of the study is in the prospect of developing interdisciplinary and transdisciplinary research. The relevance of the research is due to the need for the development of the bioessential-deterministic paradigm. The methods of research include: analysis of scientific literature, method of abstraction, abductive, descriptive, and comparative methods. The methods of abstraction and abduction made it possible to identify and describe the transformations of the limits of systemic structuralism into the limits of bioessential determinism: linguistics into psycholinguistics and linguistics into psychology. The opinions of various scholars regarding paradigms in linguistics are compared, with a common acknowledgment of anthropocentricity in language. The scientific novelty of this research lies in the understanding of the role of the bioessential-deterministic paradigm in the transformation of linguistics into psycholinguistics. The scientific novelty is in the absence of similar studies. The author comes to the following conclusions. The limit of systemic structuralism is linguistics, while the limit of bioessential determinism (anthropocentrism) is psychology. Linguistics and psycholinguistics are different sciences that share a common foundation: the totality of language as an abstract sign system and speech as a concrete living process in various combinations. The author describes a number of paradoxical transformations derived through the method of abstraction:

Transformation of type part of a whole becoming another whole: the transition from linguistics to psycholinguistics; Transformation of type part of one whole becoming another whole: pure bioessential determinism is psychology; In both transformations, the cause occurred later than the consequence – more precisely, the awareness of the cause comes after the occurrence of the consequence. These metamorphoses can be explained by the increasing role of chaos and the natural laws of the development of science.

Keywords: linguistics, systemic structuralism, bio-essentialist determinism, system-structural paradigm, anthropocentrism, bio-essentialist determinist paradigm, anthropocentric paradigm, paradigm shift, paradigm, psycholinguistics

References (transliterated)

1. Kubryakova E. S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine KhKh veka (opyt paradigmal'nogo analiza) // Yazyk i nauka kontsa KhKh veka. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 1995. S. 144-238.
2. Zalevskaya A. A., Togoeva S. I. Raznye rakursy problemy vzaimodeistviya yazyka i kul'tury // Funktsionirovanie yazyka v sotsiume, tekste, individual'nom soznanii: Kollektivnaya monografiya / Pod obshchei redaktsiei A. A. Zalevskoi. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2018. S. 89-106. EDN YLUELБ.
3. Dem'yankov V. Z. O pokoleniyakh i o nauchnykh paradigmakh // Voprosy filologii. 2010. № 3(36). S. 9-16. EDN NULPUP.
4. Dem'yankov V. Z. O yazykovykh tekhnikakh nauchnykh revolyutsii // Voprosy filologii. 2015. № 1(49). S. 21-34. EDN VFPEIV.
5. Kubryakova E. S. Ponyatie "paradigma" v lingvistike: Vvedenie // Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoi lingvistike: Sbornik nauchnykh trudov / Tsentr humanitarnykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy, Otdel yazykoznaniya; redkollegiya: Kubryakova E. S., Luzina L. G. Moskva: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2008. S. 4-14. EDN MWMQBВ.
6. Ogdonova Ts. Ts. Nauchnaya paradigma kak klyuchevoe ponyatie sovremennoi nauki o yazyke // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 10. S. 43-49. EDN ZTUDCZ.
7. Galich G. G. Nauchnaya paradigma integrativnoi lingvistiki // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 4(44). S. 298-302. EDN ZVHXCQ.
8. Berezin F. M. O paradigmakh v istorii yazykoznaniya XX v. // Lingvisticheskie issledovaniya v kontse KhKh v. M.: INION RAN, 2000. S. 9-25.
9. Alpatov V. M. Ob antropotsentrichnom i sistemotsentrichnom podkhodakh k yazyku // Voprosy yazykoznaniya. 1993. № 3. S. 15-26. EDN RGFДKX.
10. Alpatov V. M. Dva podkhoda k izucheniyu yazyka // Istoriya i sovremennost'. 2016. № 1(23). S. 198-220. EDN WAYDFZ.
11. Alpatov V. M. Yazyk – sistema pravil i yazyk – deyatel'nost' // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. 2018. T. 11, № 2. S. 202-220. DOI 10.30884/ipsi/2018.02.09. EDN EQZTET.
12. Alpatov V. M. Revolyutsii i evolyutsii v istorii nauki (na materiale lingvistiki) // Revolyutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve: Trudy II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Nizhnii Novgorod, 29 noyabrya – 01 dekabrya 2019 goda. Nizhnii Novgorod: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Krasnaya lastochka", 2019. S. 13-16. DOI 10.24411/9999-036A-2019-00004. EDN TPAZEX.

13. Dem'yankov V. Z. Termin paradigma v "rodnom" i "chuzhom" arealakh // Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoi lingvistike: Sbornik nauchnykh trudov / Tsentr gumanitarnykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy, Otdel yazykoznaniya; redkollegiya: Kubryakova E. S., Luzina L. G. Moskva: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2008. S. 15-39. EDN MWMQCF.
14. Maslova V. A. "Vpered k Gumbol'dtu" kak dominanta sovremennogo sostoyaniya nauki o cheloveke i ego yazyke // Studzen'skiya respublikanskiya navukovyha chytanni "Zhytstse, addanae Slovu" (pamyatsi kandydata filalogichnykh navuk dotsenta Genadzya Antonavicha Artsyamenka): materialy respublikanskai navukovai kanferentsii, Vitsebsk, 26 yanvarya 2022 goda. Vitsebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P. M. Masherova, 2022. S. 162-165. EDN LBRBGU.
15. Karasik V. I. Modelirovanie funktsii yazyka // Yazyk i kul'tura. 2022. № 58. S. 29-42. DOI 10.17223/19996195-58-2. EDN FECXVO.
16. Cheerchiev M. Ch. K voprosu o smene paradigm v yazykoznanii // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2024. № 4(107). S. 451-453. DOI 10.24412/1991-5497-2024-4107-451-453. EDN RDHMKD.
17. Glebkin V. V. Smena paradigm v lingvisticheskoi semantike: ot izolyatsionizma k sotsiokul'turnym modelyam. Moskva: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 368 s. (Humanitas). ISBN 978-5-98712-210-4. EDN VMOMGT.
18. Maslova V. A. Cherez sinergeticheskii soyuz lingvistiki s drugimi naukami – k novym problemam i napravleniyam // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2021. T. 12, № 3. S. 823-847. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847. EDN MOMMLM.
19. Maslova V. A., Pivovarov E. S. Monodistsiplinarnost' v gumanitarnykh nauках – tupikovyi put' razvitiya nauki // Metafizika. 2022. № 3(45). S. 129-137. DOI 10.22363/2224-7580-2022-3-129-137. EDN WAKKVP.
20. Vladimirova T. E. Metalingvisticheskaya paradigma izucheniya yazykovoi lichnosti // Metafizika. 2012. № 4(6). S. 26-38. EDN TPLCHP.
21. Vladimirova T. E. Ekzistentsial'naya kartina bytiya kak aktual'naya issledovatel'skaya paradigma // Voprosy psikholingvistiki. 2019. № 2(40). S. 41-52. DOI 10.30982/2077-5911-2019-40-2-41-52. EDN UZQGGI.
22. Vladimirova T. E. Russkaya yazykovaya lichnost' kak ob'ekt metalingvistiki // Metafizika. 2022. № 3(45). S. 114-128. DOI 10.22363/2224-7580-2022-3-114-128. EDN VHZLPX.
23. Butylov N. V. K voprosu o smene paradigm v yazykoznanii // Aktual'nye problemy obshchei teorii yazyka, perevoda, mezhkul'turnoi kommunikatsii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: Sbornik statei po materialam mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 15-16 yanvarya 2021 goda. Tom Vypusk 8. Saransk: Individual'nyi predprinimatel' Afanas'ev Vyacheslav Sergeevich, 2021. S. 49-51. EDN GAKSVF.
24. Voloshinov V. N. (M. M. Bakhtin). Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke. Kommentarii V. Makhlina. M.: Labirint, 1993. 194 s.
25. Ogdonova Ts. Ts. Paradigmal'nyi podkhod k izucheniyu yazykovoi situatsii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. 2010. № 3. S. 69-76. EDN MTICAD.
26. Frumkina R. M. "Teorii srednego urovnya" v sovremennoi lingvistike // Voprosy yazykoznaniya. Rossiiskaya akademiya nauk. Otdelenie literatury i yazyka RAN, 1996.

M.: "Nauka", 1996. № 2. S. 55-67.

27. Tarasov E. F. K probleme funktsionirovaniya yazyka // Voprosy psikholingvistiki. 2020. № 3(45). S. 126-136. DOI 10.30982/2077-5911-2020-45-3-126-136. EDN IOCAZG.
28. Frumkina R. M. Psikhologiya i lingvistika kak konteksty sotsial'nogo poznaniya // Puti Rossii: problemy sotsial'nogo poznaniya: Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma, Moskva, 03-04 fevralya 2006 goda. Moskva: Moskovskaya vysshaya shkola sotsial'nykh i ekonomicheskikh nauk, 2006. S. 128-144. EDN CYBLEB.
29. Alpatov V. M. Istoriya lingvistiki: meinstrim i marginaly // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 2(870). S. 9-14. DOI 10.52070/2542-2197-2023-2-870-9. EDN GNSEKT.
30. Alpatov V. M. Istoriya idei nauki i istoriya lyudei nauki // Nauka bez granits: sinerhiya teorii, metodov i praktik: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 28-30 oktyabrya 2020 goda / otv. red. O. K. Iriskhanova. Moskva: Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 2020. S. 3-6. EDN OVGBRX.
31. Zalevskaya A. A., Togoeva S. I. Nekotorye voprosy obshcheteoreticheskogo potentsiala sovremennykh issledovaniy yazyka // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2018. № 4. S. 56-66. EDN VNBWIV.

Russian actor's linguistic personality in the mirror of self-presentation (against the background of Chinese actor's linguistic personality)

Chen Shan

Senior Lecturer; Department of Russian Language; Xinjiang University
45 Vilyuyskaya str., Novosibirsk, Oktyabrsky district, 630126, Russia, Novosibirsk region

✉ 136315281@qq.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the linguistic personality of the Russian actor in the perspective of self-presentational activity, i.e. the formation of the speaker's image, his image, taking into account the value orientations and ways of speech influence on the addressee. The research is based on the three-part structure of linguistic personality (Y. N. Karaulov), on the theory of strategies and tactics of speech influence (O. S. Issers), on the typology of social identities (V. S. Ageyev et al.). The methods of contextual and stylistic analysis, comparative analysis, elements of statistical processing of linguistic material are used in the work.

The chosen angle of research (self-presentation) focuses attention on the image function of the interview genre and makes it possible to develop a model for describing professional linguistic personality, in which professional and personal values are in the center of attention. In this paper, the comparison of Russian actors' self-presentational statements in the interview genre with similar statements of Chinese actors allowed us to establish that some values and communicative tactics of Russian actors' self-presentation are universal, independent of nationality and cultural stereotypes (norms of polite behavior), while other values and tactics are determined by the national-cultural specifics of native speakers (emphasis on inner feelings, which is set by the Russian linguistic picture of the world). Based on the analysis of the motivational level of linguistic personality, it was found that Russian actors are much more willing to describe subjective, mental experiences, while Chinese actors more often focus on objective and observable phenomena of reality. The developed model for describing the actor's linguistic personality in the aspect of self-presentation can be used in linguocultural and linguopragmatic studies of speech behavior.

Keywords: self-presentation, speech strategy, hierarchy of values, identity, Chinese linguistic personality, Russian linguistic personality, Chinese actor, Russian actor, professional linguistic personality, speech tactics of self-presentation

References (transliterated)

1. Ageev V. S. Sotsial'naya identichnost' lichnosti // Sotsial'naya psikhologiya: khrestomatiya / Sost. E. P. Belinskaya, O. A. Tikhomandritskaya. M.: Aspekt Press, 2003. S. 349-355.
2. Aksenova A. V. Strategiya samoprezentatsii kak sredstvo formirovaniya imidzha v raznykh vidakh diskursa // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2013. № 15. S. 109-114. EDN: RJZWEH.
3. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Meditsinskii diskurs: teoreticheskie osnovy i printsipy analiza. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 2002. 200 s. EDN: UGCGAZ.
4. Bakhieva M. Pragmaticheskii aspekt leksicheskoi formy slova // Preimushchestva i problemy ispol'zovaniya dostizhenii otechestvennoi i mirovoi nauki i tekhnologii v sfere inoyazychnogo obrazovaniya. 2024. № 1 (1). S. 96-99.
5. Golovanova E. I. Leksikograficheskoe opisanie yazykovoi lichnosti uchenogo kak lingvisticheskaya problema // Noveishaya filologiya: itogi i perspektivy issledovaniy: sb. statei mezhd. nauchno-praktich. konf., posvyashch. pamyati B. I. Osipova i M. P. Odintsovoi / otv. red. O. V. Zoltner. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2019. S. 150-154.
6. Dubskikh A. I. Realizatsiya kommunikativnoi strategii samoprezentatsii lichnosti v mass-medial'nom disкурse (na materiale "zvezdnykh" interv'yu): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2014. 22 s. EDN: ZPMYRL.
7. Du Tszintszen, Sun' Yuino. Lingvokul'turologicheskie osobennosti svadebnogo etiketa v russkikh i kitaiskikh obychayakh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 1 (219). S. 102-113.
8. Ivanova I. V. Zhanr interv'yu: formy bytovaniya i yazykovye osobennosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Astrakhan', 2009. 24 s. EDN: ZNYFEX.
9. Ivantsova E. V. Lingvopersonologiya: Osnovy teorii yazykovoi lichnosti: ucheb. posobie. Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta, 2010. 160 s. EDN: QVTGDJ.
10. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. Izd. 5-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 284 s. EDN: UFGTFJ.
11. Kovrigina E. A. Kommunikativnaya strategiya samoprezentatsii v disкурse internet-interv'yu: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2010. 25 s. EDN: QGYLCP.
12. Kochetkova T. V. Problema izucheniya yazykovoi lichnosti nositelya elitarnoi rechevoi kul'tury (obzor) // Voprosy stilistiki. Saratov, 1996. Vyp. 26. S. 14-25.
13. Lappo M. A., Chen' Sh. Leksiko-semanticheskoe pole "kino" v russkom yazyke (na fone kitaiskogo yazyka) [elektronnyi resurs] // Russian Linguistic Bulletin. 2024. Vyp. № 9 (57). URL: <https://rulb.org/archive/9-57-2024-september/10.60797/RULB.2024.57.14>.
14. Lappo M. A. Samoidentifikatsiya: pryamoe, kosvennoe eksplitsitnoe i kosvennoe implitsitnoe opisanie identichnosti govoryashchim sub"ektom // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 372. S. 28-32. EDN: QCKOAH.
15. Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostei i lichnostno-orientirovannoe obuchenie / pod red. N. D. Goleva, N. V. Saikovoi, E. P. Khomich. Barnaul; Kemerovo: BGPU, 2006. 435 s.
16. Min Niu. The origin and development of pragmatics as a study of meaning: semiotic

perspective // Language and Semiotic Studies. 2023. Vol. 9, no. 1. P. 54-78. DOI: 10.1515/lass-2023-0002 EDN: WWSPIX.

17. Neroznak V. P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny // Yazyk. Poetika. Perevod: sb. nauch. tr. M.: MGU, 1996. S. 112-116.
18. Olenov S. V. Dinamicheskoe modelirovanie russkoi yazykovoi lichnosti: dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2007. 270 s.
19. Russkii yazyk: Entsiklopediya / In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova Ros. akad. nauk; gl. red., Yu. N. Karaulov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Bol'shaya ros. entsikl.: Izd. dom "Drofa", 1997. 703 s.
20. Savchenko A. P. K voprosu o vzaimosvyazi yazykovoi lichnosti i vtorichnoi yazykovoi lichnosti // Otkrytie russkogo mira: prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo i obshcheobrazovatel'nykh distsiplin v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: Sbornik nauchnykh statei V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kursk, 25-26 maya 2023 goda. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2023. S. 215-220. EDN: OSYUXP.
21. Shneider L. B. Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki. M.: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2007. 128 s. EDN: SWDCQD.
22. Shneider L. B. Professional'naya identichnost'. M.: MOSU, 2001. 272 s. EDN: SXONER.
23. Bentley S. V., Peters K., Haslam S. A. and Greenaway K. H. Construction at Work: Multiple Identities Scaffold Professional Identity Development in Academia // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. P. 1-13.

A Visual Analysis of the Development Prospects of Implicature in China and Abroad Based on CiteSpace Bibliometrics

Guo Yingdong

PhD in Philology

Postgraduate student; Oriental Institute - School of Regional and International Studies; Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Fefu Campus str., building D, room 913

✉ go.in@dvfu.ru

Abstract. The subject of the research is a comprehensive analysis of the key trends, development prospects, current problems, methodological aspects, and theoretical foundations of scientific research in the field of implicature within linguistics. Both Chinese and foreign publications are taken into consideration in this study, as implicature plays a crucial role in revealing the hidden meanings in the communication process and also in cross-cultural interaction. The main tasks of the research include accurately determining the dynamics of scientific publications in this field, identifying thematic clusters that form the academic discourse around implicature, analyzing the interdisciplinary connections that extend between different areas of knowledge influencing the understanding of implicature, and also meticulously identifying the existing differences between the Chinese and foreign academic traditions in the study of implicature. In this study, the methods of bibliometric and visual analysis of literature are used with the help of the CiteSpace software (version 6.4.R1). The scientific novelty of the research lies in the identification of the differences between the Chinese and foreign academic traditions in the study of implicature. In Chinese linguistics, the pragmatic approach dominates, while foreign studies enhance the significance of cognitive-discursive analysis and expand the interdisciplinary field. The results show that in China,

research on implicature is concentrated within the framework of pragmatics, whereas in foreign studies, it covers broader areas, including cognitive linguistics and logical semantics. In China, there has been a decline in interest in implicature after the peak period from 2008 to 2012. In foreign research, a relatively stable interest is maintained, but there is also a tendency towards a decrease. For further development, it is proposed to conduct active experimental research, strengthen interdisciplinary connections, and take into account the cultural and linguistic specificity.

Keywords: Interdisciplinary field, logical semantics, cognitive linguistics, CiteSpace software, interdisciplinary connections, development prospects, visual analysis, bibliometric analysis, linguistics, implicature

References (transliterated)

1. Artemova I. Yu. Namek v russkom ustnom mezhlichnostnom diskurse: pragmasemanticheskii aspekt // diss. ... k. filol. n. SPb., 2014. s. 8.
2. Vlasyan N. R. Problema razgraniicheniya konventsional'nykh i kommunikativnykh implikatur // Vestnik ChelGU. 2014, № 7, s. 336.
3. Grais G. P. Logika i razgovor // Koul P., Morgan Dzh. Sintaksis i semantika (Tom 3: Rechevye akty). N'yu-Iork: Academic Press, 1975, s. 41-58.
4. Dorzhieva D. Ts. Vozdeistviyushchii potentsial implikatur v tekste nemetskoi analiticheskoi stat'i // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018, № 11-2 (89), s. 334-338.
5. Irmayansi I. Primenenie algoritma K-Means dlya kartirovaniya potentsiala abiturientov // TeknoIS: Nauchnyi zhurnal po informatsionnym tekhnologiyam i naukam. 2022, № 12(2), s. 139-150.
6. Kachalova N. A. Pragmastilisticheskie sredstva vyrazheniya nameka v politicheskom diskurse (na materiale russkoyazychnoi i nemetskoyazychnoi pressy) // dis. ... k. filol. n. Saratov, 2013. s. 23.
7. Rezunenkov M. F. Narushenie postulatov printsipa kooperatsii v sudebno-protsessual'nom diskurse // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2007, № 39, s. 15.
8. Sitdikova F. B., Sabirova R. N. Vyvod implikatury kak uslovie uspeshnogo akta kommunikatsii // Vestnik VyatGU. 2015, № 10, s. 72-77.
9. Smerchinskaya A. A. Rol' inferentsii implikatur v rechesyslitel'noi deyatel'nosti // Nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2020, № 1, s. 132-136.
10. Somova E. G. Implikatury v reklamnom tekste na radio // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2014, № 4, s. 102-104.
11. Teliya V. N. Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits. M.: Nauka, 1986, s. 95.
12. Tabachnikov Yu. Yu. Khedzhirovanie kak odna iz strategii negativnoi vezhливosti v nemetskoi lingvokul'ture // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2024. № 1. s. 31-40.
13. Khou Tszyan'khua, Khu Chzhigan. Obzor i perspektivy primeneniya programmogo obespecheniya CiteSpace // Sovremennaya informatsiya. 2013, 33(4), s. 99-103.
14. Chen' Yue, Chen' Chaomei i dr. Metodologicheskie funktsii znanstvennoi karty CiteSpace // Issledovaniya nauki. 2015, 33(2), s. 242-253.
15. Bandara W. i dr. Achieving rigor in literature reviews: Insights from qualitative data analysis and tool-support // Communications of the Association for Information

- systems. 2015, T. 37, № 1, s. 8.
16. Gou F., Zhai W., Wang Z. Visualizing the landscape of green gentrification: A bibliometric analysis and future directions // *Land*. 2023, T. 12, № 8, s. 1484.
 17. Hughes V. Sample size and the multivariate kernel density likelihood ratio: how many speakers are enough? // *Speech Communication*. 2017, T. 94, s. 15-29.
 18. Jian M., Jin D., Wu X. Research hotspots and development trends of international learning cycle model: Bibliometric analysis based on CiteSpace // *Heliyon*. 2023, T. 9, № 11.
 19. Li B., Pongtornkulpanich A., Chankoson T. Knowledge Mapping to Understand Corporate Value: Literature Review and Bibliometrics // *Journal of Risk and Financial Management*. 2024, T. 17, № 2, s. 42.
 20. Li W. i dr. Chimeric antigen receptor-natural killer (CAR-NK) cell immunotherapy: A bibliometric analysis from 2004 to 2023 // *Human Vaccines & Immunotherapeutics*. 2024, T. 20, № 1, s. 2415187.
 21. Li M. i dr. Bibliometric analysis of the research on the impact of environmental regulation on green technology innovation based on CiteSpace // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022, T. 19, № 20, s. 13273.
 22. Leech G.N. *Semantics* (2 edn) // Harmondsworth: Penguin. 1981. s. 426.
 23. Lombardi Vallauri, Edoardo, Masia, Viviana. Implicitness impact: Measuring texts // *Journal of Pragmatics*, 2014. s. 161-184.
 24. Tokar Alexander. *Metonymic Euphemisms from a Cognitive Linguistic Point of View*. // düsseldorf university press. 2015, s. 237-264.
 25. Yuan H. i dr. Hot Spot and Development Trend of Adaptive Learning in China Based on CiteSpace Software // *Frontiers in Educational Research*. 2023, T. 6, № 8.
 26. Zhong Y. i dr. Visualization analysis of research hotspots on structural topology optimization based on CiteSpace // *Scientific Reports*. 2023, T. 13, № 1, s. 18166.
 27. Zhu Q. Visual Measurement Analysis of Domestic Data Governance Research based on CiteSpace // *Frontiers in Business, Economics and Management*. 2022, T. 4, № 1, s. 1-5.

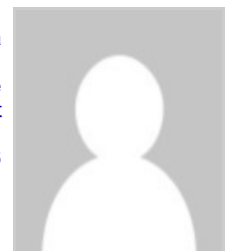
Lexemes THEATER and STAGE in verbal forms of the Russian language

Ermolova Karina Andreevna

Postgraduate student; Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication; State University of Enlightenment

129075, Russia, Moscow, Ostankinsky district, Argunovskaya str., 8, sq. 96

✉ car.ermolowa@yandex.ru

Abstract. The article examines the semantic and structural features of verbal prepositional-case forms with the lexemes THEATRE and STAGE in the Russian language based on the Russian Language National Corpus (the main and newspaper subcorpus). The work evaluates the frequency of verbal prepositional-case forms with the lexemes THEATRE and STAGE, and identifies the most common verbs that are part of the specified language units. The relevance of the article lies in the fact that it is in the paradigm of studying the lexical and semantic compatibility of units of the Russian language. The aim of the paper is to analyze the semantic features of the prepositional-case forms of the lexemes THEATRE and

STAGE in verb combinations based on the Russian Language National Corpus material (the main and newspaper subcorpora), to determine the degree of their stability, as well as the expressive potential of the prepositional-case forms of the mentioned lexemes. As a result, the frequency and structural characteristics of verb prepositional-case forms with the components THEATRE and STAGE were determined, as well as their role in the professional and everyday worldviews of native Russian speakers. The scientific novelty of the paper lies in the fact that it examines the phenomenon of lexical compatibility of the lexemes THEATRE and STAGE in verbal prepositional-case form of the modern Russian language. The focus is on the most frequent models of compatibility. The role of verbal combinations of prepositional-case forms with the lexemes THEATRE and STAGE in the professional and everyday language worldviews is revealed. This aspect reflects the specific features of the lexical system of the Russian language. The paper makes the comprehensive analysis of this phenomenon with reference to lexicographic materials (for example, the dictionary of lexical compatibility), as well as to the National Corpus of the Russian Language and its statistical tools for calculating the largest number of occurrences in the corpus of various verb combinations with the lexemes THEATRE and STAGE. The research methodology includes both methods of linguistic and lexicological analysis, as well as the methods of statistical analysis, and contextual and communicative analysis. Methods of lexicological analysis allow determining the list of verb combinations of prepositional-case forms with the lexemes TEATR and STAGE in the Russian language. When referring to the Russian Language National Corpus, the method of statistical analysis is also applied: the most common verb combinations are identified. Methods of contextual and communicative analysis allow identifying the role of verb combinations of prepositional-case forms with the above mentioned lexemes in everyday and professional worldviews. Furthermore, the methods of contextual and linguostylistic analysis allow determining the expressive potential of prepositional-case forms of the said lexemes.

Keywords: expressive potential, verb combination, prepositional-case form, lexemes of the Russian language, professional worldview, everyday worldview, compatibility of the lexeme THEATRE, verbal prepositional-case forms, compatibility of the lexeme STAGE, lexical compatibility

References (transliterated)

1. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika. M.: Nauka, 1974. 366 s. EDN: PWFJRV.
2. Bondarko A.V. Kategorizatsiya v sisteme grammatiki. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2022. 483 s.
3. Goncharenko I.G. Korpusnye dannye v razrabotke uchebnykh slovarei sochetaemosti // Filologicheskii klass. 2023. T. 28, № 2. S. 55-68. EDN: DWCXSZ.
4. Zagrebina U.S. Vozmozhnosti ispol'zovaniya natsional'nogo korpusa russkogo yazyka v diakhronicheskikh issledovaniyakh leksicheskoi sochetaemosti prilagatel'nykh // Nurgalievskie chteniya-XII. Astana: Master PO, 2023. S. 34-37. EDN: QANXVU.
5. Kobozeva I.M. Lingvisticheskaya semantika. Moskva: LENAND, 2014. 349 s.
6. Kotelova N.Z. Izbrannye raboty. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2021. 275 s.
7. MAS. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.
8. Morkovkin V.V. Opyt ideograficheskogo opisaniya leksiki. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977. 166 s. EDN: VJGWIT.
9. Mukhin M.Yu. Statisticheskie metody v filologii i avtorskaya sochetaemost' slov // Strategicheskie orientiry sovremennogo obrazovaniya. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2020. S. 91-93. DOI: 10.26170/Kso-2020-

117. EDN: HZUCSF.
10. NKRYa. URL: <https://ruscorpora.ru/>.
11. Pankova I.M. K voprosu o leksicheskoi sochetaemosti sushchestvitel'nykh s glagolami (na materiale tekstov lektsii) // Vestnik Yaroslavl'skogo vysshego voennogo uchilishcha protivovozdushnoi oborony. 2023. № 3(22). S. 104-108. EDN: WNQVIE.
12. Russkaya grammatika / pod red. N.Yu. Shvedovoi. T. 2. Sintaksis. Moskva: Nauka, 1980. 709 s.
13. Sekiro O.O. Leksicheskaya sochetaemost' s prilagatel'nym organicheskii v publitsistike I.S. Aksakova: organicheskii porok i organicheskaya fal'sh' // Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya. 2020. № 3. S. 293-303. DOI: 10.30842/26583755202011. EDN: JRRQWG.
14. Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka / pod red. P.N. Denisova, V.V. Morkovkina. M.: Russkii yazyk, 1983. 689 s.
15. Starodubtseva N.A. Spetsifika leksicheskoi sochetaemosti glagolov emotsional'nogo sostoyaniya v regional'noi khudozhestvennoi proze // Nauchnyi dialog. 2020. № 6. S. 162-177. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-162-177. EDN: LLKYIE.

The functioning of the Russian word “century” (vek) in the area of nuclear / peripheral nouns and hybrid structures

Shigurov Viktor Vasil'evich

Doctor of Philology

Professor; Department of Russian Language; National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

✉ shigurov@mail.ru

Shigurova Tat'yana Alekseevna

Doctor of Cultural Studies

Professor; Institute of National Culture; Ogarev National Research Mordovian State University

430010, Russia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

Pulov Evgenii Viktorovich

PhD in Philology

Associate Professor; Faculty of Philology; Ogarev National Research Mordovian State University

430021, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 33, sq. 74

✉ puool@yandex.com

Abstract. The relevance of the work is determined by the growing interest of linguists in the problem of qualitative characterization of utterances and their fragments, as well as the need for further study of the principles of interaction of the lexical and grammatical in the structure of linguistic units involved in speech in various transposition processes, including adverbialization. The purpose of the work is to study the mechanism of gradual transposition of prepositionless forms of the nominative and accusative cases of nouns into the class of adverbs. The focus is on nuclear, peripheral substantive word forms, hybrids that synthesize the features of interacting nouns during stepwise adverbialization. Using the example of the

word form "century", the stages and features of transposition of nouns into the subclass of aspectual-temporal adverbs are considered. The material for the study is contexts from the National Corpus of the Russian Language and the authors' own examples. It was revealed that in the zone of the core of the initial part of speech, the substantive word form "century" concentrates a full set of differential features of nouns. In the peripheral zone, its movement towards adverbs is manifested in the fixation of types of use of morphological forms of case and number, and in the appearance of adverbial semantics, primarily at the level of sentence members. In the sphere of hybrid structures, the word form "century" combines properties of interacting nouns and adverbs in approximately equal proportions. The last stage of the actual grammatical adverbialization of this word form is associated with the peripheral zone of adverbs. The idea of the exit of the word form "century" out of the semantic zone of the original lexeme at the stage of nuclear adverbs is substantiated.

Keywords: periphery, core, transition zone, adverb, noun without preposition, stage, transposition, grammar, Russian language, hybrid

References (transliterated)

1. Babaitseva V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka. M.: Drofa, 2000. 640 s.
2. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1955. 416 s.
3. Bauder A.Ya. Chasti rechi – strukturno-semanticheskie klassy slov v sovremennom russkom yazyke. Tallin: Valgus, 1982. 184 s.
4. Kalechits E.P. Vzaimodeistvie slov v sisteme chastei rechi: (mezhekategorial'nye svyazi). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 160 s.
5. Kravtsov S.M. Konversiya v slovoobrazovanii: uzus i okkazional'nost'. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU, 2016. 170 s.
6. Kubryakova E.S., Kizyukevich A.A. Nekotorye osobennosti protsessa transpozitsii prilagatel'nykh v sushchestvitel'nye so slovoobrazovatel'noi tochki zreniya // Produktivnost', chastotnost' i valentnost' derivatsionnykh modelei. Vladivostok, 1988. S. 52-58.
7. Kurilovich E. Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya // Kurilovich E. Ocherki po lingvistike. M., 1962. S. 57-71.
8. Mel'chuk I. Dve russkie leksemy: VOZ'MI [i Y-ni] i VZYaT' [i Y-nut'] // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2023. № 2. S. 9-25.
9. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya 01.04.2025).
10. Pankov F.I. Opyt funktsional'no-kommunikativnogo analiza russkogo narechiya: na materiale kategorii adverbial'noi temporal'nosti. M.: MAKS Press, 2008. 448 s.
11. Pen'kovskii A.B. Ocherki po russkoi semantike. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 464 s.
12. Slovar' russkogo yazyka : v 4-kh t. / AN SSSR. In-t rus. yaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoi ; 2-e izd. ispr. i dop. M.: Russkii yazyk, 1981. T. 1: A-I. 698 s.
13. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. M.: Progress, 1988. 656 s.
14. Lukin M.F. Perekhod chastei rechi ili ikh substitutsiya? // NDVSh. Filologicheskie nauki. 1982. № 2. S. 78-80.
15. Uryson E.V. Sintaksicheskaya derivatsiya i "naivnaya" kartina mira // Voprosy

- yazykoznaniiya. 1996. № 4. S. 25-38.
16. Filipenko M.V. Semantika narechii i adverbial'nykh vyrazhenii. M.: Azbukovnik, 2003. 304 s.
 17. Tsimmerling A.V. Ot integral'nogo k aspektivnomu. M.: SPb.: Nestor-Istoriya, 2021. 652 s.
 18. Shigurov V.V. Funktsional'no-semanticheskii tip transpozitsii prichastii v predikativy: stupeni, priznaki, predel // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2011. T. 70. № 5. S. 38-48.
 19. Shigurov V.V. Stepeni i predel adverbial'noi transpozitsii sushchestvitel'nykh v russkom yazyke (na materiale obrazovaniia s semantikoi vremeni goda i sutok) // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2024. T. 83. № 3. S. 19-32.
 20. Eichinger L.M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen, 1982. 241 p.
 21. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
 22. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Sorrelative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. T. 97. № 25. S. 177-191.

Political correctness in public speeches of politician and statesman Donald Trump

Zyryanova Irina Petrovna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social-Pedagogical Institute, branch of the Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg)

622030, Russia, Sverdlovsk region, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya str., 57, office 308

✉ zyryanovairena@gmail.com

Abstract. This work is devoted to the study of the category of political correctness, its social and political origin. This issue is of wide interest among domestic and foreign linguists, which determines the relevance of this research area. The object of this work is the category of political correctness, which is understood as a cultural, behavioral and linguistic tendency designed to find new lexical expressions in order to avoid creating conflict and offending the feelings of different social groups. The article analyzes the features of this category in the speeches of the American politician and statesman Donald Trump, published in the American press and personal page of the social network Twitter. To study this phenomenon, the following methods were used: descriptive method, continuous sampling method, classification method, discourse analysis method, method of statistical and typological processing of the data. As a result of the study, the following thematic groups of items were identified: social, gender, professional, political, national, ethical, physical. Each of the presented groups was studied from the viewpoint of the presence of politically correct and incorrect statements. The research material shows that the politician's statements are overwhelmingly unacceptable within the framework of political discourse, but meet the requirements of the main function of political discourse - persuasiveness and seem to be a clear, convincing illustration of his position, which, of course, sets him apart from other US political and government figures. This study makes a certain contribution to the methodology for studying the phenomenon of political correctness. Thus, it is proposed to carry out an analysis based on identifying thematic groups of vocabulary and studying how they are presented from the position of

expressing political correctness.

Keywords: politically correct language, intolerance, speech tolerance, tolerance, USA political discourse, Donald Trump, political leader, political correctness, political discourse, evaluation

References (transliterated)

1. Gumanova Yu. L. Politicheskaya korrektnost' kak sotsiokul'turnyi protsess (na prim. SShA): avtoref dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.04. M., 1999. 24 s.
2. Zimmer D. E. Deutsch und anders – die Sprache im Modernisierungsfieber / D. E. Zimmer. Hamburg, 1998.
3. Ivanova O. F. Evfemisticheskaya leksika angliiskogo yazyka kak otrazhenie tsennostei angloyazychnykh kul'tur: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. M., 2004. 181 s.
4. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M.,: Slovo/SLOVO, 2000.
5. Shlyakhtina E. V. Yazykovoi aspekt politkorrektnosti v angloyazychnoi i russkoi kul'turakh: dis. kand. filolog. nauk: 10.02.19. Yaroslavl', 2009. 213 s.
6. Bondarenko A. V. K voprosu o politkorrektnosti v britanskoi, amerikanskoi i v rossiiskoi presse // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. № 654. S. 20-30.
7. Danchuk O. V. Politkorrektnost': yazykovaya reprezentatsiya sotsial'nykh grupp (na materiale gazety The Guardian) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 10 (153). S. 164-170.
8. D'yachenko I. A. Yazyk politkorrektnosti kak ob'ekt sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy // Yazyk i kul'tura. 2014. № 13. S. 45-50.
9. Ivanova O.F. Politkorrektnost' v Rossii // Vestnik Evrazii. 2002. S. 62-71.
10. Karpukhina T.P., Kuznetsova N.V. Fenomen politkorrektnosti v sovremennom zapadnom politicheskom diskurse: nachalo kontsa novoi liberal'noi ideologii. Khabarovsk, 2018. 226 s.
11. Kaufova I.B., Kaufova L.A. Politkorrektnost' v britanskom politicheskom diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. №10-1 (76). S. 111-114.
12. Kondakova E. A., Printsipalova O. V. Lingvokognitivnaya struktura nemetskogo diskursa o politkorrektnosti: istoriya i sovremennost' // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2021. T. 19. № 2. S. 143-156.
13. Kuznetsova N. V. Sovremennye tendentsii razvitiya politkorrektnosti vo frantsuzskom politicheskom diskurse: gradirovannyi kharakter politkorrektnosti / nepolitkorrektnosti, raznye stepeni ikh proyavleniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2016. № 5. S. 129-134.
14. Lakoff R. T. Verbal'naya agressiya vs. Politkorrektnost' // Zhanry rechi. 2014. № 1-2 (9-10). S. 69-74.
15. Lukavchenko I. M. «Osobennosti mnogoslovnykh evfemizmov v yazyke politkorrektnosti» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2008. № 552. S. 187-192.
16. Maiba V.V. Politicheskaya korrektnost' kak lingvoideologicheskoe yavlenie i ee retseptsiya v russkoi lingvokul'ture. Rostov-na-Donu: RGUPS, 2016. 107 s.
17. Romanova T. V. Tolerantnost' i politkorrektnost': analiticheskii obzor sovremennogo sostoyaniya problemy (lingvisticheskii aspekt) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 39-49.

18. Chigasheva M. A. Gendernaya politkorrektnost' v nemetskom yazyke (na materiale publichnykh vystuplenii politicheskikh deyatelei) // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2020. № 3 (23). S. 72-79.
19. Daniels Anthony. Medical correctness // The New Criterion. January, 2017. Vol. 35. № 5. R. 29.
20. Garcia Laleña. Mirrors and Windows // Black Lives Matter at NYC Schools. 2018. – Rezhim dostupa: <https://blmedu.wordpress.com/2018/01/31/mirrors-and-windows-by-lalena-garcia/>. – (data obrashcheniya: 14 marta 2024).
21. Gibson Caitlin. How 'politically correct' went from compliment to insult // Washington Post. 2016. – Rezhim dostupa: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/how-politically-correct-went-from-compliment-to-insult/2016/01/13/b1cf5918-b61a-11e5-a76a-0b5145e8679a_story.html?utm_term=.19da582509e3 – (data obrashcheniya: 3 marta 2024).
22. Schwartz, H. S.. Political correctness and the destruction of social order. Springer International Publishing AG. 2016.
23. Financial Times. Fifty people who shaped the decade – Rezhim dostupa: <https://on.ft.com/379oWw7>. – (data obrashcheniya: 15 marta 2024).
24. Malik N. If Donald Trump wants civility, why does he trash political correctness? // The Guardian., 2018. – Rezhim dostupa: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jul/01/donald-trump-civility-political-correctness> (data obrashcheniya 20 marta 2024).